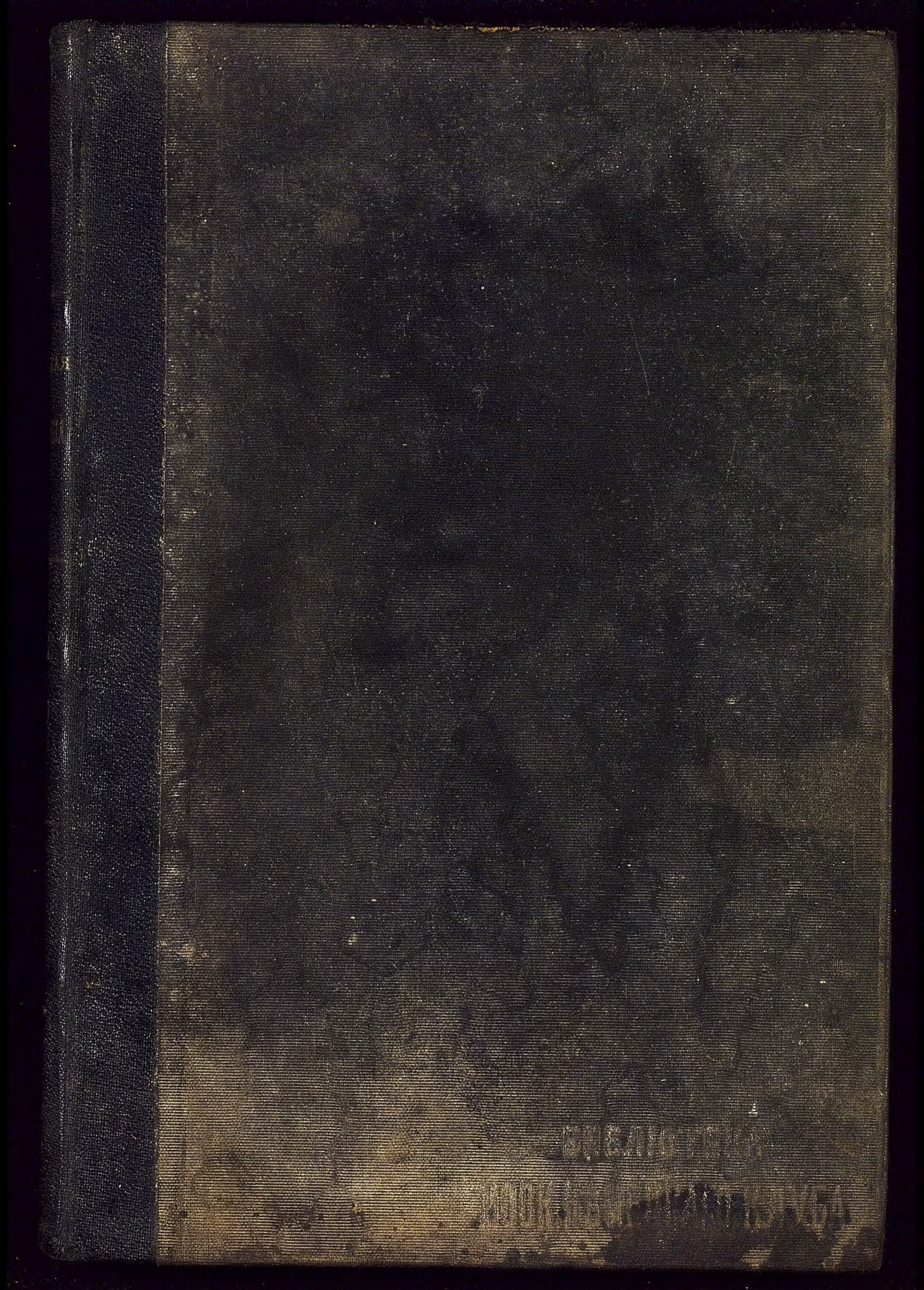
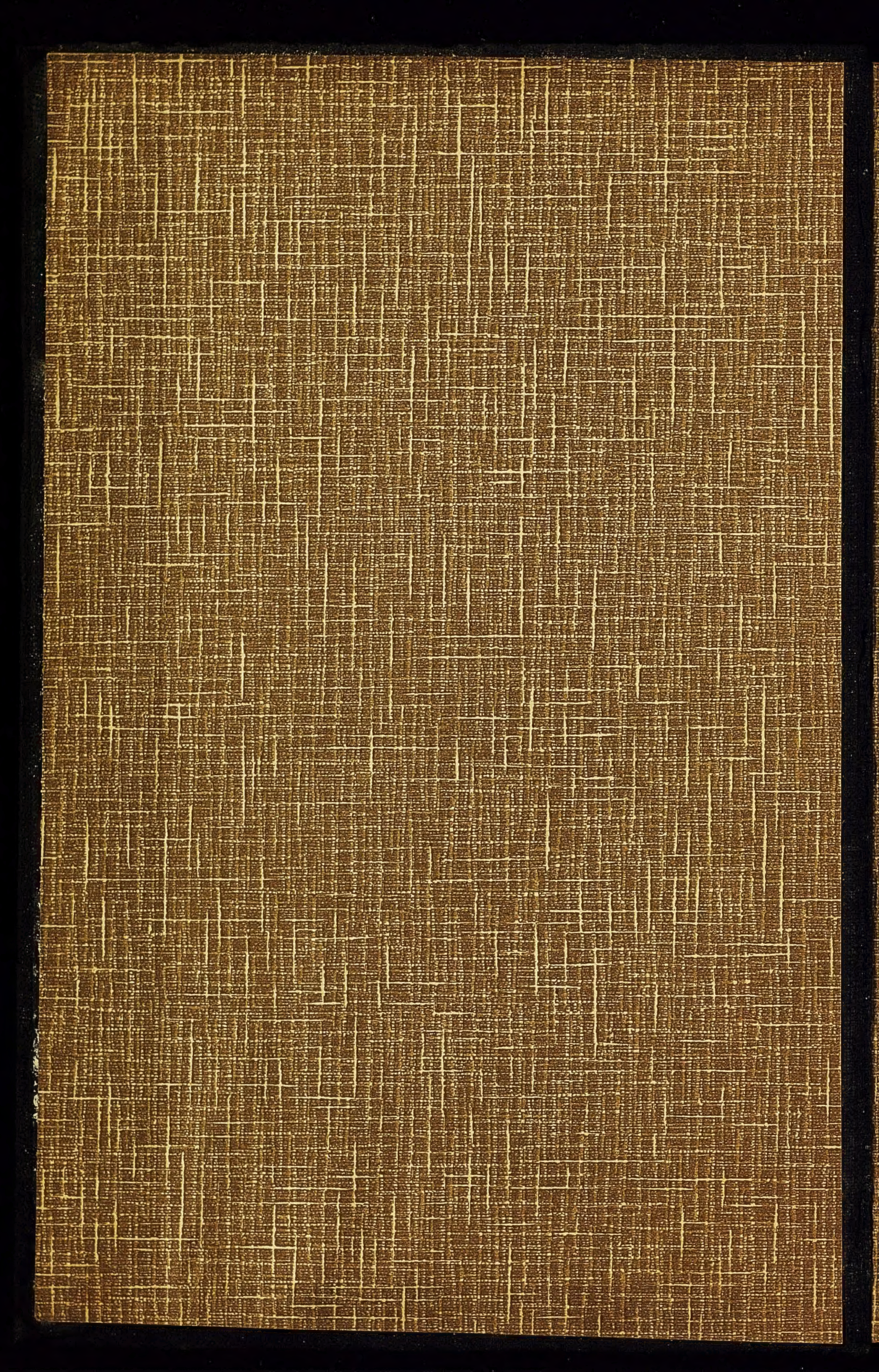
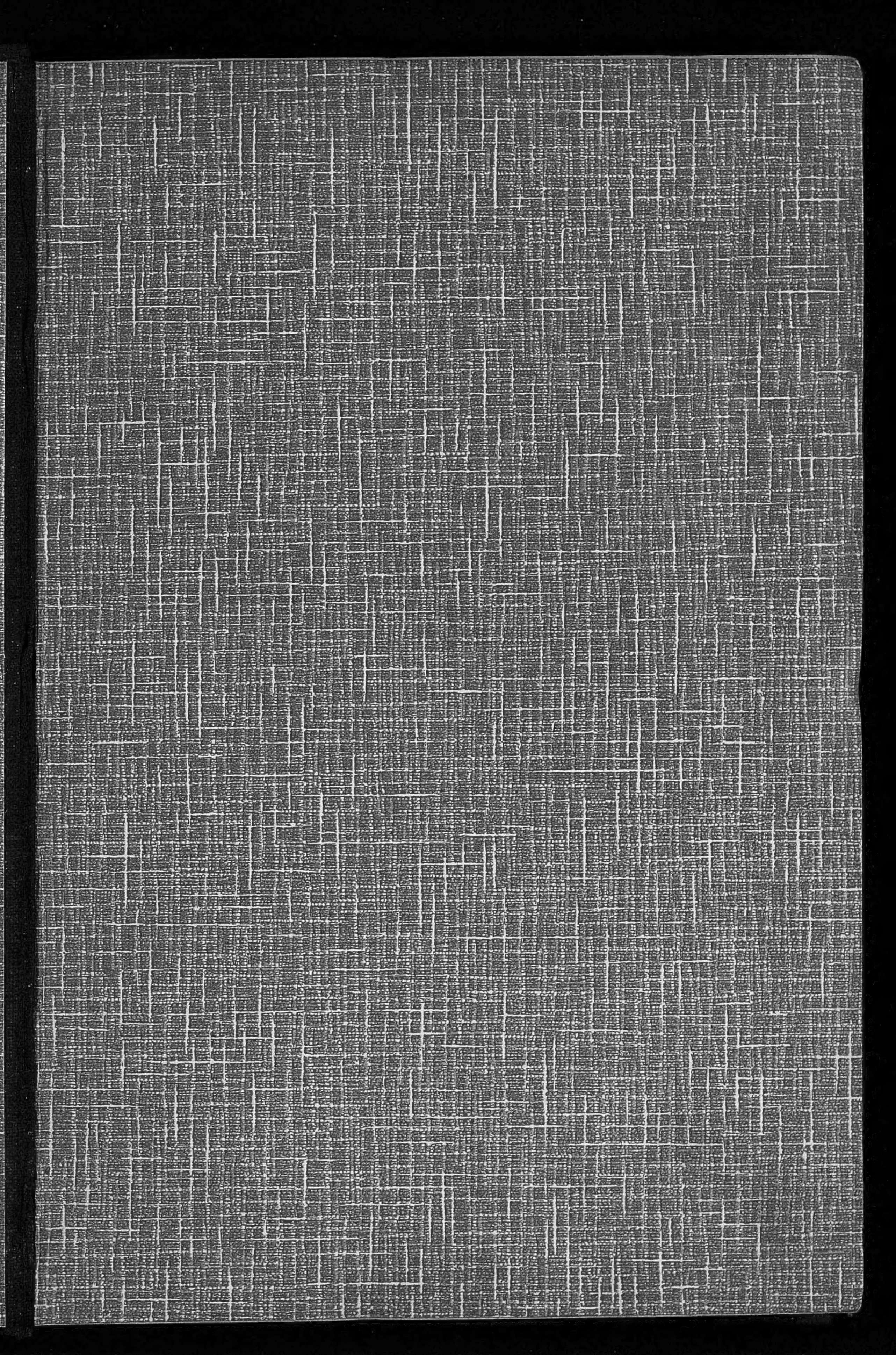

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ДЕКАБРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: 1) рисунокъ **„Переправа Великой арміи через Березину 16 ноября 1812 г.“**; 2) портретъ **Георгія Ивановича Бобрикова**; 3) Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ т.т. 149—152 „Русской Старины“ издан. 1912 года.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ второй. (Д—Л). Спб. 1912.

Въ теченіе одного года появилась уже половина этого прекраснаго изданія (о выходѣ перваго тома мы упоминали въ майской книгѣ). Просматривая этотъ длинный—во второмъ томѣ не меньше пятнадцати тысячъ именъ—списокъ населенія петербургскихъ кладбищъ, часто наталкиваешься на замѣчательныя тѣмъ или инымъ имена. Кто занимается исторіей, тому не разъ понадобится для справокъ это полезное изданіе. Съ каждымъ годомъ исчезаетъ все больше и больше старыхъ могилъ, осѣдаютъ плиты, валятся кресты, и близко время, когда память о многихъ могилахъ сохранится только на страницахъ бумажнаго Некрополя. Почтенный собиратель, В. И. Саитовъ, совершающій по порученію Августѣйшаго издателя эту работу, внимательно вноситъ въ перечень тексты надгробныхъ подписей и приводитъ эпитафіи въ прозѣ и стихахъ. Послѣднія уже давно вышли изъ обычая, а жаль: среди нихъ встрѣчаются трогательные въ своей наивности образцы сердечныхъ и религіозныхъ изліяній; съ неуклюжестью формы въ нихъ часто уживается глубокая искренность скорби и вѣры.

Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. 4-ое исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ ред. проф. **И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.** Въ четырехъ томахъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. СПБ. и М.

Уже давно оцѣнены по достоинству и великая заслуга собирателя живого русскаго слова и редакторская работа внимательнаго и осторожнаго современнаго обновителя Словаря. Въ нѣсколько лѣтъ разошлось третье изданіе монументальнаго труда, теперь появилось четвертое. Значительный спросъ на Словарь Даля надо разсматривать, какъ отрадное культурное и литературное явленіе. Эта книга-сокровищница, по мѣткому выраженію А. А. Котляревскаго, „дѣятельно участвуетъ въ судьбахъ народной образованности, литературы и науки". Въ наше время повальной порчи языка, омертвѣнія и обѣднѣнія литературнаго слова, великій трудъ Даля—драгоцѣнное и неистощимое лѣкарство отъ этого недуга. Словарь Даля необходимъ всякому культурному русскому человѣку, всякому читателю, и первое мѣсто ему—на столѣ русскаго писателя. Къ нему обращаешься не только за справкой, которую и находишь почти всегда. Имъ зачитываешься и, открывъ на любой страницѣ, не можешь не залюбоваться каждый разъ этой насмѣшливой мѣткостью выраженій, гибкостью фразеологіи, всею роскошью и обиліемъ умной народной рѣчи, запечатлѣнной трудомъ великаго лексикографа.

В. Семенниковъ. Литература и книгопечатаніе въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Библіографическіе матеріалы СПБ. 1911. Библіографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. СПБ. 1912. (Оттиски изъ журнала „Русскій Библіофилъ").

Общій обзоръ дѣятельности провинціальныхъ типографій отъ ихъ возникновенія до изданнаго въ 1807 году указа, которымъ было повелѣно завести типографіи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ въ данное время не было, и библіографическіе списки напечатанныхъ въ этотъ періодъ провинціальными типографіями книгъ даютъ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о состояніи русской образованности при Екатеринѣ II, Павлѣ I и въ началѣ царствованія Александра I. Типографіи возникли въ Елисаветградѣ, Астрахани, Калугѣ, Ярославлѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Тобольскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Курскѣ, Перми, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, Вяткѣ, Минскѣ, Симбирскѣ, Черниговѣ, Воронежѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Николаевѣ, Тулѣ, Рязани, Уфѣ, Пензѣ, Казани, Петрозаводскѣ и Псковѣ. Новая, молодая гражданственность, руководимая Екатериной II, вызвала въ русской провинціи, въ связи съ открытіемъ намѣстничествъ и новыхъ губернскихъ учрежденій и оживленіемъ городской жизни, появленіе типографій; книги стали печататься и въ провинціи, гдѣ вообще усилился спросъ на нихъ. Екатерина, дозволившая открывать „вольныя" типографіи, незадолго до своей смерти упразднила ихъ „въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ", частныя лица должны были закрыть свои заведенія, а типографіи, содержавшіяся приказами общественнаго призрѣнія, перешли въ вѣдѣніе губернскихъ правленій. При Павлѣ I дѣятельность провинціальныхъ типографій почти совсѣмъ замерла, а въ началѣ царствованія Александра I были въ провинціи лишь ничтожныя, единичныя попытки печатанія книгъ.

Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Калуга. 1912.

„Театръ въ полураскольничьей Калугѣ въ послѣдней четверти XVIII вѣка, когда его не было въ другихъ болѣе крупныхъ центрахъ!.. Эта затѣя сверху могла быть только во вкусѣ сотрудниковъ блестящаго вѣка Фелицы, когда общественная культурность и облагороженіе нравовъ правоспособной части подданныхъ привлекали пристальное вниманіе центральной власти". Калужскій театръ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, возникъ въ 1777 г.

* БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО
НѢМЕЦКАГО КЛУБА *

Переправа Великой арміи черезъ Березину 16 ноября 1812 года.

Съ картины П. Гесса.

Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году въ историческомъ журналѣ

„РУССКАЯ СТАРИНА".

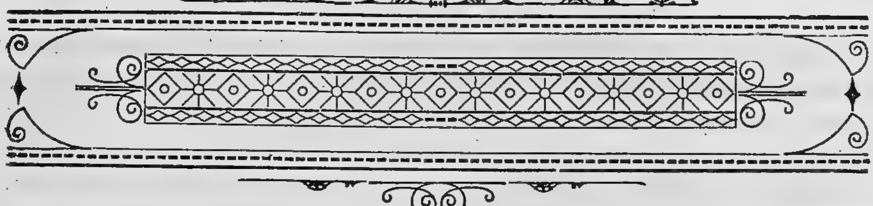
Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія, „Русская Старина" предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **П. Д. Боборыкина. Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича". „1800 годъ". **Н. А. Вилламова.** — Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Случевскаго.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя". **Г. И. Бобрикова.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается войны съ Черногоріей, Сербіей, Черняева, настроенія въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіей Турціи, вспышки мусульманскаго фанатизма и др. **А. Александрова.**—Неизданныя письма Ѳ. М. Достоевскаго. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева"—„за 38 лѣтъ". **Е. Фридерикса.**—Мое знакомство съ семьей Бѣлинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія. **А. А. Половцевой.** — Записки А. А. Половцева (касаются графа Киселева, М. И. Муравьева, Г. А. Валуева и Д. П. Блудова). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя". **П. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „На развѣдку".—„Набѣгъ".—„На призовомъ пароходѣ".—„Въ бою".—„Послѣ боя". **В. Лайминга.**—Женатая рота. **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности". **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павелъ Конюкевичъ, митрополитъ Сибирскій". „Дѣло по прошенію іеромонаха Іосифа". **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: В. К. Плеве, Д. С. Сипягинъ, И. Н. Дурново, Б. А. Шванебахъ, М. Д. Скобелевъ, кн. А. К. Имеретинскій, Ѳ. А. Радецкій, Н. Г. Столѣтовъ, І. В. Гурко, К. В. Левицкій, А. А. Непокойчицкій, А. Р. Дрентельнъ. **Баронесса Елизавета Менгденъ.**—Изъ дневника внучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой". **П. А. Соколова.**—„Межевой". **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. М. И. Муравьевъ, кн. Юр. Голицынъ, кн. Урусовъ и др.). **В. Г. Смородинова.**—Время службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.** — Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма Н. П. Ломакина генералу А. А. Бакулину. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ѳ. М. Ильинскаго.**—Московскій митрополитъ Пронтій. **Изъ бумагъ А. К. Попова.** — Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.** — Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **Сообщ. Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминаніе и переписка **О. А. Новиковой. И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **Г. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова и др.**

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля [1]).

XVII.

Гражданскія дѣла.

Дѣятельность предсѣдателя столичнаго окружнаго суда въ мое время (1878—1881) представляла и, конечно, представляетъ до сихъ поръ много сторонъ, дѣлающихъ ее не только чрезвычайно отвѣтственной, но подъ-часъ и тягостной. Управленіе сложнымъ судебнымъ учрежденіемъ, на *правахъ* „перваго между равными“ среди лицъ судейскаго званія и съ *обязанностями* контроля и надзора за многочисленными подчиненными, служебную работу которыхъ надо направлять и регулировать, обширная переписка съ министерствомъ юстиціи и разными вѣдомствами, пріемъ просителей и т. п. — въ значительной мѣрѣ обращаютъ предсѣдателя въ администратора, при чемъ послѣдній нерѣдко совершенно заслоняетъ въ немъ собою судью. Даже предсѣдательствованіе въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда съ многоразличными вопросами, подлежащими его вѣдѣнію, носитъ, по большинству изъ нихъ, скорѣе распорядительно-дисциплинарный, чѣмъ судебный характеръ. Въ мое время въ Петербургскомъ окружномъ судѣ было семь отдѣленій и въ нихъ семь товарищей предсѣдателя и 20 членовъ,— было 7 секретарей, 27 помощниковъ секретаря и 41 судебный приставъ, не считая состоявшихъ при судѣ судебныхъ слѣдователей,

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

нотаріусовъ и кандидатовъ на судебныя должности. Теперь общее число этихъ лицъ возросло болѣе чѣмъ вдвое, но за то съ предсѣдателя снята тяжкая, чреватая крайними непріятностями, обуза—*касса суда,* которою въ мое время завѣдывали бухгалтеръ и помощникъ секретаря. Оба они получали содержанія не болѣе 1.000 р. въ годъ каждый, а оборотъ кассы выражался въ десяткахъ, а иногда и сотняхъ тысячъ рублей,—и предсѣдателю приходилось, среди массы всякаго другого дѣла, подписывать ассигновки на огромныя суммы. Мой предмѣстникъ—человѣкъ жизнерадостный и довольно беззаботный,—шутя говорилъ мнѣ: „да! касса—это своего рода вулканъ, но я смотрю на это такъ: ассигновки на малыя суммы провѣряю съ документами, а какъ перевалитъ тысячъ за десять, такъ уже и не провѣряю; во-первыхъ некогда, а во-вторыхъ, все равно мнѣ нечѣмъ будемъ заплатить начетъ"... Но я не могъ раздѣлить этого шутливаго взгляда и не разъ тревожился, когда въ „вулканъ" поступали очень большія суммы, какъ, напримѣръ, по разсчетамъ Грегера, Горвица и К° съ военнымъ министерствомъ послѣ Восточной войны. Нынѣ это усложненіе обязанностей и отвѣтственности предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда значительно уменьшилось, такъ какъ въ самомъ судѣ открыто отдѣленіе губернскаго казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ на предсѣдателѣ лежитъ, по моему мнѣнію, нравственная обязанность принимать на себя веденіе дѣлъ, особо-выдающихся по общественному значенію или по сложности возникающихъ въ нихъ юридическихъ вопросовъ. Ему слѣдуетъ принимать по такимъ дѣламъ на себя, предъ лицомъ общества и кассаціоннаго суда, отвѣтственность за правильное, согласное съ закономъ руководительство присяжными. Такъ смотрѣли, принимая на себя предсѣдательство въ разныхъ громкихъ процессахъ, почти всѣ предсѣдатели Петербургскаго окружнаго суда, такъ дѣлалъ и я, совлекая съ себя на время администратора и погружаясь въ болѣе мнѣ свойственную область судейской дѣятельности. По многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, на которыя я указывалъ въ предыдущихъ моихъ „замѣткахъ и воспоминаніяхъ", этотъ своеобразный отдыхъ отъ административной дѣятельности былъ, однако, въ то время, сопряженъ съ тягостными впечатлѣніями и испытаніями, дѣйствовавшими, въ концѣ концовъ, утомляющимъ и раздражающимъ образомъ. Поэтому, когда, въ концѣ четвертаго года пребыванія въ должности предсѣдателя, я получилъ за границею, осенью 1881 года, телеграмму министра юстиціи съ предложеніемъ занять мѣсто предсѣдателя департамента судебной палаты въ Петербургѣ, я охотно согласился на это предложеніе. Постоянная чисто судебная работа, съ очень малымъ кругомъ сотоварищей и подчинен-

ныхъ, поставленная въ строго опредѣленныя рамки разсмотрѣнія вопросовъ о преданіи суду и жалобъ на приговоры первой инстанціи, обѣщала мнѣ то спокойствіе, въ которомъ я очень нуждался.

Но, вернувшись въ Петербургъ, я съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что назначенъ предсѣдателемъ *гражданскаго* департамента судебной палаты. Всю жизнь дотолѣ я занимался уголовной дѣятельностью въ качествѣ прокурора и предсѣдателя уголовнаго суда, писалъ статьи и дѣлалъ доклады въ юридическомъ обществѣ по вопросамъ уголовнаго права и процесса, и только лишь въ Казани, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, давалъ въ окружномъ судѣ заключенія по гражданскимъ дѣламъ. Но дѣла эти были весьма несложны, да и поводы для прокурорскихъ заключеній возникали рѣдко. А тутъ мнѣ предстояло руководить засѣданіемъ и подавать свой голосъ въ столичной аппелляціонной инстанціи по огромнымъ и сложнымъ дѣламъ, въ которыхъ бывали затронуты обширные частные и общественные интересы. При этомъ нѣкоторая способность къ публичной судебной рѣчи и навыкъ къ ней, пріобрѣтенный при произнесеніи обвинительныхъ рѣчей и руководящихъ напутствій присяжнымъ засѣдателямъ, оказывались совершенно излишними, а привычка разбираться въ уликахъ и доказательствахъ должна была быть сведена въ большинствѣ случаевъ къ оцѣнкѣ формальныхъ, предустановленныхъ основаній правильности исковыхъ требованій или возраженій отвѣтчика. Въ смыслѣ знаній и опыта я видѣлъ себя перенесеннымъ на совсѣмъ другую плоскость и сознавалъ, что изъ человѣка привычнаго къ своему, такъ сказать, мастерству мнѣ предстоитъ обратиться въ лучшемъ случаѣ лишь въ прилежнаго ученика. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я сталъ думать объ отставкѣ. Министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, которому я высказалъ свое удивленіе по поводу такого моего назначенія и сомнѣніе въ моей для него пригодности, пытался меня успокоить указаніемъ на существующее во французскихъ судахъ roulement, въ силу котораго члены уголовныхъ отдѣленій переходятъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по заранѣе установленной очереди, въ члены гражданскихъ отдѣленій и наоборотъ. Существованіе такого обычая во Франціи мало меня утѣшало, такъ какъ въ Россіи мнѣ предстояло сдѣлаться не простымъ членомъ коллегіи, а стать въ ея главѣ. Но и выходъ въ отставку представлялъ мало привлекательнаго. Я зналъ, что моя, если можно такъ выразиться, „уголовная репутація" и долгая судебная служба широко откроютъ мнѣ двери адвокатуры, въ которой, въ качествѣ защитника, я, вѣроятно, займу не послѣднее мѣсто. Но я привыкъ быть слугою государства и представителемъ судебной его власти, при томъ мнѣ было 37 лѣтъ, и

переходить на другіе рельсы слѣдовало лишь при неотвратимыхъ обстоятельствахъ. Поэтому я рѣшилъ попробовать оріентироваться въ моемъ новомъ положеніи и постараться путемъ усиленнаго труда возмѣстить себѣ недостатокъ опыта. Въ этомъ отношеніи законъ, предоставляющій лицу, назначенному въ должность судьи, мѣсячный срокъ для вступленія въ нее, не считая поверстнаго, оказался для меня благодѣтельнымъ. При начертаніи этого закона несомнѣнно имѣлось въ виду дать судьѣ время покончить съ мелочными житейскими вопросами своего устройства въ новомъ мѣстѣ и положеніи, чтобы затѣмъ всецѣло отдаться служенію правосудію. Составители Судебныхъ Уставовъ, очевидно, смотрѣли на должность судьи съ возвышенной точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе былъ я, чрезъ много лѣтъ, тягостно изумленъ, когда въ комиссіи статсъ-секретаря Муравьева, Высочайше учрежденной для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, было предложено уничтожить этотъ мѣсячный срокъ, какъ несуществующій въ другихъ вѣдомствахъ, и это предложеніе, приравнивавшее судью къ почтово-телеграфному чиновнику, переводимому съ низшаго оклада на высшій, или къ помощнику столоначальника, милостью начальства возводимому въ санъ столоначальника, было принято, несмотря на мои возраженія, большинствомъ комиссіи. Итакъ, я рѣшилъ воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ и сверхъ того попросилъ себѣ у общаго собранія палаты еще мѣсячный отпускъ.

Эти два мѣсяца я провелъ въ неусыпномъ трудѣ по ознакомленію со взятыми изъ палаты дѣлами, законами, кассаціонными рѣшеніями и юридической литературой по гражданскому праву. Сначала мнѣ казалось, будто бы я, подобно Данту, могу сказать про себя, что „посрединѣ нашей жизни я очутился въ дремучемъ лѣсу, потерявъ прямую дорогу“. Но вскорѣ однако я почувствовалъ, что „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“, и что въ моемъ сознаніи уцѣлѣли всѣ основныя начала и институты римскаго права, которые съ такимъ блескомъ и жизненностью преподавалъ во время моего студенчества въ Московскомъ университетѣ незабвенный Никита Ивановичъ Крыловъ. Я увидѣлъ, что спускъ съ Альпійскихъ вершинъ римскаго права въ долину дѣйствующаго законодательства, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіей русскаго права, не такъ уже труденъ. Просиживая за работой по 15 и 16 часовъ, никого не посѣщая и не принимая, я чрезъ два мѣсяца созналъ себя не только въ извѣстной мѣрѣ подготовленнымъ теоретически, но и вкусившимъ послѣ тревогъ и сомнѣній, возбуждаемыхъ вопросами о вмѣненіи и о соотвѣтствіи карательнаго закона житейской правдѣ, своеобразную прелесть спокойнаго и твердо уста-

новленнаго ученія о договорахъ, о наслѣдованіи, о правѣ собственности. Мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ стало казаться, что ядовитое изреченіе покойнаго А. В. Лохвицкаго о томъ, что въ Россіи *криминалистами* принято считать тѣхъ, кто ничего не понимаетъ въ гражданскомъ правѣ и процессѣ, а *цивилистами* тѣхъ, кто ничего не смыслитъ въ уголовныхъ законахъ—ко мнѣ уже непримѣнимо. Конечно, недоставало опыта, но въ этомъ отношеніи я разсчитывалъ на помощь своихъ товарищей по коллегіи, надѣясь, что они мнѣ укажутъ, какъ разрѣшены путемъ давняго опыта тѣ вопросы, на которые я не находилъ отвѣта ни въ законѣ, ни въ рѣшеніяхъ Сената. Увы! на первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что иные вопросы, которые, казалось, давно должны были быть разрѣшены практикой, оставались открытыми, потому что ихъ постоянно обходили по тѣмъ или другимъ формальнымъ поводамъ. Такимъ былъ, напримѣръ, вопросъ объ отвѣтственности пожизненнаго владѣльца завѣщаннымъ имуществомъ за долги наслѣдодателя. Онъ возникалъ по одному изъ первыхъ дѣлъ, по которому мнѣ приходилось участвовать въ роли предсѣдателя департамента. Товарищи мои колебались и были не прочь услышать чье-либо авторитетное указаніе. Я обратился къ одному изъ тогдашнихъ свѣтилъ нашего судебнаго міра, разсказалъ ему, въ чемъ состоитъ вопросъ, и какія у насъ возникаютъ недоумѣнія. Свѣтило озарило меня благосклонной улыбкой и любезно спросило: „Какъ же вы думаете рѣшить?“— Да вотъ, я хотѣлъ спросить вашего мнѣнія по этому вопросу.— „Знаете, это вопросъ очень сложный, но мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ очень интересно узнать, какъ вы его разрѣшите“, отвѣтило, ласково улыбаясь, свѣтило. Зайдя съ тѣмъ же вопросомъ къ Сергѣю Ивановичу Зарудному, я поставилъ его въ большое затрудненіе. Этотъ выдающійся и въ высшей степени симпатичный и оригинальный юристъ и человѣкъ однако откровенно сознался, что въ послѣдніе годы занимался больше гражданскимъ уложеніемъ итальянскаго королевства, и что такъ какъ тамъ подобнаго постановленія нѣтъ, то какъ поступить въ данномъ случаѣ, онъ не знаетъ. „Надо подумать, очень подумать. Да! но вотъ кто можетъ помочь намъ,—воскликнулъ онъ, увидя входящаго въ кабинетъ К. П. Побѣдоносцева—онъ-то, конечно, знаетъ“. Но знаменитый цивилистъ и мой бывшій профессоръ по Московскому университету, къ великому моему удивленію, сказалъ: „Охота вамъ возиться съ этимъ вопросомъ. Да отрубите ему голову, вотъ и все“. На мои слова, что я и мои товарищи именно боимся по ошибкѣ вмѣсто головы отрубить ноги, Побѣдоносцевъ обѣщалъ подумать и прислать отвѣтъ. Черезъ два дня я получилъ отъ него открытку, на которой было

написано: „Совѣтую посмотрѣть у Даллоза въ „Dictionnaire de jurisprudence générale“. Надо замѣтить, что сборникъ Даллоза состоитъ, кажется, не менѣе какъ изъ ста томовъ, стоитъ болѣе тысячи рублей и поэтому весьма рѣдокъ и мало доступенъ. Я самъ купилъ его послѣ сношеній съ лейпцигскими антикваріями по случаю за девятьсотъ рублей для библіотеки министерства юстиціи. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи долженъ былъ бы находиться на моемъ мѣстѣ провинціальный судебный дѣятель. И такихъ случаевъ было нѣсколько.

Тоже на первыхъ порахъ пришлось встрѣтиться съ вопросами, которые, казалось бы, въ виду существованія новыхъ судовъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, давнымъ-давно должны были быть разрѣшены. Такъ постоянно возникали дѣла о требованіи женою обезпеченія отъ мужа, согласно 106 ст. I части X тома свода законовъ, гласящей, что мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе по состоянію своему и возможности. Несмотря на то, что при толкованіи слова „состояніе“ въ смыслѣ имущественной обезпеченности, слово „возможность“ является недопустимой въ законѣ тавтологіей, точное понятіе о *состояніи* оказалось совершенно неразработаннымъ, и суды обыкновенно задавались вопросомъ лишь о томъ, какъ великъ матеріальный достатокъ мужа, чтобы опредѣлить затѣмъ, какую долю изъ него и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ присудить женѣ. Мнѣ удалось склонить моихъ сотоварищей къ признанію, что подъ словомъ „состояніе“ слѣдуетъ разумѣть *права* состоянія, которыми должна опредѣляться необходимая бытовая обстановка жены, домогающейся обезпеченія отъ мужа. Въ этомъ смыслѣ состоялось у насъ рѣшеніе по дѣлу Трапезниковой, которая домогалась отъ опекунскаго управленія надъ дѣлами и личностью ея умалишеннаго мужа выдачи ей ежегодно $^1/_4$ части всѣхъ доходовъ по соотвѣтствію съ указной частью, утверждая, что если по смерти мужа безъ завѣщанія она имѣетъ право на указную ($^1/_4$) часть изъ его движимаго имущества, то и послѣ его духовной смерти отъ потери разсудка ея право на полученіе обезпеченія „по состоянію и возможности“ мужа должно осуществляться полученіемъ четвертой части доходовъ съ его огромнаго имущества. Мы нашли, что право жены на содержаніе отъ мужа есть право *личное*, а не *имущественное*, и размѣръ этого содержанія—такъ называемыхъ *алиментовъ*—долженъ опредѣляться соображеніемъ имущественной *возможности* для мужа и общественнымъ и сословнымъ *положеніемъ*, которое создано для жены вступленіемъ ея въ бракъ; назначеніе же содержанія какъ $^1/_4$ доли доходовъ съ имущества мужа влекло бы собой право жены контролировать эти доходы, постоянно измѣняя размѣры слѣдующей ей

четвертой доли и требуя отъ мужа отчета въ его дѣлахъ и оборотахъ, что шло бы совершенно въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства, твердо устанавливающаго, въ противуположность западному,—начало полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ. Поэтому, находя, что 6.000 р. ежегоднаго содержанія, предложеннаго опекунскимъ управленіемъ потомственной почетной гражданкѣ, не представляется несоотвѣтствующимъ ея общественному положенію, мы отказали въ искѣ Трапезниковой, и нашъ взглядъ былъ раздѣленъ гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ.

Эту точку зрѣнія на присужденіе алиментовъ приходилось затѣмъ примѣнять не разъ, такъ какъ такихъ дѣлъ было довольно много, при чемъ въ нихъ нерѣдко раскрывались не только мрачныя, но и трагическія стороны жизни супруговъ. Наше брачное право страдаетъ многими недомолвками и неясностями. Юридическій элементъ въ немъ разработанъ слабо, и его замѣняютъ дидактическія и нравоучительныя сентенціи расплывчатаго характера, дающія поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Достаточно сказать, что нашъ законъ вмѣняетъ мужу въ *обязанность* „любить свою жену, какъ собственное тѣло", а жену *обязываетъ* „пребывать къ нему въ любви и неограниченномъ послушаніи и оказывать ему *всякое* угожденіе и привязанность". Установляя расторженіе браковъ исключительно формальнымъ судомъ по одному изъ четырехъ поводовъ для развода, онъ однако *забываетъ* сказать, у кого же изъ разведенныхъ родителей должны оставаться дѣти, такъ какъ личная родительская власть въ силу закона прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, напримѣръ, когда жена, дойдя въ неограниченномъ послушаніи до крайняго предѣла въ оказываніи развратному мужу всякаго угожденія, вынуждена будетъ обратиться къ суду съ жалобой о разводѣ, и эта просьба будетъ уважена, мужъ можетъ сохранить личную власть надъ дѣтьми и не лишиться юридической возможности ее проявлять. Точно также и жена, ведущая распутную жизнь, поступившая „на содержаніе" и позорящая имя мужа своимъ поведеніемъ, даже и въ случаѣ признанія ея виновной въ прелюбодѣяніи и послѣдовавшаго вслѣдствіе этого развода съ мужемъ, можетъ осуществлять свою власть надъ дѣтьми, вліяя на нихъ тлетворнымъ примѣромъ и ядовитыми въ нравственномъ отношеніи внушеніями. За отсутствіемъ какихъ-либо указаній закона на способъ огражденія душевной жизни дѣтей и защиты родительскихъ чувствъ оскорбленнаго супруга—судебная власть оказывается въ подобныхъ случаяхъ совершенно безсильной... Почти такой же характеръ имѣютъ и дѣла

о томъ, кому изъ не живущихъ совмѣстно супруговъ принадлежитъ право оставить при себѣ дѣтей и руководить ихъ воспитаніемъ? И въ этихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія, пререканія и разладъ родителей часто гибельно отражаются на дѣтяхъ, которыхъ, при помощи обмана и насилія, перебрасываютъ изъ рукъ въ руки осыпающіе другъ друга упреками и обвиненіями родители...

Намъ пришлось, напримѣръ, разсматривать дѣло по взаимнымъ жалобамъ статскаго совѣтника С. и его жены, изъ котораго было видно, что между супругами происходили постоянныя пререканія по вопросу о воспитаніи двухъ дочерей десяти и двѣнадцати лѣтъ. Мужъ хотѣлъ ихъ помѣстить въ Смольный и Еленинскій институты, при чемъ, по условіямъ его службы, старшая могла быть принята на казенный счетъ. Жена же его находила, что лучшую карьеру въ смыслѣ успѣха и матеріальнаго обезпеченія составляетъ поступленіе въ балетную труппу, къ которому она и хотѣла подготовить своихъ дочерей сначала дома, а потомъ въ театральномъ училищѣ. Пререканія кончились тѣмъ, что жена, пользуясь служебной отлучкой мужа, уѣхала изъ его квартиры и увезла съ собой дѣтей. На судѣ мужъ требовалъ водворенія дѣтей къ нему обратно для осуществленія своего намѣренія отдать ихъ въ институтъ и тѣмъ избавить ихъ отъ вліянія матери. Свидѣтели, допрошенные по его ссылкѣ, нарисовали весьма непригляднуio картину жизни этихъ дѣтей: неряшливыя, оборванныя и блѣдныя дѣвочки живутъ съ матерью въ двухъ грязно содержимыхъ комнатахъ; тутъ же съ ними, именуясь учителемъ, проживаетъ студентъ, дерзко относящійся къ ихъ матери, постоянно съ нею ругающійся и не имѣющій никакого авторитета у дѣтей, которыя ведутъ праздную и веселую жизнь, интересуясь исключительно балетными танцами. Судебная палата нашла, что раздѣльное жительство супруговъ, чѣмъ бы оно ни было вызвано или обусловлено, не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ по отношенію къ дѣтямъ, въ силу которыхъ жена не освобождается отъ повиновенія волѣ мужа относительно воспитанія дѣтей, если только не докажетъ, что направленіе, даваемое имъ этому воспитанію, несомнѣнно противорѣчитъ требованію закона о томъ, чтобы оно было „добрымъ и честнымъ“ (ст. 172 и 173, I ч. X т.) и можетъ, поэтому, гибельно отразиться на ихъ нравственности. Поэтому, рѣшеніемъ своимъ она обязала госпожу С. возвратить своихъ дочерей ихъ отцу для помѣщенія въ соотвѣтственное учебное заведеніе. Это дѣло было однимъ изъ рѣдкихъ подобнаго рода, въ которыхъ исполнительный листъ дѣйствительно осуществленъ на дѣлѣ, и дѣти водворены для дальнѣйшаго образованія въ Смольномъ институтѣ

въ присутствіи родителей, повѣреннаго истца, судебнаго пристава и начальницы института, расписавшейся на журналѣ пристава въ принятіи дѣтей.

Въ дѣлахъ объ истребованіи женою средствъ на пропитаніе и содержаніе палата выработала себѣ за мое время опредѣленный взглядъ, нашедшій себѣ поддержку и въ рѣшеніяхъ Сената. Согласно этому взгляду, удовлетвореніе требованія алиментовъ можетъ воспослѣдовать лишь въ случаѣ признанія, что совмѣстная жизнь супруговъ не осуществляется по винѣ отвѣтчика. По условіямъ семейной жизни вина этого рода можетъ выражаться не только въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены и оскорбленіяхъ ея чести, но въ установленіи такихъ внутреннихъ семейныхъ отношеній и такой обстановки домашняго быта, при которыхъ продолженіе совмѣстной жизни дѣлается невыносимымъ, будучи соединено съ оскорбленіемъ нравственнаго чувства жены и проявленіями супружеской власти мужа, чуждыми указаннымъ въ законѣ чувствамъ любви и снисхожденія. Наличность этой вины, дѣлающей совмѣстное пребываніе съ мужемъ *физически или нравственно* невозможнымъ, даетъ право признать мужа уклоняющимся отъ совмѣстнаго жительства съ женою. При этомъ, для освобожденія его отъ обязанности выдавать женѣ содержаніе, недостаточно простого съ его стороны заявленія о согласіи принять жену въ домъ обратно, такъ какъ въ такомъ заявленіи не содержится еще никакихъ указаній на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются и всѣ условія, повліявшія на разлуку супруговъ и вынудившія ее. Одно заявленіе желанія о возвращеніи жены къ супружескому очагу, не будучи соединено ни съ какими гарантіями и не лишающее мужа возможности сохранить ей прежнюю обстановку жизни и даже, быть можетъ, пріуготовить худшую—являлось бы слишкомъ легкимъ средствомъ для прекращенія всякихъ исковыхъ домогательствъ жены и, уничтожая, въ каждый данный моментъ, производство дѣла, обрекало бы жену на новое несеніе тягостныхъ условій, картина коихъ такъ часто развертывается предъ судомъ—или же на нищету, въ случаѣ невозможности примириться съ этими условіями цѣною матеріально обезпеченнаго супружескаго крова! Поэтому, одного выраженія мужемъ желанія взять жену обратно недостаточно для отказа ей въ искѣ о содержаніи, если изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что условія совмѣстной жизни съ супругомъ давали ей основаніе къ удаленію изъ супружескаго помѣщенія, и если, при томъ, отвѣтчикомъ ничѣмъ не доказано желанія и готовности устранить, на будущее время, эти условія.

Между этими дѣлами было одно, при воспоминаніи о которомъ

я не могу удержаться отъ улыбки. Предъ судебной палатой предсталъ канцелярскій чиновникъ капитула орденовъ, женѣ котораго были присуждены съ него алименты по 8 рублей въ мѣсяцъ. Жалуясь на это рѣшеніе, онъ объяснялъ въ своемъ отзывѣ: „Жена моя, проживъ со мной почти полвѣка, на старости лѣтъ вздумала заниматься своевольствомъ и жить въ свое удовольствіе, почему никакого права на полученіе отъ меня содержанія не имѣетъ". Маленькій, сѣдой, съ краснымъ носомъ и слезящимися глазами, онъ повторилъ то же самое и въ судебномъ засѣданіи, упирая особенно на жизнь жены „въ свое удовольствіе". Жена, чрезвычайно худая, безкровная сѣдая женщина, очень бѣдно одѣтая, возражала на его заявленія и, наконецъ, расплакавшись, сказала намъ: „вѣрьте Богу, господа судьи, ничего этого не было и никакимъ своевольствомъ я не занималась, а только, дѣйствительно, прожилъ онъ со мною полстолѣтія, да и сталъ амурничать съ кухаркой и чѣмъ больше онъ амурничаетъ, тѣмъ она больше мнѣ дерзитъ: совсѣмъ меня въ грошъ не ставитъ. Разъ я ушла вечеромъ къ старымъ знакомымъ, „душу отвести", возвращаюсь поздно вечеромъ, а кухарка мнѣ отворила дверь да и говоритъ: „вамъ здѣсь больше быть не полагается", да передъ носомъ дверь и захлопнула. Сколько я ни звонила—не отпираютъ. Такъ всю ночь на лѣстницѣ, на подоконникѣ и просидѣла... Утромъ вышелъ онъ на службу и на меня даже и не взглянулъ, а кухарка выбросила мнѣ узелъ съ моимъ платьемъ, бѣльемъ и образомъ и снова дверь заперла. Такъ вотъ какое мое *своевольство*! И нанимаю я теперь уголъ на Пескахъ, у маляровъ, а уголъ сырой, и у меня теперь во всѣхъ членахъ ревматизмъ. Вотъ и все мое *удовольствіе*".—Не желаете ли вы взять вашу супругу къ себѣ въ совмѣстное жительство?—спросилъ я супруга.—„Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ тотъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства:—вы сами изволили слышать: какъ же я ее послѣ *этого* возьму?" Мы присудили ей по 12 рублей въ мѣсяцъ и приступили къ слушанію другихъ дѣлъ. Она не ушла и осталась до конца засѣданія, т. е. до девяти часовъ вечера. Въ слѣдующее засѣданіе она пришла опять и, въ опустѣвшемъ послѣ трехъ часовъ залѣ, просидѣла до конца; въ слѣдующее засѣданіе повторялось то же самое. Ея одинокое присутствіе насъ чрезвычайно стѣсняло, такъ какъ вынуждало, несмотря на отсутствіе сторонъ и публики, продѣлывать всѣ формальности публичнаго засѣданія вмѣсто разсмотрѣнія дѣла въ совѣщательной комнатѣ. Я поручилъ судебному приставу спросить ее о причинахъ ея явки въ засѣданіе. „А причина та,—сказала она приставу,—что я очень довольна рѣшеніемъ, и хочется мнѣ на справедливыхъ судей насмотрѣться". — „Объясните ей, сказалъ я приставу, что она насъ

очень стѣсняетъ, да и мужъ, пожалуй, станетъ снова ее обвинять, что она живетъ въ свое удовольствіе".

Къ дѣламъ, въ которыхъ суду невольно приходится заглядывать въ нѣдра чужой семейной жизни, относились и дѣла о законности рожденія. И тутъ нашъ законъ, особливо въ то время, о которомъ я пишу, представлялъ обширное поле для возникновенія спорныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ положительнымъ образомъ. Излишне говорить, какую благопріятную почву создавала эта неясность съ одной стороны для введенія въ законную семью, путемъ разныхъ обмановъ и ухищреній, дѣтей, въ появленіи которыхъ на свѣтъ менѣе всего былъ виновенъ законный супругъ, а съ другой стороны къ мстительнымъ выходкамъ считающаго себя обманутымъ мужа, сопровождаемымъ подчасъ весьма грязными подробностями альковной жизни. Сердце невольно сжималось при мысли о бѣдныхъ дѣтяхъ, являвшихся неповинной жертвой въ этомъ столкновеніи уязвленныхъ самолюбій, поруганнаго довѣрія и безоглядныхъ увлеченій страстью. Иногда, при особо-сложившихся обстоятельствахъ, жертвою являлось и третье лицо, въ душевную жизнь котораго вторгалось отчаяніе. Мнѣ вспоминается по этому поводу одинъ характерный случай, связанный съ вопросомъ объ усыновленіи. Служебныя отношенія вызвали мое знакомство съ начальникомъ одной изъ частей столичнаго гражданскаго управленія—старымъ холостякомъ—человѣкомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Мы встрѣчались очень дружелюбно, но, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени бывать другъ у друга. Но однажды онъ пришелъ ко мнѣ, заявилъ настойчивое желаніе меня видѣть, сѣлъ въ кресло, низко опустилъ свою сѣдѣющую голову, съ видомъ безнадежнаго унынія закрылъ свои добрые, воспаленные отъ безсонницы глаза... На мой тревожный вопросъ, что съ нимъ,—онъ, волнуясь и глотая слезы, сказалъ мнѣ слѣдующее: „вы видите предъ собою человѣка, вся жизнь котораго, не нынче—завтра можетъ быть разбита. У меня былъ пріятель—товарищъ моей молодости. У него служилъ лакеемъ человѣкъ дерзкій и нечистый на руку. Однажды, когда эти его свойства проявились въ особенно очевидной и рѣзкой формѣ, мой пріятель потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отказалъ ему отъ мѣста. Черезъ нѣсколько дней разсчитанный слуга явился съ заявленіемъ, что поѣдетъ искать счастья „въ провинцію" и съ мольбою взять временно вмѣсто него въ услуженіе его жену, такъ какъ ѣхать вдвоемъ на неизвѣстность будетъ слишкомъ „накладно". Эта просьба была исполнена, и у моего пріятеля поселилась молодая, скромная и услужливая хорошенькая женщина. Мужъ ея не возвращался и

не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, Такъ прошло почти три года... Но „врагъ силенъ“, и на четвертый годъ у нея родилась дочь, которую она, по требованію моего пріятеля, отдала въ воспитательный домъ. Однако, материнское чувство проснулось въ ней съ такою силой, что она стала тосковать и чахнуть безъ ребенка и, наконецъ, въ виду ея слезъ и горя, ей было разрѣшено взять ребенка назадъ. Но скоротечная чахотка уже подтачивала ея силы, и вскорѣ она умерла. Дѣвочка осталась у моего пріятеля—своего отца—и оказалась прелестнымъ, живымъ и умнымъ ребенкомъ, особенно полюбившимъ меня. „Дядя Вася! Дядя Вася!“ кричала она, хлопая рученками, когда я приходилъ, лѣзла ко мнѣ на колѣна, цѣловала меня и обнимала и, наконецъ, при моей помощи, усаживалась ко мнѣ на плечо, и я, къ великому ея восторгу, начиналъ ее „возить“ по комнатамъ. Я очень полюбилъ маленькую Катю, носилъ ей игрушки и лакомства и часто ловилъ себя на томъ, что иду къ пріятелю не для него, а ради чистыхъ дѣтскихъ ласкъ и невиннаго взора ясныхъ голубыхъ глазокъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ разстроенный и повѣдалъ, что рѣшилъ жениться, сдѣлавъ предложеніе свѣтской дѣвушкѣ, которая и приняла таковое, но, узнавъ отъ него о существованіи маленькой Кати, рѣшительно объявила ему, что ея нога не переступитъ его порога до тѣхъ поръ, покуда онъ не разстанется безповоротно и на всегда съ этимъ ребенкомъ. „День нашей свадьбы намѣченъ,—сказалъ онъ,—распоряженія о приданомъ сдѣланы, и несостоявшійся бракъ нашъ произведетъ цѣлый скандалъ. Да, при томъ, я люблю мою невѣсту, несмотря на черствость этого ея требованія. Ты любишь Катю, а она къ тебѣ привязана, какъ къ родному отцу. Возьми ее къ себѣ, облегчи меня!“ Я не заставилъ повторять себѣ это предложеніе и съ радостью водворилъ у себя Катю, которой уже было четыре года. Она вскорѣ освоилась съ новой обстановкой и внесла въ мою унылую холостую квартиру жизнь, тепло и свѣтъ. Я тутъ узналъ, какое это счастье о комъ-нибудь заботиться не во исполненіе поставленнаго себѣ долга, а по горячей привязанности,—узналъ, какое невыразимое наслажденіе испытываешь, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ ума и сердца ребенка. Я водилъ ее гулять, сидѣлъ у ея постельки, когда она засыпала, умиралъ душевно и воскресалъ, слѣдя за ходомъ ея дѣтскихъ болѣзней, и нетерпѣливо работалъ въ своемъ присутствіи, подбодряя себя мыслью, что вотъ—вотъ служебные часы окончатся, и я снова услышу топотъ ея маленькихъ ножекъ, радостный смѣхъ и восклицаніе: „папа! ахъ, папа!“ Да! она незамѣтно перешла отъ „дяди“ къ „папѣ“. Мужъ ея матери пропалъ безъ вѣсти, какъ въ воду канулъ. Между тѣмъ, былъ обнародованъ новый поря-

докъ усыновленія, и я, конечно, поспѣшилъ удочерить Катю, а, затѣмъ, когда она подросла, отдалъ ее въ институтъ. Я жилъ только ею и для нея... Съ понедѣльника до четверга и съ пятницы до воскресенья для меня тянулись сѣрые, безцвѣтные дни. Но за то въ четвергъ и въ воскресенье я уже съ утра съ волненіемъ ждалъ часа, когда я могу явиться въ институтъ для свиданія съ моей ненаглядной. Во время праздничныхъ и лѣтнихъ вакацій мы съ ней путешествовали, и такъ постепенно изъ нея выработалась очаровательная дѣвушка. Ей осталось пребывать въ институтѣ годъ. Но вотъ—недѣли двѣ тому назадъ мнѣ сказали, что на кухню пришелъ неизвѣстный человѣкъ и настойчиво желаетъ меня видѣть по дѣлу. Грязно одѣтый, съ опухшимъ лицомъ и легкимъ запахомъ спирта, незнакомецъ нагло спросилъ меня: „не узнаете-съ?“ — Нѣтъ! — „Лакей вашего пріятеля, можетъ, изволите вспомнить?“—Ахъ, это вы?!. Гдѣ же вы были болѣе двадцати лѣтъ? — „Я-то-съ?! Вы спросите, гдѣ я не былъ! И въ Симферополѣ былъ, и въ Курскѣ пожарнымъ состоялъ, и въ Ташкентѣ при клубѣ служилъ, и съ острогомъ знакомство получилъ. А нынѣ вотъ прибылъ въ столицу“.—Какое же у васъ ко мнѣ дѣло?—У меня-то-съ? Да вотъ на счетъ моей дочки.—Какой дочери?!—А вотъ этой самой, что вы воспитываете. Я это все доподлинно узналъ и очень васъ благодарствую за попеченіе объ ней. А теперь желаю ее видѣть, такъ какъ я—родитель.—Какой же вы родитель?—сказалъ я ему, уведя его въ кабинетъ,—вѣдь, дѣвочка родилась почти черезъ четыре года послѣ того, какъ вы скрылись изъ Петербурга.—Да, это—точно, что супруга моя забыла, что въ законѣ должна жить, и вела себя—извините—распутно, да только я ее—покойницу—прощаю и поминать стараго не желаю, а дочка—моя по всѣмъ правамъ. Она, вѣдь, и записана была въ метрикѣ, какъ рожденная женой кронштадтскаго мѣщанина, состоящей въ законномъ бракѣ и фамилію мою должна носить. Такъ тому, значитъ, и быть!. А я покойницу прощаю!“,—вновь повторилъ онъ мнѣ, нагло смотря мнѣ въ лицо.—Она мной удочерена,—отвѣтилъ я—и нынѣ считается дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника и носитъ *мою* фамилію.—Да, это точно, что вы все это изволили исхлопотать, а только, вѣдь, для усыновленія нужно согласіе родителей, а вы меня, осмѣлюсь спросить, о моемъ согласіи спрашивали? Да я бы его и не далъ, потому что послѣ моей горемычной жизни очень мнѣ лестно дочку имѣть, которая мою старость покоить будетъ.—Да вы съ ума сошли?! Между нею и вами ничего нѣтъ общаго!—„Ну, это уже судъ разсудитъ промежь насъ. Я, хотя человѣкъ и необразованный, но понятіе о себѣ тоже имѣю, да и повѣренный у меня есть человѣкъ знающій и дѣло мое по-

ведетъ, что какъ, значитъ, мою дочь удочерили безъ моего согласія. Ну, да это еще потомъ видно будетъ, а теперь, ваше превосходительство, дозвольте узнать, гдѣ находится моя дочь: у васъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ? Очень желаю ей объявиться и разговоръ съ ней имѣть по-родительски. Впрочемъ, коли для васъ это безпокойно—вонъ вы какъ въ лицѣ изволили перемѣниться—такъ вы сейчасъ не безпокойтесь: я и черезъ недѣльку могу зайти. Только занятій-то я себѣ не могу найти, покуда еще не знаю, какъ съ дочкой намъ быть; проживаешься очень въ Петербургѣ. Можетъ, вы, какъ благодѣтель моей дочери, и мнѣ малость поможете"... Я далъ этому мерзавцу денегъ, но вчера онъ пришелъ опять и уже прямо требуетъ денегъ и грозитъ предъявить искъ, употребляя разныя техническія выраженія, изъ которыхъ я вижу, что за нимъ стоитъ какой-нибудь кляузникъ и что этимъ вымогательствамъ не будетъ конца. Вѣдь не могу же я допустить, чтобы этотъ грязный и полупьяный бродяга пришелъ въ институтъ и полѣзъ съ объятіями къ моей чистой дѣвочкѣ, считающей себя моей дочерью. Вы только представьте себѣ ея испугъ и отвращеніе! Вы представьте, что произойдетъ въ ея душѣ! Ахъ, я этого не перенесу! Я, кажется, съ ума сойду!"..—И онъ всплеснулъ руками и горько заплакалъ. „А знаешь ты, что значитъ—когда мужчина плачетъ?", спрашиваетъ Лермонтовъ.

Если семейныя дѣла приподняли для насъ во многихъ случаяхъ завѣсу наружнаго мира и согласія въ семьѣ, за которой часто таились жестокость и насиліе, надругательство и бездушіе, то съ другой стороны дѣла о наслѣдствахъ нерѣдко являли собою картину человѣческаго легкомыслія, непредусмотрительности и даже прямой глупости. Къ нимъ прежде всего относились тѣ случаи, когда на-лицо вовсе не было завѣщательныхъ распоряженій и наслѣдниками являлись отдаленные, часто завѣщателю лично совершенно незнакомые родственники, выползавшіе изъ какой-нибудь провинціальной глуши и предъявлявшіе свои права въ то время, когда послѣ покойнаго оставались внѣбрачныя дѣти и ихъ мать, отдавшая ему всю жизнь и подчасъ свое доброе имя и стоявшая по отношенію къ нему въ положеніи супруги, лишь по какимъ-нибудь случайнымъ или неотвратимымъ причинамъ не могшей освятить свой союзъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Такая женщина и ея дѣти или другіе близкіе къ покойному люди, представлявшіе его истинное душевное родство—ту Wahlverwandschaft, такъ ярко обрисованное Гёте—оказывались безъ куска хлѣба, сразу лишенными привычной обстановки и средствъ на образованіе и воспитаніе въ пользу отдаленныхъ законныхъ наслѣдниковъ, „томимыхъ стяжанья лихорадкой".

По одному изъ такихъ дѣлъ ко мнѣ, какъ предсѣдателю департамента палаты, съ просьбой о скорѣйшемъ назначеніи его къ слушанію, явилась раскрашенная дама, съ ухватками „жертвы общественнаго темперамента“ высшаго полета и нестерпимымъ запахомъ духовъ, развязно заявившая мнѣ, что она совсѣмъ не знаетъ того, кому она наслѣдуетъ, и лишь слышала о немъ, что онъ жилъ съ какой-то женщиной и имѣетъ отъ нея четырехъ дѣтей. „Придется, сказала она съ наглой усмѣшкой, отвалить имъ сотняжки три на бѣдность“. Настоящая „meretrix gaudens“ надъ „flens Matrona“. И происходило все это отъ легкомысленнаго откладыванія составленія завѣщанія и нежеланія утруждать себя скучнымъ вопросомъ о его писаніи, приглашеніемъ свидѣтелей или путешествіемъ къ нотаріусу. „Завтра... успѣю“..., говорится обыкновенно въ этихъ случаяхъ въ забвеніи, что смерть приходитъ, „яко тать въ нощи“,—или въ томъ состояніи тупоумнаго самодовольства, которое такъ прекрасно обрисовано Толстымъ въ „Смерти Ивана Ильича“, въ разсужденіяхъ пріѣхавшихъ на панихиду, что *это* могло случиться только съ Иваномъ Ильичемъ. Затѣмъ здѣсь часто играетъ роковую роль суевѣрная боязнь составить завѣщаніе, за которымъ будто бы, обыкновенно, слѣдуетъ кончина. Это эгоистическое малодушіе бываетъ причиной горькихъ слезъ и невольныхъ упрековъ, обращенныхъ къ памяти покойнаго. Замѣчательно, что эта суевѣрная боязнь существуетъ и у людей, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи. Не вѣруя, какъ выражается былина о Васькѣ Буслаевѣ, „ни въ сонъ, ни въ чохъ, ни въ птичій грай“, и заявляя объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторыя изъ этихъ лицъ втайнѣ думаютъ, что смерть только и ждетъ того момента, когда они „разсудятъ за благо изъявить свою послѣднюю волю“... Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ не разъ говаривалъ: „Я понимаю, что можно *умереть* безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно *жить* безъ завѣщанія“. Наконецъ, третьей причиной обездоленія дѣйствительно близкихъ людей является наклонность многихъ, даже составляющихъ завѣщаніе, хранить это въ строжайшемъ секретѣ, даже отъ тѣхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, которые, въ качествѣ юристовъ, могли бы дать добрый совѣтъ относительно формы и существенныхъ условій завѣщанія. Отсюда нарушеніе безусловныхъ требованій закона въ изложеніи завѣщанія, отсутствіе необходимыхъ оговорокъ или недостаточное число свидѣтелей, или приглашеніе въ свидѣтели тѣхъ лицъ, которымъ завѣщается имущество, или несогласное съ закономъ распоряженіе этимъ имуществомъ, или, наконецъ, воспрещенная закономъ *субституція*, т. е. обязаніе наслѣдника въ свою очередь назначить наслѣдниками по тому же имуществу указанныхъ

завѣщателемъ лицъ. Многіе не знаютъ, что можно одно и то же имущество оставить въ собственность одному лицу и въ пожизненное владѣніе другому, и вмѣсто такого вполнѣ законнаго распоряженія оставляютъ имущество въ собственность, обязывая собственника въ свою очередь завѣщать это имущество опредѣленному лицу, т. е. установляютъ субституцію, противорѣчащую самой идеѣ однократнаго перехода наслѣдственнаго имущества и потому недопустимаго. Очень часто такія завѣщанія, бѣглый просмотръ которыхъ свѣдущимъ лицомъ устранилъ бы всѣ эти недостатки, бываютъ наполнены разными лирическими отступленіями или заявленіями и наставленіями, совершенно неумѣстными въ строгомъ и точномъ актѣ изъявленія послѣдней воли. Мнѣ приходилось видѣть завѣщанія съ длинными объясненіями, почему отъ наслѣдства устраняются ближайшіе по закону родственники, наполненными упреками, укорами и сведеніемъ разныхъ личныхъ счетовъ; и завѣщанія, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ въ средину своихъ имущественныхъ распоряженій вставлялъ покаяніе предъ оставшимся въ живыхъ супругомъ въ томъ, что былъ ему не вѣренъ, объясняя это разными моральными и физіологическими основаніями. Практика кассаціоннаго суда въ мое время очень, чтобы не сказать чрезмѣрно, строго относилась къ соблюденію всѣхъ формальностей въ текстѣ и внѣшнемъ видѣ завѣщанія и часто приходилось предвидѣть, что „послѣдняя воля", неумѣло выраженная или облеченная въ произвольную форму, можетъ оказаться безсильной противъ наслѣдованія по закону, котораго именно и не желаетъ завѣщатель. Я уже не говорю объ отсутствіи точности въ именованіи наслѣдниковъ или различныхъ учрежденій, о которыхъ приходится догадываться. Однимъ изъ выдающихся примѣровъ такого рода неточности служитъ завѣщаніе вдовы заслуженнаго сенатора, оставившей крупный капиталъ „юридическому обществу" (въ Россіи таковыхъ двѣнадцать!) для выдачи изъ % съ него недостаточнымъ дочерямъ лицъ судебнаго вѣдомства приданаго при выходѣ ихъ замужъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣлось „Благотворительное общество судебнаго вѣдомства", которое въ концѣ въ концовъ и получило этотъ капиталъ въ свое распоряженіе.

По закону наслѣдникамъ по завѣщанію предоставляется право отказаться отъ наслѣдства. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ отказъ долженъ дѣлаться во множествѣ случаевъ совершенно гадательно. Въ Западной Европѣ и въ особенности во Франціи существуетъ возможность по особымъ книгамъ и записямъ въ точности опредѣлить размѣръ долговъ умершаго и сообразно съ этимъ видѣть, на сколько выгодно получить завѣщанное имъ имущество, потому что, наслѣд-

никъ, принявшій завѣщанное имущество, обязанъ отвѣчать за долги наслѣдодателя. Эта обязанность существуетъ и у насъ. Но, рядомъ съ нею, нѣтъ никакой законной возможности удостовѣриться въ числѣ, родѣ и размѣрѣ долговъ наслѣдодателя, почему приходится принимать наслѣдство, слѣпо довѣряя, что съ нимъ не связанъ иногда очень большой матеріальный ущербъ вслѣдствіе скрытности умершаго или тайны, въ которую онъ облекалъ свои денежныя сдѣлки. Мнѣ вспоминается дѣло потомковъ одного маркиза, занимавшаго очень видное мѣсто въ русской службѣ и даже, какъ говоритъ преданіе, давшаго своеобразное названіе прилегающей къ Петербургу части Финскаго залива. Одинъ изъ ближайшихъ его потомковъ оставилъ малолѣтнихъ дѣтей, надъ которыми учреждена была обычная у насъ, столь часто небрежная, опека. Она приняла завѣщанное недвижимое имущество, а затѣмъ, когда дѣти достигли совершеннаго возраста, на нихъ, торопясь не пропустить десятилѣтней давности, набросились притаившіеся кредиторы покойнаго и не только отобрали у нихъ небольшое имущество, которое имъ досталось, но, предъявивъ исполнительные листы по мѣсту ихъ служенія, стали забирать значительную часть изъ пхъ содержанія.

Изъ дѣлъ о наслѣдованіи по закону у меня осталось въ памяти оригинальное дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу извѣстнаго директора Николаевской желѣзной дороги Ивана Ѳедоровича Кенига—брата его Іосифа Ѳеофиловича Кёнига. Когда, входя въ вагонъ, Иванъ Ѳедоровичъ упалъ и умеръ отъ разрыва сердца, полицейскою властью былъ составленъ протоколъ, а судебнымъ приставомъ охранено имущество покойнаго, представлявшее большую цѣнность въ деньгахъ, процентныхъ бумагахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Кенигъ былъ холостой и жилъ одиноко. Мировой судья сдѣлалъ установленный вызовъ наслѣдниковъ, для явки которыхъ положенъ шестимѣсячный срокъ. До истеченія этого срока въ окружный судъ поступило ходатайство Краковскаго жителя Іосифа Ѳеофиловича Кенига, въ которомъ онъ, доказывая предъявленіемъ надлежащей метрической выписки изъ мѣстной римско-католической консисторіи, что у Ѳеофила Кенига, переселившагося въ Галицію послѣ польскаго возстанія 1831 года, было два сына—Иванъ и онъ, Іосифъ, объяснялъ, что умершій Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ дѣйствительности его братомъ Иваномъ Ѳеофиловичемъ. Измѣненіе отчества Ивана произошло, по объясненію просителя, слѣдующимъ образомъ: замѣшанный въ возстаніи Ѳеофилъ долженъ былъ эмигрировать, но, памятуя доброе къ себѣ расположеніе принца Виртембергскаго, стоявшаго во главѣ управленія путями сообщенія, онъ рѣшился отправить своего старшаго сына въ

Петербургъ для поступленія во вновь открытый институтъ инженеровъ путей сообщенія, при чемъ, во избѣжаніе недружелюбнаго отношенія къ сыну, просилъ принца приказать именовать сына не Ѳеофиловичемъ, а Ѳедоровичемъ, что и было благосклонно исполнено. Такъ въ качествѣ Ивана Ѳедоровича будущій директоръ Николаевской желѣзной дороги и окончилъ курсъ. Окружный судъ, находя недоказаннымъ тождество Ивана Ѳедоровича съ Иваномъ Ѳеофиловичемъ, въ ходатайствѣ Іосифа Кенига объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства отказалъ. При разсмотрѣніи въ судебной палатѣ апелляціоннаго отзыва просителя его повѣренный просилъ выдать ему свидѣтельство на полученіе изъ архива института путей сообщенія прошенія Ѳеофила Кенига объ опредѣленіи его сына Ивана въ число воспитанниковъ. Мы выдали свидѣтельство, но оказалось, что архивъ института сгорѣлъ въ 1849 году. Тогда было постановлено вызвать духовника Ивана Ѳедоровича Кенига, ксендза Жолтека, настоятеля церкви Св. Екатерины на Невскомъ, который, по словамъ повѣреннаго, долженъ былъ удостовѣрить тождество Ѳеофиловича и Ѳедоровича. Оказалось, что за нѣсколько дней до засѣданія, въ которомъ предстоялъ его допросъ, ксендзъ Жолтекъ умеръ. Тогда повѣренному было выдано свидѣтельство на представленіе исповѣдныхъ книгъ, гдѣ должны были быть записи Жолтека съ именованіемъ Ивана Ѳедоровича по его дѣйствительному отчеству. Судьба, однако, и тутъ была противъ просителя: исповѣдныя книги оказались сгорѣвшими. Оставалось утвердить рѣшеніе окружнаго суда. Но тутъ повѣренный, какъ утопающій, схватился за соломенку: ему пришло въ голову, что Жолтекъ, завѣдывавшій хозяйственной администраціей церкви, могъ сдѣлать разныя распоряженія по поводу торжественныхъ похоронъ виднаго прихожанина, всѣми любимаго и уважаемаго директора Николаевской желѣзной дороги. И дѣйствительно, ему удалось представить въ палату письменное распоряженіе Жолтека объ убранствѣ храма чернымъ сукномъ по случаю торжественной церемоніи похоронъ Ивана *Ѳеофиловича* Кенига, каковая совпала день въ день и часъ въ часъ съ похоронами Ивана Ѳедоровича Кенига. Мы вызвали экспертовъ, которые единогласно удостовѣрили, что распоряженіе писано несомнѣннымъ почеркомъ ксендза Жолтека. Тогда палата утвердила Іосифа Кенига въ правахъ наслѣдства къ его брату. Но судьба продолжала иронизировать надъ счастливымъ наслѣдникомъ, очевидно, желая до конца испытать его терпѣніе, прежде чѣмъ дать ему возможность осуществить свои права. Недѣли черезъ двѣ послѣ рѣшенія палаты онъ пришелъ въ неё съ растеряннымъ видомъ и съ заявленіемъ, что ему наслѣдства не выдаютъ. Оказалось, что мировой судья, къ ко-

торому онъ обратился съ просьбою о снятіи охраны и о передачѣ ему имущества брата, отказалъ въ этомъ, ссылаясь совершенно правильно на то, что онъ вызывалъ въ шестимѣсячный срокъ наслѣдниковъ къ Ивану Ѳедоровичу Кенигу, теперь же оказывается, что скончался не Иванъ Ѳедоровичъ, а Иванъ Ѳеофиловичъ Кенигъ, къ имуществу котораго онъ долженъ вызвать наслѣдниковъ въ новый шестимѣсячный срокъ и лишь по истеченіи таковаго имущество можетъ быть передано краковскому обывателю.

Обширную группу дѣлъ, сосредоточенныхъ въ первомъ департаментѣ палаты, составляли иски лицъ, потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти своихъ близкихъ или поврежденія своего здоровья, причиненныхъ при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній. При свойственныхъ намъ вообще небрежности и „рукавоспустіи" въ исполненіи своихъ обязанностей, съ одной стороны, и поразительной неосторожности и непредусмотрительности, съ другой, несчастные случаи на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ давали и даютъ обильный матеріалъ для подобныхъ дѣлъ, въ которыхъ, въ особенности къ дѣйствіямъ низшихъ агентовъ, имѣютъ особое примѣненіе знаменитыя „авось" и „кое-какъ". Изъ дѣлъ этого рода приходилось убѣждаться, что разные низшіе служащіе, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ,—смазчики, сцѣпщики, кочегары, путевые сторожа и кондукторы зачастую ради ускоренія работы, а иногда и по лѣни, дѣйствуютъ съ невѣроятной неосторожностью: не ждутъ полной остановки поѣзда, вскакиваютъ и выскакиваютъ на ходу, пролѣзаютъ подъ готовыми двинуться вагонами, чтобы избѣжать обхода ихъ для смазки колесъ съ другой стороны, относятся съ безоглядной безпечностью къ маневрирующему локомотиву и т. п. А отсюда многочисленные случаи увѣчій и даже смерти. Истцы по этимъ дѣламъ поставлены однако въ исключительное положеніе. Согласно общему правилу гражданскаго процесса, истецъ долженъ доказать свой искъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отыскиваетъ убытки и ущербы, привести данныя, свидѣтельствующія о томъ, что таковые причинены дѣйствіемъ или упущеніемъ отвѣтчика, на которомъ лежитъ лишь обязанность доказать, что онъ исполнялъ предписанія закона или требованіе власти, находился въ состояніи необходимой обороны или, наконецъ, былъ подъ давленіемъ непреодолимой силы. Иными словами, тяжесть доказыванія, такъ называемый onus probandi, лежитъ на истцѣ. Но по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ этотъ onus probandi перемѣщенъ на отвѣтчика, и на управленіе желѣзной дороги или пароходнаго общества возложена очень трудно осуществимая обязанность доказывать, что смерть или увѣчье произошли по собствен-

ной винѣ погибшаго или изувѣченнаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда виновность желѣзной дороги или пароходнаго общества, такъ сказать, предполагается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возможность получить единовременное или періодическое вознагражденіе со стороны общества представляетъ не малый соблазнъ даже и для тѣхъ пострадавшихъ, которые не могутъ не сознавать, что несчастье произошло съ ними по ихъ собственной оплошности, но въ то же время знающихъ, что главнымъ и часто единственнымъ свидѣтелемъ этой оплошности были лишь они сами. Легкость предъявленія такихъ исковъ и разсчетъ на ихъ почти несомнѣнный выигрышъ создали особую профессію ходатаевъ по подобнаго рода дѣламъ. Эти господа, сами и чрезъ своихъ агентовъ, собирали свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода несчастіяхъ и предлагами свои услуги для начатія дѣлъ, нерѣдко обольщая неграмотнаго и темнаго потерпѣвшаго перспективой огромнаго вознагражденія. Въ Москвѣ и Петербургѣ заведены были даже спеціальныя конторы для предъявленія подобныхъ исковъ, при чемъ, конечно, львиную долю присужденной суммы за свою, въ сущности весьма несложную, работу получали „благодѣтели человѣчества“, богатѣвшіе на чужомъ несчастіи. Изъ многихъ дѣлъ было видно, что даже въ случаяхъ явной неосторожности со стороны потерпѣвшаго управленіе дороги, если онъ принадлежалъ къ числу низшихъ служащихъ, во избѣжаніе процесса, исходъ котораго предугадать было трудно, давало ему иныя, обезпечивающія его, служебныя обязанности на дорогѣ, исполнять которыя полученное имъ поврежденіе не препятствовало. Но въ одинъ прекрасный день, предъ истеченіемъ давностнаго срока, къ вполнѣ довольному своимъ положеніемъ являлся искуситель въ лицѣ ходатая, сулилъ ему золотыя горы и убѣждалъ начать дѣло, что влекло за собою обыкновенно увольненіе истца со службы, такъ какъ управленіе желѣзной дороги не желало становиться тѣмъ воломъ, съ котораго дерутъ двѣ шкуры. По дѣлу же, дошедшему до суда, обнаруживались обстоятельства, по которымъ искъ не могъ быть удовлетворенъ, несмотря на крокодиловыя слезы повѣреннаго о жертвѣ нашихъ порядковъ. Потерпѣвшій оказывался лишившимся мѣста и присужденнымъ къ судебнымъ издержкамъ, а у его повѣреннаго, особливо, если онъ былъ „ходатай по чужимъ дѣламъ“, оставалось въ рукахъ обязательство объ уплатѣ ему за веденіе дѣла—иногда даже полученной впередъ—съ предусмотрительнымъ опущеніемъ оговорки о томъ, что эта плата получается съ *присужденной* суммы.

По этимъ дѣламъ возникалъ весьма важный вопросъ о томъ, какъ толковать слово „*эксплоатація*“ желѣзной дороги

или пароходнаго сообщенія. Это иностранное слово чуждо русскому языку и имѣетъ нѣсколько значеній, при чемъ главное изъ нихъ, состоящее въ понятіи извлеченія выгодъ, въ разговорномъ языкѣ одинаково примѣняется къ разработкѣ или пусканію въ ходъ какого-либо изобрѣтенія,—къ пользованію своимъ имуществомъ,—къ корыстному или психическому насилію надъ чувствами близкихъ и любящихъ и, наконецъ, къ преступному вымогательству путемъ угрозъ разоблаченіями, именуемымъ шантажемъ. Практика кассаціоннаго суда была и остается, повидимому, до сихъ поръ крайне неустойчивой: въ ней эксплоатація желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій то толкуется, какъ дѣятельность, направленная къ извлеченію дохода изъ всего предпріятія, т. е. и изъ принадлежащихъ желѣзной дорогѣ заводовъ, мастерскихъ и другихъ имуществъ, то—какъ дѣятельность, направленная къ перевозкѣ пассажировъ, багажа, почты и грузовъ, то—какъ дѣятельность, состоящая не въ извлеченіи выгодъ, а въ тѣсной связи съ перевозкой, то—какъ осуществленіе *хозяйственной* стороны предпріятія и т. д. Поэтому къ эксплоатаціи желѣзной дороги то относились заводы и мастерскія, то исключались изъ нея зданія и помѣщенія для рабочихъ, служащихъ на дорогѣ, и желѣзно-дорожныя больницы, а также каменоломни, хотя бы камень изъ нихъ добывался для нуждъ дороги. Очевидно, что при этой путаницѣ понятій представлялось необходимымъ установить опредѣленную точку зрѣнія на значеніе слова эксплоатація, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависѣло признаніе въ каждомъ дѣлѣ, на комъ должна лежать тяжесть доказыванія. Мы остановились на томъ соображеніи, что извлеченіе выгодъ изъ заводовъ, мастерскихъ и всѣхъ подобнаго рода учрежденій совершенно одинаково по своимъ свойствамъ и условіямъ для всякаго владѣльца этихъ учрежденій и что не представляется никакихъ разумныхъ основаній къ тому, чтобы хозяинъ паровознаго завода или мастерской для желѣзнодорожныхъ принадлежностей вообще отвѣчалъ и защищался иначе, чѣмъ желѣзная дорога, имѣющая такую мастерскую или такой заводъ, и чтобы рабочій, потерпѣвшій увѣчья отъ упавшей тяжести на частномъ заводѣ, обязанъ былъ доказывать, что это произошло по винѣ завѣдующихъ заводомъ, а на заводѣ, принадлежащемъ желѣзной дорогѣ, иногда отстоящемъ на нѣсколько верстъ отъ рельсоваго пути, этой обязанности на немъ не лежало. Справедливость и послѣдовательность требуютъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ примѣнялась одинаковая обязанность доказывать, возлагаемая или на истца, или на отвѣтчика. Намъ казалось несомнѣннымъ, что исключительно выгодное положеніе, въ которое поставленъ потерпѣвшій увѣчье или родные

лишившагося жизни, вызваны той особой опасностью, которая обусловливается движеніемъ по рельсамъ и дѣйствіями, сопровождающими нагрузку, выгрузку, сцѣпку, смазку и т. п., а также входомъ въ вагоны и выходомъ изъ нихъ при быстротѣ и срочности движенія и т. д. и что поэтому подъ эксплоатаціей надо понимать исключительно пользованіе рельсовымъ путемъ и тѣсно связанными съ движеніемъ по нему мѣстами остановокъ, храненія кладей и переѣздовъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ состоялся цѣлый рядъ рѣшеній, не встрѣтившихъ отмѣны со стороны Сената, одно время признававшаго наше толкованіе правильнымъ.

Изъ дѣлъ, вызвавшихъ особое общественное вниманіе и потребовавшихъ отъ насъ большого труда, мнѣ вспоминаются въ особенности дѣло общества водопроводовъ объ устройствѣ фильтра и дѣло учредителей главнаго общества желѣзныхъ дорогъ съ этимъ обществомъ. Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ, „для доставленія—какъ значилось въ ст. 81 его устава—жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго гидротехническаго устройства“. Такимъ устройствомъ является фильтръ для просачиванія невской воды, давно уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ такъ называемомъ „Ковшѣ“ около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшого фильтра въ 1863 году, оказавшагося притомъ неудачнымъ для пропуска воды, вслѣдствіе своего замерзанія, и устройствомъ затѣмъ цистернъ для процѣживанія воды,—оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ цѣляхъ гигіеническихъ, и не для пропуска и процѣживанія невской воды съ вредными примѣсями, а для ея просачиванія и очищенія. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, дума рѣшилась вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него спеціальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, наросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности городской думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникать искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія.

Такой взглядъ имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны общества. Къ нему присоединился, какъ юрисконсультъ общества, Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно однако затронутой именно въ этомъ дѣлѣ. Городская дума вынуждена была призвать на помощь Стасюлевичу К. К. Арсеньева, вступившаго для веденія этого дѣла временно въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Проигравъ дѣло въ окружномъ судѣ, общество перенесло споръ въ судебную палату. Засѣданіе палаты осенью 1884 г., при переполненной залѣ, заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою подробнѣйшій разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общественнаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто-правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго, и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ „qu'il y a des juges à Berlin“. Судебная палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ...

Въ дѣлѣ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ возникалъ весьма важный вопросъ о правахъ его учредителей на полученіе 6% изъ чистаго дохода общества. На основаніи устава общества 1861 года послѣ того, какъ оно было освобождено отъ обязанности построить Ѳеодосійско-Либавскую желѣзную дорогу, учредителямъ было представлено право на полученіе 6% изъ чистаго дохода, остающагося за вычетомъ всѣхъ годовыхъ издержекъ по содержанію и дѣйствію всѣхъ *уступленныхъ* обществу желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ правительство смотрѣло на желѣзныя дороги, какъ на частное предпріятіе хозяйственнаго характера, т. е. совершенно обратно тому, какъ стало смотрѣть въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда оно усиленно выкупило большую часть желѣзнодорожныхъ

линій. Дѣйствуя въ первомъ направленіи, оно рѣшилось уступить Николаевскую дорогу частному обществу и, остановившись на двухъ главныхъ конкуррентахъ:—Товариществѣ московскихъ капиталистовъ и Главномъ обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ главнымъ хозяиномъ по количеству имѣвшихся акцій былъ американецъ Уайненсъ, — оно послѣ разныхъ перипетій, ожидающихъ своего спеціальнаго историка, отдало предпочтеніе послѣднему. Въ рукахъ энергичнаго американца, дорога тотчасъ же стала приносить огромный доходъ, тогда какъ по двумъ другимъ своимъ предпріятіямъ—Варшавской и Нижегородской дорогамъ—общество имѣло сравнительно ничтожную прибыль. Вслѣдствіе этого учредители общества, въ числѣ коихъ состояли французскій Crédit Mobilier, испанскій движимый кредитъ и разныя другія лица, основавшія это общество въ 1857 году, потребовали выдачи имъ 6% съ чистаго дохода, принесеннаго Николавской желѣзной дорогой въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, и, не получивъ удовлетворенія, предъявили искъ въ суммѣ около пяти милліоновъ. Общество возражало, что учредители къ передачѣ ему Николаевской желѣзной дороги никакого отношенія не имѣютъ, и что дорога передана правительствомъ собранію акціонеровъ Главнаго общества, которые представляютъ собою особливое акціонерное предпріятіе. Повѣренными сторонъ явились большія юридическія силы: со стороны истцовъ присяжный повѣренный Банкъ, тонкій и ученый цивилистъ, а со стороны отвѣтчика—извѣстный своимъ талантомъ, искусствомъ и блескомъ юридическихъ соображеній адвокатъ Пассоверъ, одна изъ крупнѣйшихъ величинъ въ русской адвокатурѣ. Засѣданіе происходило два дня—18 и 25 октября 1884 года. Въ первомъ изъ нихъ были единогласно разрѣшены очень сложные вопросы о постановкѣ исковыхъ требованій, о полномочіяхъ истцовъ и о давности, а во второмъ дѣло разсмотрѣно по существу. Засѣданіе продолжалось почти до полуночи. Повѣренные проявили огромную силу знанія и діалектики. Докладъ члена палаты Гуляева по своей системѣ и полнотѣ былъ образцовымъ. Мы совѣщались болѣе трехъ часовъ, при чемъ я разошелся во взглядахъ съ четырьмя моими товарищами, признавшими исковыя требованія не подлежащими удовлетворенію.

Я находилъ, что существенный вопросъ въ дѣлѣ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о сущности учредительской дѣятельности вообще, которая состоитъ въ выработкѣ идеи предпріятія, въ разработкѣ плана ея осуществленія на практикѣ, въ собираніи средствъ для устройства предпріятія и въ привлеченіи, путемъ возбуждаемаго учредителями довѣрія, матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для правильной по-

становки и успѣха дѣла. Эта дѣятельность прекращается съ момента окончательнаго устройства предпріятія и вступленія въ силу устава, опредѣляющаго внутреннюю его организацію и порядокъ управленія имъ. Съ прекращеніемъ этой дѣятельности наступаютъ ея плоды—возмѣщеніе за потраченныя силы, время, средства. Это возмѣщеніе можетъ, между прочимъ, выражаться въ участіи въ прибыляхъ предпріятія, въ полученіи извѣстной части чистаго дохода съ него. Участіе учредителей въ прибыляхъ, *если оно прямо не ограничено напередъ опредѣленными условіями или срокомъ*, можетъ продолжаться во все время существованія устроеннаго ими предпріятія. У людей, положившихъ въ дѣло свои идею, трудъ, капиталъ или имя, нельзя отрицать права на пользованіе результатами, которые дали эти идеи, труды и средства, если только результаты эти явились послѣдствіемъ развитія предпріятія въ томъ именно видѣ и направленіи, въ какомъ оно было учреждено. Неоспоримое право учредителей на участіе въ прибыляхъ предпріятія *вообще* содержитъ въ себѣ и основаніе для участія въ прибыляхъ развившагося въ *ширину*, но оставшагося неизмѣннымъ по *существу* и *цѣлямъ* предпріятія, ибо нельзя предполагать, чтобы учредители, основывая новое дѣло и выговаривая себѣ участіе въ доходахъ съ него, не разсчитывали на его развитіе и процвѣтаніе, а имѣли въ виду, что предпріятіе останется въ состояніи косности. Несомнѣнно, что учредители могутъ получить вознагражденіе лишь за то именно, что они задумали и привели въ исполненіе, а не за достиженіе постороннихъ предпріятію цѣлей, которыя вовсе не входили въ первоначальный планъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ учредители получили бы вознагражденіе за то, чего они вовсе не имѣли въ виду, собирая средства, теряя время, вырабатывая основанія и выясняя цѣли предпріятія. Поэтому, напримѣръ, учредители страхового отъ огня общества не могутъ участвовать въ прибыляхъ отъ операціи по страхованію отъ градобитія или страхованія жизни,—или учредители общества пароходнаго пассажирскаго сообщенія не могутъ раздѣлять прибыль по принятой тѣмъ же обществомъ на себя водолазной операціи или по работамъ для углубленія фарватера. Но покуда предпріятіе движется по пути, начертанному учредителями, не измѣняя ни свойствъ, ни цѣлей, ни направленія, ни пріемовъ своей дѣятельности, до тѣхъ поръ, какъ бы широко ни развилась эта дѣятельность—учредители имѣютъ право на участіе въ прибыляхъ. Отдавая въ 1868 году дорогу Главному обществу и обезпечивая стоимость его акцій и облигацій, правительство, конечно, имѣло въ виду не случайное собраніе неизвѣстныхъ и вѣчно измѣняющихся лицъ, владѣющихъ акціями Главнаго общества, а цѣлую

организацію, именуемую Главнымъ обществомъ, имѣющую свой спеціальный уставъ. Передача желѣзной дороги изъ казенныхъ въ частныя руки знаменуетъ собою довѣріе правительства къ Главному обществу, обязанному этимъ правильному развитію началъ, положенныхъ въ его основу при учрежденіи его, и цѣлесообразному употребленію средствъ, на которыя оно основано. Но и начала эти и средства суть дѣло учредителей. Безъ нихъ общество не существовало бы и не могло бы никогда явиться конкуррентомъ на пріобрѣтеніе столь важнаго во всѣхъ смыслахъ пути, какъ Николаевская желѣзная дорога. Поэтому, участіе ихъ въ прибыляхъ отъ расширенія дѣятельности созданнаго ими предпріятія представляется вполнѣ справедливымъ.

Въ этомъ смыслѣ мною было написано обширное „особое мнѣніе", приложенное къ весьма объемистому рѣшенію палаты. Дѣло поступило въ кассаціонный департаментъ Сената, и Пассоверъ—мой товарищъ по университету и сослуживецъ по Московской прокуратурѣ судебной палаты,—ознакомившись съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ при встрѣчѣ, что находитъ его настолько убѣдительнымъ, что жалѣетъ о томъ, что не былъ повѣреннымъ учредителей, такъ какъ онъ убѣжденъ, что кассаціонный судъ согласится со мною. Мѣсяца черезъ три, встрѣтя меня въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ мнѣ, что, получивъ свѣдѣнія о взглядахъ на это дѣло нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ и оберъ-прокурора, правленіе Главнаго общества, испытывая серьезныя опасенія, что дѣло будетъ рѣшено согласно съ началами, изложенными въ моемъ „особомъ мнѣніи", признало необходимымъ пойти съ учредителями на мировую, предложивъ имъ половину искомой суммы, на что тѣ и согласились.

Регулярность занятій въ палатѣ и отсутствіе волнующихъ душу впечатлѣній, а также добрыя и даже сердечныя отношенія съ товарищами по коллегіи составляли особо пріятную сторону этой моей службы, а явившійся навыкъ къ разрѣшенію гражданскихъ дѣлъ давалъ мнѣ небольшой досугъ для разработки практическихъ вопросовъ уголовнаго судопроизводства на основаніи опыта, вынесеннаго изъ дѣятельности въ окружномъ судѣ, при чемъ эти вопросы, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдней, представлялись „изъ моего прекраснаго далёка" съ бо̀льшей цѣльностью и ясностью. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я моихъ сослуживцевъ по департаменту—вдумчиваго знатока, неутомимаго работника и прекрасной души человѣка Александра Васильевича Гуляева (впослѣдствіи кассаціоннаго сенатора) и Егора Андреевича Матисена. Послѣдній былъ типическимъ представителемъ того поколѣнія цивилистовъ-практиковъ, богатой школой для которыхъ были старые

гражданскіе департаменты Сената, нынѣ упраздненые. Если эти департаменты, какъ судебныя учрежденія, оставляли желать многаго, по личному составу сенаторовъ и по условіямъ дѣлопроизводства, то, какъ школа для молодыхъ юристовъ, они представляли неоцѣненныя достоинства. Далеко не всѣ сенаторы бывали знакомы съ гражданскимъ правомъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Званіе сенатора служило наградой за долгую службу, очень часто не имѣвшую никакого отношенія къ юстиціи. Заслуженные военные генералы, усталые директора департаментовъ, не поладившіе съ министрами товарищи министра, придворные чины,мѣсто которыхъ понадобилось очистить для другихъ путемъ созданія такъ называемаго золотого моста, безсильно и безплодно могли заблудиться въ дебряхъ десятаго тома и дополнительныхъ къ нему узаконеній, если бы на помощь къ нимъ не приходила прекрасно составленная канцелярія въ лицѣ оберъ-прокуроровъ, оберъ-секретарей и секретарей. При томъ это были по большей части люди преклонныхъ лѣтъ, значительно перешедшіе за тотъ „mezzo camin di nostra vita“, о которомъ говоритъ Дантъ, очутившійся въ лѣсу, и потому не менѣе его нуждавшіеся въ своемъ Виргиліи. Этимъ Виргиліемъ и являлась канцелярія старыхъ департаментовъ Сената. Въ ней, за ежедневнымъ напряженнымъ трудомъ, вырабатывались тѣ знатоки русскаго гражданскаго права, которые дали потомъ при введеніи судебной реформы контингентъ достойныхъ дѣятелей, поставившихъ нашъ гражданскій судъ по Судебнымъ уставамъ сразу на довлѣющую ему высоту. Въ то время, когда по новизнѣ дѣла и гораздо большей сложности уголовнаго судопроизводства, въ уголовныхъ дѣлахъ сказывалось отсутствіе опыта и неизбѣжность первое время по нѣкоторымъ вопросамъ бродить, такъ сказать, ощупью,—практика гражданскихъ судовъ съ первыхъ же шаговъ стала принимать опредѣленныя формы. Уголовному кассаціонному суду приходилось первые два-три года послѣ введенія реформы разъяснять коренные вопросы процесса,—гражданскому кассаціонному суду пришлось давать лишь авторитетныя указанія относительно толкованія матеріальнаго права. Въ настоящее время обширные сборники кассаціонныхъ рѣшеній, конечно, могутъ служить для людей, получившихъ высшее юридическое образованіе, цѣннымъ практическимъ пособіемъ, но они не въ состояніи замѣнить старую школу сенатской канцеляріи. Теперь, судьи гражданскихъ отдѣленій вербуются изъ секретарей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, изъ слѣдователей и городскихъ судей, а также—въ рѣдкихъ случаяхъ—и мировыхъ судей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдніе еще остались послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ

въ 1889 году мировому институту. Но секретари общихъ судебныхъ мѣстъ и даже оберъ-секретари гражданскаго кассаціоннаго суда имѣютъ очень мало общаго съ чинами старыхъ сенатскихъ канцелярій. Въ лучшемъ случаѣ они *созерцаютъ* работу судей, присутствуя при ней и ведя протоколы судебныхъ засѣданій, но не готовятъ дѣлъ для разрѣшенія ихъ по существу и не составляютъ проектовъ рѣшеній. Ихъ роль слишкомъ пассивна. Судебные слѣдователи и товарищи прокурора въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они попадаютъ въ члены суда, почти совсѣмъ не встрѣчаются въ своей предыдущей дѣятельности съ вопросами гражданскаго права, а кругъ дѣятельности мировыхъ и городскихъ судей по гражданскимъ дѣламъ слишкомъ узокъ и отличается однообразіемъ своего содержанія. Поэтому невольно возникаетъ тревога за будущее нашего гражданскаго суда, у котораго почти не оказывается необходимаго питомника.

До назначенія своего членомъ С.-Петербургской судебной палаты Матисенъ провелъ долгіе годы службы въ московскихъ и петербургскихъ департаментахъ Сената. Я засталъ его уже 68-лѣтнимъ старикомъ съ тонкими чертами лица нѣмецкаго типа и добрыми голубоватыми старчески-выцвѣтшими глазами. Онъ былъ воплощенная аккуратность и добросовѣстность. Несмотря на свои годы, онъ работалъ усидчиво и непрерывно съ тѣмъ сознаніемъ своего долга, въ которомъ сказывалось его происхожденіе. Доклады его отличались точностью и пунктуальностью, а въ рѣшеніяхъ, написанныхъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, онъ не обходилъ ни одного затронутаго въ дѣлѣ вопроса безъ разрѣшенія, хотя бы ихъ можно было и оставить, отвѣтивъ въ томъ или иномъ смыслѣ на коренной вопросъ дѣла. Если къ этимъ свойствамъ присоединить вниманіе, удѣляемое имъ юридической литературѣ (его особенно интересовало право литературной собственности, и у меня хранится его книга „Das geistige Eigenthum“ Клостермана, испещренная на поляхъ рядомъ замѣтокъ), то можно было бы сказать, что въ его лицѣ я встрѣтилъ образцоваго судью-цивилиста. Но у него были les défauts de ses qualités. Его добросовѣстность подчасъ переходила въ безконечныя сомнѣнія, заставлявшія его иногда по нѣсколько разъ возвращаться къ уже рѣшенному вопросу и, какъ я шутливо выражался, „вступать въ пререканія съ самимъ собою“. Это чрезвычайно затягивало разсмотрѣніе дѣлъ и было особенно тягостно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію по существу должно было предшествовать обсужденіе предварительныхъ вопросовъ о подсудности, давности, смѣшеніи и соединеніи исковъ и т. п. Иногда этимъ вопросамъ посвящалось цѣлое засѣданіе съ тѣмъ,

чтобы въ слѣдующемъ за нимъ рѣшить дѣло по существу. Послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ Матисенъ, наконецъ, соглашался съ мнѣніемъ товарищей (онъ не любилъ оставаться „при особомъ мнѣніи“), но въ слѣдующемъ засѣданіи снова подымалъ уже рѣшеный вопросъ, вызывая почтительный гнѣвъ этихъ же товарищей. По дѣлу общества взаимнаго поземельнаго кредита съ членами правленія, являвшимися отвѣтственными за двухмилліонную растрату, совершенную Юханцевымъ, эти пререканія Матисена съ самимъ собою дошли до того, что мы проектировали напечатать для него особые бланки, въ которыхъ говорилось бы: „по вопросу о... нахожу, что... и даю сію подписку въ томъ, что при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла болѣе спорить и прекословить не буду“.

Лютеранинъ, въ рѣчи котораго слышались германизмы (онъ говорилъ: инженьéръ, ефангеліумъ и т. п.), онъ былъ горячимъ русскимъ патріотомъ, чему вѣроятно способствовалъ его бракъ съ прекрасной русской женщиной, разливавшей вокругъ себя тихій свѣтъ и тепло. Его перу принадлежитъ описаніе достопримѣчательностей Москвы, изложенное на французскомъ языкѣ, въ виду предстоявшей въ 1856 году коронаціи Императора Александра II, и интересное описаніе наводненія Петербурга въ 1824 году, коего онъ былъ очевидцемъ. Утонченно-вѣжливый, на старый, нынѣ забытый манеръ, гостепріимный и немного щепетильный, онъ бывалъ особенно интетесенъ въ своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Н. Н. Мясоѣдовымъ, предсѣдателемъ II гражданскаго департамента судебной палаты, будущимъ первоприсутствующимъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената. Выдающійся юристъ и чудесный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, Мясоѣдовъ во всей своей повадкѣ представлялъ полную противоположность Матисену и, хотя послѣдній относился къ нему съ искреннимъ уваженіемъ и пріязнью, но громкій заикающійся голосъ Мясоѣдова, рѣзкія тѣлодвиженія и нервная непосѣдливость приводили старика въ смущеніе, а иногда вызывали въ немъ даже тревогу. Я не могу забыть того изумленія, съ которымъ Матисенъ слушалъ разсказы Мясоѣдова, уже бывшаго сенаторомъ, о своихъ приключеніяхъ и разговорахъ съ незнакомыми людьми въ вагонахъ и на имперіалѣ конокъ, при чемъ однажды, на заявленіе его, что онъ, въ качествѣ сенатора, обратитъ вниманіе на дѣло своего сосѣда по имперіалу, по словамъ послѣдняго рѣшенное неправильно, послѣдовали недоумѣнный взоръ собесѣдника, окинувшій суровую фигуру и бѣдный нарядъ Мясоѣдова, и презрительное восклицаніе: „Сенаторъ! Акуратъ! тьфу!“

У меня сохранилось нѣсколько писемъ Матисена, исполненныхъ мысли и заботы о предстоящихъ намъ дѣлахъ и характеризую-

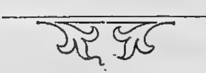
щихъ его судейскую щепетильность и оригинальный взглядъ на свои права, какъ члена коллегіи. „Меня просятъ, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1882 года,—участвовать въ консультаціи по нѣкоторымъ спорнымъ въ городской думѣ дѣламъ, но я, хотя и гласный, не считаю этого возможнымъ въ виду того, что дѣла эти, вѣроятно, дойдутъ до суда, и я хочу сохранить независимость своего сужденія". — Въ декабрѣ того же года, извѣщая меня о своемъ нездоровьѣ, онъ проситъ меня подать за него голосъ въ общемъ собраніи палаты при избраніи члена на открывшуюся вакансію и по этому поводу прилагаетъ слѣдующій оригинальный документъ. „Не имѣя по болѣзни возможности быть лично на выборахъ 9 декабря кандидатовъ на открывшуюся вакансію члена СПБ. судебной палаты, покорнѣйше прошу Васъ подать за меня голосъ, и что Вы по сему предмету учините, въ томъ спорить и прекословить не буду. Довѣренность сія принадлежитъ Его Превосходительству Анатолію Ѳедоровичу Кони. С.-Петербургъ 9 декабря 1882 года".

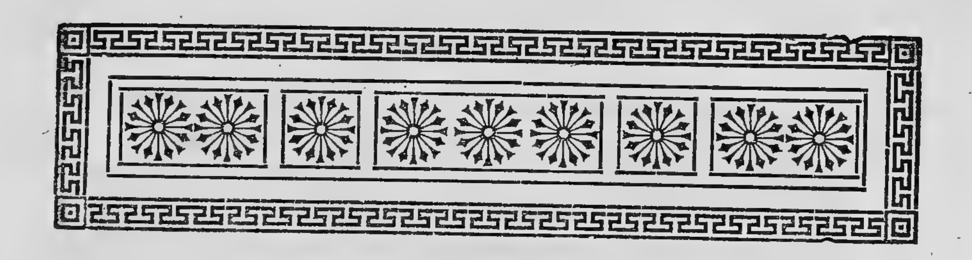
Прослуживъ пятьдесятъ лѣтъ и въ служебномъ отношеніи „вкушая мало меду вкусивъ", старикъ вышелъ въ отставку и, какъ это часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ ежедневному труду, быстро одряхлѣлъ и вскорѣ получилъ возможность сказать и вторую половину приведенной цитаты изъ Писанія: „и се азъ умираю". Онъ былъ строгимъ блюстителемъ всѣхъ мельчайшихъ предписаній закона, и я не могу безъ улыбки вспомнить того шопота ужаса, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, даже дернувъ меня за полу мундира, чтобы остановить меня на краю пропасти, раскрывшейся, по его мнѣнію, предо мною вслѣдствіе незнанія или забвенія мною правила, гласящаго, что судъ не имѣетъ права самъ возбуждать вопросъ о давности, погашающей предъявленный искъ. Повѣреннымъ одного изъ важнѣйшихъ правительственныхъ финансовыхъ учрежденій Петербурга состоялъ присяжный повѣренный, болѣе свѣдущій въ исторіи литературы, чѣмъ въ законахъ. Всегда изящно одѣтый, въ модномъ фракѣ и ослѣпительной бѣлизны бѣльѣ, съ тщательно расчесанной сѣдѣющей бородой, любезный и изысканный въ манерахъ, въ своихъ красиво построенныхъ рѣчахъ, выступая обыкновенно въ качествѣ отвѣтчика, онъ допускалъ грубые промахи, недосмотры и ошибки. Однажды до палаты дошло дѣло о крупномъ взысканіи какимъ-то аферистомъ, по ряду передовѣрій, съ финансоваго учрежденія крупной суммы, когда-то переданной въ него при упраздненіи одного изъ кредитныхъ установленій. Предъ докладомъ дѣла, членъ палаты Гуляевъ воплощенная рачительность и трудолюбіе — обратилъ наше внима-

ніе на то, что для предъявленія исковыхъ требованій истекла несомнѣнная и неопровержимая давность, и выразилъ удивленіе, что въ своихъ, весьма слабыхъ возраженіяхъ противъ иска повѣренный казны ни словомъ не упоминаетъ о такомъ коренномъ основаніи для признанія иска неподлежащимъ удовлетворенію. Вѣроятно онъ оставилъ это до засѣданія палаты, какъ coup de grace, сказали мы себѣ и вышли слушать дѣло. Повѣренный отвѣтчика занялъ свое мѣсто за неуклюжимъ и громоздкимъ деревяннымъ пюпитромъ и мягкимъ голосомъ, въ которомъ звучало непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ, произнесъ плавную рѣчь, шедшую въ разрѣзъ съ извѣстнымъ афоризмомъ о томъ, что „лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать *ничего*". О давности—ни слова. Оканчивая рѣчь, онъ сталъ собирать свои бумаги въ очень красивый портфель, съ вензелемъ и серебряными застежками, очевидно считая, что болѣе говорить не придется, такъ какъ все, что нужно, имъ уже непререкаемо и побѣдоносно высказано. Повѣренный истца не могъ скрыть улыбки, заранѣе торжествуя побѣду, вслѣдствіе которой казна, т. е. народное достояніе, потерпитъ матеріальный ущербъ по явной небрежности своего повѣреннаго, имѣвшаго раздутую репутацію и получавшаго большое жалованье за защиту интересовъ нанимавшаго его учрежденія. Оставаться равнодушнымъ зрителемъ и даже осуществителемъ этого я не могъ и, каюсь въ томъ, нарушилъ правило о процессуальномъ попустительствѣ небреженію вопреки вопіющей очевидности. „Г-нъ повѣренный отвѣтчика, сказалъ я,—для избѣжанія излишнихъ преній я просилъ бы васъ изложить въ вашей первой рѣчи всѣ ваши доводы, предоставивъ тѣмъ истцу возможность нынѣ же возразить вамъ во всемъ ихъ объемѣ. Поэтому, если вы имѣете, напримѣръ, въ виду возбудить вопросъ о давности, то я прошу васъ сдѣлать это теперь же".—Гуляевъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ, но Матисенъ, который не успѣлъ остановить меня, сдѣлалъ испуганно-укоризненное лицо. Изящный повѣренный отвѣтчика не смутился и не растерялся. „Возбуждая вопросъ объ истеченіи исковой давности, сказалъ онъ, я увѣренъ, что палата не нуждается въ доказательствахъ этого обстоятельства и сама усмотритъ ихъ въ дѣлѣ, постановивъ затѣмъ объ отказѣ въ искѣ" — и вполнѣ довольный собою съ благосклонной улыбкой приготовился слушать своего противника.

А. Θ. Кони.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Суббота 24 іюня/6 іюля. Рано утромъ ходилъ въ посольство узнать, не пришелъ ли отвѣтъ о Батумѣ. Ничего не знаютъ. Что это такое?

Вчера въ залахъ Конгресса было два засѣданія нашей комиссіи. Первое съ 2 до 5 и второе отъ 9 до 12 вечера. На обоихъ англичане заявили, что не имѣютъ инструкцій отъ своихъ уполномоченныхъ о Софійскомъ санджакѣ и ничего не знаютъ о происшедшихъ соглашеніяхъ въ комиссіи уполномоченныхъ и что между тѣмъ извѣстно всѣмъ остальнымъ членамъ нашей комиссіи. Словеснымъ заявленіямъ предсѣдатель Блюме—о томъ, что большинство голосовъ Commission de délimitation противу требованія англичанъ, объ уступкѣ долины Искера—не вѣрятъ и просятъ указаній письменныхъ. Расходясь въ пять часовъ, мы думали, что англичане, согласно ихъ обѣщаніямъ, заручатся инструкціями къ вечеру, не тутъ-то было: снова та же исторія, тѣ же убѣжденія, тѣ же споры, что и утромъ. Несмотря на это, всѣ мы рѣшили приступить къ обсужденію границъ Софійскаго санджака. Англичане хотѣли совершенно урѣзать его, отобравъ: съ востока—бассейнъ Искера, а съ юга—города Джуму и Кюстендиль. Оба эти города были заняты нашими войсками. Домогательства эти комиссіею de délimitation были признаны преувеличенными и тамъ постановили предоставить нашей комиссіи достигнуть соглашенія,

---

[1]) См. „Русск. Старину“ ноябрь 1912 г.

имѣя въ виду дать султану возможность защищать предѣлы Румеліи. Англичане ни на что не соглашались; въ большой комиссіи спорилъ Одо Россель, а въ нашей—генералъ Симмонсъ. Требовали они не благоразумной, дающей сосѣдямъ возможность жить спокойно, границы, а уступокъ территоріальныхъ; просто-на-просто хотѣли сдѣлать захватъ.

Увлеченный успѣхомъ итальянца графа Дель-Майно, французскій военный агентъ графъ де-Семезонъ предложилъ проектировать восточную границу Софійскаго санджака, что и заняло все наше вечернее засѣданіе. Графъ де-Семезонъ, видимо, приготовился къ своей задачѣ и произнесъ большую рѣчь, доказавъ, что весьма обстоятельно ознакомился съ картой. Сущность его мнѣнія заключалась въ слѣдующемъ. Султану должна быть предоставлена возможность защищать границы Румеліи, сѣверную и западную, отъ вторженія непріятеля. По границамъ идутъ Балканы—надо дать возможность защищать проходы. Центромъ защиты онъ принималъ Филиппополь и находилъ, что для возможности удержать за собою Румелію туркамъ необходимо предупредить врага у Шипки и Ихтимана. Такъ какъ сѣверная граница—по гребнямъ Балканъ—уже принята, то надо провести западную границу такъ, чтобы разстояніе отъ Филиппополя до сѣверныхъ и западныхъ проходовъ было одинаково. Этимъ онъ полагалъ парализовать удобства непріятеля,—спуститься съ горъ прежде, чѣмъ для защиты выходовъ изъ нихъ подойдутъ турецкія войска изъ Филиппополя. Англичане требовали всѣхъ проходовъ, начиная отъ Златицы до Ихтимана включительно, говоря, что муширъ Мегеметъ-Али-паша заявляетъ, что, обладая Ихтиманомъ, а также сѣверозападными проходами, онъ будетъ хозяиномъ Румеліи.

— Отчего же онъ не защитилъ ихъ противъ нашихъ войскъ, когда всѣ эти проходы принадлежали ему и у него была многочисленная армія?—спросилъ я генерала Симмонса.

Англичанинъ взглянулъ на меня, улыбнулся и произнесъ только „браво, браво!“

Вообще Симмонсъ коварно превозносилъ наши успѣхи и на нихъ-то именно строилъ свои требованія объ отдачѣ чуть-ли не половины санджака туркамъ. „Я удивляюсь русскимъ войскамъ и одержаннымъ ими побѣдамъ. Они вездѣ проходили Балканы, гдѣ ни захотѣли, и показали необыкновенное знаніе края и умѣнье преодолѣвать препятствія. Надо же чѣмъ-нибудь предупредить это на будущее время и не оставлять возможности къ легкому вторженію съ сѣвера“.

— Такъ вы хотите, говорили мы, закупорить всѣ тѣ мѣста,

черезъ которыя мы прошли, чтобы не дать возможности снова пройти ими? Это заблужденіе. Обстоятельства существенно измѣнились послѣднею войною и новая—если она будетъ—не будетъ повтореніемъ прежняго. Зачѣмъ намъ идти на Балканы, когда для наступленія къ Константинополю, есть другіе совершенно доступные пути. Поэтому мы и защищаемъ не тѣ границы, которыя даютъ особыя выгоды для наступленія съ сѣвера и запада, а тѣ, которыя обезпечиваютъ спокойное и прочное разграниченіе по хребтамъ и другимъ твердо установившимся признакамъ, напр. по административнымъ предѣламъ санджаковъ.

Говорили мы также, что Румеліи не существуетъ, что она и Болгарія совершенно одно и то же, а потому выдѣлять часть цѣлаго въ отдѣльное тѣло—это только давать постоянный поводъ къ стремленіямъ обѣихъ частей соединиться между собою. Чѣмъ менѣе мы будемъ рѣзать по живому тѣлу, проводя границу, тѣмъ лучше.

Во время нашего засѣданія заходили къ намъ члены большой комиссіи—Мегеметъ-Али, графъ Сенъ-Валье, Гогенлоэ.

Граница, предложенная графомъ де-Семезономъ [1]) и на которую были согласны Россія, Пруссія и Италія, шла отъ Балканскихъ гребней (Косица надъ Златицей) къ югу, оставляя Болгаріи Златицу; затѣмъ направлялась по лѣвому берегу Топольницы, пересѣкала верховья ручья Ихтиманъ (между Чамурмъ и Хаджиларомъ) и, обходя къ востоку отъ Самакова, шла далѣе по водораздѣлу бассейновъ Искера и Марицы прямо на югъ къ Чадыръ-Тепе, гдѣ встрѣчала административную границу Софійскаго санджака. Это главное направленіе получало двѣ поправки: а) у дер. Петричево (пунктъ соединенія Топольницы со Смовскіо-Дере) въ пользу Румеліи дано пространство радіусомъ въ 2½ километра и б) турки съ своей стороны обязывались не возводить укрѣпленій въ раіонѣ десяти километровъ противъ Самакова, такъ какъ иначе этотъ промышленный городъ былъ бы подъ выстрѣлами крѣпости.

Когда эту линію установили, мы потребовали баллотировать ее. Генералъ Симмонсъ, по-прежнему, ссылаясь на неимѣніе полномочій, потребовалъ отсрочки нашихъ засѣданій впредь до полученія имъ указаній. Баллотировка этого предложенія дала пять голосовъ за отсрочку противъ двухъ (Россіи и Пруссіи), требовавшихъ продолженія занятій.

Въ 12 ч. разошлись. Во всякомъ случаѣ проектированная граница далеко оставляетъ за собою первоначальныя требованія ан-

---

[1]) Эта граница была утверждена потомъ и вошла въ Берлинскій трактатъ ст. II и XIV.

гличанъ и небезвыгодна для Болгаріи. Ихтиманъ отданъ, да вѣдь его надо укрѣпить, т. е. бросить милліоны, а гдѣ ихъ взять туркамъ?!

Въ промежуткѣ между засѣданіями былъ у Трепова. У него лицо кровяного цвѣта. Говорилъ, что такъ желалъ меня видѣть, что хотѣлъ даже телеграфировать изъ Висбадена. Говорилъ, что Государь не былъ противъ моего назначенія въ Петербургъ градоначальникомъ. Кажется, Треповъ имѣлъ на меня виды; ему хотѣлось, чтобы я взялъ на себя защиту его по дѣлу Засуличъ и написалъ бы подробную записку не только для представленія кому слѣдуетъ, но и для опубликованія за границей. Я сослался на полную для меня невозможность взяться за это дѣло, такъ какъ самъ лично ничего не видалъ и не знаю, говорить же, а тѣмъ болѣе писать съ чужого голоса—не могу.

Вечеромъ онъ уѣзжаетъ черезъ Варшаву въ Кіевскую свою деревню и предлагалъ мнѣ исполнить мои порученія, но ихъ, разумѣется, не было. Говоритъ, что безпрерывно получаетъ угрожающія письма, и что старость предстоитъ ему крайне печальная. На него жаль смотрѣть. Сидя на диванѣ, онъ поднимаетъ на него или на кресло больную ногу—трудно держать ее опущенною; ходитъ, впрочемъ, хорошо, и только въ дурную погоду нога у него начинаетъ ныть.

Въ 10 ч. утра вторично пошелъ къ Шувалову; у него сегодня совѣщаніе въ Commission de délimitation, гдѣ будутъ слушаться доклады о нашихъ вчерашнихъ несогласіяхъ съ англичанами, а потомъ Конгрессъ—территоріальныя измѣненія въ Малой Азіи и дѣло о Батумѣ. Передъ Конгрессомъ графъ Шуваловъ хотѣлъ выслушать наше мнѣніе насчетъ Батума и приготовиться къ его защитѣ. *Отвѣта изъ Петербурга на телеграмму отъ 21-го числа все еще не было.* Разложили карту Малой Азіи съ отмѣтками, сдѣланными на ней въ Главномъ Штабѣ на счетъ возможныхъ съ нашей стороны уступокъ. Уступки эти огромны. Мы еще въ Лондонѣ обѣщали отказаться отъ Баязета и Алашкертской долины. Какъ видно изъ карты, готовы сдѣлать еще большія уступки у Чернаго моря. Относительно Батума въ Петербургѣ рѣшено было предложить обратить его въ портофранко.

— „Что такое порто-франко, господа?—обратился къ намъ гр. Шуваловъ. Я ничего объ этомъ не знаю и не былъ въ такихъ городахъ за границей“.

Пришлось ему объяснять, въ чемъ дѣло на примѣрѣ Одессы, въ которой онъ бывалъ въ то еще время, когда тамъ существовало порто-франко.

Говорили потомъ о свойствахъ нашего Черноморскаго побережья на Кавказѣ и необходимости имѣть тамъ удобный и всегда доступный портъ. Батумъ именно таковъ и пріобрѣтеніе его намъ нужно не для угрозы кому-либо, а для развитія нашей торговли, хотя безъ сомнѣнія для насъ важно будетъ укрѣпить его, какъ серьезный опорный пунктъ. По вопросу объ укрѣпленіяхъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, чтобы не испортить дѣла и не связать себя какими-либо невыгодными обязательствами, да еще международнаго значенія.

По азіатскому и батумскому вопросамъ будутъ говорить и Горчаковъ и Шуваловъ. Проработавъ съ послѣднимъ все утро, я убѣдился, что онъ отлично схватываетъ всякую мысль. Какъ жаль, что его карьера началась и шла не такъ, какъ бы слѣдовало по его способностямъ. Онъ—замѣчательно даровитый человѣкъ.

„Батумъ—нашъ; объ укрѣпленіяхъ ни слова, завтра разскажу подробности“. Изъ-за желанія скорѣе узнать о судьбѣ Батума, я нѣсколько разъ ходилъ въ посольство и, наконецъ, рѣшился ожидать Шувалова при выходѣ изъ дворца Бисмарка. Перехвативъ его на пути, я успѣлъ получить только тотъ отвѣтъ, который записалъ выше. Отлегло отъ сердца.

Погода отвратительная, дождь.

Воскресенье 25 іюня/7 іюля. Утромъ у Шувалова. Прежде всего онъ разсказалъ подробности о малоазіатскихъ нашихъ дѣлахъ и преніяхъ, бывшихъ на вчерашнемъ 14-мъ засѣданіи Конгресса. Когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о нашихъ пріобрѣтеніяхъ въ Малой Азіи, маркизъ Салисбюри сдѣлалъ вопросъ нашимъ уполномоченнымъ, желаютъ ли они удержать за собою Ардаганъ и Карсъ, такъ какъ отторженіе ихъ можетъ сильно поколебать престижъ султана въ Азіи. Если Россія рѣшится оставить ихъ за собою, то Англія позаботится, другими способами, обезпечить свое вліяніе въ М. А. Словомъ, англичане, имѣя уже наше лондонское обѣщаніе уступить Баязетъ и Алашкертскую долину, хотѣли совсѣмъ оставить насъ въ прежнихъ границахъ. Каковы! Князь Горчаковъ, послѣ этого заявленія, прямо выпалилъ, „что Россія уступаетъ Эрзерумъ, Баязетъ и Алашкертскую долину и что сверхъ того

онъ уполномоченъ заявить, что Государь, пользуясь своими верховными правами, провозгласитъ Батумъ порто-франко".

Всѣ это приняли, особыхъ затѣмъ препираній не было, но мы согласились уступить часть Лазовъ. Вопросъ, были ли бы споры о Батумѣ, если бы князь Горчаковъ не заявилъ о порто-франко? Думается, что такъ бы и осталось.

— „А отвѣтъ изъ Петербурга о Батумѣ полученъ?"—спросилъ я.

— „Полученъ".

— „Какой"?

— „Батума во что бы ни стало не отстаивать".

?!!.

Очевидно, англичане пугали насъ Батумомъ съ цѣлью понудить на новыя уступки—это понятно. Но какъ же мы-то соглашались отказаться отъ него? Рѣшительно ничего не понимаю [1]).

Шуваловъ уже видѣлся сегодня съ Салисбюри у Горчакова. Тотъ возставалъ противъ ректификаціи границъ въ Малой Азіи, твердя, что это значитъ образовывать независимыя ханства (это о Лазахъ?). „Ходилъ, говоритъ Шуваловъ, успокоивать Салисбюри". А вѣдь, пожалуй, старикъ на этотъ разъ говоритъ правду.

Вопросъ по Софійскому санджаку въ Commission de délimitation принятъ предварительно согласно нашему большинству голосовъ, т. е. предложеніе графа де-Семезона. Балканская граница одобрена по хребту съ выходомъ въ 2½ версты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по усмотрѣнію европейской комиссіи, но Шуваловъ на это не согласился. Представитель Англіи—Одо Россель—хотѣлъ уйти изъ комиссіи, говоря, что Россія не дозволяетъ оспаривать южную границу. Какъ не дозволяетъ—еще ни слова не сказали. Всѣ эти вопросы будутъ разбираться въ нашей комиссіи. Собираемся въ 9 ч. утра.

Еще разъ мы должны убѣдиться, что Европа, вся безъ исключенія, противъ насъ. Германія поддерживаетъ насъ, но болѣе платонически, и всѣ очень хорошо знаютъ, что далѣе этого дѣло не пойдетъ, а потому тянутъ насъ во всѣ стороны самымъ безцеремоннымъ образомъ, а безсовѣстная Австрія болѣе всѣхъ и съ невозмутимымъ нахальствомъ. Да, наше положеніе плохо и надо

---

[1]) О закрытіи порто-франко въ Батумѣ см. приложеніе № 5.

серьезно подумать объ его улучшеніи. Надо полагать, что послѣ заключенія мира будетъ большая внутренняя работа. Дай-то, Боже.

Понедѣльникъ 26 іюня/8 іюля. Надо полагать, что сегодня было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи. Въ обыкновенномъ мѣстѣ нашихъ засѣданій Вильгельмштрассе 76, она собралась въ 9 ч. утра. Англичане не явились, отзываясь, что, оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, они не желаютъ болѣе входить въ пренія. Дѣло безъ нихъ пошло необыкновенно скоро. Всѣ почти вопросы разрѣшались единогласно, и мы въ одно засѣданіе сдѣлали болѣе, чѣмъ въ нѣсколько предшествовавшихъ. Если бы не было англичанъ, или если бы они были одушевлены безпристрастіемъ, то наша задача была бы кончена давно и притомъ съ лучшими для балканскихъ христіанъ результатами. Разошлись мы въ 1/22-го. Вотъ что создано нами.

Предложенные на этотъ разъ разсмотрѣнію комиссіи вопросы главнымъ образомъ касались:

а) проведенія окончательнаго направленія границы по Балканамъ,

б) опредѣленія восточныхъ и южныхъ границъ Софійскаго санджака,

в) опредѣленія сербско-болгарской границы у Пирота и Трна, и

г) проведенія границы между вилайэтами Салоникскимъ и Филиппопольскимъ.

Балканскій вопросъ. Бывшая до сего времени задержка по этому вопросу состояла въ томъ, что англичане, отступаясь отъ принятаго вначалѣ общаго принципа вести границы по гребнямъ горъ, тамъ, гдѣ встрѣчаются хребты, требовали отвода въ пользу Румеліи особаго стратегическаго пояса въ 5 километровъ шириною, на пространствѣ между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ. Во время безконечныхъ споровъ по этому вопросу, занявшихъ не одно засѣданіе нашей комиссіи, выяснилось, что никто не держитъ сторону англичанъ, но какъ они не соглашались отступиться отъ своего заявленія и въ Commission de délimitation, то снова намъ пришлось разбирать это надоѣвшее всѣмъ дѣло. Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей, всѣ мы согласились, что отмѣрить пятикилометровый поясъ не вездѣ возможно, и не вездѣ онъ имѣетъ смыслъ, но что такъ какъ, съ одной стороны, на мѣсто отправится европейская комиссія, а съ другой, при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣстностью можетъ въ дѣйствительности встрѣтиться необходимость отступить отъ условленной черты гребней горъ, то комиссія и постановила такую резолюцію:

„La commission européenne prendra en consideration la nécessité pour s. m. le sultan de pouvoir défendre les frontières

de la Roumelie Orientale, т. е., что европейская комиссія приметъ во вниманіе необходимость для е. в. султана быть въ состояніи защищать границы Восточной Румеліи [1]).

Приступая затѣмъ къ разрѣшенію другихъ дѣлъ принятымъ уже у насъ порядкомъ постановки частныхъ вопросовъ и рѣшенія ихъ голосованіемъ, мы согласились: разсматривать дѣла въ томъ порядкѣ, какъ они записаны выше, ставить частные вопросы, а голосованіе отложить на самый конецъ засѣданія, произведя его послѣдовательно по всѣмъ частнымъ вопросамъ, сколько бы ихъ ни оказалось.

Границы Софійскаго санджака на востокъ и югъ. Восточная граница была уже проектирована графомъ де-Семезономъ и предварительно одобрена всѣми членами нашей комиссіи, кромѣ Англіи, Австріи и Турціи. Англичане не явились, а турки и австрійцы, не дѣлая вновь никакихъ измѣненій въ намѣченной линіи, согласились подвергнуть ее голосованію. *По южной границѣ* было старое предложеніе англичанъ исключить всю долину Струмы, т. е. отрѣзать отъ санджака Джуму и Кюстендиль. Мы (я и Бобриковъ) предложили вести границу согласно административному дѣленію, сворачивая потомъ на Голяма Планину, такъ чтобы Джума осталась за Турціей, а Кюстендиль—за Болгаріей. Турки, не соглашаясь съ этимъ, требовали уступки Турціи кромѣ Джумы еще Кюстендиля и всей Рыльской рѣки; они хотѣли отхватить отъ Болгаріи знаменитый Рыльскій монастырь, эту древнюю и столь чтимую народомъ святыню. Итакъ, по Софійскимъ границамъ предстояло голосовать три вопроса, одинъ о восточной и два о юго-западной.

Болгаро-сербскія границы. Австрійцы предложили: во-первыхъ, линію около Трна, отходившаго къ Сербіи, линію около Цариброда, придерживаясь въ этомъ послѣднемъ случаѣ старой границы. Мы же (Россія) предложили сдѣлать обходъ около Цариброда отъ Радочина до Грлошкапланина. Въ виду явной неблагопріятности подобныхъ границъ для Болгаріи, возбужденъ былъ вопросъ о предоставленіи болгарамъ черезъ Сербію этапнаго пути между Софіей и Виддиномъ. Итакъ, по границамъ болгаро-сербскимъ набралось четыре вопроса.

По границѣ между Румеліей и Турціей отъ горы Крушево пункта Санъ-Стефанской границы до предѣловъ Болгаріи, единогласно постановлено: направлять границу вдоль стараго административнаго дѣленія. Вопроса для голосованія по этому предмету не было.

---

[1]) Это предложеніе вошло въ Берлинскій трактатъ ст. II.

Всего, стало быть, подлежало голосовать семь вопросовъ. Результатъ вотъ:

НАЗВАНІЕ ДЕРЖАВЪ.	1. Софійская граница по предложенію Франціи.	2. Софійская гр. по предложенію Турціи объ исключеніи Рыльской долины.	3. Софійская южная граница по предложенію Россіи.	4. Австрійское предложеніе отграниченія Трна съ востока.	5. Австрійское предложеніе о Царибродѣ.	6. Русское предложеніе объ обходѣ Цариброда отъ Радочины до Грлошкапланины.	7. Этапная дорога черезъ Сербію.
Allemagne	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Autriche	Да.	съ боль	шинствомъ	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.
France	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Grande-Bretagne . .	н е	п р и	с у т	с т	в о	в а	л а.
Italie	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Russie.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Turquie	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.
	6 +	5 — 1 +	6 +	6 +	4 — 2 +	5 + 1 —	6 +

Такимъ образомъ всѣ семь вопросовъ рѣшены въ пользу предложеній, съ которыми согласовались мы [1]).

Сегодня я, Бобриковъ и Боголюбовъ сняли свою группу—„русскихъ военныхъ уполномоченныхъ". На-дняхъ состоится обѣдъ всей нашей комиссіи, а потомъ вѣроятно снимемъ общую группу въ полномъ числѣ членовъ. Наша группа вышла очень хорошо; снялись мы въ статскомъ платьѣ; я и Бобриковъ сидимъ около стола и разсматриваемъ карту, а Боголюбовъ стоитъ сзади и тоже глядитъ на карту [2]).

Въ среду парадный обѣдъ у Убри, а тамъ обѣдъ у кронъпринца, и, какъ говорятъ, балъ или пріемъ въ Потсдамѣ. Богъ съ ними, съ этими празднествами, скорѣе бы только отпустили.

Вечеромъ Шуваловъ прислалъ за мною въ 11 ч. и сказалъ, что выторговалъ на Конгрессѣ Трнъ въ пользу Болгаріи, но по настоянію Мегеметъ-Али рѣшено нѣсколько урѣзать границы около Врани и оставить Преполацъ за Турціей, не отбирая однако отъ Сербіи ущелья; такъ что отмѣняется только прирѣзка въ 1.000 метровъ, выговоренная прежде (см. выше, запись подъ 19 іюня/1 іюля). Жаль, что уступка сдѣлана въ пользу Турціи, а прирѣзка на счетъ Сербіи. Въ концѣ концовъ Болгарія вознаграждена за урѣзки въ Софійскомъ санджакѣ, а Сербія пострадала.

Вторникъ 27 іюня (9 іюля). Вчера днемъ послѣ ранняго моего обѣда съ Боголюбовымъ, ѣздилъ въ Шарлотенбургъ, гдѣ долго гуляли. Съ нами были Божидаръ Петровичъ и Радоничъ. Сегодня располагалъ ѣхать въ Потсдамъ, но вновь собираютъ комиссіи вѣроятно для проведенія границы около Трна, отходящаго теперь къ Болгаріи. Соберемся въ 12, а въ 2 назначенъ завтракъ нашей комиссіи у Гиллера. Потомъ снимемъ общую группу. Не знаю только, какъ будемъ одѣты—въ военную форму или статскими.

---

[1]) Всѣ эти предположенія одобрены въ Commission de délimitation, утверждены Конгрессомъ и вошли въ Берлинскій трактатъ кромѣ: а) границъ около Трна, потому что самый Трнъ переданъ Болгаріи, и б) этапной дороги черезъ Сербію, оставленной за рѣшеніемъ вопроса о присоединеніи къ Болгаріи Трна.

[2]) Мои коллеги поднесли мнѣ эту группу съ надписью сзади—„нашему басу на конгрессѣ".

Вчера Шуваловъ представилъ меня своей женѣ. Говорятъ, она была красавица. Теперь же полная, здоровая, даже коренастая, дама съ лицомъ, совершенно незамѣчательнымъ. Она бываетъ здѣсь только у Бисмарка, сперва же надѣялась, какъ намекнулъ Шуваловъ, дѣлать пріемы и жить открыто во время Конгресса. И мѣста нѣтъ, и времени у Шувалова мало, да и никто вообще изъ пріѣхавшихъ на Конгрессъ не принимаетъ. Графиня, какъ мнѣ показалось, очень этимъ огорчена. Она здѣсь на нѣсколько дней и пріѣхала уже во второй разъ. Живетъ съ мужемъ, кажется, не въ особой дружбѣ.

Сегодня разъяснилось, о чемъ, третьяго дня, намекалъ Салисбюри, говоря, что если Россія удержитъ за собою Ардаганъ и Карсъ, то Англія должна будетъ другими способами обезпечить свое вліяніе въ Малой Азіи. Вчера вечеромъ, въ англійскомъ парламентѣ объявлено о заключеніи 4 іюня (23 мая) между Англіей и Турціей особой конвенціи, по которой Англія занимаетъ островъ Кипръ и управляетъ имъ отъ имени султана [1]). Этотъ новый захватъ Англіи произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе, и англичане нахально на всѣхъ посматриваютъ. Объ ихъ коварствѣ и своекорыстіи говорятъ съ пѣной у рта, а имъ что за бѣда, они не забываютъ своихъ интересовъ. Въ одно и то же время они заставили насъ сдѣлать въ Лондонѣ (18/30 мая) массу уступокъ и захватили лакомый кусъ въ Турціи. Великіе мастера англичане устраивать свои дѣла! А мы? Просто руки опускаются, когда подумаешь, что все это творится послѣ такой побѣдоносной войны. Какъ, должно быть, они смѣются, что мы послушались ихъ и не заняли Константинополя.

На-дняхъ получаю по почтѣ изъ Парижа, № французскаго журнала „Journal des voyages (№ 52, dimanche 7 Juillet)“. Въ немъ помѣщена статья „Les horreurs de la guerre“ съ картинкою, представляющею казнь поляковъ русскими въ Болгаріи. Въ статейкѣ говорится, что русскіе перевѣшали цѣлый десятокъ докторовъ и инженеровъ польскихъ. Въ числѣ повѣшенныхъ я двухъ знаю— одинъ, докторъ Зачинскій (Zaczynski), получилъ по нашему представленію Анну 3-й степени за услуги, оказанныя нашимъ войскамъ въ Казанлыкѣ, а другой, кажется, Иванъ Барановскій былъ при гофмаршалѣ Великаго Князя главнокомандующаго, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, откуда бѣжалъ въ 1863 г. студен-

[1]) Кипрская конвенція находится въ приложеніяхъ подъ № 6.

томъ Кіевскаго университета и будетъ опредѣленъ въ Болгаріи на должность инженера. Остальные повѣшенные тоже безъ сомнѣнія здравствуютъ, такъ какъ никакихъ поляковъ не вѣшали. Вотъ каковы поляки. Эту исторію они давно уже выпустили, а теперь повторили во время Конгресса. Сегодня получаю брошюру изъ Познани: „Le Congrès et la question polonaise". Написано прилично, безъ ругатни, но поляки выставлены первою націею.

Среда 28 іюня (10 іюля). Вчера было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи и собрались всѣ; даже англичане положили гнѣвъ на милость и явились. Дѣло шло о проектированіи новыхъ границъ въ обходъ Трна съ запада, для отдѣленія его отъ Сербіи и къ югу отъ Врани. Конгрессъ, долго споря о Гределицкомъ ущельѣ, порѣшилъ (разумѣется, не видя карты) надѣлить спорный участокъ такъ, чтобы Враня осталась за Сербіей, а слѣдовательно ей досталось и ущелье, которое хотѣли подѣлить. Всѣ вопросы рѣшены единогласно. Работали всего полтора часа и въ 2 ч. пополудни, получивъ благодарность Конгреса за наши труды, немало облегчившіе и ускорившіе его занятія, мы отправились къ Гиллеру завтракать, а потомъ снимать фотографическую группу. Къ сожалѣнію, всѣ, кромѣ Блюме, были въ статскомъ платьѣ. Придя на мѣсто, рѣшили сперва сниматься, а потомъ приняться за завтракъ, который могъ затянуться. Три раза снимались и все неудачно, кончили тѣмъ, что остановились на первомъ снимкѣ, сперва забракованномъ. Англійскій генералъ Симмонсъ уморительно пыхтѣлъ, двигалъ усами; онъ-то вмѣстѣ съ австрійцемъ и вышли хуже всѣхъ. У меня болѣли зубы, и я тоже вышелъ невполнѣ удачно. Завтракъ былъ веселый. Много смѣялись, болтали, вспоминали наши споры, трунили надъ crêtes и zones около Балканъ. Англичанинъ говорилъ, что теперь всѣ препятствія пройдены, а у бутылокъ нѣтъ crête, нѣтъ пробокъ. Съ этого бы слѣдовало и начать, прибавилъ Симмонсъ. Разстались любезно, взявъ съ собою menu завтрака съ нашими на оборотѣ подписями. Графъ де-Семезонъ сказалъ спичъ въ честь взаимнаго уваженія всѣхъ армій, представители коихъ присутствовали на завтракѣ.

Въ пятницу опять сходимся всѣ вмѣстѣ—повезутъ насъ осматривать казармы, кадетскій корпусъ и нѣкоторыя другія военныя учрежденія. Здѣшніе военные агенты жалуются, что имъ не охотно показываютъ, и что теперь они поѣдутъ съ нами, пользуясь удобнымъ случаемъ. Вообще военные агенты не хвалятъ свое положеніе въ Берлинѣ. На знакомства ихъ въ обществѣ, особенно съ офице-

рами, смотрятъ косо и подозрительно; свѣдѣній никакихъ не сообщаютъ и показывать ничего не желаютъ. Этимъ объясняется ихъ намѣреніе ѣхать съ нами осмотрѣть кадетскій корпусъ и казармы—ихъ они до сихъ поръ не видали.

Въ субботу положительно будетъ подписанъ трактатъ, но, кажется, насъ задержатъ до вторника или среды печатаніемъ и торжествами.

Бобриковъ вчера поѣхалъ въ Петербургъ и очевидно не вернется, такъ какъ здѣсь все кончится. Здѣсь, проѣздомъ на воды, была его невѣста, весьма милая особа; видѣлъ ее на вокзалѣ. Самъ онъ хорошо знаетъ Турцію и Балканы.

Сегодня утромъ въ 11 ч. я пошелъ къ Шувалову. Онъ принималъ кого-то, но вышелъ сказать, чтобы я подождалъ, такъ какъ онъ имѣетъ что-то мнѣ передать. Когда пріемъ кончился, Шуваловъ сказалъ: „все дѣла улажены, въ субботу подписывается трактатъ, а я (т. е. онъ) ѣду въ воскресенье и буду просить васъ, чтобы вы повременили ѣхать губернаторствовать, а сопровождали меня въ Петербургъ. Я желаю, чтобы вы лично объяснили все, что было сдѣлано нами на Конгрессѣ по болгарскому вопросу". Отказываться, разумѣется, не пришлось, хоть по правдѣ сказать, услыхавъ, что онъ уѣзжаетъ въ воскресенье, я уже мысленно видѣлъ себя въ Радомѣ, а теперь придется ждать еще добрую недѣлю.

Сегодня на засѣданіи Конгресса Шуваловъ будетъ хлопотать о нейтрализаціи Шипки. Кажется, Мегеметъ-Али соглашается; ему обѣщана въ такомъ случаѣ поддержка Россіи къ назначенію его румелійскимъ генералъ-губернаторомъ. Что-то странно; генералъ-губернаторомъ можетъ быть только христіанинъ. Можетъ быть, Мегеметъ-Али самъ предполагаетъ хлопотать, надѣясь, что Европа приметъ его, какъ нѣмца по происхожденію. Едва-ли однако согласятся имѣть на такомъ посту ренегата, бросившаго сперва христіанство, а теперь парадирующаго тѣмъ, что онъ—мусульманинъ только по виду. Шуваловъ самъ мнѣ сказалъ, что обѣщалъ ему поддержку, стало быть, это—фактъ; но очевидно обѣщаніе такъ имъ

и останется. Шуваловъ такъ торопился, что некогда было его разспрашивать. Сегодня въ 7 ч. обѣдъ у Убри и тамъ узнаю, въ чемъ дѣло.

Привожу копію заявленія, приготовленнаго графомъ Шуваловымъ о Шипкѣ. Оно краснорѣчиво, но сантиментально, а пожалуй и преждевременно потому, что неизвѣстно еще, какъ будетъ проведена граница на мѣстѣ, и кому достанется Шипкинская позиція.

„Il y a dans la chaîne des Balkans un point qui a été le théâtre de luttes heroiques: elles ont pu être égalées, mais non surpassées dans l'histoire. Jamais il n'y a eu un deploiment plus énergique de toutes les vertus militaires et patriotiques dont le drapeau est le symbole.

„Ce que j'en dis s'applique également aux deux parties. De pareilles luttes laissent, après elles, l'estime réciproque et le respect qui s'attache à la mémoire de milliers de Russes et de Turcs dont les ossements blanchissent les ravins de Schipka.

„Nous demandons à la haute assemblée de donner un témoignage de ce respect aux braves qui dorment à Schipka en faisant de ce point un glorieux cimetière où il ne s'élèvera plus de batteries et oú jamais le canon ne grondera“.

Четвергъ 29 іюня—11 іюля. Обѣдъ у Убри (вчера 28 іюня—10 іюля) былъ въ полномъ смыслѣ блистательный. Ничего подобнаго мы ни у кого еще здѣсь не видали. Серебро (тарелки, блюда), фарфоръ, все съ его вензелями и въ изобиліи. Масса цвѣтовъ. Поваръ его считается лучшимъ въ Берлинѣ, а самъ онъ—утонченнымъ гастрономомъ. За обѣдомъ было 45 чел., всѣ въ статскомъ платьѣ, кромѣ Боголюбова, явившагося въ мундирѣ. На насъ были ленты, звѣзды, и вышло весьма красиво. Я сидѣлъ между Жомини и гр. Дель-Майно. Обѣдъ былъ очень оживленъ, но къ сожалѣнію послѣ него пришлось опять идти въ нашу комиссію, на которую возложили и малоазіатское разграниченіе.

Вышло это такимъ образомъ. Конгрессъ, разсуждая о границахъ тѣхъ нашихъ уступокъ, которыя мы сдѣлали въ странѣ Лазовъ къ западу отъ Ольты, утромъ сегодня (17-е засѣданіе) возложилъ опредѣленіе точной границы на Commission de délimitation. Комиссія, вѣрная своимъ привычкамъ, пригласила нашу комиссію высказаться и, чтобы скорѣе окончить дѣло, назначила засѣданія обѣихъ комиссій въ одно и то же время, въ залахъ Конгресса. Насъ это не особенно устраивало. На мѣстѣ за Кавказомъ, ни я, ни Боголюбовъ не были, мѣстныхъ условій не знали, даже мало были знакомы съ подробностями военныхъ операцій, тамъ происходившихъ. Такимъ образомъ и для насъ самихъ карта была почти нѣмою. Обратились мы къ

нашему консулу въ Алеппо г. Иванову, состоявшему при канцеляріи канцлера по дѣламъ малоазіатскаго населенія. Оказалось, что и онъ ничего не знаетъ о границѣ. Карта, данная въ военномъ министерствѣ уполномоченнымъ, не имѣла при себѣ объяснительнаго текста. Посовѣтовавшись между собою, я и Боголюбовъ рѣшились отстаивать для насъ Зивинъ съ его позиціей. Когда окончательно проектировали линію, англичане,—согласные было сперва во всемъ съ нами и предполагавшіе опредѣлить границу на мѣстѣ, по соглашенію между Россіей и Турціей—увидѣли на картѣ Зивинъ. „Зивинъ, что это такое?"—спросилъ Симмонсъ. „Ахъ да, это мѣсто вашего боя съ турками. Его оставить за Россіей нельзя". Начались споры, кончившіеся тѣмъ, что всѣ мы согласились въ виду трудности опредѣлить на картѣ точное направленіе границы,—провести ее на мѣстѣ комиссіею изъ офицеровъ Россіи, Турціи и Англіи. Въ этихъ переговорахъ время ушло до ½ 1-го ночи.

Торопятъ ужасно; въ субботу хотятъ подписать трактатъ, чтеніе окончательнаго текста котораго уже начато сегодня.

Домой возвращаемся вмѣстѣ съ Шуваловымъ, который былъ въ отличномъ расположеніи духа. Заявленіе его о Шипкѣ принято Конгрессомъ, и европейской комиссіи указано обсудить этотъ вопросъ на мѣстѣ.

Приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, въ субботу 1/13 іюля уже получено. Ровно мѣсяцъ работалъ Конгрессъ—быстрота поразительная, но результаты едва-ли будутъ долговѣчны.

Пожалуй, придется еще возвратиться въ Берлинъ и даже нѣсколько разъ. Говорятъ, что Конгрессъ выразитъ желаніе, чтобы работы, произведенныя въ Турціи европейскою комиссіею разграниченія, которая будетъ туда отправлена, были разсмотрѣны нашею комиссіею, и для того намъ придется возвращаться нѣсколько разъ, такъ какъ работы будутъ представляться по частямъ.

Завтра насъ возятъ по военнымъ учрежденіямъ, затѣмъ въ субботу обѣдъ и въ воскресенье отъѣздъ Шувалова и мой, а также, думаю, Боголюбова; остальные же, вмѣстѣ съ Горчаковымъ, остаются здѣсь еще на нѣсколько дней. Горчаковъ желаетъ отдохнуть передъ дорогой и главное справить здѣсь день своей, кажется, 80-й лѣтней годовщины. Онъ вчера не былъ на обѣдѣ, а также не былъ Биконсфильдъ и Бисмаркъ. Оба они сидятъ дома, а послѣдній и боленъ чѣмъ-то.

Вотъ, для любопытныхъ, menu обѣда у Убри, 10 іюля н. с. 1878 г.

Turtle soup,
Potage Rossolnik.
Sigur Caviar.
Petites timbales au foie gras.
Saumon du Rhin à la Régence.
Filet de boeuf à l'Italienne.
Crême de getinottes aux truffes.
Cotelettes de chevreuil au chasseur.
Mayonnaise de homards sauce ravigote.
Punch à la Romaine.
Poulardes de France.
Salade.
Petits pois à la Française.
Ananas à la Clermont.
Macédoine de fruits.
Fromage. Glaces. Dessert.

А вотъ программа музыки:

Programm
am 10 Juli 1878.

Einzug der Gäste auf der Wartburg a. d. Op. „Der Tanhäuser . . .	v. Wagner.
Ouverture z. op. „Die Italienerin in Algier	v. Rossini.
An der schönen blauen Donau Walzer.	v. Strauss.
Fantasie a. d. op. „Margarethe" . . .	v. Gounod.
Fledermaus—Quadrille	v. Strauss.
Arie der Gilda u. d. Op. „Rigoletto" .	v. Verdi.
Aufforderung zum Tänz	v. C. m. v. Weber.
Manzanillo-Scene des V Acts a. d. op. „Die Afrikanerin" . . .	v. Meyerbeer.
Fest marsch	v. Leonhardt.

Пятница 30 іюня—12 іюля. На вчерашнемъ засѣданіи Конгресса намъ снова сдѣлали большую непріятность. Уже нѣсколько дней тому назадъ, гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что маркизъ Салисбюри все надоѣдаетъ ему съ депешами англійскаго посла въ Константинополѣ, доносящаго о безобразіяхъ и безпорядкахъ, происходящихъ въ Родопскихъ горахъ. Я объяснилъ ему словесно и показалъ на картѣ, что Родопскія горы не входятъ въ нашъ раіонъ,

опредѣленный демаркаціонной линіей для перемирія; мы ихъ не занимаемъ, а потому и отвѣчать за то, что тамъ дѣлается, не можемъ. На томъ и порѣшили. Между тѣмъ 29-го іюня (11 іюля), на 18-мъ засѣданіи Конгресса, Салисбюри снова атаковалъ Шувалова и тотъ заявилъ объ этомъ Конгрессу, сказавъ, что край этотъ нашими войсками не занятъ и что не имѣетъ ничего противъ того, чтобы разслѣдовать дѣло на мѣстѣ посредствомъ комиссіи, назначенной послами всѣхъ державъ (участницъ въ Конгрессѣ) въ Константинополѣ. Бисмаркъ замѣтилъ, что въ сущности это не дѣло Конгресса, но всѣ на комиссіи согласились. Очевидно, намъ готовятъ гадость тамъ на мѣстѣ, но какую, здѣсь трудно сказать [1]).

Осмотръ казармъ не состоялся для насъ, русскихъ; мы должны кончить наши карты, такъ, чтобы все было готово къ отъѣзду въ воскресенье вечеромъ.

Сегодня обѣдалъ у Шувалова. Онъ посадилъ меня между собою и графиней и былъ крайне любезенъ. Проситъ онъ меня подвинуть ему перецъ и говоритъ: „я не хотѣлъ просить васъ подвинуть соль, чтобы не поссориться; впрочемъ, если въ прошломъ мы ссорились, то только потому, что все, происходившее между нами, происходило заочно и мы не видали и не знали другъ друга, а если бы сошлись и познакомились, теперь-то никакихъ бы недоразумѣній быть не могло“.

За обѣдомъ только были я, Боголюбовъ и Ивановъ, консулъ въ Алеппо. Шуваловъ пилъ за наше здоровье, благодарилъ за оказанное ему содѣйствіе и былъ очень внимателенъ. „Я не хотѣлъ выѣзжать изъ Берлина, чтобы не засвидѣтельствовать моей особой благодарности нашимъ офицерамъ генеральнаго штаба, поддержавшимъ здѣсь его славу“.

Мы поднесли гр. Шувалову нашу карточку-группу, онъ обѣщалъ дать свою карточку, которая еще не готова. Во время обѣда онъ сказалъ: „я просилъ Дмитрія Гавриловича ѣхать со мною въ Петербургъ—хочу предстать передъ Государемъ во всеоружіи“.

Графиня не ѣдетъ въ Петербургъ, а возвращается въ Теплицъ. Мы выѣзжаемъ въ воскресенье въ 11 ¼ вечера. Въ 3 ¼ ч. пополудни въ понедѣльникъ будемъ въ Эйдкуненѣ, вечеромъ того же дня въ Вильно, а во вторникъ вечеромъ въ Петербургѣ.

---

[1]) См. приложеніе № 7.

Суббота 1/13 іюля. Договоръ сегодня подписанъ. Бисмаркъ закрылъ засѣданіе рѣчью, выразивъ въ ней благодарность Конгресса, между прочимъ, всѣмъ чинамъ секретаріата и офицерамъ, участвовавшимъ въ спеціальныхъ работахъ Конгресса.

Парадный обѣдъ въ замкѣ у кронъ-принца прошелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и первый, бывшій ровно мѣсяцъ тому назадъ. За обѣдомъ кронъ-принцъ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Надежды, съ которыми я привѣтствовалъ, мѣсяцъ назадъ, отъ имени императора, знаменитыхъ государственныхъ людей, собравшихся на Конгрессѣ, счастливо осуществились. Водвореніе мира, столь желаемаго всею Европою, увѣнчало ихъ усилія. Передавая чувства, одушевляющія моего августѣйшаго родителя, я счастливъ, что могу почтить мудрость и примирительный духъ, которые привели къ столь важнымъ результатамъ. Установленное соглашеніе послужитъ новою гарантіею мира и всеобщаго благосостоянія. Содѣйствіе Германіи заранѣе принадлежитъ всему, что будетъ клониться къ утвержденію и сохраненію этихъ великихъ благъ. Отъ имени его величества пью здоровье монарховъ и правительствъ, представители которыхъ подписали, въ этотъ памятный день, Берлинскій трактатъ“.

Обѣдъ окончился въ $^1/_2$ 8-го, и снова за нимъ послѣдовалъ раутъ въ картинной галлереѣ. Принцъ и принцесса любезно обходили гостей. Какъ только принцъ подходилъ къ кому-нибудь, сейчасъ дѣлался кружокъ, и всѣ старались приблизиться къ говорившимъ. Такъ было и въ то время, когда кронъ-принцъ подошелъ ко мнѣ. Сзади его, нѣсколько сбоку, такъ что ему было видно, стоялъ прусскаго генеральнаго штаба подполковникъ Блюме, предсѣдательствовавшій въ нашей комиссіи разграниченія. Сказавъ нѣсколько словъ о счастливомъ окончаніи нашихъ работъ, кронъ-принцъ, совершенно неожиданно подпрыгнулъ и, быстро перевернувшись въ другую сторону, немедленно, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ разговоръ съ очутившимся передъ нимъ Блюме. Признаюсь, эта выходка немало поразила меня, да и другихъ около стоявшихъ. Въ завязавшемся за симъ разговорѣ прусскіе офицеры съ горечью говорили о своемъ Фрицѣ и ставили вопросъ,—что будетъ, когда оба императора, и ихъ и нашъ, сойдутъ со сцены? „Вашъ наслѣдникъ не любитъ нѣмцевъ, нашъ—не любитъ русскихъ; не быть тогда добрымъ отношеніемъ между Россіей и Германіей“.

Menu обѣда.

Berlin, den 13 juli 1878.

Potage tortue;
Concommé à la Royale.

———

Truites au bleu, sauce au beurre;
Turbot aux homards gratinés.

———

Selles de veau à la milanaise;
Filets de boeuf à la flamande.

———

Salmi de bécassines aux truffes;
Timbales à la parisienne.

———

Majonnaise d'écrevisses.

———

Poulardes du Mans rôties;
Chevreuil rôti, salade.

———

Fonds d'artichauts gratinés;
Haricots verts à l'anglaise.

———

Pêches à la madelaine;
Croutes aux cerises.

———

Crême bavaroise aux fraises;
Gelée d'ananas.

———

Glaces variées
Compote, bisquit
Dessert.

Программа музыки.

Programm

am 13 iuli 1878.

1. Ouverture zu „Prometheus" . . . . . Beethoven.
2. Ouverture zu „Figaro's Hochzeit" . . . Mozart.
3. Scene aus dem Musik-Drama „Die Walküre" . . . Wagner.

4. „Warter's Troumlied“ aus der opera „die Meistersinger“ . . . . . Wagner.
5. „Träumereien“ . . . . Schumann.
6. „Präludium“ . . . . S. Bach.
7. Marsch aus „Heracles“ . . . . Händel.
8. Marsch aus „Alceste“ . . . . Glück.
9. Marsch aus der „Suite“ . . . . Lachner.
10. Walzer aus „Prinz Methusalem“ . . . Ion. Strauss.

Воскресенье 2/14 іюля. Утромъ я съ Боголюбовымъ ходилъ откланяться князю Горчакову. Канцлеръ принялъ насъ во второй комнатѣ, сидя у окна, выходящаго на Unter den Linden. Онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и крайне болтливъ. Продержалъ насъ болѣе часу и не хотѣлъ отпустить, несмотря на то, что ему доложили о приходѣ Ристича, прождавшаго въ залѣ весьма долго. Подъ конецъ Убри вошелъ къ канцлеру и напомнилъ о дожидавшемъ сербскомъ министрѣ.

— „Пусть подождетъ, я еще не окончилъ моей бесѣды“.

Бесѣда была однако весьма неинтересная. Канцлеръ, съ необычайнымъ многословіемъ и старческою откровенностью, разсказывалъ намъ о значеніи богатства вообще и о томъ, какъ онъ успѣлъ дѣлать богатыми своихъ сыновей женитьбою на богатыхъ и покупкою за дешевую цѣну выгодныхъ имѣній...

Отпуская насъ, князь выразилъ намъ благодарность за наши работы и прибавилъ, что мы произвели на него самое выгодное впечатлѣніе.

Вещи уложены, дописываю послѣднія строки. Страданія наши прекратились, и пресловутый Конгрессъ конченъ. Черезъ два часа ѣду въ Петербургъ.

Заключеніе.

Дорогу отъ Берлина до нашей границы мы сдѣлали прекрасно. Я и Боголюбовъ получили очень помѣстительное отдѣленіе на шесть мѣстъ въ одномъ изъ прекрасныхъ желтыхъ вагоновъ, а гр. Шуваловъ взялъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Рано утромъ на другой день онъ пришелъ къ намъ, говоря, что его мѣсто очень неудобно, вагонъ набитъ биткомъ и оттого тѣсно и душно!—„пришелъ къ вамъ освѣжиться“.

Въ Вержболовѣ мы переодѣлись въ военную форму и получили отличный семейный вагонъ. Въ Царскомъ Селѣ гр. Шуваловъ передалъ фельдъ-егерю портфель съ текстомъ трактата и другими бумагами, для представленія Государю и продолжалъ съ нами путь до Петербурга. Приглашенія явиться тогда же, со станціи желѣзной дороги, гр. Шуваловъ не получилъ и просить о немъ не хотѣлъ, говоря: „хочу явиться вмѣстѣ съ вами; вмѣстѣ работали, вмѣстѣ будемъ отвѣтъ держать“.

На другой день утромъ я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались на царскосельскомъ вокзалѣ, куда скоро пріѣхалъ и графъ Шуваловъ. Въ Царское Село поѣхали всѣ вмѣстѣ.

Гр. Шуваловъ, по пріѣздѣ во дворецъ, скоро былъ позванъ къ Государю, а мы трое остались передъ кабинетомъ и ожидали болѣе получасу. Потомъ вышелъ гр. Шуваловъ и пригласилъ насъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ кромѣ Государя находились: Наслѣдникъ Цесаревичъ, военный министръ Д. А. Милютинъ, графъ Адлербергъ 2-й и товарищъ министра иностр. дѣлъ—Гирсъ. Когда мы вошли въ кабинетъ, гр. Шуваловъ представилъ насъ Государю и сказалъ, что „мы были самыми усердными его помощниками и отличною своею работою поддержали славу нашего генеральнаго штаба“.

Государь милостиво поблагодарилъ насъ, подалъ руку и, сдѣлавъ каждому нѣсколько вопросовъ,—отпустилъ. Государь былъ въ тревожно-серьезномъ настроеніи духа. Серьезны были и прочія лица, находившіяся въ государевомъ кабинетѣ. Всѣмъ было не до разговоровъ. Другого столь тягостнаго пріема у Государя я не запомню.

Въ Петербургѣ мнѣ пришлось пробыть болѣе мѣсяца. Сперва ожидали возвращенія князя Горчакова, а потомъ окончательныхъ распоряженій по устройству нашихъ дѣлъ въ Турціи. Оказалось, что я произвелъ на князя Горчакова отличное впечатлѣніе, и онъ желалъ, чтобы я былъ назначенъ или членомъ отъ Россіи въ международную комиссію по устройству Румеліи или, наконецъ, состоять при послѣ въ Константинополѣ, по дѣламъ разграниченія,

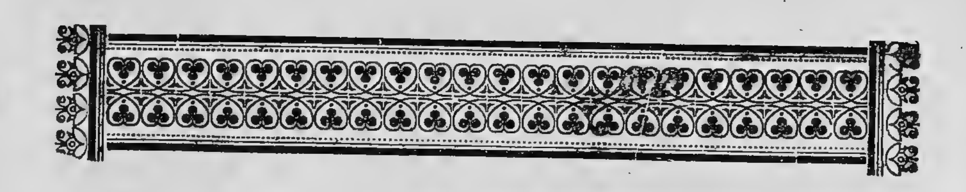
Я отклонилъ оба назначенія. Первое потому, что къ дипломатической дѣятельности не готовился и не на столько владѣю французскимъ языкомъ, чтобы не только говорить на немъ въ собраніи дипломатовъ, но еще и писать свободно, а безъ этого послѣдняго условія пришлось бы поставить себя въ неловкое положеніе. Это не то, что наша спеціальная военная комиссія при Конгрессѣ въ

Берлинѣ; тамъ дѣло шло объ исключительно граничныхъ вопросахъ и никакихъ тонкостей діалектики не требовалось. На эту должность я рекомендовалъ нашего филиппопольскаго губернатора генеральнаго штаба полковника А. А. Шепелева. Онъ и былъ назначенъ. Второе же назначеніе было прямо невыгодно: оно заставило бы меня отказаться отъ губернаторской должности и по окончаніи занятій въ Константинополѣ поставило бы меня въ положеніе лица, ищущаго мѣста. Я предпочелъ возвратиться въ Радомъ, гдѣ и оставался до начала декабря 1879 г., когда былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и командующимъ войсками, тамъ расположенными.

Дмитрій Анучинъ.

Сообщила А. С. Анучина.

Въ долинѣ Дуная въ 1877 году [1].

VIII.

Утромъ, 26 августа, направляясь въ Бѣлградъ, я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Бухареста въ Турнъ-Северинъ, чтобы дальше по береговой дорогѣ въ экипажѣ миновать дунайскіе пороги до Орсовы, тамъ переночевать, а рано утромъ сѣсть на пароходъ австрійскаго Ллойда. Въ полночь проѣзжалъ мимо небольшого острова Ада-кала съ турецкою крѣпостью въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, на островѣ мелькали огни и оттуда неслись гортанные звуки турецкаго лагеря. Вокругъ была пустынная мѣстность и ни малѣйшаго признака австрійской пограничной стражи. Обошлось благополучно.

На другой день пароходъ шелъ вдоль сербскаго берега. Взглядъ мой скользилъ по береговымъ, лѣснымъ, нагорнымъ дебрямъ развертывавшейся предо мной Сербіи, уже сдѣлавшейся для меня чѣмъ-то очень близкою и дорогою. Вотъ въ этихъ-то трущобахъ, представлялось мнѣ, впервые закопошились мужественные борцы за родину, когда донеслись сюда раскаты побѣдныхъ пушекъ екатерининскихъ богатырей. Среди этихъ непроходимыхъ дебрей сплачивалась сербская сила, не замедлившая отозваться на бранный призывъ братскаго народа. Не велика была рать у Георгія Чернаго, но много

[1] „По статьямъ, уже помѣщеннымъ на страницахъ „Русской Старины", можно судить о характерѣ и достоинствахъ записокъ Г. И. Бобрикова, которыми авторъ имѣетъ въ виду охватить тѣ эпохи, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, въ большинствѣ случаевъ, какъ одному изъ руководителей. Время успокоило страсти, наступила минута нелицепріятной оцѣнки событій и лицъ, и въ этомъ отношеніи трудъ Г. И. нельзя не признать выдающимся. Первая серія статей касается дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны и т. д. Мысли автора глубоки, изложеніе выпукло и литературно".

Ред.

въ ней было мужества и рѣшимости постоять за свободу родины. Твердая вѣра въ святость дѣла дала ей побѣду, которую Россія поспѣшила закрѣпить международнымъ договоромъ.

Прошло затѣмъ полвѣка, а уже много превратностей судьбы пришлось претерпѣть юному княжеству. Сначала попытки турокъ вновь вернуть его подъ свою власть, продолжительное задержаніе ими крѣпостей, а въ особенности внутреннія неурядицы, а потомъ вредное вліяніе Запада, отразившееся введеніемъ въ страну государственнаго строя, не отвѣчавшаго тогдашнему ея состоянію... Насильственный перерывъ организаторской дѣятельности князя Михаила, малолѣтство настоящаго князя и естественная неустойчивость власти рагентства. Все это, очевидно, не могло благопріятно вліять на плавное развитіе внутренней силы молодого организма.

Съ моей стороны было бы, конечно, неосновательно предполагать встрѣтить въ Сербіи вполнѣ организованную военную систему. Вѣрнѣе ожидать, что я тамъ встрѣчу полное неустройство, только благія намѣренія большинства и, быть можетъ, даже серьезное сопротивленіе со стороны другихъ, личные интересы которыхъ затрагиваются моимъ пріѣздомъ. Во всякомъ случаѣ я найду въ странѣ, близкихъ по роду и духу Карагеоргію, потомковъ его доблестныхъ юнаковъ, которыхъ мужество не поколебалось неудачами послѣдней войны.

На одной изъ пристаней съ парохода, шедшаго съ верха, пересѣлъ къ намъ князь А. Н. Цертелевъ, возвращавшійся въ дѣйствующую армію изъ Бѣлграда, куда ѣздилъ по служебному порученію. Смѣтливый юноша, узнавъ о моемъ полномочіи, захотѣлъ меня видѣть, чтобы передать всѣ свои впечатлѣнія, только что вынесенныя. Конечно, я былъ ему чрезвычайно признателенъ и съ величайшимъ интересомъ выслушалъ его разсказъ.

„Васъ ждутъ въ Сербіи съ великимъ нетерпѣніемъ и большія надежды связываютъ съ вашимъ пріѣздомъ. Предупреждаю, правительство не рѣшается на объявленіе Турціи войны ранѣе марта. Существуетъ убѣжденіе въ нерѣшительномъ исходѣ кампаніи настоящаго года и въ возобновленіи военныхъ дѣйствій раннею весною. Не желая подвергаться лишеніямъ и невзгодамъ зимняго военнаго времени, князь съ министромъ хотятъ поспѣть прямо къ финалу, чтобы участвовать въ дѣлежѣ трофеевъ. Между тѣмъ селяки, т. е. сельское населеніе, рвутся въ бой...

Что вы объ этомъ думаете?“

— Мнѣнія высказать еще не могу, а полагаю, что такъ или иначе, а сербамъ придется втянуться въ войну еще настоящею осенью.

Въ день прибытія въ Бѣлградъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Н. Н. Ладыженскимъ, временно управлявшимъ нашимъ генеральнымъ консульствомъ, любезно меня встрѣтившимъ на пароходной пристани. На первыхъ порахъ онъ мнѣ былъ чрезвычайно полезенъ. Владѣя сербскимъ языкомъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ жизнью страны. Тогда мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ, относя всѣ бѣдствія княжества къ личности князя Милана. Только позднѣе я убѣдился на дѣлѣ въ его правотѣ. Въ Бѣлградѣ онъ жилъ со своею малолѣтнею семьей, какъ у себя въ деревнѣ. Съ сердечною благодарностью вспоминаю его бесѣды, всегда умныя, чистосердечныя и прямыя, широкое чисто русское гостепріимство, горячія щи, напрѣвшую гречневую кашу. А по вечерамъ какъ было отрадно уноситься въ міръ грезъ подъ чудные музыкальные звуки его искусной игры на роялѣ!

О положеніи дѣлъ въ княжествѣ я услышалъ мало утѣшительнаго. Послѣ реквизиціи во время послѣдней войны, страна представлялась разоренною. Промышленность и торговля—въ рукахъ иноземцевъ. Частнаго кредита не существовало, правительственный палъ до невозможности. Почти полное отсутствіе организованныхъ вооруженныхъ силъ кромѣ нѣсколькихъ наскоро сколоченныхъ баталіоновъ. Вооруженіе жалкое. Никакихъ правительственныхъ запасовъ, ни продовольственныхъ, ни вещевыхъ, ни боевого снаряженія, за исключеніемъ развѣ вещей, присланныхъ изъ Россіи за добровольческій періодъ. Общественныя силы подорваны. Изъ лучшихъ семействъ много было въ изгнаніи. Почти всѣ вовлечены въ политическую борьбу. Даже духовенство и войска служили орудіями честолюбивыхъ помысловъ...

Два обстоятельства изъ недавняго прошлаго остановили мое вниманіе. Генеральный консулъ Карцовъ былъ удаленъ нами отъ должности, по проискамъ князя, съ лишеніемъ большей части содержанія. Если г. Карцовъ былъ назначенъ на отвѣтственный и высокій постъ, то очевидно былъ того достоинъ. Какъ же вдругъ онъ могъ сдѣлаться настолько дурнымъ, что оставленіе его на посту сдѣлалось невозможнымъ? Не скорѣе ли это недопустимая поблажка княжеской прихоти, весьма затруднившая на будущее время положеніе нашего представителя, аккредитованнаго при княжескомъ правительствѣ?

Другой невозможный фактъ полной неудачи миссіи генерала Никитина. Съ благимъ намѣреніемъ содѣйствовать упроченію силы княжества нами былъ посланъ этотъ генералъ въ сопровожденіи выдающихся нашихъ авторитетовъ по всѣмъ спеціальностямъ военнаго дѣла. Несмотря на то, что въ распоряженіи миссіи былъ милліонъ

рублей, она возвратилась, не принеся Сербіи ни малѣйшей пользы. Обстоятельство, надъ которымъ слѣдуетъ сильно призадуматься.

Особое значеніе имѣло мое представленіе князю Милану. Отъ характера пріема, очевидно, зависѣла большая или меньшая трудность выполненія мною возложенной на меня задачи. Безусловно всѣ предупреждали меня о двуличіи и лукавствѣ, но меня болѣе интересовало правильное пониманіе политической обстановки. Князь не скрылъ своей радости видѣть меня въ Бѣлградѣ, но обращенію своему старался придать особую торжественность, нѣсколько вычурную.

„Я весьма радъ", сказалъ онъ, „что наконецъ мнѣ представляется возможность имѣть непосредственныя сношенія съ уполномоченнымъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго русскою арміею. Преклоняюсь предъ актомъ великодушной рѣшимости Императора Александра поднять мечъ въ защиту христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, и считаю своимъ долгомъ себя вмѣстѣ съ моимъ народомъ отдать въ распоряженіе могущественнаго монарха. О своихъ чувствахъ и готовности принять участіе въ войнѣ я имѣлъ счастіе лично свидѣтельствовать еще въ Плоэшти. Но во время войны страна слишкомъ испытала, средства ея истощены. Немедленное объявленіе войны рискованно. Благоразуміе требуетъ предварительно мобилизаціи приготовить продовольствіе, обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Въ виду открытаго положенія границъ нельзя мобилизовать менѣе ста тысячъ человѣкъ. При такомъ разсчетѣ необходимо прикупить къ имѣющимся тридцати пяти тысячамъ ружей системы Пибоди, по крайней мѣрѣ, еще столько же. Все это требуетъ большихъ денежныхъ средствъ, а государственная казна истощена событіями. Впрочемъ, я не ставлю вопроса объявленія Сербіею войны въ зависимость отъ назначенія субсидіи и готовъ немедленно идти въ бой, чтобы свято исполнить свой долгъ".

На словахъ выходитъ прекрасно; нужно надѣяться, что и на дѣлѣ я встрѣчу не затрудненія, а полное содѣйствіе. Но по опыту я зналъ, что даже при сочувствіи начальства работа не клеится, если къ ней не расположены исполнители. Въ этомъ отношеніи для меня были важны первый министръ Ристичъ, военный министръ Груичъ и митрополитъ Михаилъ.

Докторъ правъ, Іованъ Ристичъ, одинъ изъ регентовъ во время малолѣтства князя, глава партіи радикаловъ, человѣкъ большого ума и твердой воли, былъ центральнымъ лицомъ княжескаго правительства. Много внѣшняго и несущественнаго онъ предоставлялъ князю, но руль сербской политики твердо держалъ въ рукѣ. Къ сожалѣнію, политика его не была дальновидною. Онъ не понималъ

важности ни общеславянскихъ вопросовъ, ни значенія сербскаго объединенія, и въ этомъ отношеніи легко шелъ на сдѣлку съ совѣстью. Княжество соперничало съ Черногоріею, которой не довѣряло, и продавало интересы славянства Австро-Венгріи за чечевичную похлебку. Мнѣ лично Ристичъ оказалъ могущественную поддержку, безъ которой я едва-ли былъ бы въ состояніи справиться съ массою встрѣченныхъ мною всякаго рода затрудненій.

Кто въ Петербургѣ не зналъ генерала Савву Груича, сербскаго посланника. Окончившій курсъ въ нашей Академіи Генеральнаго Штаба, разумный, спокойный, дѣловитый, онъ всегда и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. Постъ военнаго министра, который онъ занималъ въ княжествѣ, былъ трудный, не по количеству войскъ и богатству матеріальной части, а по существовавшему вездѣ хаосу. Меня онъ принялъ съ полною готовностью служить и сейчасъ же организовалъ работу при сотрудничествѣ инженеръ-подполковника Магдалинича и генеральнаго штаба подполковника Джурича, тоже учениковъ нашей военной Академіи.

Остается сказать два слова о митрополитѣ Михаилѣ, обойти котораго я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ. Напротивъ, я считалъ своимъ долгомъ при той обстановкѣ, въ которой находился, оказать первенствующему члену сербской православной церкви наибольшее вниманіе. Воспитанникъ нашей Кіевской духовной Академіи, дѣятель широкаго кругозора, митрополитъ Михаилъ могъ бы имѣть въ исторіи мѣстнаго общества еще болѣе выдающееся положеніе, если бы не общественная атмосфера, пересыщенная политиканствомъ. Я преисполненъ ему глубокою признательностью за тѣ добрыя слова, которыми онъ отзывался о моей дѣятельности.

Мѣстоположеніе Бѣлграда очень живописно. Расположенный на довольно возвышенномъ горномъ отрогѣ, заполняющемъ собою все пространство между Дунаемъ и Савою, городъ командуетъ окрестною мѣстностью къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку. Онъ пользовался бы отличнымъ климатомъ, если бы не близкія низменныя мѣста, затопляемыя во время дождей. Растительность сада Кали-Мейдана вокругъ старой крѣпости, подъ самымъ сліяніемъ двухъ рѣкъ, и обильныя каштановыя насажденія по улицамъ и у княжескаго дворца не оставляютъ желать ничего лучшаго. Кое-гдѣ виноградники, прекрасныя одиночныя плодовыя деревья, все это рекомендуетъ здѣшнюю природу, но не искусство ихъ воспитанія и воздѣлыванія. Кали-Мейданъ съ живописнымъ видомъ на широкія долины двухъ рѣкъ былъ очень хорошъ; но свою прелесть имѣла и старая резиденція князя Милоша въ заросшемъ Топчидере, въ двухъ верстахъ отъ города.

Несмотря на несомнѣнное стараніе моихъ сотрудниковъ, дѣло двигалось впередъ не спорко, болѣе отъ отсутствія у нихъ навыка, чѣмъ отъ чего другого. Вообще въ сербской арміи было много выдающихся офицеровъ по ихъ природному таланту и военному образованію, но нельзя сказать, чтобы искусство войны у нихъ процвѣтало. Старые пріемы еще не были отброшены и масса въ нихъ вѣрила.

Около 10-го сентября я и князь одновременно получаемъ изъ главной квартиры сообщенія: онъ черезъ полковника Катарджи, я— черезъ полевой штабъ. Мнѣ писали, что „по соображеніямъ всѣхъ обстоятельствъ Великій Князь желаетъ, и это воля Государя Императора, чтобы Сербія, воздерживаясь пока отъ объявленія войны Турціи и открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, выставила возможно скорѣе обсерваціонныя регулярныя войска на своей юго-восточной границѣ. Второй полумилліонъ будетъ немедленно высланъ по увѣдомленіи Вашемъ объ исполненіи этого требованія“. Катарджи же телеграфируетъ, что въ искренности намѣренія воевать самого князя увѣрены, но сомнѣваются въ желаніи того же сербскими министрами. Присылка второго полумилліона отложена. Требуютъ точнаго опредѣленія времени перехода границы сербскими войсками.

Князь обиженъ и говоритъ мнѣ, что министерствомъ онъ руководитъ самъ и потому не можетъ быть имъ обманутъ, разрѣшеніе воевать просилъ самъ, но безъ немедленной присылки обѣщаннаго полумилліона сербы воевать не въ состояніи, такъ какъ предварительно необходимо къ войнѣ подготовиться.

Между тѣмъ о войнѣ дѣйствительно думали очень мало, отлагая ее на весну, а всѣ помыслы сосредоточивая на скорѣйшей получкѣ денегъ. Нажимомъ изъ главной квартиры я воспользовался, чтобы перевызвать болѣе рѣшительныя мѣры. Требованіе немедленнаго перехода не соотвѣтствовало осторожной дѣйствительности, но оно было полезно потому, что мои болѣе приноровленныя къ обстановкѣ указанія тѣмъ легче были приняты.

29-го сентября я доносилъ о состоявшихся пограничныхъ сборахъ и находилъ возможнымъ выдачу второго полумилліона. Сборы были исполнены, однако, не такъ, какъ было указано. Вмѣсто сосредоточенія активнаго корпуса на юго-восточной границѣ, части милиціи были собраны мелкими отрядами въ 9-ти пунктахъ на южной и восточной границахъ. Въ общей сложности было мобилизовано около 25 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 22 батарей, всего численностью 25.000 человѣкъ по списочному составу. Я не возражалъ, признавая важное значеніе этого перваго шага къ войнѣ.

IX.

Князь Миланъ сильно волновался. Когда шла рѣчь о субсидіи, ему ничего не стоило давать самыя широкія обѣщанія; но, когда приходилось эти обѣщанія осуществлять, явилось множество препятствій. Выставленіе боевого корпуса на юго-восточной границѣ для современнаго состоянія страны, дѣйствительно, было дѣломъ крайне затруднительнымъ. Въ мирное время о войнѣ не думали и къ ней не готовились, откуда же было взяться всему тому, что составляетъ первую потребность на театрѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ съ сербской точки зрѣнія нельзя было допускать и мысли о возможности остаться въ сторонѣ отъ великой борьбы за славянское дѣло. Князь все это понималъ, но въ его нравственномъ арсеналѣ не находилось соотвѣтственныхъ средствъ. Отъ природы онъ былъ уменъ, но свой умъ размѣнялъ на прихоти. Нравственныя начала были въ зачаткѣ. Характеръ перешелъ въ дикое упрямство.

Вмѣсто твердой рѣшимости образовать дѣйствующую армію, хотя бы корпусъ надежныхъ войскъ, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, самому быть въ дѣлѣ, вездѣ и во всемъ, неожиданно ударить на врага, онъ не нашелъ въ себѣ силъ промѣнять комфортъ на лишенія и ожидалъ, когда придутъ ему доложить, что все готово. По-прежнему онъ угощалъ меня изысканными блюдами и винами, въ обществѣ княгини Наталіи, и былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, нужно отдать справедливость, не лишенныхъ остроумія, но часто приправленныхъ двусмысленностями, обидными для третьихъ лицъ. Княгиня Наталія была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Напрасно, однако, можно было бы думать о супружеской гармоніи. Сохранялась только внѣшность, въ дѣйствительности они давно глядѣли въ разныя стороны, и виновнымъ въ этомъ былъ первымъ Миланъ.

Военнымъ дѣломъ князь не интересовался и никогда не давалъ себѣ труда вникать въ его сущность. Въ немъ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, дилеттантомъ. Но онъ страшно любилъ говорить на всѣ темы, въ томъ числѣ и военныя. Чтобы не показаться празднымъ, онъ постоянно безпокоился, въ большинствѣ случаевъ показывалъ только видъ, рѣзко переходя отъ военныхъ вопросовъ къ политическимъ, которыми въ особенности увлекался. Одно время онъ очень волновался образованіемъ партизанскихъ отрядовъ изъ оставшихся въ странѣ добровольцевъ для дѣйствій въ Старой Сербіи; но онъ успѣлъ объ этомъ забыть, когда пришло разрѣшеніе изъ

главной квартиры. Въ сущности не слѣдовало спрашивать, а прямо дѣлать, какъ я совѣтовалъ, князь же желалъ показать свою ретивость, да и не желалъ тратить своихъ денегъ. Въ другой разъ, указывая на свои связанныя руки наÄlинѣ въ угоду Австро-Венгріи, настойчиво требовалъ обратной гарантіи противъ турецкаго нападенія. По примѣру вѣроятно Румыніи вдругъ сталъ домогаться присылки нашихъ осадныхъ орудій для дѣйствія противъ крѣпости Ниша или для бомбардированія Ада-кале на Дунаѣ. Но изъ всего этого не вышло ничего, такъ какъ задумано было мимолетно и не было выдержки въ осуществленіи задуманнаго.

Въ началѣ октября прибылъ А. И. Персіани. Съ его пріѣздомъ отъ меня отпадала вся политическая сторона моей дѣятельности. Я пріобрѣталъ возможность выѣхать внутрь страны, чтобы лично познакомиться съ вооруженными силами княжества и ихъ матеріальною частью. На объѣздъ я употребилъ 12 дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ осмотрѣть военно-техническія заведенія въ Крагуевацѣ, учебные сборы въ Крушевцѣ, Алексинцѣ, Княжевцѣ и Зайчара. Особое вниманіе обратилъ на долину р. Болгарской Моравы, на Княжевацкій горный округъ и окрестности Зайчара.

Сербское княжество занимаетъ одну изъ прекраснѣйшихъ и живописныхъ мѣстностей Европы. Горные его округа представляютъ группы величественныхъ возвышенностей, покрытыхъ богатою растительностью и орошаемыхъ сѣтью рѣкъ и горныхъ потоковъ. Подъ остальными округами всхолмленная весьма плодородная мѣстность самыхъ прихотливыхъ очертатій. Лѣса сильно вырублены, но все же остается много дубовыхъ рощъ и перелѣсковъ, подъ сѣнью которыхъ ютятся селенія и выселки. Плодородная земля щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца, который нигдѣ не прилагаетъ къ ея обработкѣ особаго старанія, предпочитая распахивать цѣлину тщательной обработкѣ нѣсколько выпаханной нивы. Тучныя пастбища даютъ возможность разводить домашній скотъ и въ особенности свиней. Богатая природа даетъ здѣсь человѣку крѣпкій, развитый организмъ и прочное здоровье, а красота мѣстности сообщаетъ ему склонность къ эстетическимъ развлеченіямъ. Какъ только семья обезпечена годовымъ запасомъ хлѣба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными отъ продажи рогатаго скота и свиней, откармливаемыхъ въ ближайшихъ дубнякахъ, хозяинъ уже не заботится о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, а вмѣстѣ съ сыновьями все время проводитъ въ кафанѣ (деревенской кофейной), заслушиваясь разсказами дѣдовъ о сербской старинѣ, толкуя о политикѣ, распѣвая или танцуя подъ звуку примитивнаго струннаго инструмента. Сербъ добродушенъ, безпеченъ, нѣсколько

легкомысленъ, честенъ, стоекъ въ дружбѣ, характера подвижного съ рѣзкими переходами отъ страстнаго воодушевленія къ упадку духомъ и обратно, къ своему дому и семьѣ очень привязанъ.

Чудные теплые дни, стоявшіе во все время моего объѣзда, прекрасно устроенные механы—почтовые дворы и большею частью хорошо шоссированныя дороги соединяли всѣ условія для удачнаго путешествія. Только пароксизмы дунайской лихорадки, схваченной въ Систовѣ, точнѣе всякаго хронометра указывали мнѣ шесть часовъ пополудни каждаго третьяго дня.

На сборныхъ пунктахъ я засталъ одиночную выправку, ружейные пріемы, маршировку шеренгой. Къ стрѣльбѣ еще не приступали, вѣроятно разсчитывая, что каждый сербъ долженъ умѣть стрѣлять, можетъ быть также жалѣя патроны. Артиллерійскія части, составленныя изъ старослужащихъ, рѣзко отличались отъ пѣхотныхъ наружною выправкой, знаніемъ службы и лихими эволюціями въ составѣ батарей. Несмотря на превосходство турецкихъ орудій, артиллеристы были увѣрены въ успѣхѣ и только жаловались на неимѣніе шрапнели. Какъ увидимъ ниже, успѣхомъ подъ Нишемъ обязаны главнымъ образомъ артиллеріи.

На народныхъ конниковъ нельзя было смотрѣть безъ улыбки: дотого рослый народъ на приземистыхъ лошадкахъ былъ комиченъ.

Особенно хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня корпусъ сербскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе получили высшее военное образованіе въ иностранныхъ академіяхъ.

Крагуевацкій арсеналъ, литейную, патронную и другія мастерскія я засталъ въ полномъ ходу, благодаря только-что полученной субсидіи. Все миніатюрно. Между прочими работами сверлился каналъ 24-хъ-фунтовой мѣдной пушки, которая вмѣстѣ съ уже готовою такою же и шестью старыми гаубицами, унаслѣдованными отъ нашихъ войскъ, должны были въ предстоящей войнѣ сыграть роль осаднаго парка. Впрочемъ, подъ Нишемъ обошлись и безъ нихъ.

Здѣсь я ограничиваюсь общею характеристикою событій, преимущественно съ бытовой стороны. Желающіе познакомиться съ болѣе спеціальнымъ изслѣдованіемъ найдутъ его въ моей книжкѣ „Въ Сербіи“ изданія 1891 года, складъ Березовскаго.

Во время моего объѣзда я познакомился съ мѣстностью классическаго сербскаго театра войны съ Турціею. Во всѣ времена долина р. Моравы, съ делиградскою позиціею и передовыми укрѣпленіями у Алексинца, играла роль, какъ наиболѣе доступная и удобная для вторженія въ предѣлы княжества. Со стороны Турціи возведена крѣпость Нишъ почти при сліяніи Нишавы съ Моравою на вѣ-

Георгій Ивановичъ
Бобриковъ.

роятномъ пути наступленія изъ Сербіи къ Софіи, а доступъ въ Старую Сербію прикрытъ укрѣпленіями Новобазара.

Странно, что на Новобазарскій санджакъ не было въ свое время обращено никакого вниманія, между тѣмъ онъ имѣетъ не только мѣстное, но и важное политическое и стратегическое значеніе. Узкимъ коридоромъ раздѣляя Сербію отъ Черногоріи, онъ является самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ сліянію двухъ сербскихъ княжествъ и образованію единаго мощнаго сербскаго государства. Какимъ образомъ, заключая съ Австро-Венгріей секретный договоръ и отдавая въ ея распоряженіе Боснію съ Герцоговиной для обезпеченія свободы нашихъ операцій, мы не предусмотрѣли его участи установленіемъ общности границы между княжествами? Къ этому вопросу мы еще вернемся при характеристикѣ Берлинскаго конгресса, на которомъ онъ игралъ такую выдающуюся роль подъ именемъ „enclave“. Здѣсь же отмѣтимъ, что допущенная грубая ошибка ни стараніями гр. Игнатьева, писавшаго Санъ-Стефанскій предварительный мирный договоръ, ни настойчивостью кн. Лобанова, заключавшаго окончательный мирный договоръ съ Турціей, не могла быть исправлена. Мало того, она легла основнымъ базисомъ нашихъ позднѣйшихъ соглашеній съ Вѣнскимъ кабинетомъ.

Если бы подготовка къ войнамъ имѣла болѣе общегосударственный характеръ и боязливое недовѣріе къ собственнымъ силамъ нашего дипломатическаго вѣдомства не вліяло бы подавляющимъ образомъ на рѣшенія военныхъ людей, событія сложились бы иначе, много лучше для насъ, и пришлось бы писать исторію народовъ другимъ перомъ.

Еще два слова о театрѣ войны. Если важное значеніе великаго пути черезъ Софію признавалось во всѣ времена, то теперь условія кооперацій Сербіи съ нашею арміею сообщили ему безспорно первенствующую важность. Турки уже были обезсилены ударами нашихъ войскъ и теперь употребляли чрезвычайныя усилія на образованіе новой арміи для освобожденія Османа-паши, запертаго въ Плевнѣ. Ясно, что до подхода подкрѣпленій изъ Босніи и Македоніи и албанскаго ополченія, они не могли разсчитывать на наступательный образъ дѣйствій противъ Сербіи и ограничивались возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря Будимъ-дела подъ Пиротомъ для обезпеченнаго сообщенія съ Нишемъ.

Такимъ образомъ все, что мнѣ пришлось видѣть внутри страны, съ чѣмъ успѣлъ познакомиться, во что удалось вникнуть, все подавало поводъ надѣяться на успѣшное осуществленіе сербской кооперацін, все указывало на своевременность перехода отъ словъ къ дѣлу. Шестидесятитысячное сербское народное войско при 178

орудіяхъ могло перейти границу въ теченіе десяти, двѣнадцати дней со дня объявленія войны.

Опытъ прошлогодней войны, хотя и вселилъ въ нѣкоторую часть населенія паническій страхъ къ туркамъ, для большинства послужилъ хорошей школой боевого крещенія, практически ознакомивъ его съ военнымъ дѣломъ и умѣривъ излишнее самомнѣніе, которому сербы такъ легко поддаются по подвижности своего характера. Страстное желаніе возмездія большей части населенія, его чрезвычайная выносливость, прекрасный офицерскій составъ, превосходная артиллерія, подавляющая численность, все представляло солидныя данныя для рѣшенія вопроса объ участіи Сербіи въ войнѣ въ положительномъ смыслѣ.

Самая обстановка на болгарскомъ театрѣ войны благопріятствовала вступленію въ дѣло сербскихъ войскъ. Они могли принести существенную пользу отвлеченіемъ на себя части силъ, собираемыхъ къ Софіи, войскъ Мегемета-паши при наступленіи ли ихъ къ Плевнѣ или при оборонѣ балканскихъ проходовъ.

Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, телеграфировалъ изъ Алексинацкой Бани, 2-го ноября, о предвареніи сербскаго правительства быть готовымъ къ объявленію войны.

7-го числа я вернулся въ Бѣлградъ, а 10-го получена оффиціальная депеша изъ главной квартиры черезъ Нелидова и Персіани съ формальнымъ приглашеніемъ князю, „по исполненіи всѣхъ политическихъ формальностей немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени“.

Князю Милану приходилось дѣйствовать, хотя противъ его желанія, такъ какъ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что чѣмъ позднѣе сербы выступятъ въ походъ, тѣмъ положеніе ихъ будетъ безопаснѣе и тѣмъ менѣе будетъ израсходовано денежныхъ средствъ.

Бѣлградъ заволновался. Какъ всегда бываетъ, когда дѣло не подготовлено и не находится въ надежныхъ рукахъ, все сразу заговорило, явились предложенія самыя неожиданныя и противорѣчивыя. Одни предлагали непосредственную оборону на всемъ протяженіи всѣхъ границъ, другіе указывали на преимущества развитія военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, третьи предпочитали дѣйствовать въ Босніи, какъ искони сербской странѣ.

Когда я пояснилъ князю, что въ виду милиціоннаго характера сербскихъ войскъ единственнымъ способомъ дѣйствія слѣдуетъ признать сосредоточеніе массъ и направленіе ихъ къ сторонѣ главной оперирующей въ Болгаріи арміи, князь горячо мнѣ возразилъ,

что такъ легко говорить русскому офицеру, но что ему долгъ повелѣваетъ прежде всего заботиться объ охранѣ собственныхъ границъ. Напрасно я старался ему выяснить главныя начала военнаго искусства въ примѣненіи къ настоящему случаю, напрасно я силился его убѣдить, что выдвинутыя впередъ войска лучше обезпечатъ неприкосновенность границъ, которымъ опасность грозитъ только съ юго-востока, что интересы сербовъ и русскихъ неразрывно связаны, а общая цѣль заключается въ пораженіи турецкой арміи, князь стоялъ на своемъ, заявляя, что въ военномъ дѣлѣ онъ имѣетъ свои собственныя убѣжденія...

Всѣ мои планы были готовы лопнуть мыльнымъ пузыремъ и разбиться въ пухъ отъ проявленнаго вдругъ упорства князя Милана. Если сразу не положить предѣлъ этому самодурству, толка не будетъ. Объясняю Персіани всю важность критической минуты и прошу его самаго энергичнаго содѣйствія.

Черезъ два дня является Персіани.

— „Теперь“, говоритъ онъ, „вы можете отправляться къ князю. Благодаря вмѣшательству Ристича, почва такъ подготовлена, что вы можете сажать въ нее все, что угодно. Князь далъ слово безусловно слѣдовать всѣмъ вашимъ совѣтамъ.

Это было 18 ноября. Я тотчасъ же отправился во дворецъ и дѣйствительно нашелъ князя въ самомъ предупредительномъ расположеніи. Какъ потомъ оказалось, магическое воздѣйствіе оказалъ вопросъ о денежной субсидіи.

„Ставлю себя въ полное распоряженіе Великаго Князя, приказанія котораго буду выполнять, какъ сержантъ капитана“, встрѣтилъ меня князь. „Надѣюсь, однако, что мнѣ будетъ предоставлена нѣкоторая самостоятельность въ зависимости отъ мѣстныхъ условій“.

X.

Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.

Отсутствіе своевременно составленнаго плана дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ вызвало въ эпоху войны цѣлый рядъ неожиданныхъ для насъ положеній, нами разрѣшенныхъ и разрѣшаемыхъ различно въ зависимости отъ случайныхъ явленій. Ни въ политическомъ отношеніи, ни въ военномъ, заблаговременно не были выработаны основныя соображенія, которыми могли бы руководствоваться призванные къ работѣ дѣятели. Яснымъ доказательствомъ сказаннаго служитъ до сихъ поръ остающееся въ силѣ политиче-

ское credo, нами усердно поддерживаемое и идущее въ разрѣзъ съ нашими интересами въ славянскомъ мірѣ. Намъ союзные, родственные организмы, требовавшіе отъ насъ не столько боевой за нихъ работы, сколько нравственнаго руководительства и гарантіи ими самими добытыхъ результатовъ, въ своемъ развитіи тормозились нашими же руками, подписывающими in status quo подъ диктовку враждебныхъ дипломатовъ. Если это дѣлалось подъ вліяніемъ нашей вооруженной слабости, то было необходимо самосознаніе и безотлагательное исправленіе и усиленіе, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было допускать дипломатическаго тумана подъ видомъ особаго искусства. Что же касается до подготовительной работы военнаго характера, то слабыя попытки ея организаціи, принесшія однако на войнѣ несомнѣнную пользу, хотя бы сборниками маршрутовъ и балканскихъ переваловъ, дальнѣйшаго развитія достичь не успѣли.

Казалось бы, что, направляя событія на Балканскомъ полуостровѣ къ заключительному акту многовѣковой борьбы съ исламомъ, слѣдовало въ свое время тщательно обдумать не только тѣ средства, съ помощью которыхъ предполагалось достичь поставленную цѣль, но и роль каждаго изъ государствъ Балканскаго полуострова такъ, чтобы великое дѣло созданія славянской мощи сложеніемъ союза славянскихъ народностей и примыкающихъ къ нимъ, на общности интересовъ, шло стройно и систематично. Самый главный вопросъ, будетъ ли разрѣшеніе дѣла предоставлено нашему мечу или достигнуто инымъ способомъ, оставался до самой послѣдней минуты нерѣшеннымъ. Хотя ядро дѣйствующей арміи уже было мобилизовано, но мы все еще искренно вѣрили, въ противность указаніямъ опыта, что желаемый нами результатъ будетъ достигнутъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Занесенный мечъ повисъ въ воздухѣ, отнявъ у насъ силу удара и склонивъ чашу вѣсовъ войны въ пользу нашихъ противниковъ. Такая шаткость въ капитальномъ вопросѣ не могла не вліять на энергію нашихъ союзниковъ, заставляя ихъ осмотрительно довѣряться нашимъ указаніямъ въ ущербъ собственныхъ болѣе мелкихъ интересовъ.

Позднѣйшія событія обнаружили, что политическая обстановка едва-ли вынуждала насъ самихъ браться за оружіе, что при выясненіи средствъ борьбы успѣхъ ея легко могъ быть обезпеченъ соединенными усиліями самихъ народностей, стремившихся къ самостоятельности, что, наконецъ, вооруженнымъ наблюденіемъ мы во всѣхъ отношеніяхъ могли бы принести дѣлу большую пользу, закрѣпивъ устойчивость новаго строя славянскихъ государствъ безъ необходимости идти на берлинское соглашеніе.

Если въ свое время мы твердо рѣшились положить предѣлъ постыдному положенію турецкой райи, на что имѣли силу и полную возможность, едва-ли слѣдовало раздувать религіозную рознь между болгарскимъ и греческимъ духовенствомъ. При пріобрѣтеніи Болгаріею политической самостоятельности все равно пріобрѣталась автокефальность церкви. Едва-ли слѣдовало допускать разгораться въ Сербіи костру, искусственно подожженному стоявшими въ то время у власти честолюбцами, и содѣйствовать подъему народнаго сочувствія у насъ сербскому дѣлу образованіемъ добровольческихъ партій. Возбужденіе народныхъ массъ было велико, къ величайшей чести русской народности, но тѣмъ осторожнѣе слѣдовало имъ пользоваться, чтобы вѣнчать великое дѣло. Не отдѣльными усиліями, часто одно другое парализовавшими, слѣдовало достигать успѣха въ рѣшеніи широко поставленной задачи, не случайными преходящими культами то сербской, то болгарской народностей, а съ политическимъ глазомѣромъ, составленнымъ планомъ и приведеніемъ его въ исполненіе съ желѣзною волею и непоколебимою настойчивостью.

Все вышеизложенное было необходимо сказать, чтобы выяснить, почему историческое событіе не было доведено до конца и продолжаетъ отъ насъ требовать все новыхъ и новыхъ усилій.

Въ ряду народностей Балканскаго полуострова, съ нашею помощью послѣдовательно образовавшихъ государственные организмы, центральное мѣсто занимаетъ сербская народность. По своему географическому положенію она опередила другія народности начатками западно-европейской цивилизаціи, по исторической же судьбѣ подверглась раздѣленію вѣроисповѣданіемъ и политическимъ строемъ. Въ первомъ отношеніи рознь не препятствуетъ единенію по кровному родству, но во второмъ встрѣчаются серьезныя препятствія въ соперничествѣ Сербіи съ Черногоріею. Это послѣднее обстоятельство весьма опасно. Какъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи, личные интересы властителей толкали ихъ на измѣну народному дѣлу даже союзомъ съ татарвой, такъ и тутъ велико искушеніе для сербскихъ княжествъ идти на компромиссъ съ врагами славянскаго союза. Отсюда ясно, что, пока не образуется единое сербское государство, устойчивости въ славянскомъ мірѣ не будетъ, и что оно будетъ достигнуто только уравновѣшеніемъ сербской государственности съ болгарскою. На сколько сербское разъединеніе пагубно, показываетъ настойчивое требованіе разъединенія болгарской народности на княжество и провинцію Восточной Румеліи. Къ счастью для Болгаріи и для общаго дѣла козни недруговъ были во-время парализованы.

Когда жребій войны, наконецъ, былъ брошенъ, и Великая Россія, въ лицѣ своего Самодержавнаго Монарха, явилась въ Плоэшти на арену военныхъ дѣйствій для высшаго руководства событіями, предстали мѣстныя государства съ вопросомъ, что имъ дѣлать и какъ имъ быть, но опредѣленнаго отвѣта не получили. Правительство князя Милана никогда не пользовалось нашимъ сочувствіемъ, почему и къ предложеніямъ его въ нашей главной квартирѣ отнеслись съ недовѣріемъ. Оно было избаловано всякаго рода помощью въ предшествующую эпоху и начинало свое заявленіе требованіемъ матеріальной помощи. Такая постановка вопроса слишкомъ напоминала времена Кондотьери и не соотвѣтствовала высокой идеѣ, во имя которой была предпринята война. Предложеніе было отклонено, князь вернулся домой ни съ чѣмъ, а для поддержанія связи при главной квартирѣ главнокомандующаго былъ оставленъ княжескій родственникъ, сербской службы полковникъ, Катарджи.

Въ такомъ положеніи находились отношенія къ княжеству, когда неудачи подъ Плевной сильно поколебали нашу самоувѣренность и смутили духъ вождей полевого штаба арміи. Только тогда обратились къ спѣшной оцѣнкѣ силъ и средствъ мелкихъ союзниковъ съ призывомъ ихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ неисполненная во-время работа должна была выполняться въ хаотической обстановкѣ войны спѣшно и въ ущербъ нашему государственному достоинству.

Дождавшись такого благопріятнаго для себя оборота событій, князь Миланъ не хотѣлъ себя продешевить, но въ своихъ корыстолюбивыхъ домогательствахъ былъ принужденъ считаться съ возвышенною волею сербскаго народа. Онъ домогался получить ежемѣсячную субсидію въ милліонъ рублей; но принятіе такого крупнаго размѣра приближало бы сербскую кооперацію къ найму, что отнюдь не отвѣчало ни истинному положенію вещей, ни достоинству сербской народности. Было опредѣлено выдавать сербскому правительству по полтораста рублей въ день на каждую тысячу человѣкъ, дѣйствующихъ внѣ предѣловъ княжества, если только общее число перешедшихъ границу не будетъ менѣе двадцати пяти тысячъ, и уплату субсидіи начать черезъ двѣ недѣли по переходѣ границы.

Опытъ войнъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ выяснилъ, что сокрушеніемъ силы сопротивленія ислама еще не достигался политическій строй, если только мы не имѣли намѣренія раздвинуть собственные предѣлы до водъ Эгейскаго моря, что первѣйшею нашею заботою должно было быть устройство государственнаго организма, сложнаго по мѣстнымъ народностямъ, которымъ мы могли бы замѣ-

нить наносный порядокъ турецкаго владычества. Вотъ почему, приступая къ новой войнѣ, мы должны были готовиться по широкому плану призыва народностей къ общей работѣ прежде на полѣ брани, а потомъ къ образованію новой политической системы.

Если бы на сербскомъ театрѣ войны были сознаны общіе интересы, наша дѣятельность тамъ должна была бы проявиться много раньше. Нельзя сказать, чтобы ея не было вовсе, но многократная инціатива наша въ этомъ направленіи носила характеръ или случайный или односторонній. Почему посылка въ Бѣлградъ миөической комиссіи генерала Никитина не имѣла никакого успѣха? почему исходъ добровольческой войны имѣлъ такой плачевный характеръ? почему рѣшеніе подать руку помощи Сербіи черезъ Кладово неожиданно было оставлено? Все это—вопросы громадной военной и политической важности, такъ и оставшіеся безъ выясненія.

Военныя операціи на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій не должны были исчерпываться директивами, преподанными изъ главной квартиры. Одинаковое значеніе съ наступленіемъ къ сторонѣ главной дѣйствующей арміи имѣло развитіе военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, которыя не только въ стратегическомъ, но и политическомъ отношеніи имѣли первенствующее значеніе. Узкая полоса сильно гористой мѣстности, разъединяющая на разстояніи 60—70 верстъ два сербскія княжества, всегда служила на пагубу православія и сербской народности, какъ дебуше для напора съ одной стороны полчищъ Магомета, а съ другой нѣмецкой назойливости. Эта мѣстность, на языкѣ дипломатовъ Enclave, сливается съ обширнымъ историческимъ Коссовымъ полемъ въ Старой Сербіи. По мѣстнымъ топографическимъ и географическимъ условіямъ особое значеніе имѣютъ на этомъ пространствѣ: со стороны Сербіи—Новый Варошъ, Сенница, Ново-Базаръ и Митровица, находящіеся на главномъ и единственномъ колесномъ и желѣзно-дорожномъ пути черезъ Боснію въ Солунь, а со стороны Черногоріи тропа отъ переваловъ Колошина и Баранэ на Печь.

Передовыми патріотами обоихъ княжествъ всегда сознавалась великая польза политическаго единенія сербской народности. Только немногіе, боясь потерять личныя земныя блага, сопряженныя съ властью, всѣми способами сопротивлялись осуществленію знаменательнаго событія, при которомъ главная роль принадлежала бы по всѣмъ даннымъ державѣ князя Николая. Описываемое пространство было колыбелью сербской народности и во всѣ времена носило наименованіе Старой Сербіи; но вслѣдъ за нашествіемъ османлисовъ сербское населеніе насиліемъ было принуждено къ переселенію, а ихъ мѣста стали постепенно заниматься арнаутами. Вотъ

почему при разрѣшеніи сербскаго вопроса приходится считаться съ албанскими племенами, привлеченіе которыхъ къ сербскому союзу на политической почвѣ всегда возможно, въ особенности для такого опытнаго народнаго вождя, какимъ себя показалъ князь Николай. Вопросъ нѣсколько усложняется происками Австріи, дѣйствующей на религіозную сторону тѣхъ, которые успѣли принять римско-католическое вѣроисповѣданіе, но это затрудненіе не представляется неодолимымъ, такъ какъ подъемъ племенного духа въ Албаніи великъ, и вѣра не помѣшаетъ имъ дѣйствовать заодно съ княжествами.

Какъ горная страна, Enclave не столько требуетъ регулярныхъ войскъ, сколько привычныхъ къ дѣйствіямъ въ горной странѣ частей, и въ этомъ отношеніи черногорцы представляются образцовымъ войскомъ. Только при дебушированіи на равнинѣ Коссова поля потребуются вполнѣ организованныя войсковыя части съ новѣйшимъ орудіемъ. Отсюда ясно, что первые удары должны быть нанесены въ другихъ мѣстахъ для пораженія силъ противника, и только милиціонные отряды спустятся съ горы для занятія страны общими силами. Послѣ первыхъ успѣховъ союзники должны были стоять твердымъ оплотомъ на занятомъ пространствѣ, пока общность границы княжествъ не была бы закрѣплена мирнымъ договоромъ. Соперничество между княжествами должно было быть устранено указаніемъ объектовъ дѣйствія: Сербіи—Приштины, а Черногоріи—Призрѣня.

Все, здѣсь высказанное въ общихъ чертахъ, должно было составить широкую задачу, заблаговременно въ деталяхъ разработанную и приведенную въ исполненіе по общему плану политической и военной сферы дѣйствія. Должны были быть подготовленными руководители и исполнители, проникнутые высокою цѣлью и снабженные всѣмъ, что было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія.

Теперь мы можемъ судить, что, насколько легко можно было достигнуть соединенія княжествъ общею границею во время военныхъ дѣйствій, настолько же затруднительно затѣмъ было выполнить путемъ международныхъ переговоровъ. Цѣль не только до сихъ поръ не достигнута, но даже проложеніе выгодной для сербскихъ интересовъ желѣзной дороги въ настоящее время встрѣчаетъ массу неодолимыхъ затрудненій. Осенью 1877 года главная забота высшаго командованія оттоманскими арміями на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій заключалась въ формированіи вспомогательной арміи Мегемета-паши въ Софіи, въ обезпеченіи отъ захвата переваловъ Орханіе, Берковца и Св. Николы на случай отступленія Османа-паши отъ Плевны, и въ противодѣйствіи аггресивнымъ по-

пыткамъ княжествъ. Главными оборонительными пунктами здѣсь были крѣпости Ниша и Ново-Базара, первая какъ оплотъ противъ Сербіи и вторая для владѣнія Enclave и прикрытія формированія албанскихъ партій и движенія отрядовъ изъ Босніи. Вся эта оборонительная зона подъ командою Хафиза-паши состояла изъ Нишскаго гарнизона до 8 т. человѣкъ численностью, и расположенныхъ подъ Ново-Базаромъ 7 таборовъ редифа на Рогознѣ и 5 таборовъ низама въ Сочаницѣ. Въ счетъ не входили мелкіе отряды, разбросанные по странѣ, и болѣе крупныя части въ придунайской Болгаріи на сербской границѣ, которымъ было приказано при наступленіи сербовъ немедлено стягиваться къ Виддину.

Отсюда ясно, что средства для отпора наступленію на соединеніе двухъ сербскихъ армій со стороны турокъ были ничтожны, а что великая сербская задача была бы осуществлена, если бы о ней больше думали, къ ней серьезнѣе готовились, и планъ былъ бы систематично приведенъ въ исполненіе.

Не знаю, много ли шаговъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи князь Николай, князь же Миланъ не только объ этомъ не думалъ, но каждый разъ дѣлался глухимъ, когда по этому вопросу къ нему обращались съ представленіями сербскіе патріоты. Стратегическій горизонтъ Милана былъ не широкъ. Прежде всего онъ стремился оградить свою личную безопасность и своей резиденціи отрядами со всѣхъ сторонъ. Съ этою цѣлью, а въ особенности въ видахъ увеличенія размѣра денежной субсидіи, было мобилизовано все, что только было возможно по соображенію вооруженія, снаряженія и продовольствія. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи, правительственныя заботы были не обременительны, такъ какъ каждый призванный подъ знамя солдатъ былъ обязанъ имѣть на себѣ мѣсячное довольствіе. Больше заботы было съ обмундированіемъ. По времени года нужно было охранить людей отъ стужи, а они приходили изъ дома только въ самомъ необходимомъ. Приходилось снабжать ихъ по меньшей мѣрѣ плащами и брюками.

Князь Миланъ не признавалъ широкихъ задачъ. Отъ союза съ Черногоріею онъ уклонялся изъ боязни большей популярности князя Николая. Онъ не понималъ никакой для себя выгоды отъ разрѣшенія великой сербской задачи и предпочиталъ всякій захватъ, при какихъ бы условіяхъ онъ ни былъ сдѣланъ. Когда черезъ Катарджи до него дошли вѣсти о направленіи нашего кавалерійскаго отряда въ западную часть Придунайской Болгаріи, онъ сильно безпокоился, чтобы не упустить случая захватить Адліе и Бѣлградчикъ. Бывали дни, когда Миланъ, какъ капризный ребенокъ, жаловался на всѣхъ на свѣтѣ, почему-то на свою судьбу, на

воображаемыя интриги Карагеоргіевичей, на насъ, будто бы его оставившихъ на произволъ судьбы. Послѣднее потому, что не давали ему достаточно скоро денежныхъ субсидій.

Одинъ разъ спѣшно требуетъ меня къ себѣ.

— „Что же, вы хотите, чтобы Бѣлградъ былъ захваченъ башибузуками? чтобы дворецъ былъ разграбленъ, городъ сожженъ?“.

— „Ничего не понимаю, въ чемъ дѣло?“

— „Какъ русскій офицеръ, вы заботитесь только объ интересахъ своей арміи и оставляете на западѣ открытыя двери для нападенія турокъ. Въ такомъ случаѣ я хочу вашей гарантіи безопасности съ этой стороны“...

Въ другой разъ настойчиво требуетъ, чтобы я немедленно просилъ по телеграфу у главнокомандующаго распоряженія о присылкѣ орудій большого калибра для бомбардированія Ада-кала.

На мое представленіе, что игра свѣчъ не стоитъ, капризно настаивалъ, что орудія понадобятся вездѣ.

XI.

Еще съ пути моего объѣзда, изъ Алексинацкой Бани 2 ноября, я телеграфировалъ въ нашу главную квартиру о своевременности приглашенія Сербіи къ участію въ войнѣ. 10-го числа оффиціальною депешею отъ имени главнокомандующаго послѣдовало формальное приглашеніе князю, черезъ Нелидова и Персіани, по исполненіи всѣхъ дипломатическихъ формальностей, немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени. 18 ноября даны директивы. Но князь Миланъ не спѣшилъ. Напрасно я объяснялъ ему безопасность предѣловъ княжества, благопріятныя условія для наступленія, возможность опоздать даже къ заключенію мира. Княжеская прокламація къ сербскому народу о войнѣ появилась только 1-го декабря. Обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста изъ этого важнаго политическаго акта, въ которыхъ излагаются отношенія къ намъ и сосѣднимъ государствамъ.

„Впередъ! къ побѣднымъ орламъ Императора и Освободителя, съ упованіемъ на Бога, Всемогущаго покровителя справедливости! Впередъ во имя освобожденія нашихъ угнетенныхъ братьевъ. Рѣшительный шагъ впередъ, и мы сожмемъ руку тѣхъ братьевъ, съ которыми разъединились со времени Коссова.

...Мы встрѣтимъ на бранномъ полѣ покрытую славой русскую армію, братьевъ-героевъ Черногоріи и нашихъ мужественныхъ сосѣдей румынъ, уже перешедшихъ Дунай“...

Написано съ подъемомъ, осторожно и обдуманно, даже какъ будто съ начертаніемъ высокихъ цѣлей. Все это на словахъ, а на дѣлѣ князь пребывалъ въ убѣжденіи, что Сербія подвигнута на войну преждевременно, что интересы могли быть удовлетворены безъ особаго риска, что отвѣтственность въ случаѣ катастрофы съ сербскими войсками, которымъ не довѣрялъ, должна падать на тѣхъ, которые подали свои голоса за войну и въ особенности на Россію. Такъ какъ центральное мѣсто въ событіяхъ принадлежало мнѣ, то я и долженъ былъ за все отвѣчать. Отсюда моя почетная роль въ общественныхъ явленіяхъ и предъ войсками, къ фронту которыхъ князь заставлялъ меня подъѣзжать первымъ. При каждомъ удобномъ случаѣ заявлялось, что война объявлена по волѣ Царя, а князь—только исполнитель высшихъ предначертаній.

При весьма хорошихъ способностяхъ князь Миланъ провелъ дѣтство въ условіяхъ, неблагопріятно отразившихся на его душевныхъ качествахъ. Самолюбіе, эгоизмъ и упрямство, доведенное до крайнихъ предѣловъ, были основными чертами его характера. Обстоятельства, при которыхъ онъ былъ призванъ къ власти, только усилили вкоренившіеся недостатки, къ которымъ еще прибавили необыкновенную подозрительность. Составленное изъ вожаковъ народныхъ партій, регентство ни въ какомъ отношеніи не могло порождать благопріятно на юную душу, на каждомъ шагу обнаруживая силу матеріальной власти. Изъ регентовъ впереди всѣхъ стоялъ докторъ правъ Іованъ Ристичъ, человѣкъ большого ума и, можетъ быть, хорошій патріотъ, но узко понимаемаго патріотизма, для котораго примѣнялъ всѣ средства безъ разбора. Чтобы имѣть успѣхъ на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ продалъ высшіе сербскіе интересы графу Андраши за чечевичную похлебку, не столько опутанный диловкостью австрійскаго дипломата, сколько не довѣряя нашей дипломатіи и желая закрѣпить личный успѣхъ въ политикѣ княжеруства. Тѣмъ не менѣе Ристичъ велъ все правительство твердою рукою и безусловно импонировалъ князю. Другой регентъ, генералъ Белимарковичъ, человѣкъ недюжинный, ни выдающійся политикъ, ни опытный военачальникъ, во время войны соединялъ въ своихъ рукахъ активное командованіе двумя корпусами, но ни въ чемъ не успѣлъ проявить своего превосходства. Характеренъ случай, съ нимъ бывшій на Пиротскомъ шоссе. Когда Акъ-Паланка была занята, было необходимо спѣшить къ Пироту; но Белимарковичъ стоялъ на мѣстѣ и впередъ не двигался. Княземъ послано приказаніе немедленно наступать. Передовое расположеніе было соединено съ главною квартирою военнымъ телеграфомъ. Спрашиваютъ по телеграфу, почему стоитъ. Отвѣтъ: устали войска. Князь повто-

ряетъ приказъ о наступленіи. Отвѣта нѣтъ. Сообщаетъ мнѣ все самъ князь.

— „Скажите Белимарковичу, что его разстрѣляете, если не исполнитъ приказанія немедленно".

Князь даже испугался.

— „Что вы, что вы! Вѣдь это регентъ, вѣдь я въ конституціонной странѣ"...

— „Ну, такъ почему же стоитъ?"

На вопросъ отвѣтъ, что 13 числа не хочетъ боя, уважая народный обычай.

— „Въ такомъ случаѣ прикажите двигаться форсированно, безъ потери времени, а драться можетъ завтра".

Третьимъ регентомъ былъ генералъ Протичъ, потомъ начальникъ полевого штаба, безличный, но кропотливый труженикъ. Да былъ ли онъ регентомъ? говорятъ, что былъ. Сомнительно.

Кто мнѣ былъ въ особенности полезенъ, это выдающіеся офицеры, прошедшіе курсъ нашей военной академіи. Во главѣ ихъ былъ генералъ Савва Груичъ, въ то время занимавшій постъ военнаго министра, умный, образованный, воспитанный, предупредительный и дѣловой, впослѣдствіи бывшій сербскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и долгое время стоявшій затѣмъ во главѣ сербскаго государственнаго совѣта. Въ самое короткое время они меня познакомили съ истиннымъ положеніемъ страны и ея вооруженными силами на столько, что дали мнѣ возможность правильно понимать событія и съ успѣхомъ распоряжаться мѣстными средствами.

Два слова по вопросу о прохожденіи курса нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности военныхъ, уроженцами намъ родственныхъ національностей. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Чѣмъ больше ихъ будетъ и чѣмъ большихъ результатовъ они достигнутъ, тѣмъ лучше. Это путь развитія политическаго вліянія культурой. Основная мысль издавна лежала въ русской государственности и даже спеціально осуществлялась въ славяно-греко-россійской академіи. Не меньшее государственное значеніе имѣетъ посылка нашихъ болѣе способныхъ юношей въ иностранныя учебныя заведенія для ученія и въ техническо-промышленныя учрежденія для пріобрѣтенія практическаго навыка. Въ этомъ отношеніи намъ пришлось бы только слѣдовать примѣру и указаніямъ нашихъ великихъ государей. Тутъ и агентура съ критическимъ анализомъ. Но пользоваться этимъ рычагомъ для подъема, въ особенности, политическаго вліянія необходимо съ крайнею осторожностью, чтобы не допустить сорной травы космополитизма и извращенныхъ толкованій для юныхъ головъ.

Общими усиліями и со всякимъ трудомъ наконецъ удалось достичь соглашенія съ княземъ въ распредѣленіи главныхъ силъ на такихъ общихъ основаніяхъ. Изъ пяти корпусовъ, составлявшихъ сербскую армію, на юго-восточной окраинѣ княжества сосредоточить три корпуса,—Шумадійскій, Моравскій и Тимочскій. Послѣдній, однако, условно, съ отдѣленіемъ крупной части на восточную границу, пока обстоятельства не выяснятъ ея полную безопасность. Это ядро арміи, численностью приблизительно въ 50.000 человѣкъ, предназначалось для операцій къ сторонѣ нашей арміи, по направленію черезъ Пиротъ на Софію. Такъ какъ наступленіе по этому пути преграждалось сильною крѣпостью Ниша, то, чтобы не втягиваться въ крѣпостную войну и, по возможности, скорѣе оказать давленіе на турокъ, формировавшихъ вспомогательныя для Османа-паши средства, указывалось обходное движеніе горами на Бабину-главу и Акъ-Паланку. Дринскій корпусъ въ полномъ составѣ, численностью до 12.000 чел., оставленъ на западной границѣ. Князь боялся наступленія противника со стороны Босніи на Бѣлградъ. Яворскій корпусъ, тоже въ полномъ составѣ, численностью въ 13.000 человѣкъ, предназначался для остальныхъ операцій на южной границѣ къ сторонѣ Enclave; но онъ оставался въ полномъ бездѣйствіи во все время войны, отчасти благодаря нерѣшительности его командира, полковника Николича, отчасти сдерживаемый главнокомандующимъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе причинъ, мною выше изложенныхъ.

Нужно отдать справедливость прекрасному офицерскому составу арміи, какъ въ отношеніи строевой подготовки, такъ и въ смыслѣ военнаго образованія. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія и должно быть отнесено къ личному почину офицеровъ, что въ мирное время подъ ружьемъ состоятъ только кадры. Въ строю много офицеровъ высшаго военнаго образованія, ими полученнаго въ иностранныхъ военныхъ академіяхъ. Но и бѣлградская военная школа достойна похвалы. При ничтожныхъ средствахъ она успѣла во многомъ, благодаря достоинствамъ и высокимъ талантамъ своего директора, генерала Заха, вложившаго въ дѣло всю свою прекрасную душу. Скромный и непритязательный, но трудолюбивый и талантливый, онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ Сербіи. Его заслуги по школѣ на-лицо, но ему же принадлежитъ и боевое командованіе на Рашкѣ, оставшееся незамѣченнымъ, однако обращающее на себя вниманіе во многихъ отношеніяхъ.

Говоря о несомнѣнныхъ достоинствахъ сербскихъ офицеровъ, слѣдуетъ сказать и о крупномъ ихъ недостаткѣ чрезмѣрнаго самомнѣнія. Послѣднее не въ народномъ характерѣ и занесено въ кня-

жество вмѣстѣ съ плодами иностранной культурной работы. Вотъ почему нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ оно отпадетъ, но пока служитъ громаднымъ тормозомъ въ развитіи природныхъ талантовъ и лишаетъ страну выдающихся геніевъ. Они пропадаютъ, не доразвившись, столько же отъ нравственной неустойчивости, сколько и отъ неустановившагося общественнаго порядка вещей.

Живымъ примѣромъ сказанному можетъ служить подполковникъ Ефремъ Марковичъ. Несомнѣнно отмѣченный большими дарованіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительный до болѣзненности, онъ былъ отправленъ въ Берлинъ для усовершенствованія въ военныхъ знаніяхъ. Это было въ 1863 году, въ эпоху развитіи на Литвѣ повстанческихъ бандъ. Возбужденный до крайности, враждебными для насъ, газетными преувеличеніями, онъ безъ разрѣшенія бѣжитъ на нашу границу, съ тѣмъ ли, чтобы присоединиться къ повстанцамъ, или только своими глазами увидѣть зло, но на дѣлѣ убѣждается съ негодованіемъ въ массѣ лжи и коварствѣ, и тѣмъ же порядкомъ возвращается въ Берлинъ. Когда онъ возвратился въ Бѣлградъ по окончаніи учебнаго курса, на юную душу, не установившуюся и встревоженную всякими ученіями и сомнѣніями, безпощадно нападаютъ мѣстные политиканы, онъ еще не успѣлъ разобраться въ событіяхъ, а уже попалъ въ водоворотъ событій. Къ великому горю всѣхъ въ князѣ Миланѣ онъ встрѣтилъ не любвеобильнаго государя, полагающаго за народъ свою душу, а мстительнаго, безчеловѣчнаго тирана, ни во что не ставящаго государственную заслугу и не прощающаго даже неосторожно сказаннаго слова. Между тѣмъ заслуга Ефрема Марковича была дѣйствительно велика. Онъ ринулся впереди своей бригады въ студеныя воды р. Нишавы, уже въ ледоходъ, когда обходная сербская колонна запнулась отъ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ турокъ. Отважный примѣръ его увлекъ за собою всѣхъ, турки были опрокинуты, а Акъ-Паланка и нѣсколько орудій достались въ руки побѣдителя. Минута колебанія, и дѣло не только было бы потеряно, но легко могло случиться, что и вся сербская кампанія обратилась бы въ ничто. Въ другой разъ, въ пресловутое тринадцатое число, когда генералъ Белимарковичъ затруднялся наступать, боясь втянуться въ бой, но былъ все-таки вынужденъ дойти до дороги обходной колонны, тотъ же подполковникъ Марковичъ вмѣсто отдыха карабкается съ двумя батальонами на гору, упреждая на ней занятіе турками, уже наступавшими со стороны Пирота съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Даровитый отъ природы, образованный, энергичный и обладая быстрымъ и вѣрнымъ глазомѣромъ, Ефремъ Марковичъ имѣлъ всѣ качества, чтобы сдѣлаться полководцемъ. Кто знаетъ, въ какую бы

сторону повернулась судьба княжества, если бы этотъ самородокъ преждевременно не погибъ жертвою злого рока. Въ сербскихъ войскахъ былъ не одинъ Марковичъ, но они прошли незамѣченными въ органическомъ государственномъ неустройствѣ. Во всѣ времена сербская исторія изобиловала народными героями. Только имъ и обязана Черная гора своимъ чудеснымъ существованіемъ.

На 4 декабря былъ назначенъ отъѣздъ князя-главнокомандующаго къ дѣйствующей арміи въ Алексинацъ, а я еще совсѣмъ не былъ готовъ. Перемежающаяся лихорадка изводила меня въ конецъ, а заняться лѣченіемъ было недосугъ, несмотря на ежедневныя напоминанія Персіани. Въ одно прекрасное утро онъ мнѣ заявляетъ, что созываетъ консиліумъ врачей, чтобы выяснить мое положеніе и положить конецъ болѣзни. Милый Александръ Ивановичъ, онъ о всемъ заботится. Оказывается, что предоставляетъ въ мое распоряженіе, временно пребывающаго въ Бѣлградѣ, секретаря консульства въ Сараево, Н. А. Налетова. Дѣло быстро пошло на ладъ. Консиліумъ опредѣлилъ, что состояніе моего здоровья не внушаетъ опасеній, а, чтобы избавиться отъ пароксизмовъ, предписалъ принять 40 гранъ хинина въ два дня и продолжать пріемы по 5 гр. ежедневно. Что же касается до моего личнаго штаба, то я въ самое короткое время былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, великолѣпнымъ фургономъ въ пару лошадей и походными вещами, а въ лицѣ Николая Александровича Налетова я пріобрѣлъ неоцѣненнаго помощника и друга.

Отъѣздъ состоялся на разсвѣтѣ 4-го декабря. Безцвѣтность проводовъ князя, въ особенности присутствіе на нихъ митрополита Михаила не пастыремъ церкви, по православному обычаю осѣняющаго крестомъ и иконою воиновъ на брань, а лицомъ высшей администраціи, наравнѣ съ другими гражданскими лицами, произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Сѣрая мгла предразсвѣтнаго утра вполнѣ гармонировала съ оффиціальною натянутостью, царствовавшею въ княжескомъ конакѣ въ минуту отъѣзда верховнаго вождя сербской вооруженной силы. Князь указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ нимъ, княгиня просила беречь мужа. Лошади тронули, я по привычкѣ снялъ фуражку и перекрестился, князь Миланъ закурилъ папироску. Позднѣе я узналъ, что и въ Сербіи церковь благословляетъ, какъ и у насъ; но что князь избѣгаетъ обрядности, находя ихъ пустою формальностью.

На дорогѣ мы ночевали, на слѣдующій день прибыли въ Алексинацъ.

Обходя въ день пріѣзда расположеніе Смедеревской бригады по землянкамъ у Алексинаца, я убѣдился въ неудовлетворительномъ

состояніи обмундированія людей. Кромѣ холщевой рубахи и суконнаго плаща у большей части людей другой верхней одежды не было. Было 6° мороза безъ вѣтра; что же будетъ съ этими людьми, не привыкшими къ суровой погодѣ, когда на открытомъ бивакѣ ихъ застанетъ сильный морозъ, съ рѣзкимъ вѣтромъ! Черезъ два дня мое недоразумѣніе разрѣшилось вполнѣ.

Хотя блузы, брюки, плащи и шапки полагались отъ казны всѣмъ людямъ какъ постоянныхъ войскъ, такъ и призываемымъ на учебные сборы, но княжеское правительство по этимъ статьямъ расхода обыкновенно дѣлало значительныя сбереженія. Пользуясь тѣмъ, что на службу поселяне являлись въ толстыхъ шерстяныхъ на полотняной подкладкѣ курткахъ, блузы и брюки имъ не выдавались никогда—ни въ мирное, ни въ военное время. Плащами войска были снабжены лучше, благодаря покупкѣ значительной ихъ партіи въ Австріи, во время добровольческой войны, на средства, присланныя изъ славянскихъ комитетовъ.

Въ ночь на 8 декабря, когда княземъ былъ назначенъ выѣздъ на боевыя позиціи Моравской дивизіи, морозъ достигъ 10° при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Выѣхали мы раннимъ утромъ въ обыкновенномъ порядкѣ. Впереди князь со мною, во второй коляскѣ начальникъ штаба генералъ Коста Протичъ съ начальникомъ оперативнаго отдѣла подполковникомъ Анжелковичемъ, сзади дежурный адъютантъ князя съ начальникомъ санитарной части Владаномъ Георгіевымъ. Горные скаты застилались снѣжною пылью, срываемою вѣтромъ съ вершинъ. На дорогахъ была невозможная гололедица. Лошади поминутно скользили и временами останавливались, чтобы выдержать напоръ встрѣчнаго порыва вѣтра. Экипажъ бросало то въ одну сторону, то въ другую, то немилосердно подбрасывало на замерзшихъ колеяхъ. Съ большимъ трудомъ, иззябшими и голодными, мы наконецъ добрались до пограничнаго Катунскаго поста, въ которомъ съ удовольствіемъ укрылись отъ свирѣпствовавшей вьюги и наскоро подкрѣпились холодною закускою.

Во всю дорогу я присматривался къ одиночнымъ людямъ, съ полнымъ снаряженіемъ шедшимъ по сторонамъ дороги то вереницей, то небольшими группами, съ позицій во внутрь страны. По ихъ открытымъ лицамъ и бойкой походкѣ было видно, что люди чувствовали себя въ своемъ правѣ. Я припомнилъ разсказы о примитивномъ способѣ возобновленія продовольствія средствами родного дома.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія князя. Онъ обратился ко мнѣ вскользь со словами.

— „Неизвинительное упущеніе въ санитарной части, допускающее слабыхъ и больныхъ идти пѣшкомъ. Безпорядокъ уже потому не простителенъ, что можетъ послужить первымъ шагомъ къ дезертирству“.

— „Невозможно считать этихъ людей за дезертировъ“, отвѣчаю я.—„Уже потому, какъ они смѣло намъ смотрятъ въ глаза, несомнѣнно, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы они дѣлали что-либо позорное, несовмѣстимое съ долгомъ службы“...

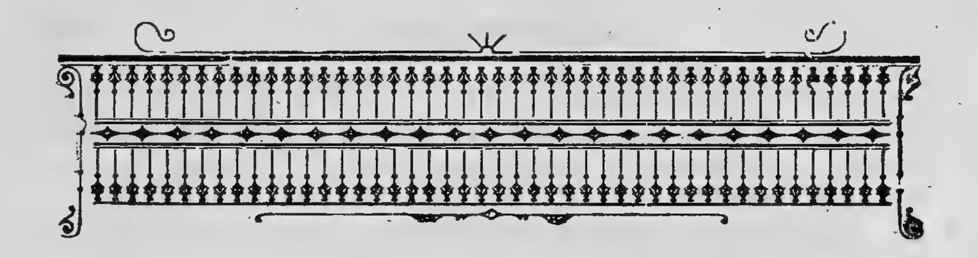
Но князь не слушалъ меня и тутъ же распекъ Владана Георгіева. Мнѣ стало досадно. Очевидно, князь желалъ втереть мнѣ очки.

„Этотъ обычай, въ трудную минуту имѣть базу въ родномъ домѣ, меня не только не печалитъ, но радуетъ, такъ какъ въ немъ я вижу благополучный исходъ изъ возможнаго критическаго положенія. Что могло бы съ ними случиться, если бы они въ плащахъ, подбитыхъ вѣтромъ, оставались голодными на своихъ бивакахъ, гдѣ костеръ, разведенный изъ сухой лозы, не согрѣваетъ, а обжигаетъ“.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 [1]).

1 марта. Завтракалъ вчера у В. К. С. А. Было симпатично, какъ бываетъ не всегда.

Трудно имѣть отношеніе ко дворамъ—самолюбіе постоянно страдаетъ. Я мало поддаюсь этимъ страданіямъ, потому что имѣю свою независимую жизнь, свой внутренній міръ и свое я, въ сравненіи съ которыми все это для меня ничтожно. Хочу отдалиться отъ свиты, поддерживая отношенія къ истиннымъ друзьямъ, каковыми я считаю В. К. Сергѣя, Павла, Александровичей, Константиновичей и еще немногихъ преимущественно родныхъ. Надо мнѣ закончить мои работы, и все остальное vanitas. Для меня совсѣмъ не нужно больше связей, а дѣти должны идти своей дорогой.

Вчера вечеромъ былъ у Леера. Очень мнѣ не понравилось. Какъ люди мѣняются. Съ тѣхъ поръ какъ онъ учитъ Наслѣдника, взгляды его иные. Сдѣлался въ домѣ придворный духъ, рѣзко отличный отъ прежняго рѣзкаго фрондерства, которое было обусловлено недовольствомъ своимъ положеніемъ. Такъ у насъ всегда. Къ этому лакейству прибавляется въ его военномъ обществѣ милитаризмъ и шовинизмъ, заразившіе нашихъ военныхъ, чего прежде не было. Взгляды на Болгарію самые нелѣпые. Сочувствуютъ болгарскимъ бунтовщикамъ (это прямо высказывается даже въ правит. актахъ). Говорятъ, что они имѣютъ право бунтовать противъ „незаконнаго" правительства. Но почему регентство (какіе бы негодяи въ немъ

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.

ни сидѣли) незаконно? Одинъ генералъ сказалъ вчера характеристично: „незаконно все то, что противъ Россіи!“ Вотъ, это ясно! Нраву моему не препятствуй! Между тѣмъ, правительство не хочетъ войны, не хочетъ и Государь сдѣлать то, что безъ войны сдѣлать нельзя, т. е. навязать насильно болгарскому народу русское правленіе.

Мы сами виноваты, что такъ дурно правили въ Болгаріи, когда имѣли тамъ полную власть. А болгарскихъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ русскихъ подданныхъ разстрѣливаютъ, и мы не можемъ ничего сдѣлать, высказывая оффиціально къ нимъ сочувствіе. Изъ этого безсмысленнаго положенія можетъ быть выходъ только плачевный—война Богъ знаетъ изъ-за чего, чтобъ отыскать и возстановить какой-то настоящій болгарскій народъ, будто бы терроризованный регентами. Извольте до него добраться!

3 марта. Третьяго дня 1 марта, очевидно нарочно 1 марта, чтобъ напомнить объ этомъ ужасномъ днѣ, было покушеніе на цареубійство. Когда Государь ѣхалъ съ Наслѣдникомъ въ саняхъ, (Императрица ѣхала въ другомъ экипажѣ) по Невскому (изъ Аничкина дворца) въ Петропавловскій соборъ на заупокойную обѣдню по Имп. Александру II, было взято полиціей три человѣка (съ бомбами въ бинокляхъ) съ тремя ассистентами. Всѣ 6—студенты Петербургскаго университета, что самое печальное. Полиція уже раньше знала, что готовится нѣчто. Людей этихъ захватили случайно переодѣтые полицейскіе на Невскомъ. Впечатлѣніе сильно, ибо въ послѣднее время успокоились, думая, что заговоровъ больше нѣтъ! И нынѣшнюю зиму Г. сталъ ѣздить очень свободно. Прежде Императрица не пускала его безъ себя, потому что не хочетъ его пережить и хочетъ вмѣстѣ съ нимъ погибнуть. Въ послѣднее время ее успокоили, что нѣтъ опасности.

Событіе это очень важно. Мерзость нигилизма не пропадаетъ ни при какихъ режимахъ. Какіе способы лѣченія, нельзя понять, но ясно, что и принятый режимъ реакціи также ни къ чему не ведетъ.

При этой внутренней смутѣ Россія не можетъ имѣть значенія въ международныхъ дѣлахъ. Должно же быть также размышленіе, какъ нелѣпо въ то же время покровительствовать болгарскимъ бунтовщикамъ.

6 марта. Третьяго дня былъ большой раутъ у В. К. Владиміра А. Было 600—700 человѣкъ В. К. и В. Княгиня была со мной необыкновенно любезны. Онъ спрашивалъ, что я дѣлалъ за границей и почему меня такъ давно не видать — при этомъ очень дружественно шутилъ. В. К. М. П. сказала, со своей обычной очарова-

тельностью: je suis charmée de vous voir, vous m'oubliez, vous avez il me parait cessè de m'aimer и т. д. Я ничего не нашелъ отвѣтить и молчалъ, боясь сказать глупость. Вообще былъ плохъ въ этотъ вечеръ, сдѣлалъ нѣсколько неловкостей, которыя можетъ быть не пройдутъ мнѣ даромъ. Близкіе свели меня курить въ кабинетъ В. К. В. А. Пріѣхали Государь съ Императрицей и прямо вошли сначала въ кабинетъ. Г. очень дружелюбно подалъ мнѣ руку, а это произвело впечатлѣніе. Любезное, а иныхъ интимное обращеніе со мной производитъ говоръ и, кажется, возбуждаетъ зависть, для меня вредную.

7 марта. Сегодня я видѣлъ въ общемъ собраніи академіи гр. Толстого, но ничего не замѣтилъ въ немъ, хотя въ городѣ говорятъ, что послѣ покушенія онъ долженъ уйти. Онъ сообщилъ Веселовскому нѣкоторыя подробности, такъ какъ говорилъ со схваченными студентами. По его словамъ, это идіоты—сами они не могли ничего выдумать. Онъ спросилъ главнаго: „по какому побужденію вы это сдѣлали"? Отвѣтъ съ улыбкой: „я уполномоченъ всей Россіей". „Получили вы это полномочіе?". Улыбка и молчаніе.

Гр. Т. думаетъ, что тутъ дѣйствовали иностранныя (англійскія) деньги. Этимъ стараются утѣшиться. Многіе это говорятъ, въ томъ числѣ Катковъ. Интересно, что рѣшается говорить даже гр. Т. Не понимаютъ, что для Россіи еще болѣе унизительно, что иностранцы могутъ подкупить русскихъ совершать цареубійство. Что же намъ кичиться нашими внутренними порядками?.

Вчера ректоръ университета говорилъ, окруженный профессорами, рѣчь студентамъ, выражая негодованіе, что злоумышленіе опозорило университетъ (тутъ крики многихъ студентовъ „нѣтъ!") и объявилъ, что отъ имени профессоровъ и студентовъ поднесетъ Государю адресъ, выражающій негодованіе противъ злодѣянія и вѣрноподданническія чувства. Сегодня въ университетѣ собралась толпа студентовъ, чтобъ протестовать противъ этого адреса. Послана была въ университетъ полиція съ Грессеромъ во главѣ. Что произошло, не знаю.

9 марта. Говоръ о катастрофѣ продолжается—это исключительный теперь интересъ. Онъ крайне разнорѣчивъ, и трудно добиться истины относительно самыхъ простыхъ фактовъ. Высшіе полицейскіе чины между собою перессорились—другъ друга критикуютъ и другъ передъ другомъ выставляютъ свои заслуги. Немудрено, когда есть три конкуррирующія между собой полицейскія организаціи — каждая съ своимъ штатомъ шпіоновъ: регулярная, жандармская и тайная охрана (все еще дѣйствующая).

Въ университетѣ арестовано 150 студентовъ, протестовавшихъ противъ вѣрноподданническаго адреса.

Большая часть разговоровъ о смутѣ и Болгаріи очень мнѣ антипатичны, но много и здравыхъ мнѣній, которыя не имѣютъ вліянія и не могутъ проникать въ печать.

Третьяго дня вечеромъ былъ у Леера. Воинственныя, шовинисткія и придворныя рѣчи собирающихся тамъ военныхъ дѣлаются совсѣмъ мнѣ противны.

До этого былъ у Стрепетовой, чтобъ репетировать съ ней „Власть тьмы" Толстого. Отличная актриса и отличная женщина.

Вчера обѣдалъ у М. Н. Анненкова. П. Х. Саминнъ разсказываетъ такъ много о чудачествахъ гр. Л. Н. Толстого, съ которымъ онъ коротко знакомъ (коротко былъ знакомъ и я, но давно не видалъ). Т. просто юродствуетъ, какъ погибаютъ наши геніи. Это то же, что было съ Гоголемъ.

11 марта. Вчера я былъ потрясенъ извѣстіемъ о кончинѣ С. А. Грейга третьяго дня въ Берлинѣ (послѣ операціи). Это большая для меня утрата, и для экономическихъ обѣдовъ, которымъ онъ придавалъ наибольшій блескъ и охранялъ невознаградимое.

Ежедневно сходятъ со сцены въ могилу сверстники и друзья; другое поколѣніе выходитъ на сцену.

Грейгъ былъ хорошій человѣкъ, крайне доброжелательный и талантливый. Онъ былъ самый просвѣщенный министръ финансовъ, хотя ему не удалось по краткости пребыванія многаго сдѣлать. Онъ палъ отъ интригъ, до сихъ поръ темныхъ и отчасти отъ собственныхъ ошибокъ, которыми онъ сдѣлалъ вредъ себѣ, а не государству. Слабая сторона его—*легкомысліе*, отчасти вслѣдствіе быстроты карьеры, отчасти отъ пажескаго воспитанія. Я лично много обязанъ Грейгу не только за дружбу, но и за покровительство на службѣ (онъ удвоилъ мое содержаніе по Совѣту Министра Финансовъ, и поднялъ меня изъ опалы, въ которой меня держалъ Рейтернъ).

11 марта. Былъ экономическій обѣдъ. Долго спорили у Донона, быть или нѣтъ обѣду вслѣдствіе кончины Грейга. Собственно только сен. Гюббенетъ поднялъ вопросъ о неприличіи обѣда,—чтобъ поломаться (показать свою особенную привязанность къ Грейгу, хотя многіе къ нему гораздо были ближе),—какъ это любитъ Гюббенетъ. Огромное большинство и я были другого мнѣнія,—я находилъ напротивъ приличнымъ чествовать Грейга. Говорили рѣчи въ память Гр. Ламанскій, Полонскій и я. Несмотря на приглашеніе предсѣдателя никто ничего не сказалъ еще. Это было грустно видѣть; кажется, тутъ дѣйствовала боязнь, т. к. Грейгъ

былъ въ немилости въ нынѣшнемъ царствованіи, хотя экономическіе обѣды и многіе ихъ члены лично многимъ обязаны Грейгу. Не могу не примѣтить мрачной черты: кажется, многіе сановники—карьеристы (Тернеръ, Куломзинъ и др.) подъ маской своей скорби осторожно устранялись отъ чествованія Грейга.

На эконом. обѣдѣ рѣшено: 1) возложить вѣнокъ на гробъ; 2) отслужить панихиду 18 марта отъ экономическихъ обѣдовъ; 3) собрать капиталъ для конкурса на сочиненія по политической экономіи. Послѣдній вопросъ рѣшили снова обсудить въ бюро.

На обѣдѣ были пренія о табачной монополіи, которая, говорятъ, рѣшена en principe—министромъ финансовъ. Громадное большинство говорившихъ (особенно гости—табаководы) высказались противъ (также и *я*),—сильнѣе всѣхъ говорилъ К. К. Гротъ. Собственно были за монополію только Ламанскій и Д. Воейковъ (изъ-за прислужничества къ Каткову).

15 марта. Третьяго дня я былъ на встрѣчѣ тѣла Грейга на жел. д. и вчера на похоронахъ. Была масса народа, что доказываетъ, какъ его любили. Я возложилъ вѣнокъ отъ экон. обѣдовъ: онъ вышелъ лучше всѣхъ, хотя было много великолѣпныхъ.

Третьяго дня былъ у ректора унив. Андреевскаго. Онъ говоритъ, что начальство заставило его говорить рѣчь.

16 марта. Вчера вечеромъ былъ у Сольскаго, благодарилъ за Юрія, которому онъ далъ мѣсто, и затѣмъ бесѣдовалъ долго. Сольскій разсуждаетъ совершенно согласно со мной о болгарскихъ дѣлахъ, Каульбарсѣ, и проч. Странно, что когда министры (и не одинъ Сольскій) такъ разсуждаютъ, политика идетъ наперекоръ имъ. Говорятъ, нельзя сопротивляться самодержавному Государю и выходить въ отставку. Гирсъ неоднократно просился, и ему отказали, что уволятъ, когда захотятъ. Если это деспотизмъ, то и деспотамъ (Наполеонъ II) удобнѣе имѣть людей, согласныхъ съ ихъ идеями. Но Государь даже и не деспотъ. Если бы эти господа дѣйствительно говорили ему то, что думаютъ, то и онъ дѣйствовалъ бы иначе. Они этого не дѣлаютъ. Ничего, кромѣ лакейства, тутъ нѣтъ. Эти министры никакихъ убѣжденій не имѣютъ и только болтаютъ о своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ понравиться людямъ, съ которыми они говорятъ. Серьезно выходить въ отставку никто изъ нихъ не думаетъ. Отцы не способны на *законное* сопротивленіе, законное дѣйствіе въ силу своихъ убѣжденій. Дѣти хватаются за безаконныя и преступныя средства. Сегодня былъ у В. К. Сергѣя и Павла Алекс. Очень веселы и какъ будто ничего не бывало.

Никогда культурная слабость нашего общества и народа не выставлялась мнѣ такъ явственно, какъ теперь. Всякій

(въ родѣ Каткова, Побѣдоносцева и прежде Аракчеева) не только самодержецъ, можетъ притиснуть это жалкое общество! Я могу сказать по совѣсти, что даже *сверхъ моей возможности* я обставился самостоятельно и не подчинялся никакому гнету.

19 марта. Вчера служили по Грейгу панихиду отъ эконом. обѣдовъ.

Вчера же заѣзжалъ къ В. К. Павлу Алекс., который все нездоровъ. Кажется мнѣ, или этого нѣтъ, но замѣчаю нѣчто въ родѣ охлажденія или меньшаго ко мнѣ вниманія, или просто меньшаго интереса меня видѣть.

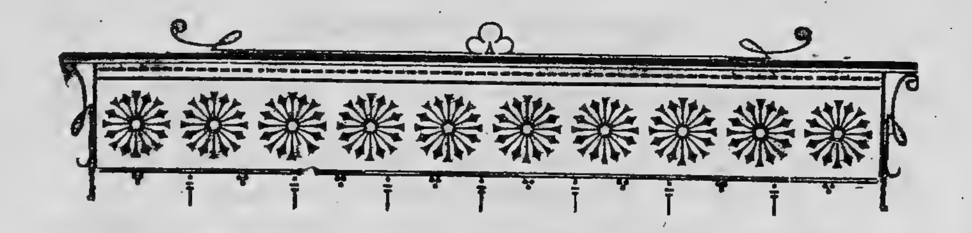
На меня нашла вчера вечеромъ страшная тоска, глубокое уныніе, которое на меня давно не находило. Озираясь на свое прошедшее, убѣждаюсь, что это carrière manquée, ничего я не сдѣлалъ серьезнаго и цѣльнаго ни на учебномъ, ни на государственномъ поприщѣ. А могу ли разсчитывать на остатокъ моихъ дней, чтобъ даже кончить начатое?

Сегодня былъ у меня Д. Георгіевскій (братъ извѣстнаго Алекс. Ив.—клеврета Каткова). Интересно, что они сами сознаютъ свою несостоятельность (реформа по учебной части) въ виду недавнихъ покушеній. По крайней мѣрѣ, этотъ Георгіевскій мнѣ въ этомъ сознался.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Гавриловичъ Чернышевскій [1]).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

XIV. Смерть.

Николай Гавриловичъ, никогда серьезно не болѣвшій, считалъ свою болѣзнь пустяками. Хотя докторъ и требовалъ, чтобы Н. Г. былъ въ полнѣйшемъ покоѣ, и даже предупредилъ, что умственныя занятія онъ долженъ на время оставить,—Н. Г. не повѣрилъ представителю медицины, и потому послѣ визита доктора, по обычаю, долго занимался переводомъ Вебера, даже при высокой температурѣ. Когда пришелъ навѣстить его хозяинъ квартиры, Никольскій, то Н. Г. высказалъ ему свое удивленіе, что при сильной жарѣ онъ перевелъ около *шестнадцати* печатныхъ страницъ [2]).

Но это сразило его.

Повидимому, и самъ докторъ считалъ заболѣваніе Н. Г—ча не изъ опасныхъ, такъ какъ не считалъ нужнымъ болѣе посѣщать его и только въ случаѣ ухудшенія состоянія больного просилъ прислать за нимъ. Самому же больному писателю постоянное посѣщеніе врача было, очевидно, непріятно.

Вечеромъ съ Н. Г. опять былъ пароксизмъ перемежающейся

---

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

[2]) Я напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1910, III, 990—92, по воспоминаніямъ П. А. Никольскаго, о приходѣ домохозяина въ квартиру Чернышевскихъ, по смерти Н. Г—ча. Никольскій, будто бы, никогда не былъ знакомъ съ Н. Г—чемъ; пришелъ, будто бы, оплакать свои потерянныя деньги: „кто мнѣ будетъ платить дальше“, говорилъ онъ. На самомъ дѣлѣ, домохозяинъ былъ знакомъ съ Н. Г—чемъ, и такой сцены быть не могло.

болотной лихорадки. Чернышевскій бредилъ и находился въ безсознательномъ состояніи. Послали за докторомъ Брюзгинымъ, но его не было дома. Квартирантъ Чернышевскихъ, Токарскій, отправился самъ разыскивать докторовъ, врачъ Никифоровъ, какъ ни упрашивалъ его г. Токарскій, не поѣхалъ, потому что не согласился „практиковать изъ-за спины товарища“ (впрочемъ, Никифоровъ сказалъ, что на консиліумъ, если хотятъ, онъ пріѣдетъ); другихъ докторовъ Токарскій не засталъ дома, и только одинъ М. И. Кротковъ оказался дома и согласился лѣчить. Заѣзжалъ г. Токарскій и къ Брюзгину въ отсутствіе послѣдняго изъ дома, но не сказалъ его домашнимъ, что пріѣхалъ за докторомъ для Чернышевскаго. Въ два часа ночи пріѣхалъ, по приглашенію, и докторъ Брюзгинъ. Лѣкарства не дѣйствовали. Больной былъ въ одномъ и томъ же положеніи; сознаніе—затемнено нѣсколько болѣе, чѣмъ раньше, однако, при громкомъ окликѣ, Н. Г. какъ бы просыпался на нѣсколько минутъ и давалъ связные отвѣты на вопросы. Изрѣдка больного шевелили и расталкивали; тогда онъ отвѣчалъ на вопросы докторовъ отдѣльными словами, а иногда и цѣлыми фразами, изрѣдка и самъ скажетъ что-нибудь. Но пульсъ былъ хорошій; селезенка—увеличена. Этотъ пароксизмъ доктора приписывали дѣйствію яда болотной лихорадки на мозговыя оболочки. Такія явленія маляріи часто бываютъ въ Саратовѣ.

Рѣшено было составить консиліумъ. Докторъ Брюзгинъ пробылъ до шести часовъ утра.

Въ восемь часовъ шестнадцатаго октября Брюзгинъ и Кротковъ опять осмотрѣли Николая Гавриловича и опредѣлили болѣзнь особой формой болотной лихорадки. Когда Кротковъ сказалъ: „Покажите языкъ“, то Н. Г. (это былъ послѣдній отвѣтъ,—послѣ него Н. Г. уже не приходилъ въ себя) отвѣтилъ на это: „Языкъ мой... толстъ... его высунуть нельзя... если... его... высунуть... то... его... отрѣжутъ...“ (или „могутъ отрѣзать“—въ другой редакціи).

Чрезъ нѣкоторое время опять забредилъ: „Этого... человѣка... дни... сочтены... осталось ему... жить... не болѣе полторы... недѣли... жалко, что... медицина безсильна“...

Въ десять часовъ состоялся консиліумъ изъ докторовъ: Брюзгина, Кроткова и Бонвеча, приглашеннаго по совѣту А. И. Ровинскаго; хотя были приглашены и другіе доктора (между прочимъ, Розенталь и Погосскій), но консиліумъ состоялся ранѣе ихъ пріѣзда, въ виду опаснаго состоянія больного. На консиліумѣ доктора пришли къ такому заключенію о болѣзни Николая Гавриловича: „Несомнѣнно, что приступы болотной лихорадки дѣйствуютъ и на мозгъ, такъ что злокачественная малярія влечетъ кровоизліяніе;

но и отрицать, чтобы не было какого-либо мозгового явленія,—нельзя".

Предписано—принимать больному хининъ.

Доктора знали, что Н. Г. въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ въ возбужденномъ и нервномъ состояніи, что зависѣло отъ семейныхъ обстоятельствъ и стѣсненности въ денежныхъ средствахъ. Вообще, жизнь Н. Г—ча, была не изъ радостныхъ; одному изъ родственниковъ онъ какъ-то сказалъ: „Вы думаете, что въ Сибири мнѣ жилось нехорошо? Я только тамъ и счастливъ былъ" (??).

Это, а равно усиленное занятіе переводомъ при высокой температурѣ, было причиной того, что болѣзнь приняла опасное направленіе.

Когда было сказано Ольгѣ Сократовнѣ о результатахъ консиліума,—она чуть не кричала: „Не вѣрю вамъ: я убѣждена, что съ нимъ воспаленіе мозга". Доказать ей несправедливость ея мнѣнія было нельзя; нужно было оставаться равнодушнымъ ко всему тому, что она дѣлала и говорила. Доктора такъ и поступали.

Въ два часа дня опять были Брюзгинъ и Кротковъ. Больной потѣлъ, температура упала; онъ находился въ безсознательномъ состояніи. Кромѣ того, замѣтили упадокъ сердечной дѣятельности и односторонній параличъ. „При насъ", говоритъ д-ръ Брюзгинъ, „въ сознаніе не приходилъ".

Дали возбуждающія средства: ледъ на голову и digitalis. Въ четыре часа ушли.

Въ шесть часовъ вечера доктора нашли, что состояніе больного нисколько не измѣнилось: пульсъ не поднимается, по-прежнему—безсознательное состояніе.

Николай Гавриловичъ проглотилъ одну чайную ложку digitalis.

Доктора констатировали безнадежное состояніе больного. Стали вспрыскивать подъ кожу мускусъ и эѳиръ и давали дышать кислородомъ. Замѣтивши отекъ легкихъ, поставили сухія банки, послѣ которыхъ отекъ исчезъ. Доктора пробыли до десяти часовъ вечера.

Въ двѣнадцать часовъ, когда пришли врачи, состояніе больного не измѣнилось; давали тѣ же возбуждающія средства и заставляли больного дышать кислородомъ.

Около часа ночи (за полчаса до смерти, или, по другой редакціи, не болѣе, какъ за часъ до смерти) получена телеграмма отъ московскаго доктора, Бокова, который спрашивалъ о болѣзни и лѣченіи Чернышевскаго: „Спросите у докторовъ о болѣзни и чѣмъ лѣчатъ они Николая Гавриловича". Въ отвѣтъ на телеграмму, Кротковъ и Брюзгинъ послали Бокову подробное описаніе болѣзни и ея леченія. Такъ какъ безнадежность положенія Н. Г. была оче-

видна, то они послали отвѣтъ Бокову уже послѣ смерти Чернышевскаго.

За двадцать минутъ до смерти, лѣченіе прекращено, и съ минуты на минуту ждали конца. Доктора ясно видѣли и понимали, что больной долженъ скоро умереть. Нужно было предупредить Ольгу Сократовну, чего доктора очень опасались: они такъ много терпѣли отъ нея, постоянно нервной, терпѣли незаслуженныя оскорбленія, и если, говоритъ Брюзгинъ, оставались лѣчить, то единственно изъ уваженія къ больному. О. С., измученная и изстрадавшаяся, спала крѣпкимъ сномъ уже часа два и, повидимому, совершенно успокоилась отъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, которые были съ нею. Ее разбудили и со страхомъ передали грустныя вѣсти о положеніи больного. Она была ненормально спокойна. Сверхъ ожиданія, О. С. выслушала докторовъ спокойно, тихо вошла въ комнату Николая Гавриловича и простилась съ нимъ. Когда доктора окончательно убѣдились въ безнадежномъ состояніи больного, послали за іеромонахомъ Діонисіемъ для напутствія умирающаго.

Но, вотъ, у больного пульса нѣтъ, дыханіе стало замедляться, оно дѣлалось все рѣже и рѣже. Казалось, что, вотъ, уже пришла смерть, но, нѣтъ, черезъ нѣсколько минутъ опять слышно продолжающееся дыханіе. Тяжело было всѣмъ. Это тяжелое душевное состояніе окружающихъ еще болѣе увеличивало тишину ночи.

Николай Гавриловичъ вздохнулъ нѣсколько разъ и тихо умеръ. Это было въ двѣнадцать часовъ 37 минутъ ночи [1]). При кончинѣ присутствовали: Ольга Сократовна, М. И. Кротковъ, А. В. Брюзгинъ, А. А. Токарскій, его квартирантъ Буковскій.

Когда Н. Г—ча положили на столъ въ передній уголъ,—слѣпой старикъ Н. Д. Пыпинъ, попросивъ подвести себя къ усопшему, проговорилъ: „Прощай, бѣдный Чернышевскій! Здоровый же ты какой былъ! Твой отецъ скончался въ одинъ мигъ, а ты проболѣлъ три дня“ [2]).

Іеромонахъ Діонисій, приглашенный Ольгой Сократовной для причащенія больного, пришелъ уже тогда, когда Николай Гавриловичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ; онъ, повидимому, очень разсердился, что его разбудили ночью, и, увидя покойника, съ сердцемъ проговорилъ: „Что къ мертвому-то приглашаете?“.

---

[1]) Въ своихъ бумагахъ Ф. В. Духовниковъ отмѣтилъ эту дату знакомъ вопроса.

[2]) Другая редакція: „Прощай, Николай! А все-таки ты, братъ, сильнѣе своего отца: тотъ умеръ въ одинъ моментъ, а ты умиралъ цѣлыя сутки“.

Метрическая книга Нерукотворенно-Спасской церкви внесла въ свой скорбный списокъ:

Метрической книги на 1889 годъ, часть третія о умершихъ.

Счетъ умершихъ.		Мѣсяцъ и день		Званіе, имя, отчество, и фамилія умершаго.	Лѣта умершаго.		Отъ чего умеръ.	Кто исповѣдывалъ и пріобщалъ.	Кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребенъ.
Мужеска.	Женска.	Смерти.	Погребенія.		Мужеска.	Женска.			
22	—	Октя 17	брь. 20	Николай Гавриловъ Чернышевскій. Протоіерей Лаврентій Нечаевъ. Псаломщикъ Аркадій Князевскій.	61	—	Отъ апоплексіи мозга.	Крестовой церкви іеромонахъ Діонисій.	На Воскресенскомъ кладбищѣ.

Такъ все кончилось. Похоронили. На могилѣ, на Воскресенскомъ кладбищѣ, поставили памятникъ. Окружили цвѣтами могилу [1]). Студенты сложили тягучую, грустную, томительную пѣсню:

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ,—
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ.

* * *

Служилъ ты недолго, но честно
Для блага родимой страны;
И мы, твои братья по дѣлу,
Твой прахъ на могилу снесли.

* * *

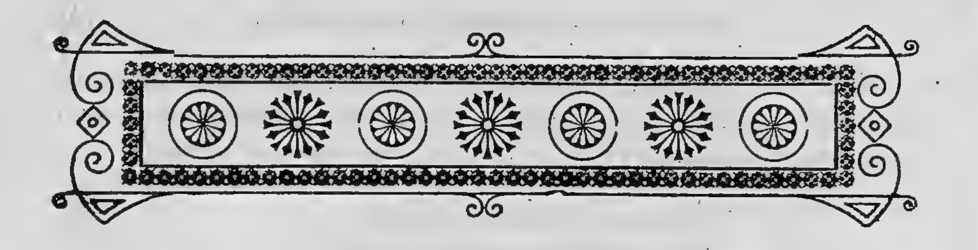
Твой врагъ надъ тобой не глумился,
Тебя окружали свои;
Своими руками закрыли
Орлиныя очи твои.

А. Лебедевъ.

[1]) Говорить ли, что въ Саратовской семинаріи, гдѣ учился Н. Г., его смерть прошла никѣмъ незамѣченной? Семинаристы только *слышали*, что умеръ Чернышевскій. Реакція мрачныхъ восьмидесятыхъ годовъ давала себя чувствовать. Въ настоящее время могила начинаетъ приходить въ упадокъ.

Въ Саратовѣ проживаетъ вдова великаго писателя-гражданина во флигелѣ на дворѣ того самаго дома, гдѣ родился дорогой сердцу каждаго образованнаго человѣка Николай Гавриловичъ. До сихъ поръ она свято чтитъ память своего мужа, до сихъ поръ бережетъ, какъ святыню, все то, что хотя немного напоминаетъ Н. Г—ча. Ея лицо и теперь говоритъ, что въ свое время это была выдающаяся красавица. Крайняя деликатность составляетъ отличительную черту Ольги Сократовны. Однажды бывшій у нея гость хотѣлъ было помочь ей закрыть трубу топившейся голландской печи. О. С. любезно отклонила его услуги, сказавъ, что сдѣлаетъ это непремѣнно сама.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

83.

С.-Петербургъ, декабря 1812, вторникъ.

Пародія Аввакума г-на Кокошкина заслуживаетъ всякую похвалу. Не риѳмы однѣ и стоны, а настоящее піитическое одушевленіе въ каждой строкѣ ручается за его талантъ.— Лучшаго употребленія изъ фран. пушекъ нельзя было придумать. Къ сему подалъ мысль неистощимый изобрѣтатель А. Н. Оленинъ. Онъ уже поднесъ и рисунокъ пушечной пирамиды. Вы меня вывели изъ заблужденія, увѣдомляя о прибытіи къ вамъ Модераха и Болотникова. Я прежде обслушался, и потому писалъ къ вамъ, что комитетъ сей составленъ изъ московскихъ сенаторовъ.—Полагаю, что вы позабыли приложить списокъ тѣмъ, отъ лицезрѣнія коихъ желаете меня избавить. Его между прочими приложеніями не оказалось. — Слышалъ и я о медали, по которой судя, Бонапарте спятилъ съ ума. Меня увѣрялъ одинъ знакомый, что видѣлъ ее за мѣсяцъ въ Кронштадтѣ у какого-то морского офицера. Я истинно не хотѣлъ вѣрить. Mais puisque vous le confirmez, je dirai avec le comte Marcoff à présent il n'y a plus de doute que B. est devenu fou et ne sait plus ce qu'il fait. Этого опаснаго безумца еще не поймали! Еще все за нимъ гонятся. Гр. Витгенштейнъ, преслѣдуя его, побилъ много люцей, взялъ 2.000 въ

[1]) См. „Русск. Старину" ноябрь 1912 г.

плѣнъ и 30 пушекъ. Реляція о семъ печаталась уже вчера ввечеру.—Паулуччіеву для курьеза прилагаю у сего [1]). На Эссена и на него сдѣланы 4 стиха очень впопадъ. Вышелъ прекрасно сочиненный манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Съ 500—8 человѣкъ. Доколѣ извергъ живъ, благоразумно къ веснѣ составить новыя регулярныя силы. Сію минуту принесли для прочтенія реляцію свѣтлѣйшаго отъ 25 ноября. Тутъ о графѣ Витгенштейнѣ ничего не упоминается. По оной отряды Чичагова арміи съ гр. Платовымъ выпередили Наполеона и наносятъ ему значительный вредъ и большія препятствія. Берутъ плѣнныхъ, пушки, штандарты и обозы.

84.

Декабря 6, 1812, пятница.

Слухъ о смерти Беннигсена проврался, а онъ, кажется, ѣдетъ сюда.

За Барклаемъ посылали въ деревню, и, какъ мнѣ сказывали, онъ уже здѣсь.

Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, со взятіемъ Вильны 28 числа съ огромными магазинами и множествомъ пушекъ. Сего дня по сему случаю молебствіе. Чичаговъ до Вильны 30 тысячами поубавилъ остатки непріятельскихъ силъ и взялъ 150 пушекъ, кромѣ найденныхъ въ Вильнѣ. Невѣроятное количество обозовъ досталось намъ при преслѣдованіи въ руки. Съ другой стороны, гр. Витгенштейнъ также ничего не упустилъ, и довольно побилъ и забралъ въ плѣнъ. Бѣгущихъ баварцевъ настигаетъ по дорогѣ къ Ковно. Мало осталось у Наполеона даже и гвардейцевъ. Сказываютъ, что онъ въ крайности составилъ новую гвардію изъ маршаловъ, генераловъ и офицеровъ, которые безъ рядовыхъ успѣли къ нему присоединиться. Сей гвардіи наименовалъ онъ себя капитаномъ, маршаловъ поручиками, генераловъ прапорщиками, а прочихъ всѣхъ офицеровъ солдатами. Радуйтесь! Это предвѣщаетъ близкій конецъ злодѣя. О семъ говорятъ всѣ достовѣрные люди.—Магдональдовы письма перехвачены къ Наполеону. Онъ извѣщаетъ, что никакъ съ нимъ соединиться не можетъ. Гр. Витгенштейнъ надѣется этого гуся принудить спасаться безъ войска, которое наиболѣе состоитъ изъ пруссаковъ, которые начали разбѣгаться, какъ вывели ихъ изъ Курляндіи съ хорошаго корму, который и удерживалъ ихъ токмо подъ велѣніями Магдональда.

---

[1]) Этой реляціи при письмѣ не оказалось.

За молебномъ надѣются слышать чтеніе новаго донесенія отъ Смоленскаго князя изъ Вильны, ибо симъ утромъ пріѣхалъ отъ него важный чиновникъ. Учреждайте и вы у себя торжественныя благодаренія милующему насъ Богу.

Весь Вашъ.

85.

Декабря 10. 1812 г.

Отъ 2-го декабря свѣтлѣйшій изъ Вильны доноситъ, что Наполеонъ преслѣдуется къ Ковнѣ, которую гр. Витгенштейнъ займетъ прежде всѣхъ, хотя гр. Платовъ составляетъ у непріятеля авангардъ. Были курьеры отъ 5 и 6 декабря отъ свѣтлѣйшаго и графа Витгенштейна; но какъ они разъѣхались съ Государемъ въ дорогѣ, то депеши отправлены къ Императору въ Вильну.

Государь изволилъ предпріять путешествіе 7-го числа въ 9 ч. по утру чрезъ Полоцкъ въ Вильну и въ 12 часовъ былъ уже за 70 верстъ отъ Петербурга. Тамъ вручилъ ему фельдъегерь донесеніе отъ 2-го декабря, которое, прочитавъ, прислалъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ сюда. Съ Государемъ отправились графъ Аракчеевъ и генералъ-адъютантъ князь Волконскій.

Вслѣдъ за нимъ поѣхали графъ Толстой и Балашовъ. Поѣдутъ ли еще другіе, мнѣ до сихъ поръ не извѣстно.

Наполеону едва-ли можно будетъ уйти чрезъ Нѣманъ, ибо увѣряютъ, что по сей рѣкѣ идетъ сильный ледъ, преграждающій всякое сообщеніе. По описанію его положенія, съ остальными войсками онъ долженъ попасться въ плѣнъ или погибнуть. Всѣмъ таковымъ разсказамъ еще не вѣришь.

Изъ Риги пишутъ, что въ концѣ ноября изъ Курляндіи прибыли туда на торгъ мужики съ разными припасами; что непріятельскія войска подались гораздо назадъ; что слухъ шелъ въ Ригѣ, будто бы Магдональдъ поссорился съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ, и что пруссаки вступили въ переговоры съ мар. Паулуччи. Все это читалъ я самъ въ одномъ письмѣ къ знакомцу моему отъ 29 ноября изъ Риги.

Не выдаю за достовѣрность, но всѣ почти говорятъ, что еще 4 декабря прибыли сюда депутаты изъ герцогства Варшавскаго съ просьбою о принятіи соотечественниковъ ихъ въ россійское покровительство. Появилось здѣсь также много тирольскихъ гражданъ, коихъ считаютъ равнымъ образомъ депутатами. Весьма можетъ быть, какъ нѣкоторые и говорятъ, что Высочайшее путешествіе имѣетъ предметомъ въ Брестѣ-Литовскомъ важное свиданіе.

Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что наши войска въ наилучшемъ состояніи. Начиная отъ генераловъ до послѣдняго рядового, всѣ въ овчинныхъ тулупахъ или въ полушубкахъ, въ теплой обуви и не претерпѣваютъ ни въ чемъ недостатка. Непріятельскія, напротивъ того, въ такомъ положеніи, что невозможно не содрагаться отъ онаго. Начнутъ ѣсть—мрутъ, начнутъ грѣться—засыпаютъ вѣчнымъ сномъ.

Князя Алексѣя Борисовича послали въ Одессу для прекращенія тамъ чумы. Закревскій пріѣхалъ, и я тотчасъ послалъ къ нему ваши письма.

86.

Декабря 13. 1812 г., пятница.

Вы также отдѣлали Бонапарта на бумагѣ, какъ билъ Удино графъ Витгенштейнъ въ полѣ. Вчерась шедевръ сей читалъ пріѣхавшій чрезъ Швецію третій день изъ Франціи Ив. Смирновъ, который столько восхищенъ былъ имъ, что переводитъ его на англійскій языкъ и хочетъ послать къ брату своему въ Лондонъ для припечатанія въ анг. газетахъ. Ежели угодно, то онъ препроводитъ и французскій текстъ къ Пельтье, который больше обрадуется ему, нежели голодный хлѣбу. У него, какъ началъ издаваться „Courier de Londeres“, этакой прекрасной пьесы не было.

Пріѣзжій разсказываетъ, что во Франціи—голодъ, финансы истощены, торговли нѣтъ: всѣ желаютъ перемѣны, и надѣются, что война съ нами избавитъ ихъ отъ виновника ихъ бѣдствій. Старѣе 19-ти лѣтъ по новой конскрипціи не выискивается людей, а большая часть отъ 14 до 16-ти.

Теперь могу вамъ съ большею достовѣрностью сказать о сопровождающихъ Императора. Ал. Дм. Балашовъ не въ свитѣ Его, а поѣхалъ осматривать потерпѣвшія отъ нашествія непріятельскаго губерніи. Винценгероде въ однѣхъ саняхъ съ Государемъ. Государственный секретарь и генералъ-адъютантъ Чернышевъ отправился вслѣдъ за Монархомъ. О трехъ другихъ чиновникахъ сообщилъ уже вамъ по прошедшей почтѣ.

Посылаютъ въ Вильну разные экипажи изъ придворной конюшни.

Въ Порховѣ Беннигсенъ имѣлъ счастіе предстать предъ Государя и быть милостиво принятъ. Говорятъ даже, что велѣно ему опять ѣхать въ большую армію.

Адмиралъ Чичаговъ отдалъ Эртеля и Евгенія Маркова подъ судъ за невыполненіе данныхъ имъ предписаній.

Здѣсь получено извѣстіе, что лордъ Веллингтонъ отступилъ назадъ отъ соединившихся въ числѣ 120 тысячъ фран. войскъ, которыя и заняли опять Мадридъ.

Изъ Вѣны пріѣхалъ Бутягинъ. Думаютъ, что онъ привезъ важныя извѣстія.

Третьяго дня пріѣзжалъ сюда полковникъ кн. Багратіонъ съ донесеніемъ и знаменами къ Государю изъ Ковно. Онъ обратно отправился въ Вильну. Говорившіе съ нимъ объявляютъ, что Чичагова армія и отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова дрались у Ковны съ остальными войсками, прикрывавшими бѣгство Наполеона. 7 тысячъ положили ружье, а прочіе изрублены въ мелкія части 2-мя тысячами штабъ и оберъ-офицеровъ, которые за неимѣніемъ команды составили изъ себя особенный полкъ. 21 пушка и всѣ знамена взяты побѣдителями. Наполеонъ спасся за Нѣманъ не болѣе какъ со ста человѣками главнѣйшихъ чиновниковъ изъ истребленныхъ корпусовъ своихъ. Ни одной пушки, ни одного знамени, ни одного рядового, ни одной лошади, ни одной повозки не могли французы спасти. Все, что преслѣдовалось отъ Березинской переправы, истреблено или досталось намъ въ руки. Отъ Вильны до Ковны не было уже у непріятеля ни одной лошади. Начиная будто бы съ Наполеона, всѣ бѣжали пѣшкомъ. Въ Ковнѣ найдены большіе запасы въ хлѣбѣ и воинскихъ снарядахъ.—Витгенштейнъ спѣшитъ къ Мемелю, дабы отрѣзать отступленіе Магдональду и взять тамъ разныя заготовленія.

Всѣ курьеры изъ арміи являются теперь къ Н. И. Калинину; ему же поручено отправлять ихъ и въ арміи.

Левъ Нарышкинъ въ понедѣльникъ поскакалъ опять на службу.

Сергѣй Лавр. Львовъ приказалъ всѣмъ долго жить. Онъ умеръ въ страданіяхъ отъ каменной болѣзни и въ такой бѣдности, что добрый Вязмитиновъ хоронилъ его своими деньгами.

Вы найдете у сего Закревскаго расписку, которую забылъ въ прошедшій разъ приложить.

87.

С.-Петербургъ. Декабря 17. 1812 г., вторникъ.

Реляцій печатныхъ до сихъ поръ нѣтъ. О Государѣ получены уже извѣстія о благополучномъ Его прибытіи въ Вильну. Говорятъ, что Ему угодно было ознаменовать его возведеніемъ свѣтлѣйшаго на степень генералиссимуса. Увѣряютъ также, что гр. Витгенштейнъ наименованъ *Полоцкимъ*, а баронъ Винценгероде пожалованъ графомъ, равно какъ и Милорадовичъ.

Наши войска 7 дек. вступили и въ Гродно. О злодѣѣ ничего не слыхалъ, гдѣ онъ находится. Ждемъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ печатныхъ донесеній изъ армій, которыя, сказываютъ, уже присланы отъ Императора и сданы въ типографію.

88.

Декабря 20. 1812 г., пятница.

Наконецъ появился военный журналъ отъ 1-го по 13 декабря. Я велѣлъ почтальону еще вчерашній день купить 3 экземпляра, изъ коихъ одинъ намѣренъ былъ приложить у сего, но уже 2 часа, а онъ не является.

Послѣ Ковно графъ Витгенштейнъ занялъ Юрбургъ, а оттуда пошелъ на Тильзитъ.

Изъ приказа свѣтлѣйшаго отъ 4 декабря видно, что онъ поведетъ войска за границу.

Злодѣй утекъ и, сказываютъ, кинулся въ Данцигъ выжидать тамъ Магдональда.

Вообразите, въ какихъ лѣтахъ пресѣклась жизнь супруга Екатерины Павловны! Здѣсь закрыты по сему прискорбному обстоятельству театры. Вдовствующая Императрица крайне опечалена и нѣсколько дней лежитъ даже въ постели.

Сегодня хоронятъ большого антагониста Наполеонова, церемоніймейстера Мезонгнева, который что-то такое намѣревался еще издать на пораженіе французовъ.

Цѣлое утро занимался чтеніемъ вновь пришедшихъ англ. газетъ. Радъ, что нѣсколько строчекъ предъ отправленіемъ почты успѣлъ къ вамъ пустить.

89.

Декабря 24. 1812 г., сочевникъ.

8-ой № съ приложеніемъ къ Закревскому имѣлъ удовольствіе получить. Оное немедленно доставлено съ нарочнымъ. Желалъ бы любезнѣйшему моему Александру Яковлевичу за добрыя вѣсти о воскресающей изъ пепла Москвѣ объявить что-нибудь радостное, но ни съ которой стороны самъ ничего не провѣдалъ путнаго. Несогласій не хочу и касаться. Они, кажется, въ Вильнѣ достигнутъ вредной зрѣлости. Надъ вашимъ вздорнымъ курильщикомъ посмѣются, да тѣмъ и кончится, а тамъ гораздо серьезнѣе происходятъ схватки. Дай Богъ, чтобъ все мною слышанное было несправедливо.

Изъ Або вытребованъ въ армію гр. Штейнгейль, и меня увѣряютъ, что онъ уже туда нынѣшнею ночью чрезъ здѣшній городъ и проѣхалъ.—Смоленскій за дряхлостію проситъ покою. Адмиралъ изъ арміи вызванъ въ Вильну. Онъ столько же оправдывается, какъ и тѣ, которые на него жаловались. Эртеля, коимъ былъ недоволенъ, засталъ въ званіи литовскаго генералъ-полицеймейстера.

О Государѣ говорятъ различно. Иные ждутъ его возвращенія прежде новаго года къ похоронамъ принца Ольденбургскаго, а другіе увѣряютъ, что онъ изволитъ пробыть долго при войскахъ. Хотятъ даже нѣкоторые знать, что Его Имп. Величество изъ Вильны проѣхалъ куда-то далѣе.

Магдональдъ тянется еще Курляндіею. Графа Витгенштейна полагаютъ теперь навѣрное въ Мемелѣ, а о Наполеонѣ слухъ идетъ, что онъ кинулся къ тестю въ Вѣну. Что прикажете дѣлать съ этимъ пострѣломъ! Доколѣ его не уходятъ, онъ не перестанетъ морочить слабыхъ смертныхъ.

По случаю сближенія съ новымъ годомъ приношу вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе. Будьте въ немъ счастливы съ достойнѣйшимъ графомъ. Забудьте прошедшія горести и одолѣйте вашихъ враговъ. Россія да достигнетъ надежнаго мира, а Москва да останется надолго подъ родительскимъ попеченіемъ Ростопчина.

90.

С.-Петербургъ. Декабря 27. 1812 г., пятница.

Замѣчанія будутъ немедленно посланы въ Лондонъ.

Отъ 21 пріѣхалъ изъ Вильны курьеръ съ разрѣшеніемъ, чтобъ принца Ольденбургскаго хоронили безъ Государя. Его Величество возвратится не прежде мѣсяца назадъ. Сказываютъ, что гр. Вик. Павл. Кочубей потребованъ въ Вильну. Ежели это справедливо, то не знаю, какъ онъ туда поѣдетъ съ подагрою, которою онъ жестоко еще страдаетъ.—Наши идутъ далѣе въ Пруссію, и герцогство Варшавское безъ всякаго сопротивленія, вездѣ захватываютъ приготовленный для непріятеля провіантъ, но кромѣ брошенныхъ за болѣзнями никого болѣе по городамъ и селеніямъ не находятъ.

Паулуччи очистилъ совершенно Курляндію, идя спокойно по пятамъ Магдональда. Онъ предоставилъ бить его герою Витгенштейну, который изъ Кенигсберга пошелъ къ Эльбингену. О злодѣѣ ничего достовѣрнаго ни въ послѣднемъ журналѣ не упомянуто, ниже по слухамъ до меня не доходило. Вѣна, Дрезденъ и Амстердамъ суть три города, въ которыхъ онъ въ одно время долженъ находиться.

Вышелъ указъ о приглашеніи статскихъ чиновниковъ въ военную службу. Я еще его не читалъ, а по разсказамъ не имѣю о немъ яснаго понятія.

91.

С.-Петербургъ. Декабря 31. 1812 г., вторникъ.

И худое и хорошее въ скрывающемся году миновало. Остаются одни воспоминанія. Съ ними и съ надеждою вступаемъ въ Новый годъ. Да будетъ онъ лѣтомъ благости Господней для Россіи, для каждаго его обитателя, для моего любезнѣйшаго Александра Яковлевича съ семействомъ, съ начальникомъ его! Сему послѣднему желаю полнаго довѣрія отъ Царя нашего, дабы Россія могла извлекать всю пользу изъ отличныхъ его дарованій и той приверженности къ отечеству, которая содѣлала имя его незабвеннымъ для народа русскаго.

Дипломатъ нѣсколько дней уже въ Петербургѣ. Онъ не разстается съ кн. Пл. Ал. Зубовымъ, какъ только для спанья.

Меня увѣряютъ, что Каткартъ при Государѣ, и что туда же отправился и шведскій посланникъ.

26 декабря Государь и свѣтлѣйшій съ главною квартирою отправились въ Гродно. Оттуда переѣдетъ монархъ чрезъ два дня въ Бѣлый-стокъ, а послѣ, вѣроятно, и въ Варшаву, которая занята уже нашими передовыми войсками.

Посланъ былъ въ Вѣну генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Австрійскій императоръ пожаловалъ ему табакерку съ портретомъ своимъ, а Государь по возвращеніи надѣлъ на него 1-ой степени Анны. Послали вновь какого-то князя къ Францу I-му. Радуйтесь сему сближенію! Прусскій король изъ Берлина переѣхалъ въ Маріенвердеръ. Онъ не удаляется, а подвигается къ россійскимъ границамъ. Наполеонъ съ Богарне прибылъ уже въ Парижъ и объявилъ, что армію свою оставилъ на винтеръ-квартирахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ.

Здѣсь получены уже и договорныя статьи, по которымъ сдались намъ пруссаки, но я ихъ еще не читалъ.

Вчерась вышла и всеобщая амнистія для пограничныхъ нашихъ губерній, коею всякое преступленіе въ нынѣшнюю кампанію предается вѣчному забвенію. Она писана въ канцеляріи графа Аракчеева и едва-ли не Марченкомъ.

Гр. Ник. Ивановичъ получилъ Высочайшій рескриптъ, чтобы предложить г-мъ министрамъ уменьшеніе чиновниковъ по ихъ департаментамъ. По увольненію ненужныхъ имѣютъ они пригласить

ихъ въ военную службу. Сынъ его гр. Александръ Николаевичъ на сихъ дняхъ получилъ изъ Вильны сходственно желанію его отставку.

Державинъ сочинилъ Смоленскому слѣдующіе стихи:

„Премудра Фабія, воскресшаго у насъ,
Одно здѣсь кажетъ слово:
Не скоро, да здорово.
Тотъ Римъ, а сей Россію спасъ".

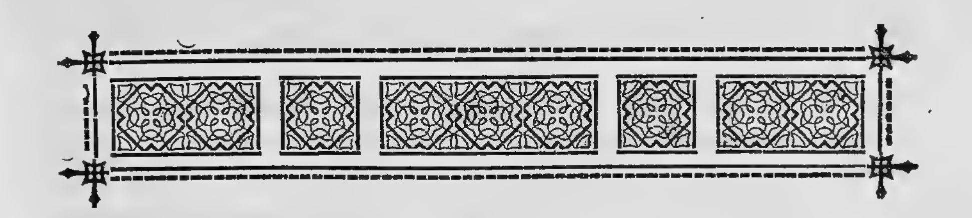
Отвѣтъ.

Чрезъ годъ отъ Фабія погибнулъ Аннибалъ,
А здѣсь въ два мѣсяца колоссъ Европы палъ.

Фуксъ.

С. О. Долговъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ.
Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія [1]).

IV.

Эпоха конгрессовъ 1816—1822.

Мистицизмъ.—Военныя поселенія.

„Я вполнѣ отдаюсь Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага".
(Изъ письма Императора Александра князю Голицыну).

„Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное содержаніе въ крѣпости рядовыхъ (такихъ-то), равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпицъ-рутенами каждаго черезъ батальонъ 6 разъ и потомъ отослать въ рудники".
(Изъ приговора суда по дѣлу л.-гв. Семеновскаго полка).

Краснорѣчиво сопоставленіе двухъ эпиграфовъ, предпосланныхъ авторомъ къ четвертой главѣ своего изслѣдованія, въ которой имъ дается картина постепеннаго развитія въ Александрѣ мистицизма, зародившагося въ его душѣ въ 1812 году, и выясняются отношенія Государя къ Аракчееву. Мистицизмъ и военныя поселенія—понятія, казалось бы, трудно совмѣстимыя, а между тѣмъ они спокойно уживались вмѣстѣ.

Императоръ Александръ, такъ умѣвшій обворожить всякаго ласковымъ обращеніемъ и привлечь сердца окружающихъ, въ кото-

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.

ромъ, по свидѣтельству современниковъ, было нѣчто „ангельское", котораго близкіе называли между собою не иначе, какъ „нашъ ангелъ", „могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣсколько разъ! Здѣсь, говоритъ Великій Князь, психика должна натолкнуться на непонятную загадку. „Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 г., Государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библіи; зналъ многія цитаты священнаго писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ".

„Это было скорѣе всего результатомъ особаго рода религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекла жизнь Александра Павловича".

Чтобы понять все то, что произошло въ его духовномъ настроеніи и что привело его къ различнымъ заблужденіямъ въ области политики и управленія Россіей послѣ Наполеоновскихъ войнъ, необходимо оглянуться немного назадъ. Два человѣка имѣли на него въ ту пору безспорно огромное вліяніе,—то были князь А. Н. Голицынъ — „убѣжденный поборникъ православія", и извѣстный мистикъ Р. А. Кошелевъ.

„Князь Голицынъ спросилъ какъ-то разъ Государя, читаетъ ли онъ или читалъ ли онъ Евангеліе. Александръ ему простодушно отвѣтилъ, что слушалъ Евангеліе при богослуженіяхъ, но на дому не читалъ священнаго писанія вообще, не имѣя на то времени. Когда Голицынъ настоятельно просилъ Государя сдѣлать ему удовольствіе— все же почитать Евангеліе, Александръ ему любезно обѣщалъ это сдѣлать".

Тогда князь подарилъ ему Библію, и Александръ, лѣтомъ 1812 г. во время поѣздки въ Финляндію на свиданіе съ Бернадоттомъ, сталъ читать св. писаніе и былъ „восхищенъ отъ чтенія". „Мнѣ кажется, что будто новый міръ открывается для меня; право, я тебѣ очень благодаренъ за твой совѣтъ", сказалъ онъ князю Голицыну, дѣлясь своими впечатлѣніями.

Такимъ образомъ, за періодъ Отечественной войны произошла первая перемѣна въ привычкахъ Александра, т. е. онъ сталъ читать Св. писаніе, сталъ религіознымъ, что до этого замѣчалось мало.

„Моя вѣра чиста и ревностна, писалъ Государь Кошелеву въ январѣ 1811 года; съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо

для меня... То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя"...

„Я обязанъ вамъ многимъ, писалъ онъ другой разъ тому же Кошелеву, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполнѣ на Него".

Въ бытность за границей, въ 1874 г., Государь встрѣтился, какъ мы знаемъ, съ баронессой Крюденеръ, съ которой онъ очень желалъ познакомиться.

„Въ это самое время онъ получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ", переводъ съ нѣмецкаго А. Лабзина, которую Государь хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія".

„Вся эта постепенность встрѣчъ и разговоровъ едва-ли была случайной. Она подготовлялась цѣлой плеядой лицъ, заинтересованныхъ не одной личностью освободителя Европы, но и личными интересами и побужденіями".

Увлекшись мистицизмомъ и разными ученіями, Александръ естественно сочувствовалъ и покровительствовалъ людямъ, предававшимся религіознымъ исканіямъ, „стремившимся приблизиться къ истинѣ, путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, и старанія разгадать свое собственное я", и въ его царствованіе оживилась дѣятельность всѣхъ тайныхъ и явныхъ обществъ, которыхъ преслѣдовали въ царствованія Екатерины и Павла.

„Зная, что и Императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ религіозной, ища успокоенія душѣ своей то въ чтеніи священнаго писанія, то въ общеніи съ моравскими братьями, квакерами и такими восторженными проповѣдницами, какъ г-жи Крюденеръ и Татаринова, все русское общество увлекалось, если не въ равной степени, то все-таки слѣдило со вниманіемъ за всѣми толками, сектами и проповѣдниками, какъ православными (Филаретъ, Фотій), такъ и сектантскими.

„Однако, несмотря на всю свою вѣротерпимость, Государь не любилъ, чтобы обсуждали или критиковали одобренныя имъ мѣропріятія. Это соотвѣтствовало тѣмъ странностямъ его характера, гдѣ крайній

иногда либерализмъ немедленно заглушался проявленіями такого же крайняго приступа самодержавія, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей".

Всѣ эти религіозныя исканія не доставили Императору того душевнаго мира, котораго онъ искалъ; поэтому онъ старался заглушить душевную тревогу перемѣной мѣста и начиная съ 1816 г. рѣдко бывалъ болѣе или менѣе продолжительное время въ столицѣ, а постоянно разъѣзжалъ.

Съ Вѣнскаго конгресса Государь отправился въ Польшу. Чтобы „подчеркнуть свое благоволеніе къ полякамъ, онъ облекся въ польскій мундиръ" и совершилъ торжественный въѣздъ въ Варшаву, гдѣ „обворожилъ всѣхъ милостивымъ обхожденіемъ, и подписалъ конституціонную хартію польскаго королевства, назначивъ намѣстникомъ „заслуженнаго генерала польскихъ войскъ при Наполеонѣ" Заіончека.

Этимъ былъ нанесенъ жестокій ударъ самолюбію князя Адама Чарторыжскаго, разсчитывавшаго занять этотъ видный постъ; „наружно ему приходилось все скрывать, страдать молча и съ достоинствомъ, довольствуясь кресломъ въ польскомъ сенатѣ. Оказалось, что ни поѣздка въ главную квартиру союзныхъ войскъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни присутствіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ не помогли князю Чарторыжскому. „Достовѣрно неизвѣстно, что именно произошло между Императоромъ и княземъ, но, вѣроятно, займы 1811 года [1]), а иногда рѣзкость въ письмахъ князя Адама привели къ такому неожиданному результату. Словесныхъ пререканій, очевидно, не было; это не соотвѣтствовало характеру отношеній Государя вообще къ его сотрудникамъ—а просто назначеніе Чарторыжскаго на постъ намѣстника было признано не подходящимъ".

По возвращеніи Императора въ Петербургъ, въ новый годъ (1816 г.) появился „знаменитый благодарственный манифестъ, вызвавшій много толковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, въ общихъ чертахъ выражавшій то религіозно-государственное настроеніе, которое приводило въ смущеніе современниковъ и вызывало опасенія за новыя вѣянія, овладѣвшія повелителемъ Россіи".

Осенью того же 1816 г. Александръ совершилъ большое путешествіе по Россіи для обозрѣнія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны.

---

[1]) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1811 г. князь обратился къ Государю: „Первый разъ въ жизни", какъ онъ писалъ ему съ просьбою о займѣ ста тысячъ рублей, для покрытія долга, сдѣланнаго его отцомъ".

Затѣмъ, Государь снова посѣтилъ Варшаву (въ мартѣ 1818 г.), гдѣ произнесъ знаменательную рѣчь при открытіи перваго Польскаго сейма. Эта рѣчь долго озабочивала Александра и привлекла все его вниманіе.

„Изъ переписки съ Кошелевымъ видно, что единственнымъ вдохновителемъ и цензоромъ указанной рѣчи былъ не кто иной, какъ Кошелевъ; это было тайной для современниковъ, а также неизвѣстно историку Александра Н. К. Шильдеру", утверждающему, что эта рѣчь, за два дня до ея произнесенія, была дана для прочтенія и исправленія Каподистріи. „Рѣчь была написана самимъ Государемъ и прочитана въ засѣданіи сейма государственнымъ секретаремъ, на французскомъ языкѣ. Это одно изъ либеральнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Александра Павловича, гдѣ конституціонные принципы были поставлены въ основу всего управленія польскимъ королевствомъ".

„Изъ письма Александра къ Кошелеву видно, что Государь остался очень доволенъ и рѣчью, и сдѣланнымъ на поляковъ впечатлѣніемъ, „объяснивъ все это, согласно со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ", „особенно милостью Божьяго Промысла".

Но въ средѣ русскихъ и особенно въ средѣ военныхъ и эта рѣчь и милостивое вниманіе, оказанныя полякамъ, вызвали критику и опасеніе за будущее.

Князь И. Ѳ. Паскевичъ передаетъ, что какъ разъ во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, въ присутствіи Милорадовича гр. Остерманъ-Толстой на вопросъ его, Паскевича:

— „Что изъ этого будетъ?", отвѣтилъ:

— „А вотъ что будетъ, что ты черезъ десять лѣтъ будешь ихъ штурмомъ брать".

Графъ Остерманъ ошибся лишь на три года въ предсказаніи. „А. А. Закревскій сообщалъ Киселеву: „Рѣчь Государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, по послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь".

Графъ Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову:

„... Рѣчь, произнесенная Императоромъ въ Варшавѣ, его явное предпочтеніе къ полякамъ и дерзость этихъ послѣднихъ вскружили всѣмъ головы; молодежь требуетъ отъ него конституціи"...

Изъ Варшавы Государь отбылъ на югъ Россіи, гдѣ осматривалъ военныя поселенія, а затѣмъ выѣхалъ за границу, на конгрессъ въ Аахенъ.

„Въ Берлинѣ, гдѣ конечно была остановка для свиданія съ прусской королевской семьей, Государь имѣлъ продолжительныя бесѣды на религіозныя темы съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ;

бесѣда эта сдѣлала обоюдно большое впечатлѣніе на собесѣдниковъ. Эйлертъ услыхалъ впервые изъ устъ русскаго Государя развитіе идеи священнаго союза и откровеніе по поводу той нравственной метаморфозы, которая произошла въ чувствахъ Александра. Нѣмецкій епископъ былъ глубоко пораженъ и удовлетворенъ разговорами съ русскимъ Царемъ, что отразилось въ его показаніяхъ впослѣдствіи, когда онъ выразился, говоря про Государя, что „er sprach mit orientalischer Begeisterung".

И въ это пребываніе за границей личность русскаго Императора произвела такое же обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, какъ и въ 1814—15 годахъ, и заинтересовала собою многихъ въ такой степени, что „нѣкоторые германскіе мыслители и военные волновались при мысли, что, избавившись отъ ига Наполеона, легко было попасть въ сѣти побѣдоносной Россіи и ея повелителя, съ его либеральными заигрываніями съ сынами революціи, для привлеченія ихъ на дѣло общаго христіанскаго блага".

Особенно сильныя опасенія внушалъ Александръ Меттерниху, который подозрѣвалъ его въ коварныхъ замыслахъ и опасался его желанія привлечь къ священному союзу мелкія нѣмецкія государства, что отнюдь не входило въ планы австрійскаго кабинета.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи Государя изъ Аахена въ Петербургѣ было получено горестное извѣстіе о смерти любимой сестры его Екатерины Павловны, скончавшейся въ Веймарѣ. Эта смерть глубоко опечалила Государя, потерявшаго въ лицѣ Великой Княгини самаго близкаго друга, единственнаго почти человѣка, которому онъ открывалъ душу, съ которой бесѣдовалъ и переписывался обо всемъ.

Забвеніе въ этомъ горѣ Государь искалъ снова въ путешествіи; на этотъ разъ онъ поѣхалъ на сѣверъ Россіи, въ Архангельскъ, Олонецкую губ. и Финляндію, взявъ съ собою самую ограниченную свиту; кромѣ князя П. М. Волконскаго, его сопровождали только врачъ Вилліе и фельдъегерь Соломка.

„Александръ Павловичъ иногда тяготился всякимъ лишнимъ лицомъ во время путешествій; онъ стремился уединяться, если былъ озабоченъ или чѣмъ-либо разстроенъ, часто предпочиталъ быть съ такими людьми, при которыхъ онъ могъ вовсе не стѣсняться. Въ данномъ случаѣ такъ и было, потому что онъ грустилъ по скончавшейся Екатеринѣ Павловнѣ и намѣренно искалъ другихъ впечатлѣній и уединенія".

Послѣ продолжительной поѣздки по Финляндіи Императоръ снова отправился для обозрѣнія военныхъ поселеній.

„1818 и 1819 годы, такимъ образомъ, ознаменовались цѣлой

серіей самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ событій. Чего только ни произошло за эти два года: посѣщеніе Варшавы и знаменательная рѣчь Государя при открытіи сейма; Аахенскій конгрессъ, возвращеніе русскаго оккупаціоннаго корпуса изъ предѣловъ Франціи, поѣздка Его Величества по Польшѣ, на югъ Россіи и въ Крымъ, пребываніе въ Москвѣ и Варшавѣ, путешествія по сѣвернымъ окраинамъ и Финляндіи, наконецъ, всякія новыя назначенія и образованіе комиссій съ самыми обширными затѣями. Эта горячка по всѣмъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики поражаетъ и невольно наводитъ на грустныя мысли. Душевное безпокойство русскаго Государя передавалось и подданнымъ и даже чужеземцамъ. Повидимому, въ ту пору Александръ Павловичъ поставилъ въ основу всѣхъ мѣропріятій то религіозное откровеніе, которое, по его понятіямъ, освѣтило его умъ и сердце, не только какъ человѣка, но и какъ правителя. Согласно такому убѣжденію, проводились идеи внѣшней политики; возстановленіе Царства Польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ; покровительство мистицизму, сектантству, квакерамъ... но какъ сопоставить съ вышеприведенными вожделѣніями какой-то нервный интересъ къ военнымъ поселеніямъ, интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и не ослабѣвавшій до самой кончины Александра".

Ставя этотъ вопросъ, Великій Князь склоненъ „видѣть извѣстную связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха". „Вѣдь основой введенія такого рода поселеній, говоритъ онъ, было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлить ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко гуманная, пропитанная великодушными стремленіями. Чтеніе Библіи и священнаго писанія, столь усердное и постоянное послѣ годины Отечественной войны, вошло въ плоть и кровь, и стало любимымъ препровожденіемъ времени въ свободныя минуты Императора Александра. Поэтому кажущаяся неправдоподобность нашего предположенія является въ дѣйствительности логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходить на умъ Государю и волновать его душу. Разъ Александръ рѣшилъ произвести на дѣлѣ опытъ военныхъ поселеній, то и дальнѣйшее его упорство въ осуществленіи этой мѣры вовсе не надо объяснять однимъ упрямствомъ, но послѣдствіемъ строго обдуманнаго плана".

Военныя поселенія возникли по мысли самого Государя. Аракчеевъ былъ противъ ихъ устройства и явился только исполнителемъ государевой воли.

„Изъ писемъ Алексѣя Андреевича къ Государю за девятилѣтній

(1816—1825) періодъ можно убѣдиться, что главной темой переписки были военныя поселенія. Аракчеевъ доносилъ положительно обо всемъ, о всякихъ мелочахъ и подчеркивалъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ только въ виду интереса, проявленнаго Государемъ, и чтобы доставить ему, елико возможно, удовольствіе въ любимомъ, созданномъ имъ дѣтищѣ. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „Я, кажется, не напрасно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно"; „утѣшаюсь, въ упованіи томъ, что Вашему Величеству будетъ пріятно"; „можетъ быть, сіи бездѣлки развлекутъ вашу работу" и т. д.

„Словомъ, лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ дѣлѣ поселеній, чѣмъ Аракчеевъ, Александру Павловичу нельзя было и найти, а потому понятно, что при созданіи ихъ, выборъ Государя палъ на него, какъ на идеальнаго руководителя всего имъ задуманнаго".

Впрочемъ, „несмотря на неограниченное довѣріе къ Аракчееву, Александръ Павловичъ все-таки предпочиталъ лично и на мѣстахъ провѣрять работу въ созданныхъ имъ поселеніяхъ, чѣмъ и объясняются его частыя поѣздки для обозрѣнія поселеній, которыя стали какъ бы его idée fixe".

Авторъ изслѣдованія особенно подчеркиваетъ это и говоритъ:

„На дѣлѣ выходило, что хотя довѣріе къ Аракчееву и было велико, но провѣрка его дѣйствій казалась Императору тѣмъ не менѣе необходимой. Современники объясняли это желаніемъ почаще и подольше проводить время съ единственнымъ лицомъ, которое всегда и вездѣ обнаруживало слѣпую преданность и какую-то буквальную исполнительность; мы же склонны думать, что постоянныя поѣздки по поселеніямъ обнаруживали скорѣе врожденное недовѣріе Александра ко всѣмъ сотрудникамъ, не исключая и графа Алексѣя Андреевича", — черта характера, достойная вниманія изслѣдователей.

При осмотрѣ поселеній Александръ „обнаруживалъ интересъ къ мельчайшимъ подробностямъ быта поселянъ, многимъ былъ доволенъ, но дѣлалъ рядъ замѣчаній по тѣмъ отраслямъ хозяйства, которыя считалъ неудовлетворительными".

15 августа 1820 г. Государь прибылъ въ Варшаву на сеймъ... На этотъ разъ впечатлѣнія оказались уже иными, потому что господа депутаты систематически отклоняли всѣ правительственные законопроекты, что повлекло къ закрытію сейма ранѣе срока.

„Настроеніе Его Величества замѣтно начало портиться. Причины тому были разнообразны. Слухъ о разладѣ съ поляками

быстро разнесся по Европѣ и обрадовалъ дружескіе кабинеты Вѣны и Берлина, съ волненіемъ слѣдившіе за либеральнымъ сліяніемъ русскаго Царя съ его польскими подданными".

Въ исходѣ 1820 г. Императоръ снова отправился за границу на конгрессъ въ Троппау, гдѣ онъ много и по долгу бесѣдовалъ съ княземъ Меттернихомъ, а оттуда въ Лайбахъ. Возстаніе, вспыхнувшее во время этого конгреса въ Пьемонтѣ, и возникновеніе по всей Европѣ тайныхъ революціонныхъ обществъ произвело громадное впечатлѣніе на Императора Александра, „еще болѣе усилившееся послѣ разговоровъ съ Меттернихомъ, сумѣвшимъ такъ настроить русскаго государя, какъ ему было угодно для его дальнѣйшихъ цѣлей, для борьбы съ революціей въ Европѣ. Переломъ, совершившійся въ Александрѣ Павловичѣ, за дни Троппау и Лайбаха былъ настолько силенъ, что болѣе не прекращался до его кончины, а разыгравшаяся въ Петербургѣ исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку довершила послѣднее перерожденіе въ его характерѣ".

Письмо Александра къ князю А. Н. Голицыну, изъ Лайбаха, отъ 8 и 15 февраля 1821 г., даетъ ясное понятіе о томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился въ тѣ дни.

„Улучивъ сегодня свободную минуту, писалъ Государь, я берусь за перо, обращаясь къ Спасителю, чтобы онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуетъ любовь, равно къ вамъ и къ истинѣ.

„Но эта правда, какъ я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества.

„Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь...

„Ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это—твореніе врага, то опасеніе за разрушеніе игры со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ....

„Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердецъ Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому, для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему... Да благословитъ Господь всѣхъ

милостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣться по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чего послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрой Его предначертаніямъ и Его руководительству и постараемся не портить *вина* и *елея* [1]) чужими примѣсями человѣчества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права уклоняться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для *пресѣченія собственной воли.* Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая человѣческая оболочка мнѣ это дозволяетъ. Я вполнѣ отдаюсь *Его предрѣшеніямъ* и Онъ одинъ всѣмъ *руководитъ,* такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ довершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою *единственную поддержку въ Спасителѣ* громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе...

„Министрамъ своимъ я твержу то же самое... а что касается обращенія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли... слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой, я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ“...

„Вполнѣ согласенъ съ вами, что вся адова преисподняя обрушилась на наши предпріятія. Это вполнѣ естественно и очевидно, всѣ они ополчились на насъ, видя, какъ открыто мы объявили себя послѣдователями ученія Христова, каждый по своему убѣжденію, въ чемъ я ручаюсь за насъ троихъ. Сами вы пишете, что „адъ не можетъ сокрушить моей вѣры, потому что она уже закоренѣла въ душѣ моей! Дай-то Богъ, чтобы вы оказались правымъ, и я возлагаю всю мою надежду на помощь Спасителя, какъ и во всемъ остальномъ“. „Могу положительно васъ увѣрить, что я поступаю исключительно по *своей вѣрѣ,* а невозможно руководствоваться вѣрою другого.

„Вотъ истина, которую недостаточно сознаютъ. Если бы я дѣйствовалъ по вѣрѣ другого, и она не совпадала съ моей вѣрой, то я былъ бы преступникомъ. Я осмѣливаюсь заявить, что это подтвердилъ апостолъ Павелъ“... По-моему, я лично еще далекъ отъ осторожности, мудрости, обдуманности и т. д., но я чувствую, что во мнѣ

---

[1]) Апокалипсисъ, гл. VI, ст. 6.

таится откровеніе святого, священнаго дѣла... Вы говорите, что Кошелевъ видитъ отсутствіе гармоніи въ сообществѣ! Откуда онъ это взялъ? Никто болѣе меня не желалъ такой гармоніи и не молился такъ усердно, чтобы добиться оной. Я увѣряю васъ, что я всегда дѣлалъ все для сохраненія этой гармоніи, кромѣ того, что внутреннее чувство мнѣ запрещало. Повторяю, не отъ меня зависитъ побороть влеченіе сердца, а когда оно заговоритъ, то нѣтъ человѣческой силы, чтобы меня переубѣдить противъ моего внутренняго влеченія".

„Эти строки", говоритъ по поводу этого письма Великій Князь Николай Михайловичъ, „написанныя князю Голицыну изъ Лайбаха, какъ нельзя болѣе наглядно передаютъ то душевное состояніе, въ которомъ обрѣтался повелитель земли Русской. Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библію, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка... Поражаетъ еще нервное отношеніе Государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной нервности. Если сопоставить даты, то такое настроеніе можно себѣ объяснить впечатлѣніемъ исторіи, случившейся въ концѣ октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, въ связи со всѣми донесеніями о возгорѣвшемся революціонномъ движеніи въ Италіи и въ Испаніи, т. е. съ возродившимся карбонарствомъ".

Извѣстное происшествіе въ Семеновскомъ полку глубоко опечалило Императора Александра, который нѣжно любилъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, состоя ихъ шефомъ. Онъ придавалъ ему большое значеніе и, заблуждаясь относительно истинной причины событія, былъ „твердо увѣренъ, что зло пришло извнѣ, отъ какихъ-то карбонаріевъ и, несмотря на почти единогласное противное мнѣніе петербургскаго высшаго военнаго начальства, пребывалъ въ этомъ заблужденіи".

Все дѣло было тщательно просмотрѣно самимъ Императоромъ и снабжено его замѣтками.

„Поражаетъ строгость и суровая жестокость въ примѣненномъ наказаніи надъ нѣкоторыми нижними чинами, признанными судомъ зачинщиками бунта. Лишь для немногихъ сдѣлано смягченіе наказанія противъ рѣшенія военнаго суда, а главарямъ, несмотря на боевыя ихъ отличія и бытность въ кампаніяхъ, кара увеличена до прогнанія шесть разъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ батальона шпицрутенами".

Тотчасъ по возвращеніи изъ Лайбаха, Государь узналъ о доносѣ, полученномъ въ его отсутствіе, о политическомъ заговорѣ съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ немъ.

„По версіи Шильдера, говоритъ авторъ изслѣдованія, Государь, выслушавъ Васильчикова, доложившаго ему о заговорѣ, отвѣтилъ:

„Дорогой Васильчиковъ, вы служите мнѣ съ начала моего царствованія и знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія" и добавилъ: „не мнѣ карать ихъ".

Послѣ кончины Александра въ его письменномъ столѣ найдена А. Х. Бенкендорфомъ записка, поданная имъ Государю по этому дѣлу въ томъ же 1821 г.—на ней не оказалось ни одной помѣты.

„На этомъ фактѣ приходится остановиться, говоритъ Великій Князь, но объяснить его логично мы затрудняемся, по слѣдующимъ причинамъ. Если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ Государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ? Какъ разгадать, отчего Государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигавшуюся бѣду, и сказалъ такую фразу „не мнѣ карать ихъ". Неужели возможно, что, настроенный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ—не совсѣмъ, потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашелъ однако то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполнѣ обдуманно, сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ".

„Заблужденіе Государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя, въ лицѣ грубаго и необразованнаго исполнителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ

вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза, приведшіе Государя къ такому плачевному исходу“.

„А проблески зародившейся фантазіи прикрывать себя Аракчеевымъ, гдѣ только возможно, проявлялись постепенно, и мы ихъ нашли и на поляхъ приговора по семеновской исторіи, и въ другихъ документахъ“.

Какъ на примѣръ, Августѣйшій авторъ указываетъ на письмо, найденное имъ въ черновомъ отпускѣ въ дѣлахъ Военно-Ученаго архива, писанное цѣликомъ рукою Императора Александра еще 20 февраля 1820 г., по частному дѣлу, рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи. Письмо это, въ которомъ отклонялось ходатайство маркиза, было переписано Аракчеевымъ и отправлено маркизу отъ его, Аракчеева, имени.

Оно весьма характерно.

„Милостивый государь мой, маркизъ Филиппъ Осиповичъ. Получа письмо Ваше со вложеніемъ прошенія на Высочайшее имя Государя Императора, по довольно внимательному разсмотрѣнію, рѣшился я онаго не вручать Его Величеству и при семъ оное Вамъ возвращаю.

„Причины, побудившія меня къ сему, суть слѣдующія: время, въ кое дозволено подавать просьбы объ увольненіи отъ службы, уже миновало съ 1 января, и не прежде какъ 1 сентября оныя принимаются. Во-вторыхъ, искренно долженъ Вамъ признаться, что я не нахожу повода Вамъ приступать къ подобной рѣшительности; ибо, бывъ облагодѣтельствованы милостями Государя, касательно чина, въ которомъ Вы находитесь, сверхъ того лестнаго званія генералъ-адъютанта и довольно достаточнаго состоянія, исправляя должность, которая уже доказываетъ довѣренность Государя къ особѣ Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имѣвъ весьма часто случай бесѣдовать съ Государемъ, я могу Васъ увѣрить, что ни его мнѣніе, ни довѣренность къ Вамъ ни въ чемъ не перемѣнились и послѣ всего вышесказаннаго, если Вы вспомните, что Вы изъ чужой службы поступили въ россійскую въ 1807 году, и въ теченіе 13 лѣтъ достигли степени, до которой многіе изъ товарищей Вашихъ употребили болѣе 25 лѣтъ службы ихъ, то съ справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вамъ невозможно. Извините мое чистосердечіе: оно въ моемъ нравѣ, и я привыкъ имъ руководствоваться. Аракчеевъ“.

„Все, что изложено въ этомъ письмѣ, правильно, и Паулуччи вполнѣ заслужилъ такую отповѣдь. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Аракчеева долженъ былъ невольно поразить разжившагося иностранца“.

„Слѣдовательно, если Паулуччи былъ неудовлетворенъ отвѣтомъ, то его гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на Аракчеева, такъ какъ маркизъ не могъ ни секунды подозрѣвать, что вся отповѣдь была сочинена самимъ Государемъ. То же самое и въ дѣлѣ семеновцевъ; вся проявленная строгость и жестокость были отнесены вліянію Аракчеева, между тѣмъ онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру этого судебнаго разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ Императору, предпочитая сидѣть въ Грузинѣ, либо въ военныхъ поселеніяхъ, за время разбора семеновской исторіи. И вотъ приходится недоумѣвать, почему Александръ Павловичъ счелъ необходимымъ проявить такую строгость къ нижнимъ чинамъ любимаго имъ полка, а оставилъ даже безъ замѣтки поданную ему записку Бенкендорфа, которая обнаружила гораздо болѣе грозные симптомы среди офицерства и части общества. Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явленіе возможно проще: на основаніи характера Императора Александра. Онъ былъ шефомъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, онъ помнилъ роль полка при восшествіи на престолъ въ 1801 году, онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто, а дисциплина *нахально* нарушена. Чувства обиды и горечь разочарованія привели не только къ строгости, но и къ жестокости!"

„Что же касается разоблаченій Бенкендорфа и Васильчикова, то они затронули другую больную струну, а именно другое разочарованіе, касавшееся самого себя, своей личности, своихъ заблужденій молодости, всѣхъ либеральныхъ мечтаній въ различные періоды царствованія; и это привело къ вполнѣ естественному упадку духа и снисходительности къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ. Совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ (меньшей братіи), и не хватило ни мужества карать ихъ, ни желанія бичевать себя".

Общее разочарованіе (1822—1825).

„Три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ для личности Александра. Онъ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушавшее въ немъ чувства патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи".

„Отдавшись религіозно мистическимъ утопіямъ, Александръ не могъ уже заниматься дѣлами съ такимъ же увлеченіемъ, какъ раньше, онъ началъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибуты царской власти и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку— Аракчееву".

Это было сдѣлано имъ вполнѣ обдуманно, въ надеждѣ, что „Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, безпрекословно исполняетъ его волю, никогда не измѣняетъ Царскихъ велѣній" и „исцѣлитъ Россію отъ революціоннаго настроенія". Мало-по-малу, „по всѣмъ дѣламъ, Государь началъ слушать только одного Аракчеева и принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленій".

„Послѣдніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича".

„Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездарности, въ общемъ угнеталъ самымъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ молчалъ, страдалъ душевно, недомогалъ часто физически и все покорно подписывалъ".

Чѣмъ объяснить это удивительное довѣріе къ нему Императора и то исключительное вліяніе, какимъ пользовался этотъ холодный, себялюбивый и недалекій человѣкъ?

Онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою Павла, передъ которымъ совѣсть его была чиста, предъ которымъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя — въ этомъ, по мнѣнію Великаго Князя Николая Михаиловича, разгадка дружескихъ отношеній Императора Александра I-го къ Аракчееву.

При первомъ же посѣщеніи Александромъ Грузина, въ 1810 г., говоритъ Великій Князь, взоры Императора должны были остановиться на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой сторонѣ церкви, и на подписи подъ барельефомъ золотыми буквами, вдущей чрезъ всю стѣну лѣваго клироса:

„Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою".

„И надпись и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что молъ я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы".

Александръ никогда не могъ бы повторить этой фразы предъ своею совѣстью.

„Что-то непонятное влекло Александра въ уединенное гнѣздо „безъ лести преданнаго“ престолу графа Аракчеева.

„Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и соборѣ, и въ саду—всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольно приходилось вспоминать о погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣть преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться, влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому облику Алексѣя Андреевича“.

Трогало Александра также и мнимое безкорыстіе Аракчеева, отказывавшагося отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій; это „заставляло его невольно заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодованіе приближенныхъ и сотрудниковъ, но не возмущавшую самого Императора“.

Къ тому же, Аракчеевъ еще при жизни Императора Павла съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ Александру. Оберегая его отъ гнѣвныхъ вспышекъ отца, онъ часто являлся какъ бы посредникомъ между ними, и это воспоминаніе создавало извѣстную близость. Въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ.

Сознавая въ этомъ отношеніи свою силу, „Аракчеевъ позволялъ себѣ часто показывать то недовольство, то просто капризы, если Государь ему чего-либо не сообщалъ или оказывалъ довѣріе и расположеніе другимъ. И всѣ эти выходки сходили для него благополучно. Особенно рѣзко выразилось дурное расположеніе графа при образованіи Государственнаго Совѣта, когда ему не показали проекта реформы. Графъ страшно обидѣлся, взбѣшенный уѣхалъ къ себѣ въ Грузино и настоялъ на своемъ — сдалъ управленіе военнымъ министерствомъ Барклаю... самодовольно занявъ предсѣдательское мѣсто въ военномъ департаментѣ Государственнаго Совѣта“.

„Вышло, что Аракчеевъ какъ бы остался побѣдителемъ въ домашней распрѣ съ Государемъ, а Александръ удовольствовался быть побѣжденнымъ и ничѣмъ не выразилъ вполнѣ естественнаго недовольства... Слѣдовательно, Аракчеевъ могъ только радоваться результатамъ своихъ непозволительныхъ пріемовъ обращенія съ русскимъ Царемъ, и пріемы эти повторялъ также и въ будущемъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ“. — Это походило на какое-то смиреніе

предъ тѣмъ человѣкомъ, котораго „сердце было чисто и духъ правъ предъ нимъ“, т. е. передъ Императоромъ Павломъ.

За періодъ Отечественной войны сохранилось 80 записокъ Александра къ Аракчееву, весьма характерныхъ для обрисовки отношенія къ нему Государя. Среди нихъ особенно характерна нижеслѣдующая, писанная 22 мая 1814 года, когда Александръ отправился въ Лондонъ, и Аракчеевъ его не сопровождалъ, а оставался на нѣмецкихъ водахъ для лѣченія.

„... Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстаюсь съ тобой, писалъ ему Государь. Пріими еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и воспоминаніе о которыхъ останется на вѣкъ въ душѣ моей.

„Я скученъ и огорченъ до крайности. Я себя вижу послѣ 14-ти-лѣтняго тяжелаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была всегда неограниченна.

„Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столько не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ“.

Въ этихъ словахъ вылилось все, что могъ Александръ высказать вѣрному служакѣ и точному исполнителю своихъ предначертаній.

„Несмотря на милостивыя слова Государя передъ отъѣздомъ въ Англію, между нимъ и Аракчеевымъ въ Парижѣ еще произошли недоразумѣнія на почвѣ обидъ, что, молъ, Его Величество въ немъ болѣе не нуждается. Аракчеевъ, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границей“, о чемъ онъ и просилъ Государя письменно. Однако, послѣ личнаго объясненія съ Государемъ, намѣренія графа измѣнились, и онъ вернулся въ Россію раньше Александра Павловича.

„Спрашивается, къ чему была вся эта комедія отпуска и лѣченія? Но, видимо, такіе пріемы онъ считалъ необходимыми въ своихъ отношеніяхъ съ Александромъ Павловичемъ“.

И, какъ оказывается, былъ правъ, разъ онъ сумѣлъ такимъ образомъ на долго сохранить не только расположеніе, но и довѣріе Монарха.

„Въ угоду Аракчееву, подъ натискомъ его и Фотія были принесены въ жертву друзья дѣтства Александра“,—кн. А. Н. Голицынъ и П. М. Волконскій. Безъ сомнѣнія, это было тяжело Государю и должно было вызвать въ его душѣ тяжелую борьбу, но „утомленіе жизнью было столь велико“, что онъ не имѣлъ силъ бороться, и уступилъ.

„Вотъ когда явилась потребность въ постоянныхъ передвиженіяхъ и вояжахъ, для успокоенія безотраднаго душевнаго состоянія", котораго не могло заглушить ни чтеніе священнаго писанія, ни молитва. Только въ бесѣдѣ съ Аракчеевымъ, котораго Государь навѣщалъ время отъ времени въ Грузинѣ, Государь находилъ, въ самыя трудныя минуты, отраду и утѣшеніе.

„Откровенно говоря, замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь, мы недоумѣваемъ, какое могло быть утѣшеніе въ сообществѣ холоднаго и безсердечнаго грузинскаго помѣщика; такого рода психологія чувствъ Александра Павловича прямо-таки вызываетъ одно лишь удивленіе и не поддается анализу. Но фактъ остается во всей своей наготѣ; его нельзя не отмѣтить".

Хотя въ отношеніяхъ Александра къ Аракчееву, повидимому, навсегда останется „что-то непонятное", но принятая Великимъ Княземъ основная точка зрѣнія многое уясняетъ.

Учрежденіе знаменитыхъ военныхъ поселеній также приводится авторомъ въ связь съ религіознымъ настроеніемъ Александра; онъ объясняетъ его гуманнымъ желаніемъ Государя „облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлить ихъ земельною собственностью". Военныя поселенія, по мнѣнію изслѣдователя, явились „логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходить на умъ Государю и волновать его душу". Въ данномъ случаѣ Александръ „придерживался строго обдуманной системы" и постепенно проводилъ въ жизнь свою идею.

Эта настойчивость и упорство въ осуществленіи своихъ плановъ была отличительною чертою Александра, при чемъ „если онъ замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніе и какъ бы подчинить себѣ его волю, то онъ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній".

Какъ человѣкъ, Александръ былъ добръ и благожелателенъ, но „рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, а кромѣ того чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить"—она составляла коренную черту его нрава. „Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ".

Обвораживая Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, Александръ преспокойно „писалъ въ то же время матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломить его мощь". „Въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ, съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій ква-

керъ, или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ... и что болѣе всего замѣчательно, всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета Государя и часто воображали, что онъ раздѣлялъ ихъ образъ мыслей".

Вообще, въ характерѣ Александра Павловича мирно уживались въ теченіе всей его жизни самыя рѣзкія противоположности, а его двуличность сочеталась съ неотразимымъ личнымъ обаяніемъ, „съ тѣмъ, что французы называютъ „le charme"; онъ „обвораживалъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться". „Нѣчто ангельское" жило рядомъ съ никогда не угасавшимъ злопамятствомъ". Каждый день его жизни былъ „сплошной психологической загадкой, которая, быть можетъ, никогда не будетъ разгадана во всемъ ея объемѣ", но несомнѣнно, что новый трудъ Великаго Князя Николая Михаиловича весьма многое выясняетъ въ сложной натурѣ Императора Александра Павловича, сложившейся подъ вліяніемъ такихъ противорѣчивыхъ факторовъ, какими были, съ одной стороны, его просвѣщенная, „геніальная бабка Екатерина II, до безумія любившая внука-первенца, съ другой—полубольной отецъ и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные Императрицей и устраненные ею отъ воспитанія ребенка",—условія, какъ нельзя болѣе благопріятствовавшія развитію отмѣченной выше, основной черты характера Александра Павловича. На развитіе всей послѣдующей его психики, по мнѣнію его новаго біографа, имѣло рѣшающее значеніе роковое событіе 11 марта 1801 года. „Красной нитью, говоритъ онъ, черезъ всю жизнь Александра проходитъ „тѣнь отца"; это объясняетъ его отношенія къ Аракчееву, религіозныя исканія его мятущейся души, его ненависть къ дворянству, „за ту роль, какую оно играло въ событіи, не забытомъ Государемъ въ теченіе всей его жизни", и даже вражда къ Наполеону, за его намекъ относительно дальнѣйшей судьбы участниковъ этого событія.

Что касается извѣстной поэтической легенды о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, которой, по собственному сознанію Великаго Князя, онъ самъ много лѣтъ увлекался, то, сдѣлавъ все возможное, чтобы выяснить его личность, и собравъ о немъ подробности, какія удалось добыть, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „старецъ не былъ и не могъ быть Императоромъ Александромъ I; а личность самого Ѳедора Кузьмича такъ-таки и не удалось установить".

Въ результатѣ, въ превосходномъ изслѣдованіи Великаго Князя, обликъ Александра I предстаетъ въ новомъ пониманіи, въ новомъ освѣщеніи, подкрѣпленномъ впервые опубликованными, чрезвычайно цѣн-

ными матеріалами по исторіи царствованія Александра I. Этимъ матеріаламъ посвящена часть перваго и весь второй томъ.

Здѣсь переписка Александра съ Аракчеевымъ, масономъ Р. А. Кошелевымъ, имѣвшимъ громадное вліяніе на развитіе у Государя мистицизма, баронессой Крюденеръ, А. Н. Голицынымъ, рядъ дипломатическихъ донесеній пословъ Сенъ-Жюльена, Стадіона и другихъ, переписка Александра съ папой Піемъ VII; извлеченные изъ архивовъ, эти цѣнные матеріалы уже сами по себѣ составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую науку.

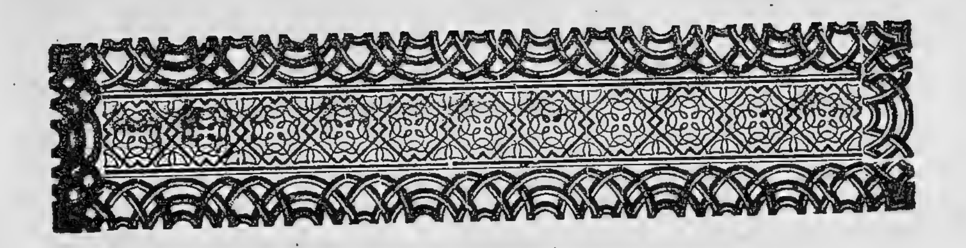
Съ грустью отмѣчаетъ Великій Князь гибель многихъ цѣнныхъ документовъ для біографіи Александра I. Переписка Государя съ М. А. Нарышкиной уничтожена вдовой сына Нарышкиной. Шкатулка съ документами генералъ-адъютанта Александра Мишо и письма Александра къ баронессѣ Крюденеръ уничтожены Императоромъ Николаемъ, „систематическимъ истребленіемъ многихъ безцѣнныхъ бумагъ и рукописей". Другіе источники существуютъ съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Александромъ Павловичемъ, наконецъ доступъ въ нѣкоторые частные архивы какъ русскіе, такъ и заграничные еще не открытъ.

„Царствованіе Александра, говоритъ Великій Князь въ заключеніе, нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа. Для Александра открывалось широкое поле дѣятельности; вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное, но это мимолетное стремленіе не успѣло пустить корней".

„Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій Государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ".

В. Т.

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(С. В. Максимовъ).

С. В. Максимовъ.

Рѣдко я встрѣчалъ среди писателей людей болѣе симпатичныхъ, чѣмъ братья Максимовы, Сергѣй и Николай. Съ Николаемъ я воспитывался въ одной школѣ и недолго работалъ съ нимъ въ одной газетѣ, когда онъ былъ еще морскимъ офицеромъ. Потомъ онъ исчезъ съ моего горизонта, командовалъ баталіономъ въ сербо-турецкую войну, былъ корреспондентомъ въ турецкую кампанію 1877—78 г., во время которой былъ раненъ. Затѣмъ мы опять встрѣчались, когда онъ замѣнялъ капитанскій рупоръ перомъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ. Внѣшнимъ образомъ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, что называется, съ растрепанными чувствами, но былъ добрый малый и прекрасный товарищъ. Много было въ немъ искренности и непосредственности, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ человѣкъ увлекающійся, что печально отразилось на его жизни, а часто портило и искажало его писанія.

Въ сравненіи съ нимъ его братъ, Сергѣй Васильевичъ, авторъ „Года на сѣверѣ", „Куля хлѣба", „Лѣсной глуши" и т. д., какъ писатель, былъ великаномъ, но, какъ человѣкъ, онъ былъ не менѣе простъ, обходителенъ, симпатиченъ, незлобивъ, услужливъ, красивъ тою добротой, которая сквозитъ у добраго человѣка въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Поэтому его сипловатый голосъ дѣйство-

---

[1]) См. „Русская Старина" ноябрь 1912 г.

валъ такъ пріятно и успокоительно на нервы, поэтому онъ всегда былъ окруженъ людьми, любовью же отвѣчавшими на его любовь.

Я съ нимъ познакомился, когда ему было уже 50 слишкомъ лѣтъ. Но, несмотря на сѣдины, онъ былъ еще бодръ и свѣжъ, почти какъ юноша. Очень я любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ да Якушкинъ, Павелъ Ивановичъ, были у насъ въ Россіи первыми работниками на совершенно невоздѣланной нивѣ, первыми интеллигентными тружениками, превратившими изученіе русскаго народа въ писательскую профессію. Сынъ столбового дворянина и гвардейскаго офицера Якушкинъ, а за нимъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера Максимовъ отрѣшились отъ всей привычной имъ интеллигентской обстановки и пошли въ народъ, обрекая себя на всевозможныя лишенія и часто на опасности. Но это было не то хожденіе въ народъ, которое вошло у насъ въ моду въ 70-хъ годахъ и которое такъ великолѣпно описано Тургеневымъ въ его „Нови". Нѣтъ, это было другое хожденіе въ народъ—не для того, чтобы учить, а для того, чтобы учиться, для того, чтобы вынести изъ моря народной жизни знанія, безъ которыхъ наша забота объ этомъ народѣ всегда есть и будетъ дѣломъ мертворожденнымъ. Тотъ, кто ходилъ въ народъ съ политическими цѣлями, возвращался домой разочарованнымъ, но тотъ, кто ходилъ въ народъ, чтобы учиться, возвращался съ вѣрою въ этотъ народъ и приносилъ съ собою безграничную любовь къ нему. И помнится мнѣ, когда я иногда часами бесѣдовалъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ, я проникался сознаніемъ, что въ примѣненіи къ нашему народу надо очень осторожно обращаться съ разными политическими теоріями, все равно—консервативными или либеральными, и что очень малодушны тѣ, кто теряютъ вѣру въ него.

Много мнѣ самому пришлось путешествовать по Россіи, но при встрѣчахъ съ Максимовымъ я чувствовалъ, что въ сущности мало знаю народъ, и готовъ былъ часами слушать его бесѣду, въ которой неожиданно для меня раскрывались новыя стороны народной жизни, новыя черты его духовнаго облика. Это не были разсужденія о народѣ, а характеристика его при помощи фактовъ, собранныхъ внимательнѣйшимъ наблюденіемъ и сохраненныхъ памятью, которая повидимому разъ навсегда удерживала все достойное вниманія. Я прочелъ болѣе или менѣе все, написанное Максимовымъ, и тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ съ нимъ почерпалъ все новые факты, расширявшіе и углублявшіе мое знаніе народа. Максимовъ представлялъ собою сокровищницу наблюденій и знаній въ этой области. Онъ до тонкости зналъ народную жизнь тѣхъ многочисленныхъ мѣстностей, которыя онъ объѣздилъ или обошелъ, а объѣздилъ онъ

и Сѣверъ, и Сибирь, и Поволжье, и Центральную Россію, изъ которой онъ самъ былъ родомъ (Максимовъ, какъ извѣстно, костромичъ), и Юго-Восточную, и Западную Россію. Къ сожалѣнію, Максимовъ не избѣгъ участи болѣе или менѣе всѣхъ русскихъ людей, которые вступали въ близкое общеніе съ нашимъ народомъ, участи Якушкина, Левитова, Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго. Онъ заразился общенародною слабостью къ спиртнымъ напиткамъ, и если не разстроилъ этимъ здоровья, то только потому, что оно у него было несокрушимое. Онъ могъ выпить безъ видимаго вреда для здоровья несчетное число рюмокъ самыхъ крѣпкихъ напитковъ. Худшее, что съ нимъ случалось, это то, что онъ временно какъ бы застынетъ, окаменѣетъ. Помню, онъ какъ-то у меня въ домѣ за обѣдомъ сталъ пить очень много. Удержать его было трудно. Онъ отбояривался словами: „А звали“ или: „Жалѣете, что-ли, пойла-то своего“. Наконецъ, гляжу,—Максимовъ, облокотившись на одну руку, совершенно затихъ. Я приблизился къ нему, вижу—спитъ. Захотѣлось поудобнѣе устроить старика. Я тихонько пригласилъ его перейти въ кабинетъ и прилечь на диванѣ, при чемъ взялъ его за руку. Но рука эта оказалась словно высѣченною изъ камня, да и весь онъ точно окаменѣлъ и, казалось, никакая сила не сдвинетъ его съ мѣста. Въ такомъ положеніи онъ оставался около получаса и затѣмъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вдругъ сталъ меня, хозяина, корить, что я плохо потчую гостей, — и выпивка возобновилась.

Вино у него было непріятное въ томъ отношеніи, что онъ любилъ во хмелю ругаться. Тогда онъ походилъ немного на Салтыкова: ругательства у него такъ и сыпались, понятно, безъ злобы, а какъ какое-то непонятное ухарство или просто какъ дурная привычка. Бывало и такъ, что когда неудовольствіе (на чувство озлобленія онъ, кажется, былъ неспособенъ) долго въ немъ таилось, оно вдругъ у него прорвется подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и при томъ совершенно неожиданно для него самого. Помню одинъ эпизодъ этого рода, поставившій всѣхъ присутствовавшихъ въ очень неловкое положеніе.

Это было въ 80-хъ годахъ. Уже тогда у насъ литературные юбилеи превратились въ литературные именины, т. е. чествованіе серьезныхъ заслугъ замѣнилось простымъ пиромъ, устраиваемымъ другу-пріятелю или лицу, отъ котораго ожидаешь благъ земныхъ. Такіе юбилеи уже тогда устраивались довольно часто, хотя далеко не такъ часто, какъ теперь, когда вошло въ обычай чествовать даже третьестепенныхъ литераторовъ. Въ данномъ случаѣ чествовали далеко не популярнаго редактора-издателя распространенной

либеральной газеты, чествовали собственно не его, а либерализмъ, и собралось много народу. Были и читатели, и почитатели, въ лентахъ и безъ лентъ, въ орденахъ и безъ орденовъ, во фракахъ и въ мундирахъ. Было немало и дамъ въ бальныхъ туалетахъ. Словомъ, юбилейный обѣдъ удался на славу. Понятно, что какъ только жаркое было подано, и шампанское розлито, начались безконечные спичи и рѣчи, въ которыхъ, совершенно какъ теперь, на золотникъ правды приходились пуды притянутыхъ за волосы комплиментовъ. Въ самый разгаръ этихъ восхваленій въ залъ входитъ Максимовъ и при томъ, что называется, на двадцатомъ взводѣ. Гдѣ онъ успѣлъ привести себя въ такое далеко не салонное состояніе, было его тайной, но мнѣ стало жаль его. Я впрочемъ успокоился, когда увидѣлъ, что онъ усѣлся въ самомъ концѣ громаднаго стола покоемъ, положилъ руки на столъ, на руки опустилъ голову и повидимому заснулъ богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ комплименты и всякаго рода восхваленія продолжали литься рѣкой, ораторы старались превзойти другъ друга въ похвалахъ. Юбиляръ не безъ достоинства въ отвѣтъ улыбался, постепенно, должно быть, свыкаясь съ мыслью, что онъ дѣйствительно заслужилъ расточаемыя ему похвалы. Словомъ, все шло прекрасно, и я о Максимовѣ уже забылъ, какъ вдругъ на его концѣ стола раздался сильный звонъ, и я, къ ужасу своему, вижу, что говорить собирается именно совершенно пьяный Максимовъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ. Къ счастью, рѣчь его была необыкновенно коротка, но, къ несчастью, ужасно выразительна. Онъ сказалъ: „И ты (тутъ онъ назвалъ юбиляра по фамиліи) вѣришь, что они говорятъ тебѣ правду! Неужели ты такъ глупъ?“ И, сказавъ это, Максимовъ повалился опять на столъ, заснулъ сномъ праведника, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ, и предоставилъ остальной публикѣ расхлебывать заваренную имъ кашу. Всѣ конечно сдѣлали видъ, что не разслышали произнесенныхъ имъ словъ, а какой-то находчивый ораторъ продолжалъ расточать юбиляру комплименты, но всѣ въ душѣ сознавали, что въ краткой рѣчи Максимова было больше правды, чѣмъ въ безконечныхъ разглагольствованіяхъ другихъ ораторовъ.

Склонность Максимова „шебаршить“, какъ онъ любилъ выражаться, при его мягкости и добротѣ, имѣла для него многія непріятныя послѣдствія. Когда онъ „шебаршилъ“, онъ мало разбиралъ, съ кѣмъ собственно проводитъ время. Случалось, что онъ въ домъ приводилъ совершенно незнакомыхъ людей, которые подъ вліяніемъ винныхъ паровъ казались ему людьми чрезвычайно симпатичными. Иногда онъ даже оставлялъ ихъ ночевать у себя, а затѣмъ утромъ

самъ не могъ ума приложить, какъ человѣкъ, совершенно незнакомый, оказался у него въ кабинетѣ или въ гостиной.

Разъ какъ-то онъ жилъ на дачѣ въ Парголовѣ. Гостиная у него большими окнами и балконными дверями, составлявшими какъ бы одну сплошную стеклянную стѣну, выходила на сѣверо-востокъ, такъ что первые уже лучи побѣдоноснаго лѣтняго солнца освѣщали всю комнату. Въ ней конечно никто не ночевалъ, и диванчикъ въ ней стоялъ такой крошечный, что и ребенку, кажется, трудно было на немъ умѣститься. А Максимовъ вечеромъ послѣ долгихъ возліяній привелъ домой какого-то рослаго собутыльника, котораго рѣшительно негдѣ было пристроить. Онъ ему отвелъ гостиную, ушелъ къ себѣ спать и тотчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ.

Однако подъ утро ему что-то все мѣшало спать, и какъ только онъ окончательно проснулся, тотчасъ вспомнилъ, что вчера кого-то съ собою привелъ, кого — онъ рѣшительно не зналъ и, поскорѣе одѣвшись, отправился въ гостиную, чтобы узнать, кто его гость. На диванчикѣ полулежалъ, далеко протянувъ на полу длинныя ноги, въ невозможной, изломанной позѣ богатырь, по лицу котораго отъ свѣта и неудобнаго лежанія пробѣгали по временамъ гримасы. Увидавъ это лицо, Максимовъ вспомнилъ, что это какой-то полузнакомый врачъ, съ которымъ онъ раза два въ жизни встрѣчался въ одномъ изъ своихъ любимыхъ ресторанчиковъ. Лицо доктора исказилось отъ боли, онъ проснулся, взглянулъ на Максимова, а тотъ, указывая одной рукой на диванчикъ, а другой на ярко освѣщенную стеклянную стѣну, пропускавшую потоки утренняго свѣта прямо въ лицо злополучнаго гостя, извиняясь, проговорилъ:

— Коротко... и ясно.

И оба отъ души расхохотались, хотя гость въ то же время и охалъ.

Можно себѣ представить, какъ семья Максимова тяготилась этими ночными посѣщеніями.

Но склонность Максимова къ спиртнымъ напиткамъ имѣла и другія болѣе непріятныя послѣдствія. Максимовъ былъ человѣкъ совершенно необезпеченный, семья у него была большая, а литературнаго заработка далеко не хватало. Вообще гонорары въ то время, когда литературная производительность Максимова была значительна, поражали своими скромными размѣрами. Къ тому же онъ въ дѣловомъ отношеніи былъ далеко не ловкимъ человѣкомъ. Приходилось подумать о постороннемъ заработкѣ, и этотъ заработокъ нашелся еще въ 60-хъ годахъ: Максимовъ получилъ мѣсто редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи". Понятно, что между этой газетой и литературой было мало общаго, но, къ со-

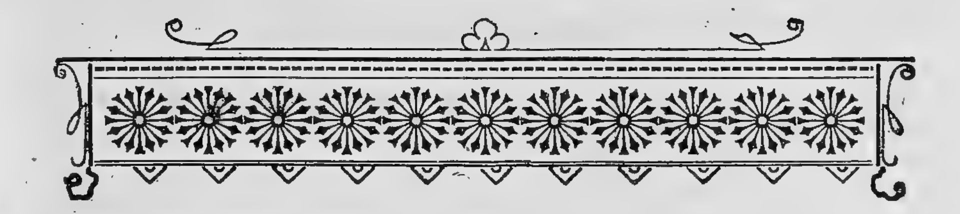
жалѣнію, въ прошломъ вѣкѣ немногіе литераторы могли жить исключительно литературой, даже литераторы максимовскаго калибра. Приходилось прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, и литераторъ былъ счастливъ, если этотъ заработокъ имѣлъ хотя какое-нибудь отношеніе къ литературѣ. Нельзя не порадоваться, что „Полицейскія Вѣдомости“ давали Максимову въ теченіе долгихъ лѣтъ сторонній заработокъ, который, въ свою очередь, давалъ ему возможность посвятить себя любимымъ литературнымъ работамъ. Однако мѣсто редактора „Полицейскихъ Вѣдомостей“ по временамъ почти-что ускользало изъ его рукъ вслѣдствіе все той же страсти къ вину. Промахи случались дѣйствительно очень неудобные для полуоффиціальнаго органа. Не буду упоминать уже о томъ, что разныя фирмы пользовались слабостью редактора, чтобы провести болѣе чѣмъ щекотливыя объявленія по части амурныхъ или иныхъ дѣлъ этого рода. Случались промахи болѣе серьезные, за которые Максимову, къ счастью, приходилось только отсиживать на гауптвахтѣ. Такъ, напримѣръ, однажды было помѣщено крупное объявленіе о томъ, что въ такой-то день, въ такомъ-то храмѣ будетъ отслужена панихида по въ Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, хотя этотъ Государь только-что вступилъ на престолъ и благополучно царствовалъ, а панихида была назначена по Императорѣ Александрѣ II. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это объявленіе вскорѣ послѣ 1-го марта. Но благодаря заступничеству вліятельныхъ друзей, Максимовъ отдѣлался и въ этомъ случаѣ одной гауптвахтой.

Въ заключеніе не могу здѣсь не занести одинъ фактъ, о которомъ мнѣ разсказывалъ Максимовъ нѣсколько разъ, но который онъ, кажется, самъ не занесъ въ свои воспоминанія. Какъ извѣстно, онъ былъ очень друженъ съ нашимъ знаменитымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ. Довелось ему между прочимъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ ложѣ во время представленія „Грозы“. Островскій сидѣлъ молча, углубленный въ себя. Только въ той патетической сценѣ, когда Катерина, терзаемая укорами совѣсти, бросается при всемъ народѣ въ ноги мужу и свекрови, каясь въ своемъ грѣхѣ, Островскій весь блѣдный шепталъ: „Это—не я, не я; это—Богъ“. Островскій очевидно самъ не вѣрилъ, что онъ могъ написать такую потрясающую сцену; онъ, подобно Гейне, считалъ писателя рыцаремъ-глашатаемъ св. Духа...

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа[1]).

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ не упускалъ случая упомянуть о томъ, какъ онъ вообще не любилъ „бисмарковскую націю“; отдавалъ онъ, правда, полную справедливость нѣмцамъ способнымъ, но едва-ли самъ замѣчалъ, что ужъ если бывало найдетъ изъ нѣмцевъ нашихъ, т. е. изъ находящихся на русской службѣ нѣмца, неспособнаго, то ужъ тѣснитъ и распекаетъ его на всѣ лады, относясь при этомъ зачастую если небезразлично, то снисходительно къ неспособному изъ русскихъ или вообще не изъ нѣмцевъ; въ особенности онъ не могъ переносить малѣйшаго, какъ онъ выражался, проявленія тупости со стороны какого то ни было нашего генерала-нѣмца; и все это безотчетно, не имѣя въ томъ никакой предвзятости; замѣтно это ему самому вовсе не было и, если кто-либо рѣшался ему высказать на этотъ счетъ родъ своего указанія или намекъ на указаніе, то онъ оспаривалъ съ твердостью, которая могла кого угодно убѣдить въ томъ, что ему дѣйствительно безразлично—нѣмецъ, русскій или тунгусъ тотъ генералъ, который проявляетъ вообще ненавистное для него отсутствіе понятливости; онъ утверждалъ, что разноситъ его, какъ и всякаго, за вредъ, приносимый службѣ его тупостью, разноситъ именемъ службы и никогда не позволяетъ себѣ по службѣ ни хвалить ни благодарить, ни распекать или осуждать лично отъ себя. Какъ извѣстно, онъ и ввелъ въ свои приказы терминъ, знаменующій собою отмѣнное безпристрастіе: „объявляю благодарность отъ лица службы“; многимъ это не нравилось. Легче ли отъ этого? говорили они и спра-

[1]) См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ведливѣе ли? Но надо полагать, что претензію на это можно было выражать только ради желанія, во что бы то ни было, найти поводъ ввернуть осужденіе.

Разбирая вообще, въ связи съ чувствами своими къ бисмарковской націи, личность короля Карла Румынскаго, М. И. не только хвалилъ его, какъ князя и короля, одобрялъ, какъ военнаго, но и восторгался имъ, какъ человѣкомъ энергичнымъ, въ высокой степени предпріимчивымъ, ловкимъ и умнымъ.—Больше всего эти его качества выплываютъ изъ того, какъ онъ въ свое время въ жизни, по выраженію М. И. Драгомирова, „пробрался въ дамки".

Разсказывая о томъ, какія здравыя сужденія король Карлъ высказывалъ относительно всего, что ему доводилось видѣть въ войскахъ изъ показывавшагося, какъ гостю въ Кіевѣ, въ тотъ годъ, М. И. говорилъ, что здравому смыслу и опытности этого маленькаго Гогенцоллерна надо удивляться; кромѣ отмѣннаго здраваго смысла въ немъ Мих. Ивановича удивляло отсутствіе пристрастія къ своему, нѣмецко-швабскому; за время командованія войсками въ Кіевѣ М. И. имѣлъ нѣсколько случаевъ принимать проѣзжихъ нѣмецкихъ офицеровъ и если не показывать имъ чего-либо въ нашихъ войскахъ, то, угощая ихъ у себя на дому, вести съ ними бесѣды о военномъ дѣлѣ; таковы были: Лигницъ, Гольцъ, графъ Ведель, Вильомъ, Тетау и другіе изъ числа находившихся раньше при нашихъ войскахъ въ видѣ военныхъ агентовъ въ мирное время или во время войны. М. И., давая себѣ трудъ, припоминать вообще тѣ отзывы, которые ему доводилось отъ нихъ слышать, между прочимъ, запомнилъ, что всѣ названныя лица, кромѣ кого-то одного, разсуждая о принятомъ имъ тогда въ округѣ упражненіи пропуска кавалеріи черезъ ряды пѣхоты, первымъ дѣломъ спѣшили отрекомендовать Фридриха Великаго изобрѣтателемъ этого дѣйствія въ бою. Только лишь король Карлъ, увидѣвъ во время смотра на учебномъ полѣ практикованіе этого пропуска, не приписалъ его своему гроссъ-фатеру, а прямо сказалъ: этотъ остроумный, полезный и крайне необходимый въ боевой практикѣ войскъ маневръ ведется въ нихъ, благодаря начинанію генералиссимуса Суворова.

Этотъ небольшой примѣръ—далеко не единственный изъ числа тѣхъ, на которыхъ король показалъ въ себѣ отсутствіе безшабашнаго нѣмецкаго бахвальства, столь распространеннаго между его единомышленниками всѣхъ странъ, говорилъ М. И.

* * *

Къ дому Гогенцоллерновъ въ Пруссіи принадлежитъ нѣсколько отраслей и между прочимъ родъ королевской фамиліи, которой пред-

ставитель прусскій король Вильгельмъ I въ 1871 году получилъ въ прибавку титулъ германскаго императора, а фамилія сдѣлалась королевско-германскою.

Еще въ 1849 году королевская фамилія получила въ собственность владѣнія князя Фридриха-Гогенцоллернъ-Гехингена, уступившаго ихъ королю прусскому Фридриху-Вильгельму IV-му; примѣру этого князя послѣдовалъ вслѣдъ затѣмъ его двоюродный братъ князь Карлъ Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ; такимъ образомъ эти два гогенцоллернскихъ княжества—Гехингенское и Зигмарингенское навсегда закрѣпились по договору за старшей линіей Гогенцоллерновъ, являющихся представителями прусской королевской фамиліи, т. е. прусской короны.

Кн. Фридрихъ-Гогенцоллернъ-Гехингенъ умеръ въ 1869 году; князь же Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ здравствовалъ еще долго послѣ него; у него было три сына и дочь. Всѣ они должны были удалиться въ частную жизнь, оставаясь принцами королевскаго дома и имѣя титулъ высочества. Кн. Антонъ отличался либеральнымъ образомъ мыслей и считалъ себя представителемъ либерализма, въ Пруссіи; онъ занималъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ постъ министра-президента въ томъ королевствѣ, а въ шестидесятыхъ годахъ состоялъ генералъ-губернаторомъ въ Дюссельдорфѣ.

Старшій сынъ его принцъ Леопольдъ былъ женатъ на принцессѣ португальской; поэтому или по другимъ причинамъ ему была въ 1870 году предложена корона Испаніи, единокровной съ Португаліей; эпизодъ этотъ достаточно извѣстенъ по своему концу, сдѣлавшемуся началомъ франко-германской войны. Младшій сынъ палъ геройскою смертью на поляхъ Кенигсгреца, во время австро-прусской войны.

Дочь сдѣлалась супругой бельгійскаго принца Филиппа, брата умершаго въ 1910 году короля Леопольда I—и такимъ образомъ стала принцессой Фландрской.

Средній сынъ Карлъ имѣлъ врожденное стремленіе къ тому, чтобъ сдѣлаться вновь владѣтельнымъ княземъ; вынужденная, договорная уступка владѣній далеко не пришлась ему по сердцу, онъ, конечно, не думалъ о возможности проявленія какого бы то ни было неудовольствія по поводу этого, а тѣмъ болѣе о возможности борьбы съ этимъ, хотя неустанно,—тихо и мирно—мечталъ о какомъ-либо иномъ оборотѣ судьбы,—оборотѣ, который соотвѣтствовалъ бы затаеннымъ вожделѣніямъ его честолюбія и неудержимаго стремленія къ власти.—Болѣе счастливое стеченіе событій не заставило себя долго ждать, и скоро для молодого князя все

пошло такъ, что можно было сказать: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ или „сонъ въ руку“.

Княжества Молдавія и Валахія, имѣвшія разныхъ владѣтельныхъ правителей—выборныхъ князей, соединились въ 1861 году въ одно княжество подъ управленіемъ князя правителя Валахіи Александра Кузы, избраннаго на престолъ Валахіи въ 1859 году и уже управлявшаго ею въ теченіе полныхъ двухъ лѣтъ совершенно благополучно.

Два года приблизительно, до начала 1863 года, Куза управлялъ соединенною въ одно княжество страной, получившей названіе Румыніи; но затѣмъ началъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ женщинъ, проявлять массу беззаконій и произвола въ дѣлахъ управленія страной, а когда проявленіе того и другого обратилось въ хроническое, грянулъ въ простой и грубой формѣ переворотъ, послѣдствіемъ котораго оказалось то, что, занимавшій въ одинъ изъ праздниковъ караулъ въ княжескомъ дворцѣ стрѣлковаго баталіона, командиръ роты Липояно съ двумя молодыми офицерами, никѣмъ незамѣченный, а можетъ быть просто никѣмъ не остановленный, явился ночью въ спальню князя и, угрожая ему разстрѣломъ изъ приставленнаго ко лбу револьвера [1]), заставилъ его встать съ постели, одѣться и выйти изъ дворца для того, чтобы сѣсть въ приготовленную, стоявшую у подъѣзда, карету. Въ этой каретѣ Липояно лично съ тѣми же двумя подчиненными, сопровождавшими карету въ другомъ экипажѣ, отвезъ князя владѣтеля за румынскую границу въ венгерскій городъ Краіову, гдѣ оставилъ на свободѣ, объявивъ ему, что „возвращеніе его не только въ Яссы (столицу Молдавіи) или въ Букарестъ (главный городъ Валахіи и столица Румыніи), но и просто въ предѣлы страны, пожелавшей его изгнать, будетъ равносильно оффиціально представленной съ его стороны просьбѣ быть немедленно убитымъ, каковое ходатайство будетъ, безъ малѣйшаго промедленія, удовлетворено“.

Покончивъ такимъ образомъ крайне энергично и, все-таки, можно сказать, человѣчно съ главой государства, партія, столь просто рѣшившая вопросъ, не задумываясь, приступила къ исполненію намѣченнаго ею плана дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ по вопросу о томъ, чтобы освобожденный по желанію страны его княжескій престолъ не оставался долгое время вакантнымъ.

* * *

Все здѣсь изложенное представляетъ собой болѣе или менѣе извѣстные факты; дальнѣйшее никогда не было въ подробностяхъ

---

[1]) Въ тѣ времена это была новинка.

распространено, поэтому я хочу представить вниманію читателя разсказъ, слышанный мною изъ устъ М. И. Драгомирова, какъ разъ въ то время, когда король Карлъ Румынскій, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, былъ его и войскъ округа гостемъ въ Кіевѣ.

Когда князя Кузу свергли, Братіано [1]) и другіе, состоящіе подручными у бояръ, внезапно захватившихъ власть, поѣхали искать себѣ правителя. Въ тѣ времена куда же было ѣхать, если не къ всемогущему Наполеону III, тогда судебъ вершителю и усиливавшемуся взять на себя, по примѣру дядюшки своего Наполеона I-го, роль раздавателя престоловъ и перетасовщика по этой части. Явившись въ Парижъ, эти искатели-румыны скоро и легко получили доступъ къ великому сфинксу и оракулу; принявъ ихъ очень серьезно, Наполеонъ, съ видомъ доброжелательнаго наставника, высказалъ имъ свое желаніе видѣть на престолѣ ихъ страны,—которой онъ тутъ же мимоходомъ предсказалъ прекрасное процвѣтаніе и блестящую будущность—одного изъ сыновей принца Антона Гогенцоллернскаго, только-что освободившагося отъ обязанностей владѣтельнаго князя и передавшаго свои права королю Прусскому.—Тамъ есть князь, жаждущій возврата къ правамъ владычества, если не въ своихъ земляхъ, то въ иныхъ странахъ,—сказалъ Наполеонъ самобытному посольству, при чемъ его слова похожи были на то, какъ хорошій посредникъ, имѣющій по части мѣстной коммерціи доподлинныя свѣдѣнія, съ видомъ знатока указываетъ, гдѣ можно пріобрѣсть кровную отмѣнно-хорошую лошадь или гдѣ имѣется въ продажѣ большая партія выдержаннаго вина,—вообще это напоминало со стороны Наполеона желаніе совершить прочную сдѣлку на подвертывавшійся товаръ первѣйшаго сорта.

Прибывъ по указанію его въ Дюссельдорфъ, румынскіе гонцы влетѣли, какъ снѣгъ на голову, къ принцу Карлу Гогенцоллернъ Зигмарингенскому, оказавшемуся на-лицо второму сыну мѣстнаго военнаго генералъ-губернатора принца того дома Антона.

Недолго разговаривалъ принцъ Карлъ; давъ свое согласіе, лихорадочно поспѣшилъ направить ихъ къ отцу, котораго нельзя было миновать въ переговорахъ о такомъ серьезномъ и важномъ дѣлѣ.

Съ отчаяніемъ вернулись къ принцу Карлу румынскіе посланцы отъ серьезнаго и суроваго принца Антона, сообщивъ, что онъ ихъ хорошо выслушать не пожелалъ, при чемъ объявилъ имъ, что онъ такихъ дѣлъ касаться не находитъ нужнымъ вообще, а въ част-

[1]) Въ 1877 году былъ министромъ внутр. дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ.

ности не намѣренъ вовсе вмѣшиваться ни въ дѣла сына, ни тѣмъ болѣе, въ его авантюры, если одну изъ таковыхъ въ данномъ случаѣ можно предполагать или подозрѣвать.

Разсказываютъ, что видъ „пословъ", которые всѣ были похожи на учениковъ, сбѣжавшихъ со школьной скамьи, не вселилъ въ князѣ Антонѣ никакого довѣрія; въ крайнемъ случаѣ, при предвзятомъ желаніи, во что бы то ни стало, отнестись къ нимъ серьезно и съ какою-либо хотя бы гомеопатической дозой довѣрія, можно было ихъ принять за оканчивавшихъ свое ученіе студентовъ.

Смущеніе, овладѣвшее господиномъ Братіано и компаніей дѣлателей румынской исторіи, нисколько не обезкуражило и не смутило принца Карла.

— Отецъ мой не хочетъ вмѣшаться въ мое дѣло; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ противъ вашего плана, уже ставшаго моимъ,—сказалъ онъ спокойно, добавивъ къ этому, что надо ковать желѣзо, пока горячо.

Побывавъ наскоро у отца, онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Берлинъ, куда за нимъ потянулись и братіановцы. Какъ поручикъ прусскаго гвардейскаго драгунскаго полка, принцъ Карлъ могъ во всякое время имѣть доступъ къ королю.

Вильгельмъ, допросивъ обо всемъ основательно и найдя дѣло неподходящимъ, предоставилъ принцу самому рѣшить вопросъ и поступить какъ ему покажется лучше, при этомъ добавилъ:

— Не подумайте, что я хоть одну минуту нахожу нужнымъ васъ отговаривать, или, Боже избави, вамъ приказывать; но разсудите:—пока вы не имѣете прямого согласія отца вашего, рѣшитесь ли вы пойти на это? не могу я отнестись къ вамъ иначе, какъ съ полнымъ доброжелательствомъ, а потому говорю, что самъ лично придержался бы этого, и иного совѣта вамъ отъ меня, какъ вы сами понимаете, услышать не придется;—повторяю, однако, что вполнѣ предоставляю это вашей волѣ; въ концѣ концовъ вѣдь вамъ уже минуло двадцать семь лѣтъ.

Если такой твердый, выдержанный и умѣвшій владѣть собой человѣкъ, какимъ былъ принцъ Карлъ, могъ когда-нибудь придти въ смущеніе, то это могло случиться именно послѣ разговора съ королемъ, слова котораго во всякомъ случаѣ за выраженіе согласія онъ принять не могъ, а сдѣлать что-либо противъ воли короля ни дисциплина, ни всѣ отношенія къ Вильгельму ему не дозволяли по совѣсти.

Встрѣтившимъ его почти у порога королевскаго дворца „посламъ" онъ не отвѣтилъ однако отказомъ.

— Подождите, еще не всѣ мои переговоры окончены, не торо-

пите меня, я долженъ до конца спокойно обдумать и тогда, рѣшивши этотъ сложный вопросъ, пришлю за вами, сказалъ онъ почти досаждавшимъ ему молдовалахскимъ патріотамъ.

Не успѣлъ принцъ пройти улицу Берлина—Унтеръ-денъ-Линденъ, какъ ему навстрѣчу попался полковникъ графъ А. В. Голенищевъ-Кутузовъ, состоявшій, какъ извѣстно, отъ нашего Государя при особѣ короля Вильгельма. Принцъ и графъ были большіе пріятели и потому, зайдя въ ближайшій модный ресторанъ на той же улицѣ, дружески разговорились.

Графъ сразу замѣтилъ, что всегда спокойный принцъ находился въ легкомъ волненіи.

— Отказа со стороны короля я не усматриваю,—сказалъ онъ, выслушавъ подробный разсказъ принца обо всемъ происшедшемъ; когда же принцъ на разные лады приводилъ свои длинныя волновавшія его возраженія, графъ, въ свою очередь, со свойственной ему выдержкой, посовѣтовалъ ему попробовать пройти на нейтральную почву—поговорить съ гр. Бисмаркомъ.

— Мысль эта мнѣ приходила въ голову, я ее пожалуй приведу въ исполненіе, но мнѣ надо увѣрить себя въ томъ, что своимъ спѣшнымъ представленіемъ къ королю я не задѣлъ канцлера и что онъ, послѣ этого, отнесется ко мнѣ безъ той мелкой обидчивости, которая, какъ вы знаете, очень нерѣдко задѣваетъ и охватываетъ даже людей умныхъ, высокостоящихъ и сильныхъ духомъ...

— О! перебилъ его графъ Голенищевъ-Кутузовъ, это не такой человѣкъ; онъ прежде всего, конечно, подумаетъ о промахѣ, учиненномъ вами, но тутъ же сообразитъ и рѣшитъ, что этотъ промахъ ничто въ сравненіи съ важностью жизненнаго вопроса, который вы приносите на вѣсы его испытанной мудрости. Идите сейчасъ, промахъ вашъ останется при васъ, а ваше затрудненіе въ одинъ мигъ разрѣшится такъ же, какъ будетъ рѣшена ваша и маленькихъ безвѣстныхъ княжествъ судьба...

Черезъ двадцать минутъ, принцъ уже находился въ кабинетѣ желѣзнаго канцлера, который на просторномъ вывезенномъ имъ изъ Петербурга кавказскаго типа диванѣ лежалъ съ сигарой во рту въ полудремотѣ.

— Что вы мнѣ разсказываете,—вдругъ произнесъ онъ, перебивши на полусловѣ разсказъ принца и повернувшись на диванѣ больше въ его сторону; чортъ возьми, не тревожьте вы попусту и напрасно его величество; уѣзжайте скорѣй къ мѣсту, спѣшите занять его, вѣдь далеко не каждый день предлагаются и раздаются короны драгунскимъ поручикамъ. Хотя бы и въ такихъ мелкихъ балаганныхъ государствахъ, каково измышленное и намѣченное вами

княжество; поѣзжайте прямо туда, не теряйте ни минуты, думайте о томъ, какъ бы тамъ устроиться умнѣе.

Принцъ понялъ, что этимъ сказано все; этотъ желѣзный человѣкъ сразу осѣдлалъ весь вопросъ, все въ немъ взвѣсилъ, разобравъ по косточкамъ и политическую и всякую другую сторону его, а затѣмъ представитъ дѣло королю въ готовомъ видѣ; тогда у старика Вильгельма отпадетъ и исчезнетъ мысль о томъ, будто бы слѣдуетъ ожидать согласія принца-отца, который, въ сущности, запрета не налагалъ и о немъ рѣчи не велъ.

Разумѣется, принцъ первымъ дѣломъ поспѣшилъ высказать благодарность графу Голенищеву-Кутузову; онъ былъ счастливъ за себя, доволенъ за румынъ, уполномочившихъ себя и, вполнѣ увѣренный въ себѣ, радовался за Молдовалахію.

Не долги были сборы и прощанья; принцъ, помня слова канцлера, не терялъ времени. Для переговоровъ пришлось ѣхать въ Бѣлгородъ, какъ въ ближайшій нетурецкій большой городъ въ предѣлахъ владѣній турецкаго султана.

Много тамъ представилось со всѣхъ сторонъ затрудненій самыхъ разнобразныхъ; устраненіе ихъ казалось съ перваго взгляда невозможнымъ и немыслимымъ.

Султанъ Абдулъ-Азисъ сталъ на дыбы, такъ какъ на каждомъ шагу, въ каждомъ сообщеніи чувствовалъ нарушеніе и попираніе его правъ, усматривая то и другое даже тамъ, гдѣ ничего подобнаго усмотрѣть не представлялось возможнымъ; съ одной стороны, онъ нервничалъ, а съ другой поддавался вліянію своихъ государственныхъ мужей, которые, отчасти не понимая ничего въ заварившейся кашѣ, а болѣе по восточной привычкѣ умышленно во всемъ придерживаться преувеличенія пугали, своего повелителя.—Послы англійскій и французскій, какъ стало сразу извѣстно, настоятельно требовали, чтобы оставалось неприкосновеннымъ главенство Порты въ лицѣ султана; посолъ Франціи, относясь совершенно равнодушно къ судьбѣ молодого принца и безразлично ко всему касавшемуся княжествъ, ссылался на приказанія, пришедшія отъ Наполеона.—Все это было причиной того, что братіановцы терялись, кипятились, волновались, отчаивались, безтактничали; да можетъ быть и было отчего закружиться юнымъ головамъ; каждую минуту, при каждомъ новомъ затрудненіи они должны были чувствовать, какъ почва подъ ними ускользала; не было сообщенія и даже слова, которое, будучи высказано противной стороной, не заставляло ихъ смущаться и рѣшительно стушовываться.

Одинъ лишь принцъ держалъ себя твердо и повторялъ все время одно,—что онъ не допуститъ главенства надъ собой падишаха и

во всякомъ случаѣ настоитъ на исполненіи своего предъявленія. Это, вмѣсто ободренія, приносило окружавшимъ его членамъ посольства лишь новое смущеніе, вселяя въ нихъ новые страхи. Если они имѣли тогда долю сознательнаго представленія обо всемъ свершавшемся,—имъ должно было твердо запасть въ память и остаться при нихъ на всю жизнь почтительнѣйшее убѣжденіе въ огромномъ запасѣ силъ, коими богатъ былъ ихъ новый князь, твердо и неустанно державшій развернутое имъ знамя; бросалось въ глаза, что онъ ни разу не произнесъ, обычной въ подобныхъ случаяхъ у другихъ, угрозы—уѣхать, если его желаніе не будетъ исполнено; нѣтъ, онъ твердилъ только, что сдѣлаетъ такъ, какъ у него намѣчено; во всякомъ увѣреніи, намекавшемъ на возможность выѣзда въ случаѣ неудачи, онъ видѣлъ слабость, т. е. нѣчто достойное только презрѣнія; до этой слабости онъ ни разу и не спустился ни наружно при всѣхъ, ни въ душѣ, наединѣ съ самимъ собой.

— Если таковы вообще Гогенцоллерны, то честь имъ и слава,—говаривалъ не разъ М. И. Драгомировъ, обсуждая въ тотъ разъ на разные лады доблести и вообще качества своего гостя.

Правда, принцъ могъ держаться твердо, чувствуя передъ собой скалу въ видѣ Бисмарка; но извольте-ка умудриться эту скалу чувствовать такъ чувствительно, чтобъ ни разу, ни на секунду не придти въ малѣйшее смущеніе при тѣхъ обстоятельствахъ, когда со всѣхъ сторонъ и англичанинъ, и турокъ, и французъ рвутъ, приноравливаясь не только смутить, но и уничтожить,—а румынцы прямо безъ удержу тянутъ въ топь. Все время принца не покидала забота о томъ, чтобы члены опереточнаго букарестско-ясскаго посольства, которому онъ довѣрилъ свою персону, выказывали поменьше растерянности; онъ направлялъ ихъ къ тому, чтобы они какимъ-нибудь фальшивымъ шагомъ не ввернули въ дѣло лишнихъ осложненій и не испортили бы его въ основѣ. При всемъ томъ онъ относился къ нимъ сдержанно и какъ къ дѣтямъ снисходительно, показывая къ нимъ уваженіе, какъ къ представителямъ страны, слугой и первымъ подданнымъ которой онъ готовился сдѣлать себя. Когда вокругъ возбуждался смѣхъ по адресу румынъ, и кто-то позволилъ себѣ назвать ихъ цыганятами, принцъ взглянулъ на это очень сурово, какъ бы обидѣвшись и не стѣсняясь осудилъ эту продѣлку одного изъ дѣйствовавшихъ тамъ дипломатовъ.. Не мало времени прошло до тѣхъ поръ, пока прусскій посолъ, внимательно выслушавъ „цыганятъ", подробно узнавъ отъ нихъ всѣ обстоятельства ихъ аудіенціи у Наполеона въ Парижѣ, а затѣмъ много, обстоятельно переговоривъ съ принцемъ, пришелъ къ убѣ-

жденію въ необходимости намѣтить и въ возможности провести иной планъ; то былъ планъ, согласный въ мельчайшихъ подробностяхъ съ намѣреніями принца-претендента, твердо предъявлявшаго свои домогательства и не имѣвшаго никакого расположенія даже подумать объ отказѣ отъ изобрѣтенной румынами и имъ самимъ кандидатуры.

Онъ понималъ и твердо зналъ, что, разъ Бисмаркъ стоитъ у этого дѣла за ихъ спиной, всякія осложненія явятся пустякомъ, но, конечно, вѣрнѣе и лучше, если ихъ будетъ являться какъ можно меньше или если они вовсе не будутъ нарождаться, особенно по такимъ пустяшнымъ основаніямъ, какія поминутно вызывались членами посольства.

Гр. Бисмаркъ, получивъ донесенія о ходѣ этого, казавшагося ему шуточнымъ, эпизода, немедленно же поручилъ, находившемуся тогда въ Біаррицѣ, германскому послу въ Парижѣ графу Гольцу, обстоятельно переговорить тамъ съ Наполеономъ, наведя на это разговоръ во время одной изъ прогулокъ, которыя Императоръ имѣлъ обыкновеніе предпринимать съ нимъ послѣ своего купанья.

Наполеонъ обо всемъ вспомнилъ, выяснилъ, что вслѣдствіе простой забывчивости, давая направленіе дѣлъ своему послу въ Константинополѣ Де-Мутье, упустилъ ввести ему въ инструкцію полныя подробности нужды игрушечнаго государства, только-что прекрасно разыгравшаго свой переворотъ и готовившагося начать новую жизнь подъ ферулой пріобрѣтавшагося страной на свободный престолъ новаго князя изъ числа рекомендованныхъ имъ же, императоромъ, изъ принцевъ нѣмецкой крови.

Все уладилось; въ маѣ 1866 года князь Карлъ торжественно въѣхалъ въ Бухарестъ и началъ свое мудрое управленіе краемъ.

Нужно знать характеръ народа румынскаго, чтобы понять, сколько трудностей отъ однѣхъ партійныхъ неурядицъ князь встрѣтилъ на первыхъ порахъ, и сколько ихъ ему представлялось необходимымъ выносить въ теченіе почти полувѣкового царствованія; помимо дрязгъ партійныхъ, сколько вообще неустройства по всѣмъ отраслямъ довелось ему принять, какъ терпѣливо, съ какою твердостью онъ все вынесъ, по части устроенія земельнаго, военнаго, гражданскаго, финансоваго, народно-просвѣтительнаго, затѣмъ по части церковной, по части улучшенія путей сообщенія, поднятія торговли и промышленности и, наконецъ, по части сношеній съ иностранными государствами, народами и дворами; достойно поученія все то, что ему посчастливилось сдѣлать; румыны его боготворятъ, они съ гордостью оглядываются на прошлое, и, можно сказать, черную неблагодарность проявилъ бы этотъ народъ, если бы послѣ всего

достигнутаго въ дѣлѣ колоссальныхъ успѣховъ маленькаго государства подъ покровомъ мощнаго главы, нашелъ возможнымъ печаловаться на этого главу, дѣятельно содѣйствовавшаго всестороннему движенію страны впередъ. Рѣдко какое государство можетъ похвалиться такой массой насажденія подобныхъ улучшеній за полувѣковое свое историческое существованіе.

Ко всему, что вынесъ Карлъ, нужно добавить еще одну мелочь: денежныя дѣла страны были на столько разстроены, что нѣсколько лѣтъ онъ вовсе не получалъ содержанія; онъ долженъ былъ расходовать собственныя деньги и на себя лично, и на княжескій дворъ. Къ счастью, онъ имѣлъ огромное состояніе; это ему помогло и впослѣдствіи нѣсколько разъ прямо заполнять недочеты денегъ на серьезные государственные расходы. Румыны, при всей легкости своего характера, оцѣнили это, понявъ, что неурядица ихъ государственной жизни могла его лишить состоянія: вклады, дѣлавшіеся имъ отъ времени до времени, могли кануть, и то обстоятельство, что Карлъ самыя большія суммы, не задумываясь, давалъ въ помощь странѣ, нація относила къ особому, свойственному ему, какъ главѣ государства, благородству. М. И. говорилъ:—Онъ жертвовалъ, считая, что и въ случаѣ потери всего, долгъ приказывалъ ему жертвовать; съ другой стороны, конечно, никакія случайности не могли его пугать, — это не такой человѣкъ, котораго можно было бы, прикрываясь какими бы то ни было обстоятельствами, усадить подъ револьверомъ въ карету, увезти за румынскую границу и тамъ бросить, снабдивъ грозными нотаціями на прощанье.

Двумя богатствами своими Карлъ былъ всецѣло обязанъ своей матери, женщинѣ умной, образованной и обладавшей необычайно твердымъ характеромъ; весь нравственный, духовный образъ свой онъ получилъ отъ ея тщательнаго ухода за нимъ, — она всецѣло занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей, ни на шагъ не упуская ихъ изъ виду до школьнаго возраста. Кромѣ того, она сумѣла сохранить и увеличить свои состоянія: одно, которымъ обладала сама, какъ принцесса Баденская [1]), и другое, которое перешло къ ней отъ ея мужа, князя Антона—при его жизни;—все это состояніе она, умирая, раздѣлила между дѣтьми поровну. Къ этому громадному богатству перешло еще въ удѣлъ Карла также большое состояніе отца, умершаго въ 1885 году и имѣвшаго счастье знать заслуги его сына на престолѣ Румыніи и дожить до провозглашенія

---

[1]) Дочь баденскаго принца, родного брата супруги Императора Александра I—Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

имъ себя королемъ. Матери не суждено было все это видѣть, знать и чувствовать.

Большая часть здѣсь разсказаннаго представляетъ сообщеніе, въ которомъ главная нить взята мною изъ сохранившихся въ моихъ записяхъ разсказовъ М. И. Драгомирова; мелочи, разныя справки и придаточныя свѣдѣнія добавлены мною изъ другихъ источниковъ, составлявшихъ предметъ тѣхъ же давно веденныхъ записей.

* * *

Когда начинались у Румыніи какія бы то ни было затрудненія въ сношеніяхъ съ другими державами, король всегда бралъ дѣло въ свои руки и лично доводилъ его до конца, давая руководящія указанія министру иностранныхъ дѣлъ; это всегда было извѣстно всей странѣ и сосѣдямъ.

Что касается отношеній короля Карла къ Россіи, то они всегда въ соотвѣтствіи съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ были самыя правильныя. Нѣкоторыми выставляются въ немъ кое-какіе, говорилъ М. И., неправящіеся людямъ строгимъ его поступки, клонившіеся къ нарушенію добрыхъ съ нами отношеній; разсматривая съ этой стороны его поведеніе, можно сказать: въ этомъ проглядываетъ то, что къ королю предъявлялись несуразныя требованія; не могъ же онъ, состоя, какъ самъ онъ выражался, первымъ слугой своего государства, служить интересамъ Россія въ томъ, въ чемъ людямъ, имѣвшимъ о немъ такія судачества, хотѣлось видѣть его слугой Россіи. Часто поступки подданныхъ, между коими дѣйствуютъ и министры, и депутаты, и націон. собраніе и сенатъ, приписываются главѣ государства.

Когда Румынія обязалась въ 1877 году начать дѣйствовать совмѣстно съ Россіей въ случаѣ, если понадобится, а затѣмъ „въ минуту жизни трудную“ задумала отдѣлаться отъ этого своего обязательства, какъ бы доказывая тѣмъ, что дала его, пребывая въ полной увѣренности относительно того, что не понадобится,—князь Карлъ единично сталъ съ твердостью на томъ, что это должно быть исполнено, и исполнилъ, предварительно давъ понять всѣмъ и въ государствѣ своемъ и внѣ его, что онъ сломитъ это желаніе увильнуть отъ долга. Такихъ примѣровъ имѣется нѣсколько; Карлъ вездѣ былъ въ высшей степени корректенъ, но привести всѣ случаи нельзя безъ того, чтобы не зайти слишкомъ далеко,—а большія подробности не умѣстятся въ эту замѣтку; если Россіи грубили въ малодушіи своемъ тѣ же братіаны и иные „цыганята“, нельзя это ставить въ вину королю Карлу, который всякій разъ при подобныхъ съ ихъ стороны продѣлкахъ проявлялъ такую же

мощную выдержку, какою искусно осаждалъ ихъ во время пресловутыхъ Бѣлградскихъ переговоровъ при протаптываніи себѣ широкаго пути къ престолу.

Во время нашей войны 1877 года я мало зналъ князя Карла,— говорилъ М. И., но все то, что мнѣ случалось слышать отъ людей компетентныхъ о командованіи имъ арміей подъ Плевной, вполнѣ подтверждаетъ свѣдѣнія объ его военныхъ способностяхъ вообще и свидѣтельствуетъ объ его талантахъ административныхъ, организаторскихъ, стратегическихъ и боевыхъ, объ его рѣдкомъ умѣньи съ полнѣйшею находчивостью распоряжаться массами войскъ; во всемъ, что онъ высказывалъ тогда этимъ лицамъ [1]), частно бесѣдуя съ ними или совѣщаясь съ ними оффиціально, и что приходилось мнѣ впослѣдствіи слышать въ его отзывахъ и бесѣдахъ со мной, показывало въ немъ человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, начитаннаго, находчиваго, а при этомъ идеально безпристрастнаго, справедливо-требовательнаго, опредѣленнаго и главное—въ высокой мѣрѣ твердаго.

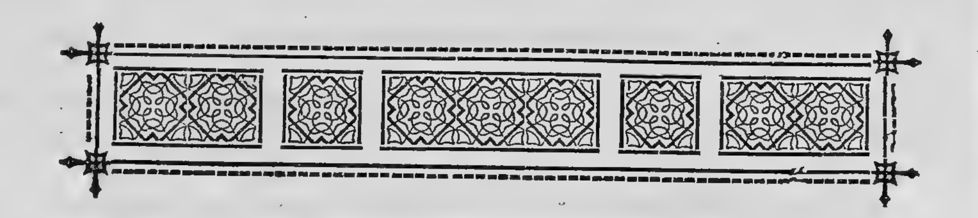
Не надо забывать, что М. И. Драгомировъ вообще рѣдко расточалъ похвалы и далеко не былъ на нихъ тароватъ.

— Вотъ какого достойнаго гостя мы чествуемъ здѣсь теперь,—сказалъ, показывая въ сторону короля Карла, любовавшагося видами береговъ Днѣпра, Мих. Ив., заканчивая разсказъ о немъ на пароходѣ во время катанья, которое было устроено въ честь короля-гостя военными, съ участіемъ кіевскаго общества вообще.

А. Е. К.

[1]) Между ними были такіе генералы, какъ Тотлебенъ, Зотовъ, Новицкій, Непокойчицкій, Гурко, Моллеръ, Экстенъ, кн. Масальскій, Столыпинъ, кн. Имеретинскій, Скобелевъ 2.

Изъ астраханской жизни Суворова [1].

О жизни и боевыхъ трудахъ знаменитаго полководца писалось у насъ довольно много. Тѣмъ не менѣе въ архивной пыли все еще остаются мелкія крупицы, которыя могли бы подъ-часъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ къ уясненію его характера или для оцѣнки его трудовъ, его дѣятельности общественнаго или политическаго положенія. Въ жизни великаго человѣка, думается намъ, всякій ничтожный фактъ, каждое незначительное обстоятельство, малѣйшій исписанный листочекъ— должны имѣть большое значеніе.

Особенно мало извѣстно о пребываніи Суворова въ Астрахани, куда онъ былъ командированъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія для подготовленія такъ называемой персидской экспедиціи. Существующія печатныя произведенія даютъ о томъ разнорѣчивыя, а иногда совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, по даннымъ книги А. Бушкова („*Матеріалы для новой исторіи Кавказа*,“ Спб. 1869 г., т. II, стр. 70), А. В. былъ назначенъ въ Астрахань въ 1778 году съ цѣлью собрать необходимыя для военныхъ дѣйствій свѣдѣнія о Персіи, Арменіи, Грузіи и другихъ кавказскихъ земляхъ, и ему, будто бы, было ввѣрено командованіе войсками, готовившимися къ походу въ Персію.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго не могло произойсти въ указанное время, такъ какъ Суворовъ, вмѣстѣ съ генералъ-пору-

---

[1]) Ниже приводимыя свѣдѣнія попались мнѣ случайно при разборѣ дѣлъ Астрахан. губернскаго архива для извлеченія оттуда матеріаловъ къ исторіи Терск. каз. войска и заселенію сѣвернаго Кавказа (по порученію начальника штаба Терс. войска ген.-м. Ѳ. Г. Чернозубова).

чикомъ Текели, состоялъ тогда подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Весь 1778 и часть 1779 годовъ нашъ полководецъ провелъ на Кубани и въ Крыму, командуя Кубанскимъ и Крымскимъ корпусами [1]).

Еще 22 февраля этого года онъ писалъ генералъ-поручику Якоби, прося о присылкѣ на Кубань двухъ пѣхотныхъ полковъ и одного егерскаго батальона. Къ сожалѣнію, письмо это почему-то не было доставлено по назначенію, и только, по вторичному требованію его 10 марта, астраханскій губернаторъ, хотя „приказалъ изготовиться къ походу Нижегородскому и Алексѣевскому пѣхотнымъ полкамъ, но какъ тѣ полки (отвѣчалъ онъ Суворову) въ начальство мое поручены, по секретному госуд. военной коллегіи указу, для закрытія донскихъ селеній отъ впаденія ногайскихъ ордъ, коимъ они ограждаются, то и не посмѣлъ я безъ воли главной команды отрядить ихъ въ дистанцію вашу, а представилъ чрезъ нарочнаго къ вице-президенту гос. воен. коллегіи, его свѣтлости Григ. Алексан. Потемкину, отъ котораго ожидаю полнаго повелѣнія [2])“.

Но распоряженіе послѣдняго о немедленной посылкѣ въ Кубанскій корпусъ трехъ пѣхотныхъ полковъ состоялось только черезъ полтора мѣсяца, когда Александра Васильевича уже не было на Кубани. Вслѣдствіе этого, получивъ 20 мая повелѣніе военной коллегіи объ отрядѣ туда Нижегородскаго, Алексѣевскаго и Низовскаго полковъ и приказавъ имъ въ теченіе 24 часовъ собраться къ походу, подъ начальствомъ полковника Нижегородскаго полка Гинцеля, держа маршъ на Темишбергу [3]), Якоби, предварительно посылки войскъ, отправилъ къ „командующему на Кубани *за отсутствіемъ* Суворова“ командиру нѣсколько рядовыхъ, дабы послѣдній „приказалъ слѣдовать полкамъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ больше настоитъ въ нихъ опасность“, сообщивъ о томъ 5 іюня и Ал. В—чу [4]).

Повидимому, нашъ полководецъ обрѣтался въ это время въ Крыму, гдѣ, между прочимъ, подъ его начальствомъ находилась команда астраханскихъ калмыковъ, владѣльца Эдерея, назначенная туда еще весной 1778 года. Судя по рапорту Якоби князю Г. А. Потем-

---

[1]) Это подтверждается сообщеніями астрахан. губернатора И. В. Якоби, отъ 30 марта, 20 мая и 5 іюня 1778 г. и указомъ военной коллегіи на имя астрахан. губернатора 17 апрѣля 1779 г., также и автобіографіей Суворова (прилож. ко 2-й книж. „Русскаго Архива“ за 1900 г., стр. 21).

[2]) Журналъ исходящимъ дѣламъ Якоби отъ 30 марта 1778 г., № 450 вяз. 766.

[3]) Тамъ же, 20 мая, № 903.

[4]) Тамъ же, 5 іюня, № 1010.

кину [1]), и на Крымскомъ полуостровѣ ощущался недостатокъ въ русскихъ войскахъ, а окончанія военныхъ дѣйствій не ожидалось въ скорости. По крайней мѣрѣ, отпуская калмыковъ на зимнее время въ ихъ улусы, Суворовъ „прописывалъ" астраханскому оберъ-коменданту ген.-м. Левину сообщеніе генералъ-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, „чтобъ тѣхъ калмыкъ содержать въ готовности къ нынѣ наступившей веснѣ на случай востребованія ихъ туда".

Едва-ли однако въ то время состоялось это „востребованіе", такъ какъ въ 1779 году Суворовъ съ войсками выступилъ изъ Крыма [2]), получивъ вскорѣ назначеніе командовать Казанской дивизіей. Въ сентябрѣ [3]) ему дали секретное порученіе „взять у Персіи на южномъ берегу Каспійскаго моря мѣсто для предполагаемыхъ товарныхъ складовъ, чтобы направить торговлю съ Индіей черезъ Персію и Каспійское море, такъ какъ, благодаря войнѣ Англіи съ Франціей, морскіе пути были закрыты" [4]). Мѣстопребываніе было назначено ему въ Астрахани, куда однако полководецъ не торопился выѣзжать, вслѣдствіе осложнившихся семейныхъ отношеній [5]). И только въ концѣ февраля слѣдующаго 1780 г. онъ прибылъ съ женой въ Астрахань [6]).

Что дѣлалъ первое время своего тамъ пребыванія А. В., и какая команда состояла подъ его начальствомъ,—архивныя данныя точно не указываютъ. По словамъ же А. Бушкова [7]), предназначенная для похода въ Персію каспійская эскадра явилась на астраханскій рейдъ лишь въ началѣ 1781 года. Такимъ образомъ бо-

---

[1]) Отъ 8 апрѣля 1779 г. Тамъ же № 203.

[2]) „Автобіографія" его, стр. 21.

[3]) Время назначенія этого подтверждается отчасти требованіемъ самого Суворова (записаннымъ во входящ. журналъ астрах. губернатора 17 марта 1781 г. подъ № 365) „объ отпускѣ ему опредѣленныхъ высшею командою 779 г. съ сентября 1-го сего 781 г. генваря по 1 число, всего за одинъ годъ и четыре мѣсяца, столовыхъ денегъ—четырехъ тысячъ восьмисотъ рублей изъ имѣющихся при губернской канцеляріи наличныхъ суммъ на счетъ экстраординарныхъ", а ранѣе, 26 мая 1780 г. Суворовъ требовалъ отъ той же канцеляріи жалованье на состоящихъ при немъ офицеровъ и чиновниковъ также съ 1 сентября 1779 года.

[4]) „Автобіографія", стр. 21, прим. 4.

[5]) „Русская Старина" 1899 г., XI, 300.

[6]) „Историч. Вѣстникъ" 1900 г. V, 521, вып. 2.

[7]) „Матеріалы для новой исторіи Кавказа". Спб. 1869 г., т. II, стр. 71.— Въ журналахъ и резолюціяхъ астрахан. губернатора и губернской канцеляріи Суворовъ именуется просто генералъ-поручикомъ, безъ прибавленія титула начальника какой-либо отдѣльной части.

лѣе года Суворовъ какъ бы бездѣйствовалъ. Тѣмъ не менѣе при немъ находилась особая канцелярія, гдѣ былъ канцеляристъ Ананій Унтилій [1]) съ писаремъ Алексѣемъ Щербаковымъ. Завѣдывалъ ею сначала старшій адъютантъ Алешевъ (до 1 сентября 1780 года), а потомъ секундъ-маіоръ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка Иванъ Сырневъ (съ 1 сентября 1780 г.). Личнымъ адъютантомъ А. В—ча, повидимому, былъ прапорщикъ Ахтырскаго гусарскаго полка Герасимъ Калмыковъ; казначейскія же обязанности исполнялъ поручикъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка Дмитрій Горихвостовъ и для посылокъ имѣлся сержантъ Черкизовъ [2]). Всѣ они получали жалованье и довольствіе на счетъ Казанской оберъ-криксъ-комиссаріатской комиссіи. Кромѣ того, въ составъ суворовскаго „стаба" входили отъ пѣхотныхъ полковъ: Ряжскаго—подлѣкарь Павелъ Полторацкій (переведенный въ сентябрѣ 1780 г. въ Горскій егерскій батальонъ лѣкаремъ), Тамбовскаго—сержантъ Александръ Вишнековскій и 1-го Московскаго—мушкатеръ Василій Блестовъ (зачисленный потомъ въ Казанскій полкъ); всѣ трое съ 1 сентября 1779 г.; сержантъ Ростовскаго—Терентій Юрловъ (изъ Полтавы) и Днѣпровскаго—прапорщикъ Карякинъ и мушкатеръ Борисъ Васильевъ начали свою службу при Суворовѣ съ 1-го января 1780 года [3]).

Постепенно къ началу 1781 г. штабъ Суворова пополнялся офицерами и солдатами преимущественно изъ полковъ Казанской дивизіи [4]). Попадали впрочемъ въ число штабныхъ чиновъ также кавалеристы и даже малороссійскіе казаки. Такъ, напримѣръ, 11 мая былъ принятъ изъ отставки капитанъ Володимірскаго драгунскаго полка Акимъ Хастатовъ; съ 1 сентября числится штабнымъ офицеромъ—секундъ-маіоръ Екатеринославскаго пикинернаго полка

---

1) Уволенный въ отставку 12 января 1781 г. съ награжденіемъ прапорщикомъ. Резолюціи астрах. губернатора за тотъ же годъ (12 января и 7 іюня, вяз. 719).

2) Журналы 26 мая 1780 г. и 8 января 1781 г.—Во входящ. журналѣ 1781 г. подъ № 1 записано сообщеніе ген.-поруч. Суворова (2 янв.) объ отпускѣ на 1780 и 1781 года опредѣленныхъ на содержаніе его канцеляріи денегъ по ста пятидесяти рублевъ и къ онымъ положенныхъ раціоновъ по 12 руб., всего 324 руб. изъ имѣющихся въ губерніи канцелярскихъ наличныхъ суммъ на „щетъ" комиссаріатскій,—подъ расписку сек.-м. Сырнева.

3) Журналы 26 мая и 30 іюня 1780 г.

4) Тутъ были отъ пѣхот. полковъ, Казанскаго прапорщикъ Петръ Борщовъ, Селенгинскаго каптенармусъ Степанъ Чечеткинъ и мушкатеръ Ѳедоръ Ковеневъ, Тамбовскаго сержантъ Петръ Абрамовъ, Куринскаго гренадеры: Василій Тарасовъ и Лаврентій Петровъ и мушкатеръ—Аѳанасій Ростовцевъ.

Яковъ Коробьинъ. Наконецъ въ октябрѣ 1780 года прибылъ въ Астрахань изъ с. Балакова, что при р. Иргизѣ, старшина и куренной атаманъ Зарецкій съ фурьеромъ и 12-ю казаками Черниговскаго и Стародубскаго полковъ, числящихся въ Казанской дивизіи [1]).

Суворову, привыкшему всегда дѣйствовать быстро и самостоятельно, жутко пришлось жить въ Астрахани, гдѣ на первыхъ же порахъ своего пребыванія онъ долженъ былъ столкнуться съ заскорузлой рутиной мѣстнаго чиновничества и казуистикой тяжелаго на подъемъ губернатора Ив. Вар. Якоби. Несмотря на то, что они оба были въ равныхъ чинахъ — генералъ-поручиковъ, между ними постоянно возникали несогласія, особенно относительно денежныхъ ассигнованій. Какъ командированный туда по Высочайшему повелѣнію, Суворовъ, конечно, считалъ себя старше губернатора, ожидая отъ него себѣ почтенія и покорности. Но вмѣсто того, принужденъ былъ переносить отъ послѣдняго разныя стѣсненія въ своихъ распоряженіяхъ, такъ какъ Якоби не удовлетворялъ ни одного его требованія безъ подьяческой волокиты, внося ихъ на обсужденіе членовъ губернской канцеляріи, чѣмъ иногда подолгу задерживалъ выдачу нужныхъ суммъ, еще больше раздражая пылкаго и привыкшаго къ боевой жизни полководца, тяготившагося въ душныхъ стѣнахъ городского бездѣлья ненавистной ему канцелярской работой.

При личныхъ свиданіяхъ и частной перепискѣ, Якоби какъ-будто относится къ А. В—чу со вниманіемъ и выказывалъ ему нѣкоторые знаки своего уваженія. Но на дѣловой, оффиціальной почвѣ постоянно спорилъ съ нимъ и, по своему нерѣшительному, недовѣрчивому характеру, изъ-за каждой мелочи обращался за разрѣшеніемъ возбужденныхъ требованій къ высшей командѣ [2]).

Вскорѣ, по пріѣздѣ въ татарскую столицу, Суворовъ обратился въ губернскую канцелярію съ просьбой отпустить ему нѣкоторую сумму денегъ на „чрезвычайные" расходы. Канцелярія переслала требованіе А. В—ча къ Якоби, который въ это время жилъ въ Саратовѣ [3]). Послѣдній, однако, не сразу исполнилъ его желаніе, хотя, конечно, зналъ, для чего присланъ Суворовъ. Когда же полководецъ вторично подалъ требованіе объ отпускѣ еще 3 тыс. руб., то Якоби предписалъ канцеляріи „сказать ему, Суворову, подъ рукою отъ себя, что какъ первый, такъ и сей послѣдній отпуски чи-

---

[1]) Журналы 1781 г. 5, 8, 11 и 12 января и 4 февраля.

[2]) Какъ это было и задолго еще до назначенія Суворова въ Астрахань. См. выше журналы 30 марта 1778 г. № 450 и 8 апрѣля 1779 г. № 203.

[3]) „Историч. Вѣст." 1900 г., V, 523.

нятся по однимъ его (Суворова) требованіямъ и по одной его, губернатора, рѣшимости, безъ всякаго отъ главной команды повелѣнія, а потому только, что его свѣтлость астраханскій государевъ намѣстникъ князь Гр. А. Потемкинъ изволилъ ему (т. е. губернатору) приказать—чинить по требованіямъ его (Суворова) всякое пособіе, то онъ, губернаторъ, предписываетъ канцеляріи предложить ген.-поручику, дабы онъ въ предбудущіе случаи на таковые отпуски испросилъ разрѣшенія кн. Потемкина или бы потребовалъ особой экстраординарной суммы, а безъ того канцелярія не осмѣливается уже болѣе отпускать ему денегъ" [1]).

Обращался ли послѣ того Суворовъ къ Якоби съ требованіемъ особыхъ ассигнованій, неизвѣстно. И мы незнаемъ, какія были послѣдствія изъ возникшихъ между ними споровъ. Въ это время на Петербургскомъ горизонтѣ появилась новая звѣзда—графъ Войновичъ; чтобы дать возможность отличиться ему, Суворова отстранили отъ завѣдыванія персидской экспедиціей, ввѣривъ ее графу. Слѣдомъ за прибывшей изъ Казани Каспійской эскадрой пріѣхалъ въ Астрахань и Войновичъ, съ ордеромъ князя Потемкина отъ 10 мая 1781 г. 29 іюня онъ снялся съ якоря, а 6 іюля вышелъ въ открытое море, направивъ путь къ берегамъ Персіи, чтобы наказать ослушниковъ Россіи Бакинскаго и Гилянскаго хановъ, но, увы, потерпѣлъ тамъ полное пораженіе. Вся эскадра, во главѣ съ ея начальникомъ, была захвачена въ плѣнъ Астрабадскимъ ханомъ. И только послѣ долгихъ мытарствъ и униженій Войновича освободили изъ плѣна [2]).

Въ это время Суворову было поручено командованіе Кубанскимъ корпусомъ. Онъ остался въ Астрахани подготовлять полки къ предстоящему походу. Что дѣлалъ тогда тамъ А. В., къ сожалѣнію, не извѣстно. За послѣдній періодъ въ Астраханскомъ архивѣ сохранилось лишь три съ его подписомъ документа. Первый относится къ 7 іюня 1781 г., при которомъ полководецъ представлялъ въ тамошнюю губернскую канцелярію удержанныя съ бывшаго чиновника его канцеляріи Унтилія деньги за пожалованный послѣднему прапорщическій чинъ, а другой былъ отъ 3 сентября, по поводу перевода драгуна „у калмыцкихъ дѣлъ роты" Сѣнцова въ Селенгинскій полкъ для совмѣстнаго служенія съ двоюроднымъ братомъ Чечоткинымъ.

---

[1]) Предписаніе по этому поводу Якоби занесено во входящій журналъ 29 мая 1780 г. № 356 и, кромѣ того, канцеляріей составленъ 1-го іюня протоколъ за подписомъ оберъ-коменданта Михаила Левина и губернаторскаго товарища Михаила Баракова.

[2]) „Астрах. Вѣстникъ" 1910 г. № 6234.

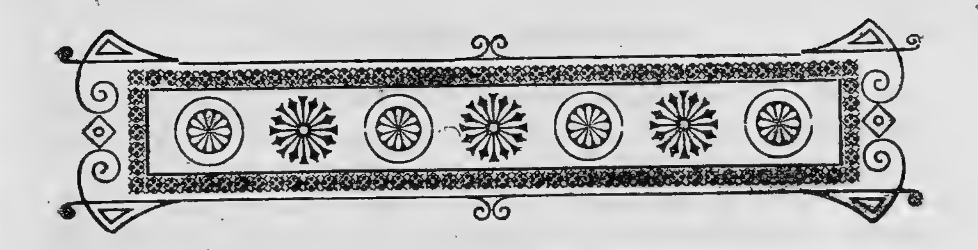
Послѣдній документъ Суворова (19 ноября 1782 г. за № 465) записанъ во входящій журналъ Астраханской канцеляріи 3 января слѣдующаго 1783 года. Въ немъ полководецъ проситъ объ отдачѣ назначенныхъ военной коллегіей отъ тамошней губерніи 49-ти рекрутъ въ полки, состоящіе подъ командою ген.-поручика П. С. Потемкина (не князя). Между тѣмъ, какъ оказалось по справкѣ, рекруты эти еще до полученія отъ А. В—ча сообщенія были сданы, по ордеру ген.-маіора Левашова, въ Астраханскій и Куринскій полки.

Конечно, документъ этотъ не могъ быть написанъ въ татарской станицѣ, если на доставку его до губернской канцеляріи потребовалось слишкомъ сорокъ дней (19 ноября—3 января). Значитъ, его отправили изъ другого болѣе отдаленнаго мѣста. Писалъ его Суворовъ на Кубани, гдѣ, въ теченіе 1783 г., онъ привелъ къ покорности Россіи ногайскія орды.

Добраться туда изъ Астрахани съ четырьмя полками: Астраханскимъ, Казанскимъ, Куринскимъ и Селенгинскимъ, при неусовершенствованныхъ въ то время путяхъ сообщенія, да еще по безлюдной и безводной Кизлярской степи,—полководецъ могъ лишь въ 6—8 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, покинулъ онъ послѣднюю только въ мартѣ 1782 года, но отнюдь не 18 января 1784, какъ указывается въ „Ключаревской лѣтописи“ (1887, стр. 66).

П. Юдинъ.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи[1]).

ГЛАВА III.

Им. Гофцумберге.—Забастовки батраковъ.—Сожженіе замка „Абгунстъ".—Повстанскій генералъ „Иванъ-Чортъ".—Облава на „главныхъ агитаторовъ".—Пожаръ въ им. „Грингофъ".—Убійство судебнаго пристава.—Взрывъ на дорогѣ.

Гофцумберге, одно изъ крупнѣйшихъ имѣній Курляндской губерніи, принадлежитъ гр. Палену. Дѣдъ его Петръ-Людвигъ (Алексѣевичъ), военный губернаторъ Петербурга, пользовался неограниченными милостями Павла I, получилъ графскій титулъ и помѣстье (1799 г.), наконецъ,—чѣмъ увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи—„присутствовалъ (съ Зубовымъ) при смерти Императора. При Александрѣ I онъ былъ устраненъ отъ всѣхъ дѣлъ. Въ тѣ далекія времена, когда страна не была еще завоевана нѣмцами, на лѣвомъ берегу р. Терветъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ теперь мыза, стояла крѣпость Тарветенъ, построенная латышами въ защиту отъ набѣговъ литовцевъ; она долго служила и оплотомъ язычеству. Разрушилъ ее Вальтеръ фонъ Нордекъ и вблизи, противъ нея, на высокой крутой горѣ поставилъ замокъ (1275 г.) Гейлигенбергъ. Изъ него крестоносцы вели систематическія нападенія на семгаловъ [2]) и крѣпости ихъ въ

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.

[2]) Семгалія, восточная часть теперешней Кур. г. Въ XIII в. здѣсь находился русскій городъ Герсике; первое извѣстіе о немъ относится къ 1203 г.; 1209 г. онъ былъ взятъ рыцарями и подчиненъ рижскому епископу. Съ XIV в. о немъ уже нѣтъ свѣдѣній, дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, а равно и точно мѣсто, гдѣ онъ именно стоялъ, гдѣ-то на Двинѣ, вблизи г. Крейцбурга.

Добеленѣ и Раденѣ; послѣ онъ былъ любимымъ мѣстопребываніемъ курляндскихъ герцоговъ. Дѣйствительно, окрестности Гофцумберге на рѣдкость красивы. Высокія горы, громадные лѣса, рѣка съ скалистыми берегами. Особенно любилъ замокъ самый славный изъ герцоговъ Іаковъ; онъ много заботился о внутреннемъ устройствѣ страны и поднятіи ея благосостоянія, въ конецъ подорваннаго при медленной агоніи ордена; онъ строилъ фабрики, развивалъ торговлю, завелъ свой даже флотъ; основалъ колоніи на берегу Гамбіи и на ос. Табаго. Наконецъ расширилъ и владѣнія самой Курляндіи, присоединеніемъ Пильтенскаго округа [1]). Время его управленія—лучшая страничка исторіи края, полной лишь мрачныхъ драмъ, страшнаго угнетенія порабощеннаго народа и безконечныхъ войнъ со всѣми ихъ ужасами для мирныхъ жителей.

И замокъ Гейлингенбергъ, построенный, можетъ быть, изъ камня разрушенной кр. Тарветенъ, не избѣгъ ея же участи, но его только время превратило въ развалины, довольно хорошо еще сохранившіяся. Онѣ напоминаютъ теперь о быломъ могуществѣ державнаго ордена и о курляндскихъ герцогахъ, вассалахъ Польши. Первоначальное названіе замка, когда именно—намъ неизвѣстно, замѣнилось Гофцумберге. Теперь на мѣстѣ Тарветенской крѣпости стоитъ большое строеніе, обнесенное высокимъ частоколомъ, назначенное спеціально для развода фазановъ. Молодое поколѣніе ихъ охраняется штатомъ прислуги. Вообще лѣса, принадлежащіе имѣнію, изобилуютъ дичью—масса фазановъ, козъ; ихъ тщательно оберегаютъ, заботятся, на зиму заготовляютъ сѣно. Козы приходятъ въ паркъ и гуляютъ себѣ безъ всякаго опасенія. Да, хорошо живется дичи въ Гофцумберге; пожалуй, лучше, чѣмъ батракамъ

Но и теперь здѣсь есть свой „Шлоссъ", стоящій у подножья горы съ развалинами—это помѣщичій домъ—длинное низкое деревянное зданіе самой простой архитектуры, но все-таки величаемое „замкомъ". Въ стѣнахъ его только находилась обширнѣйшая библіотека; множество рѣдкихъ книгъ, цѣнныхъ изданій на всѣхъ евр. языкахъ, собраніе гравюръ и пр. Боясь пожара, владѣлецъ поспѣшилъ перевезти ее (при насъ) въ болѣе надежное помѣщеніе въ другомъ своемъ богатѣйшемъ имѣніи—Гроссъ-Эккау.

Во время пребыванія въ Гофцумберге намъ не пришлось встрѣтить ни одного вооруженнаго повстанца, но вѣсти о ихъ шатаніи

[1]) Въ древности мѣстность эта принадлежала Даніи; самый г. Пильтенъ основанъ въ 1295 г., былъ резиденціей кур. епископовъ; нынѣ заштатный городъ Виндавскаго у. Замокъ его, основанный 1220 г., въ развалинахъ, къ Пильтенскому округу принадлежалъ и г. Газенпотъ.

по лѣсамъ шли отовсюду. Хотя съ уходомъ казаковъ они уже „громадными толпами“ не подходили къ мызѣ, не стрѣляли, не безпокоили насъ ничѣмъ, тѣмъ не менѣе мы по ночамъ старательно оберегали свою „позицію“, оказавшуюся недурною для обороны. Иногда въ лѣсу раздавались одиночные выстрѣлы, приводившіе въ смущеніе администрацію—она думала, что повстанцы стрѣляютъ, желая насъ держать въ тревогѣ. Эти выстрѣлы свидѣтельствовали о томъ, что въ лѣсахъ дѣйствительно шатаются, а главное, что нарушается § 7 „Временныхъ правилъ“, запрещающій въ Курляндіи охоту. Генералъ-губернаторъ, какъ говорили, оштрафовалъ на 600 р. одного барина за убійство двухъ куропатокъ на охотѣ; по отношенію-же латышей-повстанцевъ власть его была безсильна, и браконьерствовали они себѣ на свободѣ, подстрѣливая довѣрчивыхъ графскихъ козъ.

При частыхъ разъѣздахъ небольшими командами ни въ одну изъ нихъ не послѣдовало выстрѣла. Но повстанцы, и вооруженные, были, это не подлежало сомнѣнію и доказывалось и фактами. Прежде всего бросалось въ глаза то обстоятельство, что по дорогамъ и на поляхъ никого не было видно—мужское населеніе какъ бы отсутствовало. Въ Гофцумберге большая часть батраковъ осталась и продолжала работать, хотя между ними, какъ и повсюду, велась агитація и были попытки силою принудить къ забастовкѣ. Въ этомъ имѣніи проявляется бо̀льшая забота о рабочихъ, что и не замедлило принести плоды въ видѣ ихъ усердія. Въ сосѣднемъ, напр., большомъ имѣніи были иныя условія, и всѣ батраки разбрелись, „забастовали“. Перезрѣвшій хлѣбъ высыпался на поляхъ, и урожай погибъ. Владѣлица, когда началась забастовка, обратилась къ властямъ съ просьбою прислать казаковъ и „нагайками заставить батраковъ работать“.

Говорили, что въ окрестныхъ лѣсахъ есть правильно организованная и недурно вооруженная шайка подъ предводительствомъ какого-то Веллу-Ансыса (Иванъ-Чортъ). Изловить его было пламеннымъ вожделѣніемъ полиціи. Но что она съ помощью драгунъ ни предпринимала, все было напрасно. А между тѣмъ этотъ Иванъ-Чортъ появлялся сегодня здѣсь, завтра тамъ и „пошаливалъ“.

Не далеко отъ Гофцумберге стоялъ замокъ „Абгунстъ“. Намъ пришлось видѣть его уже послѣ пожара; судя по уцѣлѣвшимъ стѣнамъ, это было очень красивое зданіе. Говорили, что по внутреннему его убранству, по собранію рѣдкихъ вещей, а, главное, оригинальныхъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, онъ представлялъ громадную цѣнность.

Въ глухую ночь въ окно начали стучать. Перепуганная эко-

номка спросила: „Кто-тамъ?“.—„Это я, Веллу-Ансысъ. Отворяй скорѣе, а не то“... послѣдовалъ каскадъ угрозъ. Приказаніе было исполнено. Въ окно влѣзло нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ и разбрелось по комнатамъ, строго приказавъ подъ угрозою смерти молчать. Они сложили костры изъ портьеръ, фамильныхъ портретовъ, чудныхъ картинъ, драгоцѣнной мебели и одновременно подожгли. Иванъ-Чортъ „съ товарищами“ не тронули, по показанію прислуги, ничего; не соблазнили ихъ дорогіе серебряные сервизы и пр. Убѣдившись, что огонь хорошо разгорается, поджигатели вышли и оставались вблизи, пока пожаръ основательно не уничтожилъ замка. Они пѣли революціонныя пѣсни, играли на какомъ-то инструментѣ и только къ утру отправились отдыхать въ сосѣднюю усадьбу. Кромѣ того въ ту ночь они же сожгли въ имѣніи три хлѣбныхъ сарая. Вблизи замка живутъ батраки, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ, чтобы спасать вещи или въ чемъ-либо противодѣйствовать злоумышленникамъ. Эти батраки показывали на слѣдствіи, что боялись мести Веллу-Ансыса; вѣрнѣе, они сочувствовали его работѣ. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ мы вынесли, присутствуя на допросѣ.

Изъ Гофцумберге въ Грингофъ ѣхали гимназистъ 7-го класса и дѣвушка. Въ лѣсу имъ заступилъ дорогу благообразной наружности среднихъ лѣтъ человѣкъ съ винтовкою въ рукахъ, какими вооружена наша армія, и съ шашкою драгунскаго образца черезъ плечо.

Задолго еще до описываемыхъ событій по войскамъ Виленскаго округа послѣдовалъ секретный приказъ строго слѣдить за цѣлостью оружія въ виду того, что во многихъ полкахъ уже было обнаружено похищеніе его. Въ гарнизонѣ, напр., одного города, какъ говорили, украдено было около 400 винтовокъ. Похищалось оружіе и въ частяхъ, расквартированныхъ въ очень отдаленномъ разстояніи отъ Прибалтійскаго края. Это обстоятельство служитъ объясненіемъ, откуда у повстанцевъ могли быть винтовки и шашки.

Повелительно поднявъ руку, человѣкъ тотъ крикнулъ по-латышски „Стой!“ Гимназистъ повиновался. Латышъ началъ подробный допросъ, откуда, куда и зачѣмъ и не бароны ли они. Получивъ на томъ же языкѣ отвѣты и заявленіе, что они ничего общаго съ потомками рыцарей не имѣютъ, латышъ смягчился и посовѣтовалъ ѣхать обратно, такъ какъ „дорога не безопасна—по ней шатаются драгуны“. Путники просили позволенія все-таки ѣхать впередъ. Позволеніе послѣдовало. Но предварительно, человѣкъ, облокотившись на кабріолетъ, вступилъ въ бесѣду съ гимназистомъ. Прежде всего онъ заявилъ, что состоитъ предводителемъ возстав-

шихъ мѣстныхъ латышей, что подъ его начальствомъ много офицеровъ, что самъ онъ—генералъ... Веллу-Ансысъ. Затѣмъ онъ въ мрачныхъ краскахъ представилъ тяжелое положеніе народа, столько вѣковъ страдавшаго подъ гнетомъ „этихъ трутней“. „Когда мы ихъ выкуримъ, устроимъ свое отечество на правахъ широкой свободы, всѣ будутъ равны, сыты и счастливы“ и т. д. Такъ повѣствовалъ на эту тему генералъ довольно долго и видимо, не спроста—желая увлечь юношу, завербовать. Гимназистъ передавалъ намъ о встрѣчѣ съ предводителемъ тотчасъ по возвращеніи домой, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и въ его словахъ звучали нотки, свидѣтельствовавшія, что рѣчь генерала не совсѣмъ пропала даромъ.

Предводитель шайки поджигателей, страстно говорившій о полномъ равенствѣ, объ учрежденіи на разрушенныхъ баронскихъ гнѣздахъ чуть не рая на землѣ, не безъ гордости величалъ себя „генераломъ“ и былъ одѣтъ такъ: чрезъ плечи его превосходительства Ивана-Чорта красовалась широкая красная лента (какой же генералъ безъ ленты!), на плечахъ—нѣчто въ роди эполетъ, тоже красныхъ, и такого же цвѣта затѣйливая кокарда на шапкѣ. Таковъ ужъ человѣкъ—трудно ему отрѣшиться отъ слабостей и устроить на землѣ даже приблизительное равенство!

Итакъ Веллу-Ансысъ (по слухамъ, рабочій изъ Риги) дѣйствительно существовалъ и „оперировалъ“ въ округѣ.

Полиціи сдѣлалось извѣстно, что въ лѣсу „Деге“ на одинъ изъ дней назначено собраніе агитаторовъ. Послѣдовалъ приказъ эскадрону совмѣстно съ ротою пѣхоты (изъ Грюнгофа) оцѣпить лѣсъ и переловить. На облаву пріѣхалъ уѣздный начальникъ. Составленъ былъ планъ, державшійся въ строжайшемъ секретѣ, какъ и самое выступленіе. Въ назначенный часъ выступили съ разсчетомъ, чтобы подойти къ лѣсу въ одно время съ разныхъ сторонъ. Не успѣлъ эскадронъ отойти и двухъ верстъ отъ Гофцумберге и свернуть на дорогу, выясняющую направленіе, какъ не вдалекѣ въ лѣсу раздался выстрѣлъ, а чрезъ минуту—другой, далеко въ той сторонѣ, куда шли. Сигнальные выстрѣлы. Замыселъ былъ обнаруженъ. Когда вышли на открытое мѣсто, откуда былъ виденъ лѣсъ „Деге“, замѣтили, какъ нѣсколько человѣкъ спѣшно уходили изъ него въ разныя стороны. Разсыпанные всадники съ трехъ сторонъ окружили лѣсъ, съ четвертой должна была подойти пѣхота и пройти его цѣпью. Видно было, какъ на опушку выбѣжали, было, пять „агитаторовъ“ съ винтовками, но юркнули обратно.

Пѣхоту пришлось ждать долго. Оказалось, цѣпь сбилась съ направленія и вышла въ другую сторону. Ее пришлось повернуть назадъ. Между тѣмъ полилъ такой страшный ливень, какой и на югѣ

не приходилось видѣть—предъ глазами буквально низвергались цѣлые потоки воды съ примѣсью града и положительно мѣшали что-либо видѣть. Этимъ обстоятельствомъ, видимо, хотѣли воспользоваться латыши; многіе вѣрно и успѣли, но 4 изъ нихъ наткнулись на отдѣльно поставленный постъ драгунъ въ сторонѣ и были пойманы. Ими и ограничились наши трофеи. Ужасный дождь, о которомъ трудно, не испытавъ на себѣ, составить понятіе, ослабилъ наблюденіе. Лошади тотчасъ же повернули задомъ къ хлеставшему до боли дождю, и никакія усилія не могли заставить ихъ стоять въ желаемомъ направленіи. Латышамъ благопріятствовали перелѣски и мелкіе кустарники, группами разбросанные по окрестности, но ливень миновалъ. Пѣхота, исправляя ошибку, прошла весь лѣсъ и поймала еще одного дурно одѣтаго крестьянина. Среди лѣса видѣли помостъ-трибуну, съ котораго ораторъ вдохновлялъ на подвиги слушателей.

Въ Грингофѣ, вблизи котораго лежитъ „Деге", какъ бы въ отместку за арестъ агитаторовъ, подожженъ былъ сарай съ многими (и послѣдними) тысячами пудовъ клевера. Одновременно разразилась гроза; молнія, почти не переставая, озаряла небо краснымъ огнемъ, сливаясь съ огромнымъ заревомъ свирѣпствовавшаго пожара. Его такъ и не въ силахъ былъ потушить начавшійся снова дождь.

Промокшіе до костей, мы заѣхали въ Грингофъ. Изъ него уже всѣ разбѣжались, даже управляющій. Остался лишь его помощникъ самоотверженно охранять имущество своей патронессы.

Не успѣли мы усѣться за чай, какъ появился встревоженный урядникъ съ докладомъ, что около одной усадьбы найденъ трупъ судебнаго пристава. Дознаніе выяснило послѣ обстоятельства. Судебный приставъ пріѣхалъ для какого-то небольшого взысканія. Хозяинъ-латышъ встрѣтилъ его радушно, угостилъ обѣдомъ и выпивкой—латыши гостепріимны. Приставъ, просидѣвъ довольно долго, собрался уѣзжать, но не отъѣхалъ и сотни шаговъ, какъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ ружья скрывавшимися около самой дороги въ ячменномъ полѣ злоумышленниками. Выйдя изъ засады, они добили его, выбросили изъ телѣги и спокойно разошлись. Тѣмъ временемъ, какъ довѣрчивый чиновникъ попивалъ себѣ пиво, сыновья „радушнаго" хозяина собрали кой-кого и устроили предательскую засаду. Дня черезъ два полиція съ драгунами осмотрѣла всѣ закоулки усадьбы, разыскивая сыновей, и не нашла. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, преблагополучно отсидѣлся въ дуплѣ старой вербы.

Повстанцы подожгли хлѣбный сарай въ одномъ изъ подмызковъ (фольваркъ, принадлежащій къ имѣнію-мызѣ). На пожаръ поска-

кали лѣсничій, объѣздчикъ и рабочій—и были убиты въ лѣсу изъ засады. Приводимъ эти два случая, какъ иллюстрацію.

На другой день эскадронъ возвращался въ Гофцумберге. Утро послѣ грозы было прекрасное. Медленно мы приближались именно къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ повстанцы стрѣляли въ судебнаго слѣдователя и казаковъ. Впереди по обыкновенію шелъ дозоръ изъ четырехъ драгунъ. Такъ какъ здѣсь приходилось проходить уже много разъ и всегда безъ приключеній, то къ этому мѣсту перестали относиться съ опасеніемъ, хотя оно дѣйствительно—удобнѣйшее для засады. По дорогѣ показались двѣ подводы. Когда дозоры поравнялись съ ними, раздался взрывъ и все исчезло въ облакѣ дыма. Успѣли только замѣтить, какъ два человѣка бросились въ лѣсъ. Чрезъ минуту дымъ началъ разсѣиваться. Дозоры карьеромъ неслись къ эскадрону. Или это былъ залпъ, или въ солдатъ брошены бомбы. Подводы, повидимому, невредимыя стояли на дорогѣ. Къ повозкамъ подъѣхали осторожно. На передней сидѣли двѣ женщины ни живы, ни мертвы, потерявшія способность говорить. На задней лежалъ большой деревянный шкафъ, изъ него выходилъ дымъ.

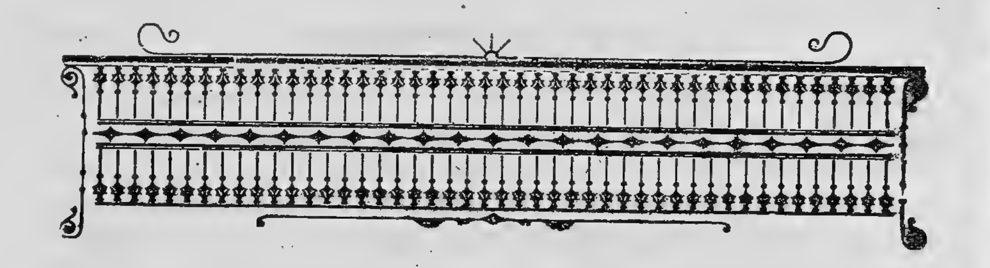
Насъ начальство предупреждало, что повстанцы часто развозятъ оружіе въ банды, маскируя его всевозможными способами. Въ одномъ мѣстѣ латыши везли гробъ и пѣли псалмы. Когда недовѣрчивый урядникъ полюбопытствовалъ взглянуть на покойника и сбилъ крышку, въ немъ оказались ружья. Между тѣмъ изъ лѣсу вышли два латыша. Лицо одного показалось намъ знакомымъ—это былъ „вагаръ" (wagare), экономъ того имѣнія, гдѣ Веллу-Ансысъ сжегъ замокъ; онъ везъ своей госпожѣ кой-какія вещи женщины-служанки. Съ большими предосторожностями, боясь повторенія взрыва, заставили его открыть шкафъ. Стоя въ почтительномъ отдаленіи, приподнявшись на стременахъ, заглянули въ него. Первое, что бросилось въ глаза,—ружья, пистолеты. И снова родилось подозрѣніе. Послѣ болѣе внимательнаго осмотра увидѣли, что оружіе старинное. Далѣе въ шкафу были книги, фамильный портретъ и много патроновъ лефоше. Колесо телѣги вѣроятно наскочило на камень; отъ сильнаго толчка ружейный стволъ ударилъ по иголкѣ патрона—онъ выстрѣлилъ, взорвались другіе и порохъ въ большой жестянкѣ—она еще дымилась.

Какое совпаденіе! взрывъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ повстанцы стрѣляли, въ тотъ моментъ, когда съ повозкою поравнялись дозоры.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лэди Портеръ.

(Княжна М. Ѳ. Щербатова. 1780—1827 г.).

„Рѣка временъ въ своемъ стремленьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей".

Державинъ.

Среди множества лицъ, изображенныхъ на фамильныхъ портретахъ масляными красками, темныхъ дагерротиповъ, строгихъ гравюръ, которыми украшены стѣны нашего стариннаго Мещерскаго дома [1]), особенное вниманіе привлекаетъ своею миловидностью хорошенькое, обрамленное мелкими кудрями свѣтлокаштановыхъ волосъ личико молодой дѣвушки, съ фрейлинскимъ шифромъ на бѣломъ корсажѣ.

Изображенная на небольшой изящной миніатюрѣ, княжна Марія Ѳедоровна Щербатова была одной изъ наиболѣе любимыхъ фрейлинъ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Горячая патріотка, она въ годину тяжелыхъ испытаній, нашествія иноплеменныхъ (въ 1812 году) снарядила значительный отрядъ ратниковъ, ополченцевъ изъ крѣпостныхъ людей, своихъ подмосковныхъ вотчинъ, въ распоряженіе главнокомандующаго; дѣлала щедрыя пожертвованія на нужды военнаго времени и, въ продолженіе всей своей жизни, пользовалась исключительнымъ расположеніемъ Царицы-Матери и ея Державнаго сына Императора Александра I.

---

[1]) Въ родовой усадьбѣ нашей, наслѣдственной по женской линіи отъ предковъ нашихъ князей Мещерскихъ и Щербатовыхъ, въ селѣ Мещерѣ Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ.

Родившаяся въ 1780 году, дочь князя Өедора Өедоровича Щербатова и жены его Анны Григорьевны [1]), княжна Марія Өедоровна,—по странной случайности, неповиновенія волѣ родителей—брата своего, князя Александра Өедоровича [2]),—сдѣлалась неожиданно для себя обладательницей богатыхъ вотчинъ въ губ. Московской и Рязанской [3]).

Представленная ко двору, привлекательная, изящная, живая княжна Щербатова была пожалована фрейлиной Императрицы Маріи Өеодоровны и, состоя при особѣ ея, пользовалась всю жизнь нѣжною заботливостью Августѣйшей Покровительницы, принимавшей въ ней, рано осиротѣвшей, горячее участіе.

Среди именитыхъ иностранцевъ того времени, состоявшихъ при русскомъ дворѣ, особеннымъ успѣхомъ пользовался на придворныхъ балахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ,—состоявшій при Великобританскомъ посольствѣ,—баронетъ сэръ Робертъ Керъ Портеръ.

Отличавшійся беззавѣтной храбростью въ морскихъ сраженіяхъ съ флотомъ Наполеона I у береговъ Португаліи, герой Сarunna (Коруна) и Vilmeira (Вильмейра), состоявшій при славномъ адмиралѣ Джонъ Муръ, въ моментъ его кончины,—молодой, красивый капитанъ англійской службы былъ однимъ изъ самыхъ желанныхъ гостей въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ.

Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Россію, онъ, какъ талантливый батальный живописецъ, сталъ извѣстенъ Императору Александру Павловичу, такъ какъ въ 1801 году, еще 19 лѣтнимъ юношей, стяжалъ себѣ въ Англіи громкую извѣстность батальными картинами, выставленными въ Королевской Академіи въ Лондонѣ.

Ознакомившись съ нѣкоторыми произведеніями кисти англійскаго дипломата, Императоръ Александръ I заказалъ ему для Конференцъ-залы Адмиралтейскаго совѣта, портретъ Великаго Преобразователя Россіи и создателя русскаго флота, Императора Петра I, а также двѣ картины эпизодовъ изъ его царствованія, изображающія: одна—побѣду его надъ шведами на морѣ и другая—надъ турками на сушѣ.

Посвящая много времени живописи, занимая дипломатическій постъ, сэръ Портеръ умѣлъ удѣлять минуты досуга литературнымъ трудамъ: запискамъ очевидца, современника, участника великихъ

---

[1]) Рожденной княжны Мещерской.

[2]) Лишеннаго наслѣдства по резолюціи Державина, утвержденной Императрицей Екатериной II.

[3]) Серпуховскаго и Раненбургскаго уѣздовъ: деревня Андреевка и Снѣжетокъ, Мещера тожъ, Озерки, Аннино тожъ (нынѣ принадлежащихъ брату моему А. М. Слѣпцову).

событій, войнъ Наполеона. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ постоянно обширную переписку съ выдающимися политическими и общественными дѣятелями своего отечества. Одновременно, любя общество, онъ успѣвалъ бывать на балахъ, посѣщать театры, рауты, собранія.

Однажды, въ концѣ 1807 года, онъ, на одномъ изъ великосвѣтскихъ баловъ, былъ представленъ изящной, граціозной фрейлинѣ, вдовствующей Императрицы, — княжнѣ Маріи Ѳедоровнѣ Щербатовой.

Часто встрѣчаясь съ нею въ свѣтѣ, онъ, обрадованный разрѣшеніемъ бывать у нея въ домѣ, въ ближайшій изъ воскресныхъ дней, поспѣшилъ сдѣлать визитъ.

Въ письмахъ на родину онъ тотчасъ сообщилъ своей матери (вдовѣ капитана, убитаго въ Семилѣтнюю войну) и своимъ обѣимъ сестрамъ о своемъ серьезномъ увлеченіи молодой, богатой, изящной русской княжной. Въ виду множества достойныхъ претендентовъ на руку ея и затрудненій со стороны разрѣшенія ея Августѣйшихъ покровителей, Государя Императора и Царицы-Матери, на бракъ ея съ иностранцемъ,—сэръ Портеръ не надѣялся на то, что предложеніе его будетъ принято.

Княжна Марія Ѳедоровна однако оказывала замѣтное предпочтеніе передъ другими поклонниками, искателями ея руки,—храброму моряку, талантливому художнику и чрезвычайно интересному собесѣднику; предложеніе сэра Роберта было благосклонно принято, и счастливый женихъ поспѣшилъ подѣлиться своею радостью съ проживавшими въ Лондонѣ родными.

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе мать его лэди Портеръ,—въ превосходно сохранившемся письмѣ отъ 1808 года, на англійскомъ языкѣ,—благодаря дорогую княжну за честь, оказанную ея единственному, горячо любимому сыну, согласіемъ на его предложеніе, почтительно привѣтствуя ее, какъ свою нареченную дочь, выражаетъ тревожное опасеніе относительно возможныхъ затрудненій и препятствій, какъ-то: согласіе Императора и его Матери на бракъ ея съ иностраннымъ подданнымъ и т. д. Дочь ея Jane [1]),—какъ видно изъ письма,—натура поэтичная, восторженная, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, убѣдительно, горячо, проситъ свою будущую, желанную, сестру прибыть вмѣстѣ съ любимымъ братомъ, послѣ

---

[1]) Писательница, издавшая въ Лондонѣ собраніе своихъ лирическихъ произведеній. Наиболѣе извѣстныя: 1842 г. Біографія сэръ Роберта Керъ Портера. Штурмъ при Серигапатнамъ (Serigapatnam), битва при Аженкуръ Agincourt), защита Акры (S. Jean D'Acre), смерть на полѣ брани храбраго адмирала Ральфа Аберкромби и пр.

вѣнчанія своего, на родину мужа, гдѣ, кромѣ нея, матери и сестры Маґу, много близкихъ друзей, почитателей таланта его, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его пріѣзда.

Тревога и опасенія лэди Портеръ и дочерей ея не лишены были основанія, такъ какъ разрѣшеніе Императора и его Матери на супружество княжны Щербатовой съ сэромъ Робертомъ Керъ Портеръ, безъ принятія имъ Россійскаго подданства, послѣдовало только 5 февраля 1812 года. (Отношеніе Министра Имп. Двора князя А. Н. Голицына за № 125).

Вѣнчаніе, на которое получено было невѣстой благословеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея Сына, послѣдовало тотчасъ послѣ Пасхи въ первыхъ числахъ апрѣля 1812 года [1]).

Не суждено было осуществиться и мечтамъ семьи Портеръ, относительно желаннаго, обѣщаннаго пріѣзда въ Англію новобрачныхъ. Вслѣдствіе вступленія грозныхъ непріятельскихъ силъ арміи Наполеона въ предѣлы Россіи, онъ былъ отложенъ на неопредѣленное время.

Тотчасъ послѣ свадьбы, лэди Портеръ, движимая благороднымъ порывомъ горячаго патріотизма, спѣшно, энергично, не жалѣя средствъ, принялась за снаряженіе ополченцевъ изъ крѣпостныхъ людей своихъ вотчинъ, въ помощь дѣйствующей арміи, и дѣлала щедрыя пожертвованія на непредвидѣнные, неотложные расходы военнаго времени.

Озабоченный огражденіемъ безопасности жизни и интересовъ ввѣренныхъ британскимъ правительствомъ его попеченію англійскихъ подданныхъ, сэръ Портеръ былъ въ то же время и неутомимо-дѣятельнымъ помощникомъ жены, въ дѣлѣ ея великаго служенія на пользу и благо отечества.

Переживая въ Россіи,—ставшей близкой ему, какъ вторая родина,—знаменательныя событія, какъ-то: вторженіе непріятельской арміи въ русскую землю; кровопролитный бой 26 августа подъ Бородино; сожженіе Москвы, пораженіе враговъ и изгнаніе изъ предѣловъ Россіи жалкихъ остатковъ нѣкогда грозной арміи Наполеона [2]). Сэръ Робертъ писалъ интересныя записки, воспоминанія современника, очевидца событій Отечественной войны 1812 года, которыя были впослѣдствіи изданы имъ, съ портретомъ главно-

---

[1]) Княжна Щербатова жила въ то время, какъ видно изъ квартирнаго договора, съ домѣ гофмаршала Ланского, на углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной, и за флигель въ 10 комнатъ, со службами, платила 1.200 руб. ассигнаціями.

[2]) Преслѣдуемой русскою арміей до Березины.

командующаго [1]), князя Голенищева-Кутузова (его работы) въ заголовкѣ.

За услуги, оказанныя отечеству въ тяжелую годину народнаго бѣдствія щедрыми пожертвованіями, лэди Портеръ была награждена бронзовою на Владимірской лентѣ медалью, которая, при милостивомъ благодарственномъ манифестѣ Императора россійскому дворянству [2]), была препровождена ей С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ іюнѣ 1813 года Государь Императоръ и Императрица Марія Ѳеодоровна изъявили согласіе быть воспріемниками, родившейся 27 мая 1813 года, дочери лэди Портеръ, — Маріи [3]). Государемъ Императоромъ былъ присланъ роскошный брилліантовый фермуаръ.

Забота Императрицы о новорожденной была выражена зачисленіемъ ея пенсіонеркой Ея Величества въ С.-Петербургскій Екатерининскій институтъ.

Послѣднимъ актомъ заботы Императора о его крестницѣ былъ помѣченный „Каменный островъ 1-го сентября 1825 года“ и подписанный Императоромъ, Указъ Правительствующему Сенату, о причисленіи дочери лэди Портеръ — Маріи къ россійскому дворянству. Спустя съ небольшимъ три мѣсяца, въ декабрѣ 1825 года, вся Россія оплакивала великодушнѣйшаго, милостивѣйшаго Монарха, въ лицѣ котораго лэди Портеръ потеряла своего благодѣтеля и покровителя.

Въ томъ же году состоялось назначеніе мужа ея, отозваннаго Британскимъ правительствомъ въ Лондонъ, — на важный отвѣтственный постъ посланника, министра - резидента Венецуэльской республики.

Занятая образованіемъ единственной дочери, лэди Портеръ не могла послѣдовать въ Каракасъ за мужемъ, съ грусть покидавшимъ и гостепріимную Россію, ставшую ему близкой-родной, свою семью и многочисленныхъ друзей.

Лэди Портеръ до кончины своей, послѣдовавшей въ 1827 году, жила въ С.-Петербургѣ, гдѣ много было у нея родныхъ и друзей,

---

[1]) Съ которымъ былъ лично знакомъ и глубоко уважалъ за его доблести.

[2]) Сохранившимся въ фамильномъ архивѣ.

[3]) Впослѣдствіи въ замужествѣ съ поручикомъ Семеновскаго полка, адъютантомъ графа Клейнмихеля, П. Е. Кикинымъ, потомкомъ нѣкогда любимаго Императоромъ Петромъ I, А. В. Кикина, впослѣдствіи по его приказанію колесованнаго.

Отношеніе министра Императорскаго двора князя А. Н. Голицына.

принявшихъ на себя, послѣ кончины, заботу объ ея малолѣтней дочери.

Лишившійся жены и проводившій послѣдніе годы жизни въ разлукѣ съ дочерью, сэръ Керъ Портеръ въ 1841 году съ сестрой Jane прибылъ въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы весною 1842 года, возвратившись изъ отпуска въ Англію, получить новое назначеніе.

Въ Россію онъ возвратился какъ бы для того, чтобы, разлученный съ женою при жизни, быть погребеннымъ возлѣ нея, 6-го мая 1842 года, на Смоленскомъ кладбищѣ [1]).

Ровно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ художникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, изобразилъ на изящной, сохранившей свѣжесть и яркость красокъ, миніатюрѣ, составляющей украшеніе Мещерскаго дома, — миловидную молодую княжну. Къ той же эпохѣ (1808 г.) относится портретъ-гравюра ея мужа и двухъ сестеръ его. Сэръ Портеръ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, съ правильными чертами благороднаго строгаго лица, имѣющимъ сходство съ его современникомъ и соотечественникомъ лордомъ Байрономъ, — изображенъ со звѣздой на фракѣ, опушенномъ дорогимъ бобромъ.

По обѣимъ сторонамъ портрета двѣ гравюры, изображающія: одна — miss Mary Porter, веселою, жизнерадостною, съ локонами и цвѣтами на причудливой шляпѣ, другая—Jane (пережившую любимаго брата), въ костюмѣ канонессы съ четками на рукахъ, съ полными грусти и скорби, устремленными къ небу, глазами.

М. Марина.

[1]) Онъ умеръ внезапно, на 59 году жизни, почувствовалъ себя дурно въ каретѣ, послѣ милостивой аудіенціи Императора Николая Павловича, приглашавшаго его прибыть непремѣнно въ любимый имъ С.-Петербургъ, на торжество освященія строившагося въ то время Николаевскаго моста, черезъ Неву.

Какъ же ты меня узналъ?

Членъ Государств. Совѣта, дѣйств. тайный совѣтникъ Юханцевъ любилъ иногда посѣтить маскарадъ въ Дворянскомъ собраніи, посѣщавшійся тогда, въ дни Николая I, высшимъ обществомъ, Царской Фамиліей и Самимъ Государемъ.

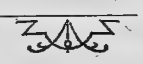
Отправлялся туда, женѣ не сказываясь; былъ тамъ обыкновенно недолго; встрѣтивъ кое-кого изъ знакомыхъ, возвращался домой.

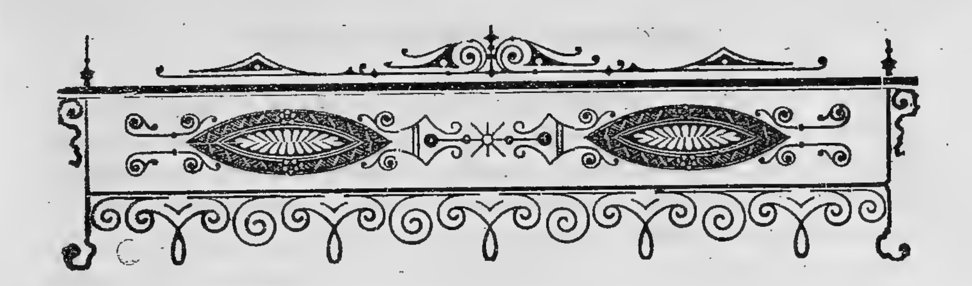
Но жена знала все же. И рѣшила однажды его поинтриговать. Надѣла домино, поѣхала, нашла его равнодушно гуляющимъ въ толпѣ и, ни слова не говоря, взяла подъ руку. Онъ покосился, но промолчалъ; а немного побродивши съ ней по залѣ, сказалъ:

— „А что, Машенька, не пора ли домой?“

— „Какъ же ты меня узналъ?“

— „Да какъ только ты взяла меня подъ руку—я сейчасъ же узналъ: за тридцать лѣтъ, что мы съ тобой живемъ, можно было узнать твою манеру брать подъ руку“...

О памятникахъ Отечественной войны.

Неожиданный оборотъ, принятый войною нашей съ соединенной подъ властію Наполеона Европой, быстрое изгнаніе враговъ и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ ними, послѣ предшествовавшаго этимъ побѣдамъ ряда крупныхъ военныхъ неудачъ, приведшихъ къ потерѣ столицы, произвели необыкновенный энтузіазмъ какъ въ правительствѣ, такъ и во всемъ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ минутъ восторга повсюду возникала мысль о необходимости увѣковѣчить радостныя событія подобающими имъ памятниками, которые бы свидѣтельствовали самому отдаленному потомству о незабвенной борьбѣ.

Уже 14 ноября 1812 г. появился Высочайшій манифестъ на имя московскаго главнокомандующаго, графа Ѳ. В. Растопчина слѣдующаго содержанія:

„Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ не перестанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничиженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артиллерію препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ, дерзнувшихъ вступить въ Россію, непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отня-

тыхъ у нихъ орудій воздвигнутъ быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуетъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Вслѣдствіе сего имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о пріемѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія“ [1]).

Вслѣдствіе этого манифеста въ началѣ 1813 года представлено было на Высочайшее благоусмотрѣніе три проекта этого памятника, изъ которыхъ два выставлены были на выставкѣ въ Академіи Художествъ въ 1814 г., а въ 1817 г. А. Н. Оленинъ издалъ ихъ описаніе въ брошюрѣ: „Опытъ о правилахъ медальернаго искусства. Съ описаніемъ проектовъ медалей на знаменитѣйшія происшествія съ 1812 по 1816 г. и трехъ проектовъ памятника изъ огнестрѣльныхъ орудій, отбитыхъ у непріятелей въ 1812 г. Спб. Folio“.

По одному изъ этихъ проектовъ памятникъ имѣлъ видъ ростральной колонны и представлялъ усѣченную пирамиду съ вдѣланными въ бока ея пушками, на подобіе ростровъ; по другому—памятнику предполагалось дать „наружный видъ огромной пушки, укрѣпленной винградомъ своимъ на твердый пьедесталъ“, а по третьему—памятнику предполагалось дать видъ Троянова или Антонинова столпа, обвитаго двумя полосами, изъ которыхъ одна составлена была изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, безъ переливки, а другая изъ барельефовъ, представляющихъ подвиги Русскаго народа и бѣдствія, постигшія враговъ Россіи.

Все это предполагалось съ условіемъ, чтобы „употреблять какъ можно менѣе ваятельныхъ украшеній въ сихъ памятникахъ, дабы вниманіе на лучшее украшеніе оныхъ, состоящее изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, не развлечь многими аллегорическими фигурами, слишкомъ богатыми трофеями или архитектурными украшеніями“.

Однимъ словомъ, проектировались самыя ординарныя и лишенныя всякаго художественнаго значенія колонны и пирамиды. Примѣрная надпись на этихъ памятникахъ, составленная на латинскомъ языкѣ С. С. Уваровымъ, гласила: „Александру Первому, по плѣненіи Москвы о спасеніи царства не усумнившемуся, благочестивая Россія“.

Проекты эти не понравились и современникамъ, какъ видно изъ отзыва К. Н. Батюшкова въ статьѣ его: „Прогулка въ Акаде-

[1]) Ф. Синельниковъ. Жизнь кн. Голенищева-Кутузова, ч. IV (Спб. 1813), стр. 69—70.

мію Художествъ". Онъ нашелъ, что оба выставленные въ Академіи проекта „не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли". Также думалъ, вѣроятно, и Оленинъ, давшій Батюшкову канву для статьи.

Послѣ сраженія *при Тарутинѣ* фельдмаршалъ кн. Кутузовъ написалъ владѣлицѣ этого села, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, слѣдующее письмо:

„Село Тарутино, вамъ принадлежащее, ознаменовано было славною побѣдою Русскаго войска надъ непріятельскимъ. Отнынѣ имя его должно сіять въ нашихъ лѣтописяхъ на-ряду съ Полтавою, и рѣка Нара будетъ для насъ также знаменита, какъ и Непрядва, на берегахъ которой погибли безчисленныя ополченія Мамая. Покорнѣйше прошу васъ, милостивая государыня, чтобы укрѣпленія, которыя устрашили полки непріятельскіе и были твердою преградою, близъ коей остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію,—*чтобъ сіи укрѣпленія остались неприкосновенными.* Пускай время, а не рука человѣческая, ихъ уничтожитъ; пускай земледѣлецъ, обрабатывая вокругъ ихъ мирное свое поле, не трогаетъ ихъ своимъ плугомъ, пускай и въ позднее время будутъ они для Россіянъ священными памятниками ихъ мужества; пускай наши потомки, смотря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ соревнованія и съ восхищеніемъ говорить: вотъ мѣсто, на которомъ гордость хищниковъ пала предъ неустрашимостью сыновъ отечества! Сосѣдъ вашъ, князь Волконскій, вызывается поставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ, принадлежащей ему въ селеніи Леташевкѣ; но вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ. Тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами русскаго мужества и русской славы" [1]).

Уцѣлѣли ли Тарутинскія укрѣпленія, не знаю; но впослѣдствіи село Тарутино досталось по наслѣдству гр. Н. П. Румянцеву, который, желая увѣковѣчить память о Тарутинскомъ сраженіи, ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ „объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ сего села, съ прикосновенной оному селенію деревней Гранищевой, всего 439 душъ, отдавая имъ всѣ угодья, безъ всякаго за то возмездія". А крестьяне, съ своей стороны, изъявили желаніе воздвигнуть въ своемъ селѣ на собственный счетъ памятникъ знаменитой побѣдѣ. Оба желанія удостоились Высочайшаго одобренія, и Тарутинскій памятникъ былъ торжественно открытъ 25-го іюня 1834 г., въ день

---

[1]) Писаревъ: Военныя письма, ч. I, стр. 88—90, выноска.

рожденія Императора Николая Павловича [1]), при чемъ одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ, 80-лѣтній старецъ, сочинилъ стихотвореніе, въ которомъ такъ прославлялъ село Тарутино:

„Тарутино! тебѣ отъ Провидѣнья
Дано сіять безсмертіе въ лучахъ;
Кто предъ собой стлалъ ужасъ разрушенья,
Того твой станъ одинъ приводитъ въ страхъ".

Извѣстно, что въ 1814 г. русское дворянство намѣревалось построить памятникъ самому Императору Александру, но онъ не допустилъ этого. Какими суммами дѣлались пожертвованія на этотъ памятникъ, видно изъ того, что графъ и графиня Браницкіе внесли 100.000 рубл. ассигн., которые впослѣдствіи переданы были графиней Браницкой въ инвалидный капиталъ [2]). Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Императора Николая I, въ Москвѣ сооружены были тріумфальныя ворота въ память Императора Александра I, и по этому поводу нѣкій Михаилъ Максимовъ издалъ брошюру: „Чувствованія при воззрѣніи на колоссальныя врата, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ сооруженныя во славу благословенной памяти Александра I, воздвигшаго изъ пепла и отеческимъ попеченіемъ украсившаго первопрестольный градъ сей, лѣта 1812, во время нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ огню преданный". Москва 1834.

Въ царствованіе же Императора Николая I сооруженъ былъ памятникъ Императору Александру I въ Петербургѣ,—знаменитая Александровская колонна, а также поставленъ памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

При немъ же объявленъ былъ въ 1835 году конкурсъ на составленіе проектовъ монументовъ на главнѣйшихъ поляхъ сраженія достопамятнаго 1812 года, воздвигаемыхъ по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I. Срокъ представленія проектовъ назначенъ былъ 1-го мая 1836 года [3]).

Кромѣ увѣковѣченія важнѣйшихъ событій, памятниками и пожертвованіями чтились заслуги выдающихся дѣятелей Отечественной войны. Въ 1813 г., по поводу смерти фельдмаршала кн. Кутузова, Императоръ Александръ писалъ его супругѣ Екатеринѣ Андреевнѣ:

---

[1]) „Московск. Вѣд." 1834, № 76, стр. 3533.
[2]) „Русск. Инв." 1821, № 152, стр. 610.
[3]) „Московск. Вѣдом." 1835, № 98, стр. 4889—4890.

„Въ честь ему воздвигается памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; чужестранецъ же уважитъ землю, порождающую столь великихъ людей". Въ 1818 г. въ именномъ указѣ на имя министра полиціи, гр. С. К. Вязмитинова, эта мысль получила осуществленіе въ рѣшеніи воздвигнуть памятникъ Кутузову и Барклаю-де-Толли на Казанской площади [1]), исполненные по проекту скульптора Б. И. Орловскаго [2]).

Въ память сраженія при Кульмѣ Богемія прислала герою этого сраженія, графу Остерману, кубокъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Графъ Остерманъ, приказавъ вырѣзать на этомъ кубкѣ имена полковыхъ командировъ, участвовавшихъ въ Кульмскомъ сраженіи, и оберъ-офицеровъ, лишившихся въ этомъ сраженіи жизни, пожертвовалъ кубокъ въ Преображенскій полкъ на храненіе, съ тѣмъ, „дабы оный отнынѣ на всегда каждый великій постъ подаваемъ былъ въ полковой церкви, послѣ пріобщенія святыхъ таинъ, нижнимъ чинамъ съ теплотою, вмѣсто сосуда, Греко-Россійскою церковію при семъ случаѣ употребляемаго". Государь Императоръ, въ рескриптѣ своемъ командиру Преображенскаго полка, барону Розену, по поводу этого пожертвованія выразился: „Я съ великимъ удовольствіемъ пріемлю на себя исполненіе сего благочестиваго распоряженія его (т. е. графа Остермана), тѣмъ болѣе, что кубокъ сей свидѣтельствуетъ вмѣстѣ какъ безсмертную славу, какою на поляхъ Богеміи увѣнчалась храбрая наша гвардія, такъ и чистосердечную благодарность Богемскаго народа, избавленнаго отъ угрожавшихъ ему бѣдствій. Мнѣ весьма пріятно видѣть, что къ столь достойному въ семъ знакѣ соединенію двухъ величайшихъ добродѣтелей, благотворенія и благодарности, присовокупляется еще благочестивое желаніе посвятить оный Тому, предъ Кѣмъ сердце наше, при всѣхъ громкихъ дѣяніяхъ и славѣ человѣческой, долженствуетъ благоговѣть и сокрушаться. Да будетъ сей кубокъ всегдашнимъ знакомъ и свидѣтельствомъ совокупленія сихъ высокихъ доблестей! Да съ піеніемъ изъ него теплоты напояются чувства народныя теплымъ усердіемъ къ Верховному Владыкѣ и Спасителю народовъ" [3]).

Графу Витгенштейну псковское купечество поднесло образъ Псковскаго чудотворца благовѣрнаго князя Гавріила съ надписью: „Защитнику Пскова, графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города, сентября 11-го числа 1812 года". А жители

---

[1]) „Московск. Вѣд." 1834, № 94, стр. 4427.
[2]) Статуя ангела на Александровской колоннѣ тоже его работы.
[3]) „Сѣверн. Почта" 1817, № 18.

Пскова, не довольствуясь поднесеніемъ образа, съ Высочайшаго соизволенія, соорудили въ храмѣ Пресвятой Богородицы памятникъ побѣдамъ графа Витгенштейна [1]).

Въ селѣ своемъ Грузинѣ графъ Аракчеевъ воздвигъ памятникъ воинамъ полка его имени, павшимъ въ войнѣ съ французами [2]). Извѣстный скульпторъ и медальеръ нашъ, графъ Ф. П. Толстой, проектировалъ рисунки медалей на главнѣйшія событія Отечественной войны. Медали эти и копіи съ нихъ въ настоящее время очень рѣдки и потому дороги, и даже описаніе ихъ и самые рисунки медалей, тогда же изданные, тоже считаются рѣдкими и цѣнятся очень дорого.

Но всѣ эти проявленія почтенія и уваженія къ отдѣльнымъ героическимъ событіямъ Отечественной войны и къ подвигамъ ея героевъ были слишкомъ малочисленны и слишкомъ незамѣтны, почему и не удовлетворяли доведеннаго до высшей степени напряженія патріотическаго чувства весьма многихъ тогдашнихъ патріотовъ и вызывали съ ихъ стороны жалобы на равнодушіе общества къ дѣяніямъ защитниковъ отечества. Такъ, напр., генералъ-маіоръ Писаревъ въ сочиненіи своемъ: „Военныя письма и замѣчанія, наиболѣе относящіяся къ незабвенному 1812 году и послѣдующимъ“, изданномъ въ 2-хъ частяхъ Павл. Субботинымъ и Семен. Селивановскимъ въ Москвѣ, въ 1817 г., помѣстилъ цѣлую главу: „о памятникахъ въ Россіи послѣ войны 1812 года“, въ которой, между прочимъ, говоритъ:

„Въ недавнемъ времени, проѣхавши отъ Нѣмана до Невы рѣки и отъ Митавы до престольнаго города Москвы, нигдѣ на пути моемъ не встрѣтилъ я ниже признаковъ какихъ-либо памятниковъ, воздвигнутыхъ падшимъ на войнѣ въ защиту отечества или героямъ, исторгнувшимся со славою, изъ челюстей алчной смерти и освободившимъ многіе города и урочища отъ иноплеменныхъ, осквернявшихъ святую Русь въ 1812 году!.. Примѣчательный путешественникъ усматриваетъ только по сторонамъ большихъ дорогъ небольшіе бугры или насыпи на мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія: то суть общія могилы ратника и полководца, врага и соотечественника!..

Грустная надежда оставшимся и по одному пути шествующимъ съ падшими героями!.. Гдѣ же признательность и благодарность единоземцевъ? Гдѣ же любовь и дружба братій и родственныхъ?.. Гдѣ же хвала и ободреніе отъ степенныхъ и думныхъ мужей?.. Пробѣгалъ я излучистые берега рѣки Березины, обходилъ зубча-

---

[1]) Писаревъ: Военныя письма, 1817, ч. 1-ая, стр. 62 и 65.

[2]) Писаревъ: Военныя письма, ч. 1-ая.

тыя стѣны Смоленска, обозрѣвалъ овраги Бородинскіе и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ воскрешалъ въ памяти моей всѣ дѣла, недавно собывшіяся, и вызывалъ тѣни усопшихъ героевъ изъ храма вѣчности, да урекнутъ соотечественниковъ своихъ въ забвеніи ихъ подвиговъ, запечатлѣнныхъ страдальческою смертію въ искупленіе отечества и сыновъ его!.. Такъ, будемъ признательны и вмѣстѣ съ онымъ справедливы: соорудимъ памятники нашимъ героямъ на мѣстахъ, гдѣ подвизалися они за Вѣру, Отечество и Царя, на тѣхъ самыхъ ристалищахъ ихъ славы и чести; таковые памятники вмѣстѣ будутъ и знаками побѣдъ и позорищемъ торжествъ нашего оружія,—оправдаемъ тѣмъ чувства наши, что „могила храбраго отечеству священна!" Не нужно тутъ количество мрамора и мѣди, ни блеска самаго злата... Простая надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ! вразумляетъ болѣе, нежели всѣ изящные рѣзцы, трудившіеся надъ богатыми надгробными сооруженіями [1]). Груда дикихъ камней, твердо сплоченныхъ и расположенныхъ по хорошему рисунку, дерновый высокій холмъ съ надписною плитою, къ которому бы велъ темный сосновый просадъ; гранитный усѣченный столбъ; часовня хорошаго зодчества и съ приличными изображеніями и надписью, и тысяча другихъ изображеній оправдали бы любовь къ отечеству и признательность къ доблестямъ нашихъ героевъ!

Посѣтите военное кладбище въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи; тамъ уже воздвигнутъ памятникъ въ честь храбрымъ россійскимъ офицерамъ, умершимъ въ городѣ отъ ранъ, полученныхъ ими въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ [2]). Надпись надъ онымъ достойна вниманія: „Герои! священъ вашъ прахъ странѣ сей, и память ваша незабвенна въ своемъ отечествѣ!" Прочтите о памятникѣ Кульмскомъ, воздвигаемомъ въ городѣ Теплицѣ ратовавшимъ въ томъ краю... Заѣзжайте въ Дессау, Веймаръ, Готту, вездѣ найдете или торжественныя ворота или обелиски въ знакъ признательности и благодарности жителей!.. Подивитесь, что и самые французы готовы увѣковѣчить памятникомъ наше торжество побѣдъ и ихъ избавленіе [3])... Загляните въ самый городъ Галла, и тамъ отъ малаго избытка жителей сооруженъ скромный памятникъ на берегу смиренной Саалы во брани умершимъ храбрымъ рато-

---

[1]) Въ С.-Петербургѣ, въ Невскомъ мон-рѣ надъ гробомъ Суворова одна только надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ. Примѣч. Писарева.

[2]) О семъ памятникѣ есть особое описаніе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатанное въ Вѣнѣ съ рисунками, 1815 г. Примѣч. Писарева.

[3]) См. книжку на франц. яз. „О благодарности французовъ и сооруженіи памятника Александру Первому", сочин. бар. де-ла-Парелли. Парижъ 1814. Примѣчаніе Писарева.

борцамъ!.. Но почто объѣзжать намъ страны чуждыя, дабы научиться чувствовать; переймемъ у своихъ соплеменныхъ жителей Риги: тамъ, среди города, сооружается богатый и многостоющій памятникъ изъ мрамора и гранита, а при въѣздѣ градскомъ созидаются торжественныя врата во славу побѣдъ прошлой войны 1812 г., изъ добровольнаго пожертвованія признательныхъ рижскихъ жителей къ избавителямъ ихъ страны и имуществъ ихъ!.. Городъ Псковъ оказалъ примѣрную свою благодарность герою Витгенштейну, оберегавшему ихъ область отъ непріятельскаго вторженія: признательные жители онаго города внесли въ соборный свой храмъ погрудь (т. е. грудной портретъ) сего искупителя ихъ!.. Петрополь поднесъ сему же герою злато свое, да упрочитъ въ ономъ градѣ свое жилище!.. Надъ прахомъ достойнаго послѣдователя Суворова, князя Багратіона, въ селеніи Симахъ, стихотворная надпись, если не удивляетъ своею поэзіею, по крайней мѣрѣ напоминаетъ о героѣ и извлекаетъ слезы умиленія и признательности!..

Въ селеніи Совошнѣ сооруженное надгробіе указываетъ вамъ сокрытый прахъ героя Кульнева!..

Въ селеніи Леташевкѣ воздвигнутъ будетъ памятникъ русскимъ воинамъ (по обѣщанію владѣльца)...

...Соображая все сіе, почему же невозможно ожидать достойныхъ послѣдователей въ достохвальныхъ таковыхъ подвигахъ, обнаруживающихъ доблесть души, качество ума и благородство достоянія ихъ... Итакъ, на берегу Нѣмана, въ Юрбургѣ, Ковнѣ или Меречи слѣдуетъ соорудить памятникъ, на которомъ бы означалось время перехода черезъ сію рѣку всѣхъ разнородныхъ полчищъ Наполеоновыхъ и время ихъ обратнаго бѣгства изъ Россіи!..

Прибрежные владѣльцы, богатые помѣщики, соединясь душею и мыслію на сей предметъ и удѣля малость отъ избытковъ своихъ, весьма легко могутъ привести оное въ дѣйствіе! Въ городѣ Борисовѣ, или при самомъ берегу рѣки Березины, въ селеніи Студенцахъ, увѣковѣчьте въ потомство и славу вашего оружія и чувства вашей признательности! Въ Могилевѣ прославьте князя Багратіона, Раевскаго. Въ Красномъ ознаменуйте славнѣйшую въ лѣтописяхъ военныхъ побѣду вашу. Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, въ Смоленскѣ внесите въ соборъ имена прославленныхъ героевъ и падшихъ воиновъ подъ стѣнами градовъ, при дверяхъ жилищъ вашихъ,—они смертію своею заслужили вѣнецъ безсмертія и требуютъ онаго отъ васъ! Память ихъ должна быть священна,—вѣра сама пріемлетъ ихъ какъ страдальцевъ, тружениковъ юдольнаго міра сего! Имена ихъ научатъ не щадить и самую жизнь за вѣру, отечество и царя; что священнѣе сего поученія!.. Итакъ, почему въ церквахъ не

выставить на приличныхъ мѣстахъ черныя мраморныя доски съ именами убитыхъ подъ стѣнами самаго того города или селенія: чиновниковъ прописью ихъ именъ; рядовыхъ, буде ихъ большое количество, однимъ числомъ, съ означеніемъ только полковъ ихъ. Къ прискорбію моему долженъ здѣсь упомянуть я, что въ самомъ Смоленскѣ едва кто знаетъ, гдѣ зарытъ прахъ Энгельгардта и Шубина [1]), разстрѣлянныхъ непріятелемъ за любовь ихъ къ отечеству своему!.. Ни въ одномъ домѣ не видѣлъ я портретовъ ни кн. Кутузова, ни Раевскаго, ни Коновницына, защищавшихъ городъ, елико возможно, противъ многочисленныхъ силъ непріятельскихъ (Портреты сихъ героевъ продаются гравированные)!.. Въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ едва-ли кто знаетъ, что графъ Милорадовичъ спасъ сіи города отъ всеобщаго пожара и лютости вражеской! Въ Мало-Ярославцѣ помнятъ ли о подвигѣ генерала Дохтурова и его соучастникахъ въ кровавой битвѣ подъ ихъ городомъ? Что окажетъ примѣрнаго Калуга въ своей благодарности за спасеніе цѣлой ея области кн. Кутузовымъ?.. Въ селѣ Бородинѣ уцѣлѣвшая отъ ядеръ и бомбъ каменная церковь во имя Архангела Михаила, по изгнаніи непріятелей, теперь упразднена и даже самый ея приходъ причисленъ къ другой церкви!.. Я бродилъ тутъ по сельскому кладбищу и неумышленно попиралъ ногами героевъ; ибо все опало, все въ запустѣніи. По оврагамъ, прилежащимъ къ сему, есть общія могилы, на иныхъ деревянные кресты указываютъ только набожность земледѣльца, вспахивающаго ближняго своего ниву!.. Для Бородинскаго памятника всѣмъ дворянамъ и имущему купечеству губерніи, казалось бы, слѣдовало состязаться въ добровольномъ удѣлѣ своего излишества!.. Но въ мечтаніяхъ моихъ слышатся мнѣ голоса стяжательныхъ или, вѣжливѣе сказать, бережливыхъ помѣщиковъ: сооруженіе таковыхъ памятниковъ есть дѣло правительства... Нѣтъ, милостивые государи, нѣтъ, то дѣло благородныхъ обществъ, признательностію воспламененныхъ, то дѣло частныхъ людей, вѣрою одушевленныхъ, добродѣтелію наставленныхъ; то дѣло васъ самихъ: отца, супруга, сына, родственника! Почто истреблять у себя и чувства и вѣру и исхитить изъ своихъ рукъ доброе дѣло? Почто не допускать себя въ сообщники благороднаго поступка или примѣрнаго подвига?.. Вы, только о себѣ пекущіеся, озабоченные пріумноженіемъ своихъ излишествъ, на то ли всещедрыя небеса надѣлили васъ всѣми благами міра сего, дабы дѣяніями

---

[1]) См. манифестъ о нихъ отъ 30 авг. 1813 г. Примѣч. Писарева.

Подполковнику Павлу Энгельгардту открытъ въ Смоленскѣ памятникъ 3-го сент. 1835 г. („Моск. Вѣд." 1835, № 77, стр. 3785 и 3787). *Ф. В.*

своими прогнѣвляли вы и самое Провидѣніе? Нѣтъ, ваши возраженія несправедливы: мудрое правительство объемлетъ чертежъ общаго памятника: разогните книгу ущедренныхъ на всю ихъ жизнь за заслуги военныхъ и статскихъ людей,—однихъ, терявшихъ и свою собственность на службѣ царской, другихъ, озабоченныхъ дѣлами государственными!.. Навѣстите воспитательные, сиротскіе, учебные и страждущихъ немощію домы; перечтите милліоны для изувѣченныхъ; сознайтесь въ неисчетныхъ пособіяхъ разоренным, но между тѣмъ воззрите на Петрополь; тамъ, въ великолѣпномъ храмѣ Казанскія Божія Матери, сооруженъ памятникъ витязю кн. Смоленскому. Герои Задунайскій и Рымникскій вскорѣ, можетъ быть, узрятъ его и близъ себя стоящаго... Въ престольной Москвѣ на Воробьевыхъ ея горахъ или среди самой Москвы, но предназначено уже воздвигнуть пространный и благолѣпный храмъ Спасу [1])!.. Изваятся лики Пожарскаго и Минина!.. Обновятся по градамъ святой Руси ваши торжища и стогны. Се есть дѣло правительства и попеченіе онаго предусмотрительно!.. Да заградятся же уста нечестивыхъ и да преклонятся сердца на доброе“ [2]).

Патріотическое желаніе генерала Писарева, чтобы на всѣхъ главнѣйшихъ поляхъ сраженій достопамятнаго 1812 г. были воздвигнуты памятники, стало осуществляться уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, когда объявленъ былъ конкурсъ на составленіе проектовъ этихъ памятниковъ. Срокомъ представленія проектовъ назначено было 1-ое мая 1836 г. [3]), но, кажется, конкурсъ этотъ не состоялся.

Но изъ всѣхъ проектированныхъ и осуществленныхъ памятниковъ самымъ важнымъ и замѣчательнымъ былъ храмъ во имя Христа Спасителя, долженствовавшій выразить всю глубину охватившаго русскихъ религіознаго чувства и всю степень смиренія и признанія воли Божіей въ дѣлахъ человѣческихъ, столь свойственныхъ русскому міровоззрѣнію и характеру вообще и съ такой ясностью сказавшихся въ эпоху Отечественной войны. Не только Императоръ Александръ, но и большинство русскихъ людей того времени приписывали столь внезапный и столь счастливый для

---

[1]) Книга Писарева вышла въ первой половинѣ 1817 (Ценз. пом. 6-го апр.). Въ это время, вѣроятно, еще неизвѣстно было, какое именно мѣсто избрано будетъ для построенія храма во имя Христа Спасителя, проектъ котораго, составленный А. Л. Витбергомъ, уже былъ одобренъ и принятъ Государемъ. *Ф. В.*

[2]) См. вышеназванную книгу Писарева, стр. 253—266. *Ф. В.*

[3]) См. „Москов. Вѣдом.“ 1835, № 98, стр. 4889—4890. *Ф. В.*

насъ оборотъ, принятый событіями, волѣ Божественнаго Провидѣнія, употребившаго русскихъ только какъ орудіе для наказанія и ниспроверженія человѣческой гордыни, въ лицѣ Наполеона, и господствовавшаго въ то время повсюду въ Европѣ невѣрія и безбожія въ лицѣ французовъ [1]).

Желая нагляднымъ образомъ выразить это смиренно-религіозное настроеніе и передать потомству внутренній, сокровенный смыслъ совершавшихся событій, Императоръ Александръ остановился на мысли увѣковѣчить чудесное избавленіе отечества нашего отъ враговъ и неожиданное, внезапное превращеніе наше изъ обороняющихся въ побѣдителей построеніемъ въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя и 25-го декабря 1812 года въ Вильнѣ, передъ самымъ переходомъ нашимъ черезъ границу, т. е. рѣшивъ уже принять на себя выпавшую на долю Россіи миссію освободительницы Европы, издалъ слѣдующій манифестъ:

„Объявляемъ всенародно. Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благость Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило бла-

---

[1]) Я сказалъ, что такъ думало большинство тогдашнихъ русскихъ людей, потому что уже въ 1813 г., къ сожалѣнію, стали раздаваться голоса, умалявшіе и искажавшіе смыслъ совершавшихся событій. „Сколько великихъ дѣлъ полководцевъ нашихъ и народа русскаго“, говоритъ одинъ современникъ, „уже не въ томъ блескѣ принимаются. Одни—событіе славы нашей приписываютъ времени; другіе—поступки народа нашего, коего вѣра и любовь къ отечеству руководствовали, основываютъ на непросвѣщеніи онаго“. (А. Безобразовъ: „Краткое обозрѣніе подвиговъ россійскаго дворянства“. Спб. 1813, стр. XI—XII. *Ф. В.*

годарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ“ [1]).

Манифестъ этотъ былъ выраженіемъ общаго чувства, господствовавшаго повсюду. Всѣ твердили о необходимости, не ограничиваясь увѣковѣченіемъ памяти объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, построить памятникъ, выражающій общій и главный смыслъ совершавшихся событій. Но въ какой формѣ это произвести—мнѣнія были различны. Мысль построить именно храмъ и именно Христу Спасителю принадлежитъ дежурному генералу первой арміи, бывшему впослѣдствіи статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, Петру Андреевичу Кикину, написавшему по этому поводу въ декабрѣ 1812 г. длинное письмо адмиралу А. С. Шишкову, состоявшему тогда государственнымъ секретаремъ и находившемуся при Императорѣ въ Вильнѣ. Такъ какъ это письмо П. А. Кикина касается именно вопроса объ увѣковѣченіи памяти событій Отечественной войны, и выражаетъ тогдашнее настроеніе русскихъ людей, то мы приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Послѣ отъѣзда вашего изъ арміи мы ни о чемъ другъ другу не писали. Не мудрено: оба лѣнивы. Къ тому же и обстоятельства были таковы, что не до писемъ. Каждый страдалъ душею и съ сокрушеннымъ сердцемъ ожидалъ общаго спасенія отъ единаго милосердія Всевышняго. Нужно ли было чувства свои описывать другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи и никакое отдаленіе никого не спасало; одно, что дѣйствительно усугубляло сильно страданіе наше и убивало, можно сказать, душу каждаго изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить его отъ гибели, или прежде принести себя въ жертву. Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны и что остается только покориться Промыслу. Оборотъ, который приняла война, есть неудобопонятный, и смѣло скажу, что самъ Наполеонъ, съ надменностію, ему единому въ толикой силѣ свойственной, бывъ въ положеніи нашемъ, едва-ли бы могъ возмечтать имѣть подобные успѣхи. Увѣрить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно, и самое пылкое воображеніе неудовлетворительно. Несмѣтная непріятельская сила, по малой мѣрѣ изъ 15-ти народовъ разныхъ соединенная, наводнившая, такъ сказать, Россію, въ теченіе восьми недѣль, совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всея Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли

[1]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXXII, № 25.296. *Ф. В.*

своей, видитъ себя съ однимъ слабымъ прикрытіемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи своемъ. Разительный урокъ сей да охранитъ каждаго отъ самонадѣянія, и да согласится всякъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога!

„Но время приступить къ цѣли моей, для коей токмо и началъ письмо сіе. Кто изъ насъ не возсылаетъ теплыхъ молитвъ ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствуетъ сердечной необходимости ознаменовать признательность свою къ милосердію Его, явно покровительствующему намъ? Конечно, всѣ и каждый,— сіе безспорно! Но умы разнообразны, и всякій видитъ по-своему; почему мнѣніе мое подвергаю просвѣщенному уму вашему, отдавая должную ему справедливость. Всѣ вообще кричатъ: должно соорудить монументъ! Согласенъ и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ; но вотъ бѣда: чтобъ согласиться, какой? Иной говоритъ—обелискъ, пирамиду другой, а колонну— третій, и такъ далѣе, съ разными, по ихъ мнѣнію, надписями. Я мыслю, что памятникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть когда и для чего воздвигнутъ.

„Война сія, повидимому, долженствовавшая рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея, и даже самой Вѣры, не есть обыкновенная; почему и памятникъ долженъ быть таковой же. Провидѣніе Божіе, помощію Вѣры и народнаго духа, спасло насъ. Ему благодарность,—и памятникъ Ему же принадлежитъ. Боже упаси насъ сдѣлаться несмысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ (и въ какое при томъ время!), что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное льстятъ надменности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. Итакъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъименемъ Спасскаго собора, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждаго.

„Я говорю—въ Москвѣ; ибо тамъ въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертный ударъ народу русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на родъ человѣческій; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ. Воздавъ Божіе Богови, тѣснѣе сопряжемся съ вѣрою, и потомство навсегда имѣть будетъ предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченію, приписывающему все себѣ: киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ

18-го столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы; пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ, но къ счастію нашему однѣ искры успѣли токмо закрасться въ головѣ мнимо-просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожавшія и намъ самимъ, не должны ли вразумить насъ? Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительно убѣдить каждаго въ томъ, что̀ можетъ въ народѣ Вѣра! Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самаго невѣрующаго, не думаю, чтобъ могъ не согласиться, по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сіе есть первая и сильнѣйшая пружина, помощію которой правительство можетъ вести многочисленные народы къ цѣли своей; слѣдственно, и въ семъ случаѣ благоразуміе одно заставитъ сдѣлать то же.

„Чувствую, что напрасно распространяюсь о семъ съ вами: кто лучше и болѣе васъ убѣжденъ въ томъ? Итакъ, изложу токмо вообще, что̀ бы мнѣ казалось нужнымъ; дополнить и усовершенствовать—ваше дѣло.

„Храмъ Спасителю—на великолѣпной площади (что теперь въ Москвѣ, кажется, не трудно будетъ); на площади сей изъ непріятельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, или другое что, какъ-то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предоставя художникамъ на произволъ; внутри храма помѣстить всѣхъ народовъ, съ нами воевавшихъ, знамена, штандарты и прочіе трофеи, разумѣется, что съ искусствомъ. Въ ономъ храмѣ непремѣнно должно соорудить придѣлъ усопшимъ на полѣ чести, коихъ имена вырѣзать на доскахъ мѣдныхъ: нижнихъ чиновъ—числомъ, съ означеніемъ токмо полковъ, дворянства же всего поименно, ибо утѣшительно матери читать имя сына своего или сыну—имя отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорбленнаго и гибнувшаго отечества. Надпись на фронтонѣ, по моимъ мыслямъ, придумана лучше быть не можетъ и сообразнѣе цѣли всего памятника, какъ: Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу.

„Но я не кончилъ, и испрашиваю снисхожденія и терпѣнія; у кого журналы на столѣ, какъ у васъ, и громада бумагъ, какъ у меня, тому, кажется, терпѣнью не учиться.

„Итакъ, еще желалъ бы (жаль, что не въ моей власти и голосъ мой незначущъ!), чтобы назначено было трехдневное празднество ежегодно въ день очищенія границъ нашихъ отъ супостата: первый день посвященъ былъ бы Вѣрѣ, и слѣдственно для духовенства со всея Москвы крестный ходъ; молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и панихида за усопшихъ; войска подъ ружьемъ. Второй

день: празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія и чѣмъ каждый изъ воиновъ обязывается передъ отечествомъ. Третій день: празднество народное, предающее въ потомство безсмертную честь, каковою покрылись въ сію войну наши православные, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашній страхъ врагамъ земли Русскія.

„Могъ бы распространиться разсужденіями, доказательствами, но что истинно хорошо—не имѣетъ въономъ нужды; что же худо,—то дѣлается несноснымъ; и для того удержусь, оставляя на произволъ рѣшенію вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ. Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно, и гораздо прежде, нежели я получилъ рисунокъ колонны г. Оленина [1]), въ чемъ ссылаюсь на князя Петра Михайловича Волконскаго [2]), слѣдственно, не имѣя въ виду именно онаго рисунка его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобнаго. Прибавлю токмо то, что я остаюсь при мнѣніи своемъ, и замѣчу, что, не знавъ точно художника, могъ бы подумать на Томона, Готенбергера [3]) и проч., и отнюдь не хотѣлъ бы съ ними встрѣтиться въ мысляхъ въ подобное время. Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ вокругъ храма: сіе принадлежитъ художникамъ, ибо касается до вкуса и науки; а гдѣ должны входить чувства и сердце, то дѣло не ихъ.

„Позабылъ сказать о важнѣйшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семъ случаѣ, и какого ни одна держава сдѣлать не въ состояніи. Еще за 2.500 лѣтъ въ Архипелагѣ, на островѣ Мелосѣ, находился большой обдѣланный камень, который служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ начала же самаго введенія христіанской православной вѣры и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ для принесенія на ономъ моленій Господу Богу нашему жителями острова Мелоса и другими, туда отъ гоненія укрывавшимися.

---

[1]) Объ этомъ рисункѣ упоминалось нами выше. Статсъ-секретарь Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, художникъ-археологъ, любитель и покровитель искусствъ, былъ въ это время директоромъ Публичной библіотеки, а впослѣдствіи—президентомъ Академіи Художествъ. *Ф. В.*

[2]) Въ 1812 г. кн. П. М. Волконскій состоялъ при особѣ Государя. Онъ считается основателемъ русскаго генеральнаго штаба. При Императорѣ Николаѣ I былъ министромъ двора. *Ф. В.*

[3]) Иностранные художники, поселившіеся въ Россіи. Томонъ, французскій архитекторъ, строитель биржи и большого театра въ Петербургѣ, Полтавскаго памятника и частныхъ зданій. *Ф. В.*

„Англiйскiй генералъ г. Вильсонъ [1]), въ путешествiи своемъ, какъ драгоцѣнную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованiями, успѣлъ доставить оный, и имѣетъ извѣстiе, что онъ привезенъ уже въ Англiю. Его намѣренiе было и прежде отдать его Россiи, яко старшей церкви греческаго исповѣданiя; узнавъ же отъ меня о планѣ моемъ, подарилъ его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу, съ условiемъ, чтобы то было въ Россiи. Я увѣренъ, что древность таковая, освященная чрезъ толикiя столѣтiя молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоцѣнна.

„Еще думаю я, что война сiя, прославившая Россiю, утвердившая и показавшая цѣлому свѣту силу и могущество ея, распространитъ пользу и на другiе народы, и если Богъ поможетъ намъ, то Испанiя, Италiя и другiя державы одолжены будутъ намъ же спасенiемъ своимъ; въ такомъ случаѣ, конечно, они захотятъ участвовать въ созиданiи величественнаго и знаменитаго храма сего: украшая его, увеличатъ и увѣковѣчатъ вмѣстѣ честь и славу земли Русскiя.

„Неблагодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашего. Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительнѣе, что мы страшились и, увѣряю честiю васъ, что отъ перваго до послѣдняго всѣ содрагались даже отъ единаго помышленiя о мирѣ. Уничиженiе, бремя тяжкое, удручало каждаго! Но твердый и навсегда незабвенный отзывъ его полковнику Мишо [2]), неоднократно и въ разное время имъ повторенный, не токмо успокоилъ насъ, но вселилъ новую душу, и съ сея минуты просiяла несомнѣнная надежда возвратить Россiю на прежнюю степень ея величiя. Кто не знаетъ, что можетъ надъ умами человѣковъ твердость единаго изъ нихъ, а тѣмъ паче Царя своего! Беспристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствiя, которыя война сiя долженствовала имѣть для Россiи, если бы твердость Монарха ея не обратила всѣ бѣдствiя въ источникъ будущаго ея благосостоянiя. Важность войны сей, великiя дарованiя и могущество противника, совершенное истребленiе всѣхъ силъ его и спасенiе отечества помѣстило уже предводителя нашего на-ряду съ первѣйшими полководцами въ мiрѣ. Наконецъ, мужество армiи и понесенные ею труды, равномѣрно участiе, которое имѣли всѣ

---

[1]) Находившiйся во время Отечественной войны при нашей главной квартирѣ военнымъ агентомъ англiйскаго правительства. Ему принадлежитъ довольно вѣрная и безпристрастная статья о русскомъ войскѣ.

Ф. В.

[2]) Присланному Кутузовымъ съ донесенiемъ о потерѣ Москвы.

Ф. В.

состоянія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе. Итакъ, можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ—Императору, другой—главноначальствующему, третій—войску, четвертый—народу. Но здѣсь останавливаетъ меня одна мысль: прилично ли, не надменно ли будетъ, воздвигая храмъ Спасителю, на вѣчную память нашей къ Нему признательности, присоединять къ оному памятники, въ честь самимъ намъ сооруженные? Впрочемъ, мнѣніе частнаго человѣка не есть рѣшительный приговоръ, и я весьма далекъ отъ подобнаго самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими.

„Написавъ мнѣніе мое, предоставляю вамъ сдѣлать, по усмотрѣнію вашему, какое угодно употребленіе. Все, на что могу надѣяться, состоитъ въ томъ, что не откажете мнѣ изъявленіемъ мыслей вашихъ съ откровенностію на сей счетъ.

„Истинно и душевно почитающій и преданный вамъ Петръ Кикинъ. Декабря (число не поставлено) 1812 года, городъ Вильна [1])“.

Выраженная въ этомъ письмѣ мысль генерала Кикина, осуществившаяся въ вышеприведенномъ Высочайшемъ манифестѣ 25 декабря 1812 года, встрѣчена была въ тогдашнемъ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ и признана вполнѣ выражающей одушевлявшія всѣхъ чувства.

Извѣстный впослѣдствіи писатель-романистъ, И. И. Лажечниковъ, непосредственный участникъ борьбы нашей съ французами, въ своихъ „Походныхъ запискахъ“ такъ отозвался на счастливую мысль Кикина: „отечественная война кончилась; но слава ея должна во всемъ величіи оживиться для нашего потомства. Не довольно, чтобы уста краснорѣчивыхъ старцевъ передали ее дѣтямъ и внукамъ своимъ; мало еще того, чтобы рѣзецъ и кисть по частямъ перенесли ее будущимъ поколѣніямъ и чтобы перо историка начертало ее на листахъ безсмертія: ей необходимъ памятникъ, который, смѣясь угрозамъ времени, переселялъ бы ее всю вдругъ во взоры и сердца потомковъ. Блистательный даръ краснорѣчія, неизъяснимыя прелести поэзіи, обворожительная власть живописи и ваянія, могутъ сильно дѣйствовать на чувства, науками утонченныя, на умы, просвѣщеніемъ образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могутъ ли они имѣть такое вліяніе на умы и сердца простого народа? Въ состояніи ли тронуть ремесленника, работника и земледѣльца, вышедшихъ изъ рукъ Природы съ чувствами, хотя

---

[1]) „Москвитянинъ“ 1846, I. 159—167. Перепечатано въ Берлинскомъ изданіи (1870). „Записки“ А. С. Шишкова. *Ф. В.*

способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусомъ и науками? Памятникъ Отечественной войны долженъ быть краснорѣчивъ для всѣхъ состояній. Надобно, чтобы онъ въ одно время дѣйствовалъ на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина; чтобы всѣ они умѣли понимать его величіе и сближаться имъ со славою сей войны. Нужно, чтобы памятникъ сей соединялъ въ одно время мужественныя дѣянія сыновъ Россіи, твердость духа ея Государя и милосердіе великаго Провидѣнія, въ 1812 году столь явно покрывшаго ее щитомъ своимъ. Воины-солдаты и воины-поселяне, защитники отечества, ожидаютъ сего памятника, какъ свидѣтельства ихъ храбрости, терпѣнія и любви къ родинѣ; Россія проситъ его для Монарха, хранителя ея свободы, имени и величія; народъ, исполненный чистой вѣры, требуетъ его для вѣчнаго воспоминанія милостей Творца и изъявленія Ему чувствъ благодарности. Какимъ же произведеніемъ искусства исполнятъ вдругъ надежду войска и гражданъ, мольбу Россіи и требованіе народа? Сооруженіемъ величественнаго храма, посвященнаго имени Спасителя, украшеннаго изображеніемъ Государя въ минуту рѣшительнаго его обѣта, окруженнаго трофеями нынѣшней войны и статуями умершихъ на поляхъ славы русскихъ героевъ! Москва, какъ славная жертва нынѣшней войны, должна обладать и гордиться симъ богатымъ памятникомъ.

„*Мысль храма сего принадлежитъ генералу Кикину* [1]). Относя столь справедливо Богу успѣхи и славу Отечественной войны сей (не отнимая славы дѣяній отъ войска и вождя его), со всею основательностію и краснорѣчіемъ описываетъ онъ явныя благодѣянія небесъ и доказываетъ, что никакой памятникъ не можетъ быть приличнѣе храма во имя Спасителя; мысль счастливая, исполняющая общія желанія, и достойная быть приведена въ дѣйствіе! Говорятъ, что начертаніе сего храма представлено взорамъ Государя Императора; уже ласкаютъ насъ пріятнымъ для каждаго русскаго слухомъ, что оно имъ благосклонно принято и будетъ вскорѣ утверждено“ [2]).

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ намъ. *Ф. В.*

[2]) Авторъ имѣлъ счастіе видѣть заложеніе сего храма въ Москвѣ 12 октября 1817 года. Примѣчаніе И. Лажечникова.

Дѣйствительно, 12 окт. 1817 г. въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ торжественно, въ присутствіи всей царской фамиліи, всего Московскаго духовенства, 50.000 войска и безчисленнаго множества народа совершена была закладка храма во имя Христа Спасителя по проекту архитектора А. Л. Витберга. Но самая постройка храма не состоялась по причинамъ, изложеніе которыхъ не входитъ въ планъ этой статьи.

Извѣстный начальникъ университетской типографіи въ Москвѣ, Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, питомецъ Новиковскаго кружка, въ изданной имъ первой книжкѣ „Историческаго, Статистическаго и Географическаго журнала“ на 1813 годъ, также привѣтствовалъ Высочайшій манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ статьѣ: „Чувствованія издателя при чтеніи сего манифеста“. Благочестивая мысль Императора дала Невзорову поводъ указать читателямъ на недостаточность одного только наружнаго благочестія и необходимость искренняго нравственнаго возрожденія общества.

„Благодаримъ Господа, говоритъ онъ въ своей статьѣ, оправдавшаго надъ нами царствовать Монарха, толикіе знаки благоговѣнія къ Богу и благочестіе являющаго; поклонимся и припадемъ съ нимъ ко Христу Сыну Божію, спасающему насъ силою и заслугами своими, но поклонимся духомъ и истиною, а не единою наружною набожностію, не единымъ хожденіемъ во храмъ, посвященный имени Его, и не единымъ обряднымъ приношеніемъ Ему десятины, которую приносятъ и фарисеи“.

Подтвердивъ свою мысль примѣрами изъ Библіи и исторіи, показывающими, къ какимъ бѣдствіямъ приводитъ людей замѣна истинной вѣры одними наружными обрядами, онъ оканчиваетъ свою статью словами: „Итакъ, когда мы не одною наружностію, но дѣлами и любовію къ ближнимъ будемъ чтить Спасителя нашего, тогда мы будемъ соотвѣтствовать благоговѣйному желанію Благочестивѣйшаго Монарха нашего, въ Высочайшемъ манифестѣ своемъ о созиданіи церкви во имя Спасителя Христа, говорящаго: „Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ въ дѣлахъ ихъ предковъ“.

Въ 1814 году извѣстный Поздѣевъ [1]) тоже сочувственно отзывался объ идеѣ построить храмъ во имя Христа Спасителя. 2-го мая 1814 года онъ писалъ С. С. Ланскому [2]):

Вышеприведенная цитата изъ сочиненій Лажечникова взята изъ его „Походныхъ записокъ русскаго офицера“, напечатанныхъ сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817, № 7, смѣсь, стр. 209—225, а потомъ вышедшихъ отдѣльной книгой (Спб. 1820). *Ф. В.*

[1]) Глава московскихъ масоновъ послѣ Новикова. *Ф. В.*

[2]) Въ это время С. С. Ланской былъ вторымъ мастеромъ „Провинціальной“ масонской ложи. При Императорѣ Наполеонѣ I онъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ и Костромѣ, а при Императорѣ Александрѣ II—министромъ внутреннихъ дѣлъ и дѣятелемъ крестьянской реформы. *Ф. В.*

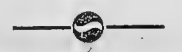
„Государь скоро возвратиться не можетъ [1]), пока, думаю, при себѣ не уладитъ всѣхъ по мѣстамъ. А титулъ самый лучшій Государю—храмъ хотя кирпичный построить Богу-Спасителю отъ него въ Москвѣ, который и обѣщанъ за избавленіе; и надпись сообразная въ стихахъ; а въ Петербургѣ храмъ же за спасеніе съ подписью въ стихахъ же. Это самые лучшіе титулы" [2]).

Въ другомъ письмѣ, къ неизвѣстному лицу, Поздѣевъ писалъ о томъ же: „Что Господь даровалъ изгнать французовъ изъ Россіи, такъ они изгнаны—это чудо будетъ во многіе вѣки; а что хотятъ соорудить храмъ Спасителю, хотя кирпичный, то это лучше театра и клуба, и тутъ-то бы, подлѣ хотя, и въ память князю Кутузову, но подлѣ храма сдѣлать пирамиду изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля [3])".

Для осуществленія высказаннаго въ манифестѣ 25-го декабря 1812 г. намѣренія построить храмъ Христа Спасителя объявленъ былъ конкурсъ, условія котораго сообщены были, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ художникамъ. Собирать проекты поручено было тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну. Въ 1816 г. въ его кабинетѣ состоялся осмотръ Государемъ присланныхъ уже проектовъ, въ числѣ которыхъ были проекты Гваренги, Воронихина, Михайлова и даже одинъ изъ Италіи; всего представлено было до двадцати проектовъ. Но изъ всѣхъ ихъ Государь остановился на одномъ, какъ наиболѣе его удовлетворявшемъ и вполнѣ выражавшемъ его сокровенныя желанія. Авторомъ этого проекта былъ молодой художникъ Александръ (тогда еще Карлъ) Лаврентьевичъ Витбергъ.

Но останавливаться на грустной исторіи этого проекта не входитъ въ задачу настоящей статьи, и безъ того слишкомъ обширной. По важности и сложности предмета исторія построенія храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ по проекту А. Л. Витберга должна составить особую статью.

Ф. Витбергъ.

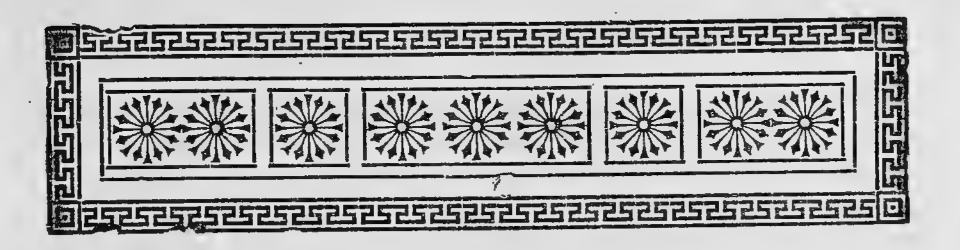

---

[1]) Онъ былъ въ это время вмѣстѣ съ союзниками въ Парижѣ. *Ф. В.*

[2]) Въ это время, какъ извѣстно, возникла мысль поднести Государю титулъ „Великаго", отъ котораго онъ отказался. *Ф. В.*

[3]) „Русск. Арх." 1872, стр. 1871. *Ф. В.*

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.[1]).

(Окончаніе).

Барклай-де-Толли, опытный и осторожный, вѣрно постигавшій образъ дѣйствій Наполеона, съ непоколебимою твердостью и большимъ искусствомъ избѣгалъ сраженій, которыя, при подавляющемъ превосходствѣ въ силахъ, обѣщали противнику рѣшительную и окончательную побѣду, т. е. тѣхъ сраженій, которыхъ всегда искалъ и достигалъ Наполеонъ. Но послѣ Смоленска обстоятельства измѣнились: силы обѣихъ сторонъ на столько сравнялись, что бой на выгодной, искусственно усиленной позиціи могъ имѣть благопріятныя послѣдствія. А потому Барклай, выступая изъ Смоленска, выслалъ офицеровъ генеральнаго штаба для обозрѣнія мѣстности по Московской дорогѣ и пріисканія выгодныхъ для обороны позицій. На пространствѣ отъ Смоленска до Гжатска найдены двѣ позиціи, тому соотвѣтствовавшія: при Усвятьѣ, не доходя Дорогобужа, и у Царево-Займища, между Вязьмою и Гжатскомъ. На позиціи при Усвятьѣ наши арміи соединились 11 (23) августа; но кн. Багратіонъ нашелъ, что II армія, занявшая лѣвое крыло, подвержена обходу, и что у Дорогобужа мѣстность выгоднѣе. Тогда главнокомандующій приказалъ продолжать движеніе и, когда оказалось, что позиція у Дорогобужа совершенно негодна [2]), слѣдовать въ Царево-Займище.

Между тѣмъ корпуса Мюрата, Нея, Даву и Жюно двинулись

---

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

[2]) Клаузевицъ называетъ ее въ своемъ описаніи 1812 г. мерзкою.

10 (22) августа вслѣдъ за нашими арміями; по тому же направленію слѣдовали проселочными дорогами войска вице-короля, Груши, Понятовскаго и Латуръ-Мобура. Самъ Наполеонъ, узнавъ, что русскія силы остановились у Дорогобужа, и надѣясь вступить съ ними тамъ въ генеральное сраженіе, выслалъ 12 (24) гвардію и съ наступленіемъ ночи, по окончаніи сдѣланныхъ имъ тогда распоряженій, выѣхалъ изъ Смоленска. Распоряженія эти относились къ лучшему обезпеченію тыла и фланговъ великой арміи по мѣрѣ ея углубленія внутрь Россіи. Маршалу Виктору (33.000 чел.) предписано двинуться изъ Пруссіи въ Литву, къ Вильнѣ и Смоленску, при чемъ ему были подчинены всѣ тыльные отряды. Маршалу Ожеро (56.000 ч.) приказано изъ Германіи перейти въ Польшу и занять пространство между Вислою и Нѣманомъ. Шварценбергу, Макдональду и Сенъ-Сиру посланы предписанія дѣйствовать съ энергіею, овладѣть Кіевомъ и угрожать Петербургу.

Армія, съ которою Наполеонъ предпринялъ новое наступленіе и надѣялся атаковать Барклая у Дорогобужа, за исключеніемъ гвардейской дивизіи, оставленной въ Смоленскѣ до прибытія маршевыхъ баталіоновъ, считала въ рядахъ своихъ 155.000 чел. Но надежда на генеральное сраженіе была снова обманута. Найдя Дорогобужъ оставленнымъ, Наполеонъ продолжалъ наступленіе въ прежнемъ порядкѣ, съ Мюратомъ въ авангардѣ. Нашъ арріергардъ, отступая къ Вязьмѣ, былъ сильно тѣснимъ Мюратомъ и Даву, но тѣмъ не менѣе удержался до ночи. На слѣдующій день арріергардъ, усиленный 3-ею пѣхотною дивизіею и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, поступилъ подъ начальство генерала Коновницына. Тогда былъ предпринятъ новый порядокъ отступленія: на всякомъ выгодномъ для артиллеріи пунктѣ устанавливали нѣсколько орудій, встрѣчали ими непріятеля, вынуждали его выслать свою артиллерію и развернуться, послѣ чего отступленіе продолжалось, и на слѣдующемъ удобномъ пунктѣ тотъ же маневръ повторялся. Въ этотъ же день, 17-го (29) августа, наши арміи расположились на позиціи у Царево-Займища, а непріятель вступилъ въ оставленную жителями и частью ими же зажженную Вязьму.

По обозрѣніи позиціи, усиленіе которой полевыми укрѣпленіями было немедленно предпринято, Барклай почувствовалъ, что онъ, наконецъ пріобрѣлъ право вступить съ противникомъ въ генеральное сраженіе и удовлетворить этимъ всеобщее желаніе съ спокойною совѣстью. Войска его, съ приведенными Милорадовичемъ въ Гжатскъ подкрѣпленіями, состояли изъ 110.000 чел., числительностью они еще много уступали непріятелю, но прежняя огромная несоразмѣрность изчезла; онѣ были испытанной храбрости, имѣли

надежныхъ начальниковъ и находились на отличной позиціи [1]). Въ полупереходѣ за Царево-Займищемъ, у Гжатска, была другая также весьма хорошая позиція, которая имѣла назначеніемъ служить, въ случаѣ надобности, убѣжищемъ вынужденной къ отступленію арміи. Такое совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ не могло не повліять успокоительно на рѣшеніе Барклая помѣриться съ Наполеономъ. Но ему не суждено было исполнить это рѣшеніе. Все тяжелое время веденія войны противъ полумилліонной силы Наполеона не только оставалось неразгаданнымъ и неоцѣненнымъ, но было даже сопряжено съ горькими испытаніями: такъ искусныя и успѣшныя дѣйствія подъ Смоленскомъ имѣли ближайшимъ результатомъ назначеніе новаго главнокомандующаго; а подготовленія къ генеральному сраженію не имѣли послѣдствій, потому что кн. Кутузовъ пріѣхалъ за два дня до предположеннаго боя.

Въ собственноручныхъ замѣткахъ Барклая мы читаемъ, что онъ самъ представилъ Императору Александру о необходимости назначить генералиссимуса надъ всѣми арміями. Изъ четырехъ главнокомандующихъ онъ былъ, по старшинству, моложе всѣхъ, но по званію военнаго министра сообщалъ свои приказанія именемъ Императора; это могло повести къ неудовольствіямъ и неблагопріятно повліять на операціи. Барклай полагалъ, что званіе генералиссимуса можетъ быть возложено на одного Кутузова, хотя преждевременная его дряхлость, слабость зрѣнія, а потому и нѣкоторая зависимость отъ приближенныхъ были ему извѣстны. Слухи о назначеніи новаго главнокомандующаго опередили его пріѣздъ двумя днями, такъ что Барклай уже 16-го августа писалъ женѣ: „Что касается назначенія кн. Кутузова, то оно было необходимо, такъ какъ Императоръ лично не командуетъ всѣми арміями; но счастливый ли этотъ выборъ, только Господу Богу извѣстно. Что касается меня, то патріотизмъ исключаетъ всякое чувство оскорбленія“ [2]). Въ тотъ же день Барклай-де-Толли писалъ Государю: „Какъ главнокомандующій, подчиненный князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять ихъ добросовѣстно. Но я еще нахожусь въ неизвѣстности на счетъ отношеній моихъ въ качествѣ военнаго министра. Быть можетъ, Государь, причиною тому благосклонность Вашего Величества ко мнѣ, прежде удостоенному совершеннымъ Монаршимъ довѣріемъ. Осмѣливаюсь предполагать, что только эта

---

[1]) Извѣстный военный писатель маіоръ Блессовъ, обозрѣвшій мѣстность, признаетъ эту позицію чрезвычайно выгодною и лучшею на всемъ пространствѣ отъ Смоленска до Москвы. Таковы же мнѣнія Бернгарди и Бейцке.

[2]) Письмо Барклая къ женѣ отъ 16-го августа 1812 г.

причина побудила Ваше Величество отложить порученіе исполняемыхъ мною обязанностей военнаго министра кому-либо другому. Умоляю Васъ, Государь, не обращать на меня вниманіе, дабы ни на одинъ мигъ не потерпѣла отъ того польза службы. Не стану говорить о дѣйствіяхъ ввѣренной мнѣ арміи въ настоящее время, когда столь близка рѣшительная развязка. Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, несмотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя передъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты“ [1]).

На слѣдующій день, 17-го (29) августа, кн. Кутузовъ пріѣхалъ въ Гжатскъ, а затѣмъ и въ Царево-Займище, гдѣ онъ послѣ обѣда отправился съ Барклаемъ обозрѣть позицію. Онъ нашелъ ее очень выгодною, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и приказалъ ускорить начатую постройку укрѣпленій. Барклай былъ очень доволенъ этимъ заключеніемъ, потому что рѣшаясь принять бой необходимо было, по его мнѣнію, исполнить это по возможности дальше отъ Москвы: вынужденное затѣмъ отступленіе, доставляя намъ нѣкоторыя выгоды, а противнику положительный вредъ, могло повести къ вторичному, болѣе благопріятному сраженію. Но на другой день, совершенно неожиданно, армія получила приказаніе отойти 12 верстъ назадъ, на позицію у Гжатска. Эта вторая позиція была также признана хорошею новымъ главнокомандующимъ, приказавшимъ немедленно усилить ее редутами. Тогда генералъ Беннигсенъ, назначенный начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ западныхъ армій и пріѣхавшій съ кн. Кутузовымъ, сталъ объяснять, что онъ проѣздомъ изъ Москвы замѣтилъ болѣе выгодныя позиціи; однако главнокомандующій оставался при намѣреніи принять бой у Гжатска. Тѣмъ не менѣе вечеромъ получено приказаніе продолжать отступленіе по Московской дорогѣ. Тогда стали догадываться, что обѣ позиціи имѣли одинъ недостатокъ: онѣ были выбраны при Барклаѣ и имъ одобрены; приближеннымъ же Кутузова не трудно было его убѣдить, что если непріятель будетъ разбитъ у Царево-Займища или Гжатска, то слава побѣды будетъ приписана не ему, а прежнему главнокомандующему. Однако Кутузовъ, по пріѣздѣ въ Гжатскъ, самъ отправилъ обратно офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для отысканія новой позиціи на

---

[1]) Письмо Барклая-де-Толли къ Императору Александру отъ 16-го августа 1812 г.

случай вторичнаго боя и сказалъ имъ: „не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы и безъ того ужес лишкомъ далеко отступили“ [1]. Какъ послѣ этого объяснить въ оффиціальномъ донесеніи причины столь внезапнаго и добровольнаго отступленія. Причины были найдены и изложены въ первомъ же донесеніи отъ 19-го августа, а именно: „истощеніе войскъ и мародерствъ, удобство комплектованія ихъ приведенными вчера генераломъ Милорадовичемъ подкрѣпленіями, неудовлетворительность позицій“ [2]. Изъ указанныхъ обстоятельствъ обращаетъ на себя особенное вниманіе первое, относящееся къ внутреннему состоянію войскъ; оно дало поводъ противникамъ Барклая распространять въ Петербургѣ ложные слухи о духѣ и дисциплинѣ арміи. Это обнаружилось полтора мѣсяца спустя, когда фельдъегерь привезъ въ главную квартиру въ Тарутинѣ шесть большихъ тюковъ новыхъ листовъ присяги въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что прежде нежели успѣли ихъ прибрать и отправить обратно, всѣ догадались, что это былъ результатъ клеветы на армію Барклая [3]. Въ виду столь недостойныхъ происковъ читаемъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ отзывы о томъ же предметѣ такихъ лицъ, какъ принцъ Евгеній Виртембергскій, раздѣлявшій всѣ опасности войны со своими солдатами, и гр. Толь, такъ близко стоявшій ко всѣмъ войскамъ съ перваго дня кампаніи. Первый пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Разногласіе мнѣній въ главной квартирѣ отзывалось въ арміи, но духъ и дисциплина войскъ оставались неприкосновенны. Они сражались съ постояннымъ мужествомъ и успѣхомъ; полки соперничали одинъ передъ другимъ за честь участія въ дѣлѣ; на переходахъ и бивакахъ люди всегда были бодры и веселы, изъявляя заботу только о крестьянахъ, которыхъ война лишала крова и имущества“ [4]. А въ сочиненіи Бернгарди о воспоминаніяхъ графа Толя читаемъ: „По достиженіи Царево-Займища русская армія считала въ рядахъ своихъ шестнадцатью или семнадцатью тысячами чел. менѣе, нежели при соединеніи у Смоленска; слѣдовательно, вся убыль войскъ состояла въ тѣхъ людяхъ, которые были потеряны въ сраженіяхъ: поразительный примѣръ порядка, дисциплины и твердости духа“ [5].

Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія у Царево-Займища, 19-го (31) августа, западныя арміи выступили и, не останавливаясь въ Гжатскѣ,

---

[1]) М. Богдановичъ. Отечественная война 1812 г. Т. II, стр. 125.

[2]) Тамъ же, стр. 126—127.

[3]) Мой вѣкъ. Г-нъ М. Маевскій. „Русская Старина“, августъ 1873 г.

[4]) Herzog E. von Würtemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge 1812. S. 64—65.

[5]) Denkwürdigk. des Gr. Toll von Bernhardi. I. S. 409.

послѣдовали по Московской дорогѣ. Общаго распоряженія по этому поводу не было. Управленіе новаго главнокомандующаго уже было составлено; кромѣ начальника штаба назначены: генералъ-маіоръ Вистицкій генералъ-квартирмейстеромъ, полковникъ Кайсаровъ въ должность дежурнаго генерала, полковникъ Толь состоять при кн. Кутузовѣ [1]). Но генералъ Беннигсенъ уже передъ тѣмъ уѣхалъ съ нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба отыскивать позиціи, усмотрѣнныя имъ проѣздомъ. Однако все обошлось благополучно. Арріергардъ Барклая, подъ начальствомъ Коновницына, задерживалъ по-прежнему противника и имѣлъ даже съ нимъ удачное дѣло у Гжатска, при которомъ взялъ въ плѣнъ около 500 чел. и особенно отличился генералъ-маіоръ Крейцъ. Вскорѣ прекратились и порывы непріятельскаго авангарда. Наполеонъ, пріѣхавшій въ Гжатскъ 20-го авг. (1 сент.), узналъ тамъ о прибытіи новаго русскаго главнокомандующаго и усмотрѣлъ въ этомъ вѣроятность безотлагательнаго боя. Тогда онъ призналъ нужнымъ дать войскамъ своимъ трехъ-дневный отдыхъ и возобновить общее наступленіе лишь 23-го авг. (4 сент.). Между тѣмъ наши арміи продолжали движеніе до Бородина, куда онѣ прибыли 22-го августа и гдѣ остановились, потому что до Москвы лучшей позиціи не было; тамъ присоединились къ нимъ 10.000 ратниковъ Московскаго и Смоленскаго ополченій. Такъ совершилось отступленіе русскихъ армій отъ Смоленска, на протяженіи около 300 в.; оно представляетъ рѣдкій примѣръ сохраненія порядка и дисциплины; непріятелю не удалось захватить ни отсталыхъ людей и ни одной повозки; войска были свѣжи и всегда готовы къ бою. Арріергардъ Коновницына расположился въ ожиданіи непріятеля у Гриднева, въ 15 верстахъ отъ армій. Тамъ онъ былъ атакованъ 23-го авг. (4 сент.) Мюратомъ, но, несмотря на жаркій бой, продержался на позиціи до полученія донесеній о движеніи вице-короля въ обходъ его праваго фланга. Тогда онъ отошелъ на ночь къ Колоцкому монастырю. На слѣдующее утро атака Мюрата возобновилась, однако Коновницынъ сопротивлялся съ большимъ успѣхомъ, при чемъ Изюмскому гусарскому полку удалось нанести пораженіе италійскимъ конно-егерямъ; когда же обнаружилось, что вице-король снова обходитъ его правый флангъ, онъ отвелъ свои войска за Колочу, гдѣ они присоединились къ своимъ корпусамъ, стоявшимъ на позиціи.

Избранная Беннигсеномъ позиція распространяется на протяженіи 5 верстъ отъ лѣса, лежащаго близъ впаденія р. Колочи въ р. Москву на правомъ флангѣ, до лѣса у д. Утицы на лѣвомъ. Р. Колоча течетъ въ плоской мѣстности параллельно Смоленской

[1]) Приказы Кутузова отъ 18 и 19 авг. № 123.

дорогѣ до Бородина, гдѣ она ее пересѣкаетъ, а оттуда въ глубокой долинѣ съ обрывистыми, иногда недоступными, берегами. Это даетъ позиціи праваго фланга большую силу. Часть центра, у Бородина, была также нѣсколько прикрыта Колочею и тутъ же впадающимъ въ нее правымъ притокомъ Стонецъ, между которыми возвышается курганъ у селенія Горки. Далѣе до Утицъ мѣстность не представляетъ выгодъ для обороны; она состоитъ изъ отлогихъ голыхъ холмовъ, большею частью покрытыхъ кустарникомъ 3—4 фут. вышины. А потому было необходимо усилить ее искусственно, что было немедленно предпринято, но поверхностно выполнено по той причинѣ, что назначенные для работъ ратники не имѣли надлежащаго шанцоваго инструмента и не умѣли приготовлять туры и фашины; грунтъ же былъ каменистый, и сухая земля осыпалась. Возведенныя на Бородинской позиціи полевыя укрѣпленія были слѣдующія. На курганѣ у Горокъ двѣ батареи: одна на вершинѣ на три орудія, другая на скатѣ къ Бородину на девять орудій. На возвышенности между Бородинымъ и селеніемъ Семеновскимъ, Курганная батарея или батарея Раевскаго, въ которой амбразуры были готовы только на 10 орудій, а люнетъ не былъ оконченъ. Далѣе, за безводнымъ въ то лѣто ручьемъ Семеновскимъ и влѣво отъ селенія, три слабыя батареи, такъ называемыя Багратіоновы флеши. Наконецъ, въ 2-хъ верстахъ впереди центра позиціи, у селенія Шевардина, былъ построенъ пяти-угольный редутъ въ видѣ передового пункта, но не совсѣмъ оконченъ. На этой позиціи армія Барклая-де-Толли заняла правый флангъ и центръ, а II армія Багратіона—лѣвый флангъ. Ближайшее распредѣленіе войскъ было слѣдующее: на крайнемъ правомъ флангѣ 2-й пѣхотный корпусъ г.-л. Багговута; лѣвѣе его, примыкая къ Горкамъ, 4-й пѣхотный корпусъ г.-л. гр. Остермана, а за нимъ 2-й кавалерійскій г.-ад. бар. Корфа. Въ резервѣ за войсками праваго фланга 1-й кавалерійскій корпусъ г.-ад. Уварова и 9 казачьихъ полковъ Платова. Въ центрѣ, противъ Бородина и большого люнета (бат. Раевскаго) 6-й пѣхотный корпусъ г.-отъ-и. Дохтурова, а за нимъ 3-й кавалерійскій корпусъ г.-л. гр. Палена [1]). Отъ большого люнета до д. Семеновской,—7-й пѣхотный корпусъ г.-л. Раевскаго, имѣя за собою 4-й кавалерійскій корпусъ г.-м. гр. Сиверса. На лѣвомъ флангѣ у д. Семеновской—8-й пѣхотный корпусъ г.-л. Бороздина, а именно: 2-я гренадерская дивизія за селеніемъ, а сводная гренадерская у флешей Багратіона. Причисленная къ 8-му корпусу 27-я дивизія г.-м. Нѣверовскаго, а также 2-я кирасирская дивизія г.-м. Дуки были вы-

---

[1]) Временно-подчиненный бар. Корфу.

двинуты подъ начальствомъ г.-л. кн. Горчакова для обороны Шевардинскаго редута, вооруженнаго 12-ю батарейными орудіями; при этомъ 27-я дивизія расположилась позади редута, имѣя кавалерію на флангахъ, а егерскіе полки въ селѣ Доронинѣ и примыкающихъ кустахъ. Главный резервъ: 3-й пѣхотный корпусъ г.-л. Тучкова, 5-й пѣхотный (гвардія) г.-л. Лаврова и 1-я кирасирская дивизія г.-м. Бороздина—между Князьковымъ-Татариновымъ. Главный артиллерійскій резервъ изъ 180 орудій у Псарева. Главная квартира кн. Кутузова въ Татариновѣ. Село Бородино было занято л.-гв. Егерскимъ полкомъ. На оконечностяхъ праваго и лѣваго фланговъ казачьи отряды служили для наблюденія и прикрытія мѣстности. Вся россійская армія считала въ рядахъ своихъ 104.000 ч. регулярнаго войска и около 7.000 казаковъ; кромѣ того имѣлось до 10.000 ратниковъ, частью вооруженныхъ пиками. Артиллеріи было всего 640 орудій.

Авангардъ Мюрата, слѣдовавшій 24-го августа (5 сент.) за Коновницынымъ, былъ вскорѣ остановленъ артиллерійскимъ огнемъ изъ Шевардинскаго редута и ружейнымъ съ праваго берега Колочи. Онъ перешелъ тогда самъ Колочу у Валуева и Фомкина и атаковалъ вскорѣ село Доронино, которымъ овладѣлъ около 4-хъ ч. пополудни. Между тѣмъ Наполеонъ, обозрѣвшій положеніе дѣлъ, счелъ нужнымъ овладѣть также Шевардинскимъ редутомъ и возложилъ эту задачу на кн. Понятовскаго, слѣдовавшаго по старой Смоленской дорогѣ и достигнувшаго Ельни. Вскорѣ Понятовскій, оттѣснивъ русскихъ егерей изъ кустарника, приказалъ 61-му линейному полку идти на приступъ, что и было немедленно съ успѣхомъ исполнено; но тогда части 27-й дивизіи бросились на потерянное укрѣпленіе; завязался горячій бой, во время котораго редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки и остался наконецъ за противникомъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Багратіонъ привелъ на подкрѣпленіе Горчакова 2-ю гренадерскую дивизію принца К. Мекленбургскаго, которою въ 8 ч. вечера сдѣлано новое нападеніе на редутъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, онъ былъ взятъ обратно, и 61-й линейный полкъ сильно пострадалъ; въ то же время нашею кавалеріею отбито 7 орудій. Однако кн. Кутузовъ, въ виду отдаленности Шевардина отъ главной позиціи и невозможности удержать за собою редутъ безъ чувствительныхъ потерь, приказалъ отвести отрядъ Горчакова обратно, что и послѣдовало въ 11-мъ часу ночи. Невѣровскій расположился тогда за флешами Багратіона, у ручья Семеновскаго, а вторая кирасирская дивизія за 2-ю гренадерскою. Для усиленія лѣваго фланга, противъ котораго повидимому сосредоточивались большія силы, изъ главнаго резерва переведенъ на другой день 3-й корпусъ Тучкова къ Утицѣ. Слѣдующій день обѣ

арміи провели въ приготовленіяхъ къ битвѣ, а русская армія готовилась къ ней молитвою.

Наполеонъ далъ войскамъ своимъ слѣдующую диспозицію. Польскій корпусъ Понятовскаго наступаетъ на Утицу, атакуетъ русскій лѣвый флангъ и старается обойти его. Три дивизіи 1-го корпуса Даву, корпусъ Нея и корпусъ Жюно, поддерживаемые кавалеріею Мюрата, дѣйствуютъ противъ нашего лѣваго фланга. Двѣ дивизіи 1-го корпуса, 4-й корпусъ вице-короля, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши назначаются для операцій противъ нашего центра и курганной батареи. Кавалерійская дивизія Орнано располагается на лѣвомъ флангѣ, а гвардія, старая и молодая,—у Доронина. Во всѣхъ этихъ войскахъ было не менѣе 140.000 ч., при 570 орудіяхъ. Въ 6 часовъ утра 26-го авг. (7 сент.). Наполеонъ, указавъ на поднявшееся изъ густого тумана яркое солнце и воскликнувъ: „это солнце Аустерлицкое“, приказалъ начать сраженіе.

Первымъ двинулся впередъ по старой Смоленской дорогѣ кн. Понятовскій и атаковалъ Тучкова, занимавшаго позицію передъ Утицей и имѣвшаго егерскіе полки разсыпанными до лѣваго фланга 8-го пѣхотнаго корпуса. Послѣ упорнаго сопротивленія Тучковъ отступилъ за Утицу и поставилъ свою артиллерію на высоту, сильный огонь съ которой остановилъ успѣхи противника. Между тѣмъ и Даву, поддержанный огнемъ болѣе 100 орудій, выдвинулъ дивизіи Кампана и Дессе для овладѣнія Семеновскою позиціею; но головныя части ихъ были встрѣчены при выходѣ изъ лѣса такимъ картечнымъ огнемъ, что не могли развернуться, пока французскія батареи, не приносившія намъ вреда, выдвинулись впередъ и маршалъ Ней къ нимъ присоединился. Тогда непріятельскія колонны, несмотря на жестокій огонь нашей артиллеріи и пѣхоты, стремительно бросились на наши укрѣпленія и ворвались въ одну изъ флешей Багратіона съ тылу. Но торжество продолжалось недолго: гренадеры Воронцова и баталіоны Невѣровскаго выбили скоро французовъ штыками, а Ахтырскіе гусары и Новороссійскіе драгуны довершили ихъ пораженіе настойчивымъ преслѣдованіемъ. Въ ожиданіи новаго нападенія, Багратіонъ приказалъ Тучкову подкрѣпить 8-й корпусъ дивизіею Коновницына и послалъ просить помощи у Барклая-де-Толли, который немедленно отправилъ весь 2-й корпусъ на лѣвый флангъ. Туда же были тогда направлены изъ главнаго резерва одна гвардейская и одна свободная гренадерская бригады, три полка кирасиръ и три роты гвардейской артиллеріи.

Когда въ 6 ч. утра раздались первые пушечные выстрѣлы, Барклай-де-Толли въѣхалъ на возвышеніе у д. Горки. Онъ былъ въ

мундирѣ, при орденахъ и звѣздахъ и въ шляпѣ съ плюмажемъ. Туманъ сталъ постепенно изчезать, и скоро можно было различить приближеніе непріятеля къ Бородину, занятому по обѣ стороны Колочи лейбъ-гв. Егерскимъ полкомъ. Тогда Барклай послалъ полку приказаніе стянуться къ правому берегу рѣки и сжечь мостъ. Однако одна колонна дивизіи Дельзона, пользуясь туманомъ, незамѣтно проникла въ Бородино по берегу Колочи, получила тогда возможность обстрѣливать мостъ, когда егеря еще переходили черезъ него, и нанести имъ чувствительныя потери. Но на подкрѣпленіе гвардейскихъ егерей уже подходили высланные Барклаемъ егерскіе полки № 1, № 19, № 40, которые отбросили противника съ большимъ урономъ и разобрали мостъ. Затѣмъ войска вице-короля стали собираться для предстоявшаго наступленія: дивизія Дельзона и баварская кавалерія за Бородинымъ, а вправо отъ нихъ дивизіи Жерара и Брусье, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши. Мало-по-малу войска эти подходили къ Колочѣ, гдѣ построены были мосты, и переправились на правый берегъ подъ прикрытіемъ стрѣлковъ дивизіи Морана, давно уже завязавшихъ горячую перестрѣлку съ нашими егерями 7-го корпуса, передъ курганомъ Раевскаго. На оконечности лѣваго фланга французовъ осталась одна кавалерійская дивизія Орнано. Около 9 ч. Барклай, замѣтивъ нѣкоторое смятеніе передъ большимъ люнетомъ, послалъ адъютанта Левенштерна удостовѣриться, въ чемъ дѣло, и самъ направился за нимъ. Смятеніе оказалось боемъ, завязавшимся между стрѣлками Дельзона и егерями Раевскаго. Изъ прочихъ войскъ 7-го корпуса оставались вблизи занятаго имъ люнета только четыре баталіона 26-й дивизіи подъ начальствомъ Паскевича и четыре баталіона 12-й дивизіи подъ начальствомъ Васильчикова; присланные же на помощь два полка 6-го корпуса и одинъ 4-го корпуса были поставлены за люнетомъ. Завязавшійся въ кустарникѣ бой получилъ между тѣмъ большіе размѣры; въ немъ приняли участіе дивизіи Морана и Брусье. Въ 12-мъ часу непріятель усилилъ канонаду, и пѣхота смѣло двинулась впередъ; вслѣдъ затѣмъ бригада Бонами, въ головѣ одной изъ наступающихъ колоннъ, бросилась на укрѣпленіе и овладѣла имъ. Въ эту минуту подъѣхали Ермоловъ и Кутайсовъ. Ермоловъ, сообразивъ возможность мгновеннымъ, неожиданнымъ нападеніемъ вырвать среди общаго возбужденія люнетъ изъ рукъ непріятеля, взялъ первый попавшійся Уфимскій баталіонъ и устремился на него съ неукротимымъ увлеченіемъ; то же исполнилъ съ Томскимъ баталіономъ адъютантъ Барклая маіоръ Левенштернъ. Тогда и Паскевичъ, Васильчиковъ и прочіе полки двинулись впередъ съ такимъ единодушіемъ, что укрѣпленіе

было немедленно взято, раненый генералъ Бонами захваченъ въ плѣнъ, и непріятель отовсюду выбитъ съ большими потерями. Вслѣдъ затѣмъ подготовленные Барклаемъ драгуны Крейца преслѣдовали его столь быстро, что произвели даже безпорядокъ въ выдвинутыхъ на помощь резервахъ. Таковъ былъ исходъ этого отчаяннаго боя, не прекращавшагося съ 9-ти ч. утра. Барклай, являвшійся вездѣ, гдѣ было опасно, прибылъ на батарею, и, какъ всегда, изумлялъ всѣхъ своимъ величавымъ спокойствіемъ. Почти всѣ находившіеся при немъ были ранены или убиты, но его, смерти не боявшагося, Провидѣніе хранило. Удостовѣрившись въ совершенномъ ослабленіи прежнихъ защитниковъ батареи, онъ замѣнилъ ихъ войсками 24-й дивизіи Лихачева. Неудачное покушеніе противника на батарею Раевскаго стоило ему до 3.000 человѣкъ. Но и намъ этотъ бой обошелся дорого; въ немъ погибъ начальникъ артиллеріи I арміи, молодой, даровитый, достойный Кутайсовъ. Ранены были, но легко, Ермоловъ и Левенштернъ. Послѣдній увидѣлъ затѣмъ на перевязочномъ пунктѣ тяжело раненаго князя Багратіона, который немедленно спросилъ его о Барклаѣ и потомъ добавилъ угасающимъ голосомъ: „скажите ему, что спасеніе арміи въ его рукахъ; еще все благополучно, сохрани его Господь“ [1]).

Ожиданіе новаго нападенія, побудившее кн. Багратіона просить Барклая о помощи, оправдалось; уже въ 9 ч. маршалы Даву и Ней, подготовивъ наступленіе артиллеріею, возобновили нападеніе. Послѣ упорнаго боя имъ удалось овладѣть флешами и даже ворваться въ Семеновское. Но и въ этотъ разъ гренадеры 2-й дивизіи штыками очистили укрѣпленіе, и подоспѣвшій Коновницынъ выбилъ французовъ изъ селенія. Еще разъ флеши были взяты непріятелемъ и еще разъ возвращены Коновницынымъ, который, при содѣйствіи высланныхъ Барклаемъ трехъ гусарскихъ полковъ Дорохова, оттѣснилъ наконецъ противника обратно. Тогда маршалы пришли къ заключенію, что имъ необходимо содѣйствіе не только кавалеріи, но и цѣлаго корпуса маршала Жюно. По полученіи испрошеннаго разрѣшенія, на послѣдняго было возложено вытѣснить нашихъ егерей изъ кустарника, занимаемаго ими между лѣвымъ флангомъ и Утицей, и войти въ связь съ Понятовскимъ; въ случаѣ успѣха, флеши могли бы быть обойдены и взяты съ тыла, а Тучковъ былъ бы отрѣзанъ. Но къ счастью отряженный Барклаемъ корпусъ Багговута уже подходилъ; изъ него два полка г.-л. Олсуфьевъ повелъ на помощь Тучкову, почти всѣ прочіе остались у Багратіона. Около полудня Наполеонъ сосредоточилъ огонь 400 орудій противъ Семе-

[1]) W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.

новской позиціи; съ нашей стороны было противопоставлено до 300 орудій. Тогда на пространствѣ одной квадратной версты произошла пальба 700 орудій, безпримѣрная въ исторіи войнъ. Тѣмъ не менѣе французы выдвинулись и непоколебимо шли впередъ; съ нашей стороны встрѣтила ихъ цѣлая линія колоннъ и вступила съ ними въ отчаянный рукопашный бой. Въ этомъ смятеніи приняла также участіе подоспѣвшая съ обѣихъ сторонъ кавалерія, такъ что образовалась большая толпа борющихся русскихъ и французскихъ, пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Въ пылу битвы нѣкоторые изъ нашихъ начальниковъ были убиты или ранены, а въ числѣ послѣднихъ и самъ кн. Багратіонъ; лишенныя многихъ руководителей, войска стали отступать, и непріятель взялъ флеши. Спокойный Коновницынъ, замѣнившій Багратіона до прибытія Дохтурова, отвелъ войска за Семеновскій ручей, тогда безводный, гдѣ они остались до конца сраженія. Кавалерія Нансути и Латуръ-Мобура пыталась охватить его лѣвый флангъ, но наткнулась на мѣткій огонь Измайловскаго и Литовскаго гвардейскихъ полковъ, отразившихъ три атаки кирасирской дивизіи Сенъ-Жерменъ, послѣ чего г.-м. Бороздинъ съ тремя кирасирскими полками отбросилъ ее опять за Семеновскій оврагъ. Однако же войска нашего лѣваго крыла были настолько ослаблены, что одинъ еще ударъ свѣжими войсками могъ бы дать сраженію опасный для насъ оборотъ; Наполеонъ это видѣлъ и былъ готовъ уступить настояніямъ Мюрата и выдвинуть молодую гвардію. Но въ это мгновеніе онъ получилъ извѣстіе, остановившее его рѣшеніе; то было неожиданное донесеніе о нападеніи Уварова на лѣвый флангъ французовъ. Нападеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ сраженія атаманъ Платовъ перешелъ съ казаками Колочу и замѣтилъ, что лѣвый флангъ вице-короля открытъ и подверженъ нападенію, о чемъ онъ донесъ главнокомандующему. Кн. Кутузовъ, желая, хотя бы диверсіею, отвлечь вниманіе противника отъ нашего лѣваго фланга, приказалъ Уварову произвести таковую съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и казаками Платова. Уваровъ, перейдя Колочу, атаковалъ и отбросилъ легкую кавалерію Орнано и устремился на 84-й полкъ дивизіи Дельзона, поспѣшившаго построить каре, куда укрылся и вице-король. При этомъ Уваровъ произвелъ нѣсколько удачныхъ атакъ, но главный и весьма важный успѣхъ заключался въ томъ, что внезапное нападеніе его задержало распоряженія Наполеона и доставило намъ возможность своевременно усилить войска центра и лѣваго фланга. Мы уже видѣли, что изъ 2-го корпуса, усилившаго Багратіона, два полка поступили въ распоряженіе Тучкова, котораго Понятовскій вытѣснилъ передъ тѣмъ изъ кургана. Теперь Тучковъ рѣшился овладѣть имъ

снова и вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Строгановымъ двинулся въ атаку. Понятовскій былъ выбитъ и отброшенъ на пушечный выстрѣлъ. При этомъ Тучковъ былъ смертельно раненъ.

Горячій бой на позиціи Багратіона еще кипѣлъ, когда Наполеонъ уже готовилъ такой же ударъ противъ батареи Раевскаго; но тревога, произведенная Уваровымъ, остановившая тогда рѣшеніе французскаго императора, задержала и теперь осуществленіе подготовленнаго нападенія. Однако мѣры, для сего предпринятыя, не ускользнули отъ внимательнаго Барклая. Онъ уже прежде занялъ возвращенный люнетъ 24-ю дивизіею Лихачева; теперь онъ замѣнилъ въ первой линіи и прочіе полки Раевскаго, сильно пострадавшіе, войсками 4-го корпуса Остермана, поставленными влѣво отъ 7-й пѣхотной дивизіи Капцевича. Также были пододвинуты часть 3-го и затѣмъ 2-й кавалерійскіе корпуса, Преображенскій и Семеновскій, Кавалергардскій и Конногвардейскій полки. Наконецъ, и егерскіе полки 4-й дивизіи герц. Виртемберскаго, при слѣдованіи 2-го корпуса къ Семеновскому, были привлечены къ ожидаемому рѣшительному бою. Съ противной стороны были сосредоточены для атаки дивизіи: Дельзонъ, Жераръ, Брусье, Моранъ, Клапаредъ, итальянская гвардія, молодая гвардія, баварская кавалерія, кавалерійскіе корпуса Груши, Латуръ-Мобура и бывшій Монбрюнъ подъ начальствомъ Коленкура.

Наполеонъ, удостовѣрившись въ безопасности нападенія Уварова, приказалъ вице-королю начать дѣйствія. По условленному плану, атака курганной батареи (Раевскаго) должна была совершиться пѣхотою съ фронта и обоихъ фланговъ и кавалеріею съ тыла. Подготовлена она была перекрестнымъ огнемъ артиллеріи вице-короля и 85 орудій, поставленныхъ между Шевардинымъ и Семеновскимъ. Эта ужасная канонада сдѣлалась особенно чувствительна для войскъ 4-го пѣх. корпуса и егерскихъ полковъ герцога Евгенія. Тогда подъѣхалъ къ нимъ Барклай-де-Толли, привѣтствованный передъ тѣмъ гвардейскими полками криками „ура!“. Одинъ, „спокойный видъ героя“, пишетъ герцогъ [1]), „зорко слѣдившаго за ходомъ боя, не обращая малѣйшаго вниманія на летѣвшіе со всѣхъ сторонъ снаряды, успокоивалъ всѣхъ и внушалъ всѣмъ довѣріе“. Когда онъ указалъ на батарею, баталіоны поджидали только знака, чтобы двинуться впередъ, но въ это мгновеніе внезапно предсталъ передъ ними готовый обрушиться кавалерійскій потокъ, и герцогъ успѣлъ только скомандовать: „строй каре“, что доставило Барклаю и всѣмъ его окружавшимъ необходимое укрытіе. Это была кавалерійская атака,

---

¹) Aus den Papieren des Prinzen E. von Würtenberg.

опередившая ударъ пѣхоты. Войска наши, допустившія французскую конницу на близкій ружейный выстрѣлъ, открыли такой огонь, что она не могла устоять противъ него. Только Коленкуръ съ кирасирами ворвался въ люнетъ, но былъ убитъ, а кирасиры его смѣшались и поспѣшно удалились. Затѣмъ послѣдовала атака пѣхоты и кавалерійскаго корпуса Латуръ-Мобура, имѣвшаго въ головѣ саксонскую гвардію и кирасиръ Цастрова; саксонцы бросились на батарею, а кирасиры, поддержанные Вестфальскою бригадою, устремились на полки 4-го корпуса, стоявшіе позади ея. Послѣдніе однако встрѣтили ихъ мѣткими залпами и заставили отступить въ большомъ разстройствѣ. Саксонскіе же гвардейцы, несмотря на отчаянное сопротивленіе полковъ 24-й дивизіи, ворвались въ батарею и взяли ее, при чемъ храбрый ея защитникъ, генералъ Лихачевъ, захваченъ въ плѣнъ. Тогда же укрѣпленіе было занято головными баталіонами вице-короля, подошедшаго къ нему съ дивизіями Брусье, Морана и Жерара. Желая воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, вице-король приказалъ тогда всей кавалеріи и всей пѣхотѣ двинуться впередъ. Наступилъ моментъ, о которомъ Барклай-де-Толли, описывая Бородинское сраженіе, говоритъ: „казалось, уже наступила минута рѣшенія участи боя; кавалерія моя не могла удержать громаду двигавшихся на нее силъ, и я не смѣлъ вести ее противъ непріятеля, полагая, что она, будучи опрокинута, отступитъ въ безпорядкѣ и приведетъ въ разстройство пѣхоту“ [1]). И дѣйствительно, частей 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ еще не было, и онъ могъ разсчитывать только на Кавалергардскій и Конногвардейскій полки, которымъ приказалъ приблизиться къ пѣхотѣ. Наступленіе пѣхоты и кавалеріи противника было теперь направлено на 7-ю пѣхотную дивизію Капцевича, стоявшаго на правомъ флангѣ; она встрѣтила ихъ однако сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и даже кавалерійскія его атаки не имѣли большого успѣха. Въ интервалахъ между баталіонами каре неожиданно появилось нѣсколько орудій гвардейской конной батареи, открывшихъ убійственную пальбу картечью, а прикрытіемъ ихъ послужилъ кавалергардскій полкъ. Вскорѣ подъѣхалъ къ этому полку Барклай-де-Толли и приказалъ ему и конногвардейцамъ идти въ атаку. Командиръ кавалергардовъ, едва только произнесъ нужную команду, какъ упалъ съ лошади смертельно пораженный; произведенныя же полками и нѣсколько разъ повторенныя атаки задержали нападенія непріятельской конницы до прибытія передовыхъ полковъ ген.-ад. Корфа которые немедленно были введены въ дѣло. Тогда борьба приняла

---

[1]) Изображеніе дѣйствій первой арміи.

все большіе размѣры и становилась все ожесточеннѣе. Кавалерія противника безпрестанно умножалась, но и съ нашей стороны части 3-го кавалерійскаго корпуса и остальные полки 2-го корпуса постепенно вступали въ бой. Безчисленныя атаки съ обѣихъ сторонъ возобновлялись съ перемѣннымъ успѣхомъ, и обширныя пространства представляли картины смѣшанныхъ борцовъ и бѣгавшихъ табунами лошадей павшихъ всадниковъ. Одна атака была однако жъ особенно замѣчательна была среди горячаго боя атака Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ какъ потому, что была направлена лично Барклаемъ, такъ и по неодолимости нанесеннаго удара; налету этихъ всадниковъ, говоритъ свидѣтель [1]), противиться было невозможно. Въ 4-мъ часу усилія утомленныхъ войскъ стали ослабѣвать, и дѣйствія ихъ мало-по-малу прекратились. Барклай, считая новую борьбу для овладѣнія курганною батареею безполезною, отвелъ войска немного назадъ, на позицію между селеніями Горки и Семеновская. Батарея была впрочемъ на ночь оставлена непріятелемъ.

Таковъ былъ исходъ Бородинской битвы. Барклай считалъ возможнымъ возобновить ее на слѣдующій день и высказалъ это главнокомандующему, который вполнѣ съ нимъ согласился. По полученіи же ближайшихъ свѣдѣній о состояніи войскъ II арміи, Кутузовъ отмѣнилъ первоначальное рѣшеніе и приказалъ отступить утромъ за Можайскъ. Потери этого дня были громадны и простирались у насъ до 44.000 чел.; у непріятеля онѣ были немного меньше. Отпоръ, встрѣченный Наполеономъ у Бородина, убѣдилъ его въ необходимости удержать гвардію отъ участія въ боѣ; „въ 3.000 верстахъ отъ Франціи нельзя рисковать послѣднимъ резервомъ“. О доблести войскъ онъ сдѣлалъ слѣдующее изреченіе: „Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“ [2]).

Подъ Бородинымъ Барклай-де-Толли оправдалъ слова свои въ письмѣ Императору Александру по полученіи извѣстія о назначеніи Кутузова: „я желалъ бы пожертвованіемъ жизни доказать мою готовность служить отечеству“. Съ ледянымъ хладнокровіемъ въѣзжалъ онъ въ самыя опасныя мѣста. Бѣлый конь полководца отличался издали подъ густыми клубами дыму. Офицеры и даже солдаты говорили, указывая на него: „Онъ ищетъ смерти“ [3]). Но онъ остался невредимъ; только на слѣдующій день, когда началось даль-

---

[1]) Адъютантъ Барклая маіоръ ф.-Левенштернъ.

[2]) Pelet. Bataille de la Moskowa.

[3] Ѳ. Глинка. Очерки Бородинскаго сраженія.

нѣйшее движеніе арміи къ Москвѣ, онъ заболѣлъ сильною лихорадкою. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Барклай уже прежде, у Царева-Займища, имѣлъ намѣреніе, въ случаѣ необходимости отступить послѣ сраженія, направить армію на Калугу, что могло бы помѣшать движенію Наполеона на Москву; тогда же послѣдовали распоряженія о заготовленіи продовольствія въ Калугѣ и Тулѣ.

Отступленіе арміи къ Можайску и далѣе къ Москвѣ совершилось спокойно. Арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, а потомъ Милорадовича, удерживалъ Мюрата и имѣлъ даже у села Крымскаго жаркое съ нимъ дѣло. Перваго (13) сентября армія подошла къ Москвѣ и расположилась на позиціи, избранной Беннигсеномъ для защиты первопрестольной столицы. Правый флангъ ея примыкалъ къ изгибу рѣки Москвы у села Фили, а лѣвый находился на Воробьевыхъ горахъ. Барклай-де-Толли, изнемогавшій отъ лихорадки, тѣмъ не менѣе прибылъ на Поклонную гору, гдѣ собирались главные начальники вокругъ Кутузова, и немедленно отправился съ Дохтуровымъ на рекогносцировку. Неудобства позиціи его поразили, и онъ описалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Многія дивизіи были разобщены непроходимыми оврагами, въ одномъ изъ которыхъ протекала рѣчка, прерывавшая сообщеніе. Правое крыло примыкало къ лѣсу, что давало непріятелю возможность обойти насъ съ праваго фланга. Позади первой линіи лѣваго крыла находился крутой оврагъ, лишавшій резервъ возможности поддерживать ее. Конница должна была оставаться въ бездѣйствіи. Позади находилась рѣка, а за нею обширный городъ. Въ случаѣ пораженія вся армія была бы уничтожена“ [1]). Убѣдясь въ непригодности позиціи, Барклай поспѣшилъ къ главнокомандующему и высказалъ ему опасность принять на ней бой. Нужно было обладать великимъ патріотизмомъ и мужественнымъ самоотверженіемъ, чтобы выразить тогда необходимость оставить Москву безъ боя. Барклай взялъ эту обязанность на себя; онъ громко высказалъ, что задуманное сраженіе неминуемо поведетъ къ потерѣ всей арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Москвы, и что лучше потерять одну Москву и сохранить армію для Россіи. Кн. Кутузовъ приказалъ тогда пригласить на военный совѣтъ въ д. Фили всѣхъ старшихъ начальниковъ. На состоявшемся совѣтѣ Беннигсенъ, въ 7-мъ часу вечера, предложилъ перевести армію на лѣвое крыло позиціи, перейти утромъ въ наступленіе и атаковать правый флангъ непріятеля. На это Барклай возразилъ, что войска, потерявшія многихъ генераловъ, полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ, хотя и

[1]) Изображеніе дѣйствій первой арміи.

могли бы дать мужественный отпоръ превосходному противнику на хорошей позиціи, не въ состояніи однако перебираться ночью на другую позицію и производить затѣмъ задуманные маневры. Кн. Кутузовъ, выслушавъ всѣ предложенія, но давно уже рѣшившій покинуть Москву, окончилъ совѣщанія словами: „приказываю отступить“ и мотивировалъ ихъ тѣми же доводами, которые были высказаны Барклаемъ.

Провести армію черезъ Москву, по неизмѣримымъ улицамъ съ безчисленными переулками и соблазнительными трактирами, было не легко. Барклай принялъ всѣ мѣры для исполненія этого движенія въ порядкѣ: перекрестки были преграждены казачьими постами, и адъютанты распредѣлены по различнымъ пунктамъ для наблюденія, а онъ самъ, не оправившись отъ болѣзни, оставался 18 часовъ на конѣ и пропускалъ всѣ войска мимо себя. Геройство у Бородина и благоразуміе въ Москвѣ стяжали Барклаю преданность и довѣріе русскаго воинства.

По достиженіи Боровскаго моста на Рязанской дорогѣ въ 30-ти в. отъ Москвы, армія свернула 4-го (16) октября на Подольскъ и Красную Пахру съ цѣлью вступить на Калужскій путь. Болѣзненное состояніе Барклая не поправлялось, и къ нему присоединилось тяжелое нравственное настроеніе. Непріятности, начавшіяся съ прибытіемъ Кутузова, постоянно возрастали. „Дѣла велись крайне безпорядочно“, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ: „сначала приказанія князя отдавались мнѣ и гр. Сенъ-Пріесту черезъ полковника Кайсарова; случалось, что они доставлялись непосредственно корпуснымъ командирамъ и частнымъ начальникамъ, которые извѣщали о томъ, когда войска выступали или возвращались. Приказанія объявляемы были также Толемъ, Кудашевымъ, Скобелевымъ, не рѣдко одни другимъ противорѣчащія“ [1]). Какъ тяжело было Барклаю переносить эти безпорядки и самоволія въ управленіи арміи, видно изъ тогдашнихъ писемъ его къ женѣ. Изъ Красной Пахры онъ писалъ: „Я послалъ Его Величеству письмо и надѣюсь получить, если не отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ резолюцію. Дай Богъ, чтобы таковая послѣдовала скоро, потому что я не въ состояніи оставаться здѣсь долѣе“. „Я не узнаю болѣе, когда курьеры отправляются въ Петербургъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю моего избавленія. Дѣла наши приняли такой оборотъ, что можно надѣяться на счастливый и почетный исходъ войны,—только нужно больше дѣятельности. Меня нельзя обвинять въ равнодушіи; я прямо высказывалъ свое мнѣніе; но меня какъ будто избѣгаютъ, и многое отъ

---

[1]) Записки Ермолова, изд. 1863 г.

меня скрываютъ“ [1]). И Барклай не ошибся; его присутствіе не было желательно для Кутузова, Беннигсена и всѣхъ дѣятелей главной квартиры, которые давали ему это чувствовать. Между тѣмъ болѣзненное состояніе его ухудшалось и побудило обратиться къ главнокомандующему съ заявленіемъ, что ему необходимо ѣхать въ Калугу для лѣченія; разрѣшеніе немедленно послѣдовало, и 22-го сентября Барклай-де-Толли покинулъ армію. Прощаясь, онъ сказалъ адъютанту своему Левенштерну слѣдующія незабвенныя для него слова: „Теперь все противъ меня, и я долженъ удалиться; но настанетъ время спокойнаго обсужденія прошлыхъ событій, и тогда мнѣ отдадутъ справедливость. Великое дѣло сдѣлано; остается только пожать жатву. Фельдмаршалъ ни съ кѣмъ не желаетъ раздѣлить славы изгнанія непріятеля, а я бы охотно принялъ въ этомъ участіе хотя бы въ званіи командира моего прежняго Егерскаго полка. Мое присутствіе вызываетъ раздоры, а потому я удаляюсь. Мой памятникъ остается: прекрасная, къ бою готовая армія, а передъ нею потрясенный противникъ въ безнадежномъ положеніи“ [2]).

Въ Калугѣ Барклаю пришлось испить чашу униженій. Брошенные толпою камни посыпались въ его карету и раздались крики: „измѣнникъ!“ Дальнѣйшій путь на Владиміръ былъ крайне тяжелъ уже потому, что Барклай долженъ былъ соблюдать строгое инкогнито. Въ письмахъ къ женѣ онъ сообщаетъ, что послалъ адъютанта Кавера для полученія скорѣйшаго отвѣта, и пишетъ: „Если бы Его Величество меня совершенно уволилъ отъ службы, то я принялъ бы это, какъ награду за долголѣтнюю службу. Если я не получу отвѣта на мою просьбу, то подамъ прошеніе объ отставкѣ и поѣду черезъ Псковъ въ Лифляндію“ [3]). Каверъ наконецъ вернулся, но ожидавшагося отвѣта не привезъ. Тогда Барклай поѣхалъ въ свое небольшое имѣніе Бекгофъ, въ Фелинскомъ уѣздѣ Лифляндіи, и прибылъ туда въ первой половинѣ ноября. Вскорѣ однако жъ, въ концѣ мѣсяца, онъ былъ обрадованъ отвѣтомъ Монарха; собственноручное, милостивое письмо свое Государь заключаетъ словами: „Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ Вами отечеству и мнѣ, и желаю вѣрить, что вы окажете еще большія. Вѣрьте, что личныя мои чувства къ вамъ не измѣнятся никогда“ [4]). Тогда Барклай, какъ только здоровье позволило, поспѣшилъ въ Петербургъ, но не засталъ болѣе Монарха, уѣхавшаго въ началѣ де-

---

[1]) Письма Барклая къ женѣ отъ 11 сентября.
[2]) W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.
[3]) Письмо отъ 16-го октября изъ Владиміра.
[4]) Письмо Императора Александра къ Барклаю отъ 24-го ноября.

кабря въ Вильно. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ явиться въ ближайшій пріемный день въ Зимній дворецъ. При входѣ въ пріемную онъ увидѣлъ множество лицъ, его, повидимому, не узнававшихъ, и молча прошелъ къ послѣднему окну. Вслѣдъ затѣмъ двери растворились, и вошла Императрица Елисавета; остановившись и окинувъ взорами собраніе, Государыня поспѣшно направилась къ Барклаю, протянула ему обѣ руки и съ внутреннимъ волненіемъ высказала ему свое теплое сочувствіе. Когда Императрица вышла, тѣ же лица окружили Барклая, что его глубоко возмутило.

Вскорѣ по возвращеніи въ свое имѣніе, въ январѣ 1813 г., Барклай былъ вызванъ Государемъ, находившимся въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Плоцкъ и 3-го (15) февраля назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміи, обложившей тогда крѣпость Торнъ. По взятіи крѣпости, 4-го апрѣля, онъ двинулся со своею арміею въ Саксонію, къ Бауцену, и разбилъ передъ тѣмъ, 7-го мая, французскую дивизію Перри при Кенигсвартѣ. Послѣ сраженія при Бауценѣ, въ которомъ Барклай-де-Толли стяжалъ даже удивленіе непріятелей, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной русско-прусской арміи. Побѣда, одержанная 18-го августа при Кульмѣ, положила конецъ успѣхамъ Наполеона. Императоръ Александръ поздравилъ Барклая-де-Толли на полѣ сраженія кавалеромъ ордена Св. Георгія I-й ст. Въ битвѣ народовъ 6-го (18) октября у Лейпцига Барклай-де-Толли сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ побѣды и возведенъ своимъ Монархомъ въ графское достоинство. Въ сраженіи подъ Парижемъ онъ рѣшительною атакою ускорилъ взятіе города и пожалованъ 18-го марта генералъ-фельдмаршаломъ. По заключеніи мира Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ I-й арміи, а весною 1815 г. онъ повелъ ее изъ предѣловъ Россіи во Францію. Между тѣмъ сраженіе при Ватерло и отреченіе Наполеона прекратило войну. Заключеніемъ многолѣтней воинской эпопеи послужилъ большой смотръ русскимъ войскамъ, сдѣланный 28-го августа русскимъ Монархомъ, въ присутствіи своихъ союзниковъ, во Франціи у Вертю [1]). По окончаніи смотра фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Повышенія и отличія, которыми Барклай былъ осыпанъ благодарнымъ Монархомъ въ послѣдніе годы не имѣли никакого вліянія на его духовное состояніе и душевныя качества; благородный характеръ, возвышенныя чувства, христіанское смиреніе оставались

[1]) Въ Департаментѣ Марны.

всегда неизмѣнными. Свидѣтельствомъ тому служитъ корреспонденція его съ теткой-воспитательницей г-жой фонъ Вермейленъ, которая, не имѣя дѣтей, взяла трехлѣтняго племянника къ себѣ, полюбила его какъ сына и, вмѣстѣ съ своимъ достойнымъ мужемъ, посвятила себя его воспитанію до поступленія 17-ти-лѣтняго юноши въ полкъ. Корреспонденція Барклая съ своею воспитательницей характеризуетъ его какъ человѣка, а потому приводимъ письмо, посланное имъ 5-го мая 1814 г. изъ Парижа. „Милостивѣйшая тетушка! Непрерывныя военныя дѣйствія долго лишали меня удовольствія засвидѣтельствовать Вамъ письменно мою сыновнюю преданность. Такъ какъ мы въ настоящее время, благодаря Всевышнему, достигли желанной цѣли, то я прошу позволенія выразить Вамъ, милостивая моя благодѣтельница, чувства моего сердца. Событія этой войны и большіе успѣхи ея превзошли всѣ ожиданія, и рука Божья, прекратившая наконецъ человѣческія бѣдствія, видимо всѣмъ руководила. При этомъ я многократно подвергался опасностямъ и имѣлъ также счастіе принимать въ событіяхъ свою долю участія, чѣмъ, конечно, обязанъ Вашимъ обо мнѣ молитвамъ. Я желалъ бы выразить Вамъ въ полной мѣрѣ мою благодарность; до могилы сохранятся во мнѣ воспоминанія о родительскихъ попеченіяхъ, которыми Вы и незабвенный мой воспитатель окружали мою молодость. Господь поставилъ меня теперь на высшую ступень, которая можетъ быть достигнута на службѣ; Онъ одинъ въ состояніи дать мнѣ силы и способности, соотвѣтствующія ожиданіямъ Государи и отечества. Почтительнѣйше цѣлую Ваши руки и остаюсь навсегда, милостивѣйшая моя благодѣтельница, преданный Вамъ М. Барклай-де-Толли“ [1]).

Однако жъ Императоръ Александръ не ограничился отличіями, которыми онъ, какъ выше сказано, уже удостоилъ Барклая; онъ пожелалъ также оказать ему особую честь и дать полное удовлетвореніе въ собственномъ отечествѣ, гдѣ онъ претерпѣлъ столько униженій. Съ этою вѣроятно цѣлью онъ пригласилъ Барклая въ концѣ 1815-го года въ столицу. Вотъ что пишетъ объ этомъ пріѣздѣ самъ Барклай своей женѣ въ письмѣ отъ 14-го декабря изъ Петербурга. „Я пріѣхалъ сюда 10-го вечеромъ; 11-го готовилась торжественная встрѣча, которую я преждевременнымъ прибытіемъ думалъ отклонить. Тѣмъ не менѣе я былъ встрѣченъ у заставы флигель-адъютантомъ, который имѣлъ порученіе поздравить меня

---

[1]) Переводъ съ оригинала.

именемъ Государя съ пріѣздомъ, освѣдомиться о моемъ здоровьи и сопровождать къ назначенному для меня помѣщенію. Тамъ ожидали меня почетный караулъ Семеновскаго полка, нѣсколько ординарцевъ, прекрасно устроенный домъ съ прислугой, кухней и экипажемъ отъ Двора. Я хотѣлъ отпустить почетный караулъ и отблагодарить флигель-адъютанта, но онъ объявилъ, что получилъ приказаніе состоять при мнѣ все время моего пребыванія, и поѣхалъ доложить Государю о моемъ пріѣздѣ; по возвращеніи онъ передалъ самое лестное привѣтствіе отъ Императора и желаніе Его Величества, чтобы почетный караулъ остался. Утромъ 11-го я поѣхалъ къ Государю и убѣжденъ, что никогда еще Монархъ не принималъ своего полководца съ большею сердечностью. Онъ самъ повелъ меня къ Императрицѣ-матери, и тамъ произошла сцена, которая останется мнѣ незабвенною. Послѣ неисчерпаемой хвалы, онъ нѣсколько разъ называлъ меня своимъ вѣрнымъ помощникомъ, безъ котораго не былъ бы въ состояніи совершить то, что съ помощью Провидѣнія имъ достигнуто. Онъ говорилъ также о самоотверженіи и твердости, съ которыми я перенесъ всѣ испытанныя непріятности, и затѣмъ обнялъ меня въ присутствіи матери, которая такъ была растрогана, что два раза меня поцѣловала и потомъ со слезами обняла сына, восклицая: „мой Александръ". Эта сцена произошла въ присутствіи графини Ливенъ и Вел. Кн. Анны. При возвращеніи домой я нашелъ улицу столь переполненной экипажами, что едва могъ доѣхать; причиною тому было приказаніе Государя, чтобы всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры представились мнѣ по случаю пріѣзда; гр. Аракчеевъ былъ также между ними. Въ этотъ день былъ обѣдъ у Государя; 12-го былъ выходъ во дворцѣ, а вечеромъ блестящій балъ. 13-го былъ праздникъ л.-гв. Литовскаго полка; за обѣдомъ Императоръ вспомнилъ, что это день моего рожденія, и провозгласилъ тостъ за мое здоровье" [1]). Торжества, продолжавшіяся еще нѣкоторое время, закончились 25-го декабря благодарственною службою по случаю счастливаго окончанія войны.

Весною 1818 года крайнее разстройство здоровья вынудило Барклая поѣхать въ Германію для употребленія минеральныхъ водъ; но на дорогѣ, близъ Инстербурга, онъ долженъ былъ остановиться, и его осторожно перевезли въ ближайшую дачу, отысканную адъютантомъ и врачемъ. Подъ утро, 14 (26) мая, онъ тамъ скончался на 57-мъ году своей славной жизни. Бренные останки его

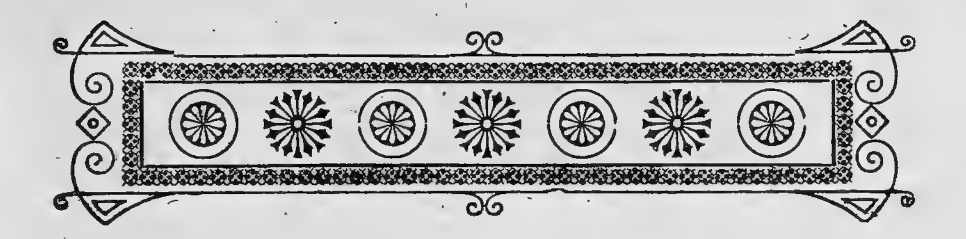
---

[1]) Письмо кн. Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 14-го декабря 1815 года.

погребены въ имѣніи Бекгофъ, гдѣ княгиня воздвигла надъ его могилой прекрасный памятникъ. Затѣмъ еще воздвигнуты Барклаю памятники: у Инстербурга на мѣстѣ его кончины; въ Петербургѣ передъ Казанскимъ соборомъ; въ Дерптѣ на городской площади; въ Ригѣ, гдѣ онъ недавно освященъ. Къ числу такихъ памятниковъ можно также отнести художественное произведеніе нашего великаго поэта Пушкина, уже въ 1835 году столь вѣрно изобразившаго Барклая-де-Толли въ своемъ превосходномъ стихотвореніи „Полководецъ".

Ф. В—нъ.

Андрей Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ) [1]).

(Окончаніе).

1865 г.

Жалованная грамота Голландцу Филимону Акемѣ съ племянниками, на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскомъ уѣздахъ.

... въ прошлыхъ годѣхъ, по указу отца нашего, блаженныя памяти великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и по жалованной грамотѣ были Тульскіе и Коширскіе желѣзные заводы и къ нимъ дворцовая Соломенская волость со крестьяны и со всѣми угодьи, за иноземцы, за Андреемъ Виніюсомъ, да за Петромъ Марселисомъ [2]).

1665 г.

Жалованная грамота Голландцу Филимону Акемѣ съ племянниками, на желѣзные заводы въ Малоярославскомъ и Оболенскихъ уѣздахъ.

... въ прошлыхъ де годѣхъ, по указу блаженныя памяти отца нашего, великаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и по жалованной грамотѣ заводили желѣзные заводы иноземцы Андрей Виніусъ да Елисей Вилькенсъ и тѣхъ де своихъ желѣзныхъ заводовъ въ совершенье не привели [3]).

1668 г.

И иноземецъ Петръ Марселисъ подалъ въ Посольскомъ Приказѣ сказку за своею рукою, а въ сказкѣ его написано: со 141 году по

---

[1]) См. „Русская Старина“, 1912 г. ноябрь.

[2]) Приб. къ Акт. Ист. т. V. с. 55.

[3]) Приб. къ Акт. Ист. т. V с. 56.

175 годъ Соломенскою волостью и желѣзными заводы владѣли въ иныхъ годѣхъ иноземецъ Андрей Виніюсъ, а въ иныхъ годѣхъ была та Соломенская волость въ дворцовыхъ селѣхъ за великимъ государемъ [1]).

1672 г.

Портретъ Андрея Денисова Виніуса, находящійся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ и Оружейной Палатѣ въ числѣ 20 портретовъ русскихъ царей и патріарховъ внутри богатыхъ орнаментальныхъ рамокъ, сочиненныхъ старинными русскими граверами-серебрянниками, изъ знаменитой громадной рукописи съ картинами, называемой „Корень россійскихъ государей“, и исполненныхъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ 1672 году. Въ числѣ ихъ: драгоцѣнный портретъ Андрея Денисовича Виніуса, основателя Тульскихъ заводовъ, при царѣ Алекс. Михайлов. работы Вишера, по словамъ Дм. Ал. Ровинскаго, это рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый цѣнный красивый листъ въ собраніи руск. портретовъ“ [2]).

Портретъ Виніуса рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый красивый и самый цѣнный листъ въ собраніи русскихъ портретовъ. Виніусъ представленъ на немъ со всѣми аттрибутами своего производства: по стѣнкѣ развѣшены латы и сабли, карабины и пистолеты, отъ которыхъ самый портретъ получилъ между любителями названіе „l'homme aux pistolets“; съ обѣихъ сторонъ его боченки съ монетой (?) и съ надписями, на правомъ: 1000 ℔, а на лѣвомъ: Л⁰—2500; на этомъ послѣднемъ кусокъ руды съ помѣтой „1660 11 Ш“. На пьедесталѣ имя гравера Corn Visscher Delinea et sculp. Виніусъ представленъ сидящимъ на стулѣ; по колѣна, ³/₄ влѣво, лѣвой рукой онъ облокотился на столъ, на которомъ лежитъ грамата за царскою печатью; въ этой же рукѣ онъ держитъ другую грамату, въ которой читается: Лѣта 7160 Маиі 6 Государь Царь великій Князь Алексѣй Михайловичъ... указалъ. Внизу, подъ портретомъ, отпечатана, посредствомъ особой дощечки, слѣдующая подпись славянскою вязью: его црского величества россійского гдрства комісариус московской гость андрѣі денисов снъ виниюс d. h andreas deonyszoon winius zyne Zaerse Majesteits van Ruslants commisarius, en Mosk Oldesman и вирши въ два столбца, соч. Вонделемъ; 10 строкъ [3]).

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. V, с. 398.
[2]) „Рус. Старина“ 1892 III, с. 798.
[3]) Ровинскій. Полн. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 433.

Среди принимавшихъ православіе находились иноземцы нововыѣзжіе и родившіеся въ Россіи, католики, лютераны реформаты и др. протестанты...

Изъ другихъ вспомнимъ хотя семью Винiусовъ [1]).

Голландскіе трактаты, портф. I, № 2: „Копія съ жалованной грамоты, данной голландскому гостю Андрею Денисову сыну Виніюсу о свободной ему торговлѣ во всѣхъ россійскихъ городахъ" [2]).

Портретъ Андрея Денисовича Виніуса извѣстенъ въ 4-хъ разныхъ отпечаткахъ: 1-е отпеч. пробные, не совсѣмъ конченные; русская надпись на бумагѣ, которую Виніусъ держитъ въ рукѣ, еще не вырѣзана; подпись мастера на стѣнѣ есть, но не поставлено цифръ: Л° 2.500 на боченкѣ слѣва; и 1.660 ℔—на кускѣ руды, лежащей на боченкѣ. II-е отпечатки съ тѣми же замѣтками но съ цифрою 2.500 на боченкѣ слѣва (въ собр. Дидо); въ III отпечаткахъ кромѣ того поставлены остальныя цифры. Во всѣхъ этихъ трехъ отпечаткахъ ни подписи, ни стиховъ, отпечатанныхъ особою дощечкою, внизу нѣтъ; эта подпись прибавлена въ IV-хъ. Цѣнность этого рѣдкаго листа весьма значительна; I-хъ отпечатковъ не встрѣчается вовсе; за экземпляръ Парижской библіотеки заплачено, въ 1815 году, 600 франковъ; на аукціонѣ Верстолька, такой же пошелъ за 300 гульденовъ (въ 1847 году). Экземпляръ II-го отпечатка проданъ на аукціонѣ Дидо, въ 1877 году, за 1.300 фр. Для насъ, русскихъ, интереснѣе всего экземпляры въ IV отпечаткѣ съ русскою подписью вязью; такіе экземпляры находятся въ Россіи въ Эрмитажѣ въ моемъ собраніи (купленъ въ 1882 г. за 500 руб.), у гр. Д. И. Толстого (купленъ въ 1883 году за 500 р.) такой же экземпляръ въ собраніи Власова, купленный имъ въ 1820 году за 100 руб. (Каталогъ Власова № 839). Выш. 11. 8 (съ прибавочной дощечкой: 15. 11); шир. 9. 6 [3]).

Геліогравюра, исполненная по способу г. Скамони, съ ретушами П. К. Константинова, помѣщена въ моихъ „Матеріалахъ для Русской Иконографіи" № 81; она передаетъ этотъ драгоцѣнный листъ въ совершенствѣ, и приводила въ смятеніе любителей на Вѣнской и Амстердамской выставкахъ. Выш. 11. 5 (съ прибавоч. дощечк. 15. 5); шир. 9. 3 [4]).

Изъ листовъ иностранной работы: портретъ Виніуса, работы Корнелія Вишера,—самый художественный листъ русскаго собра-

---

[1]) Цвѣтаевъ Д. Обрусѣн. Западно-европ. ст. 15—17.

[2]) Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос. ст. 395.

[3]) Ровинскій. Полн. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 433.

[4]) Ровинскій. Полн. Слов. Рус. Грав. Потр., стр. 433.

нія и изъ самыхъ цѣнныхъ. Для насъ имѣютъ значеніе отпечатки 4-го вида, въ которыхъ внизу отпечатана русская подпись вязью, посредствомъ особой дощечки. Экземпляръ 1-го отпечатка купленъ для Парижской библіотеки, въ 1815 году, за 600 франковъ; въ 1841 году такой же пошелъ на аукціонѣ Верстолька за 300 гульденовъ. Экземпляръ 3-го отпечатка проданъ на аукціонѣ Дидо за 1.300 франковъ. Экземпляры 4-го вида съ русскою подписью находятся: въ Эрмитажѣ, у г. Шайкевича (изъ собранія Лихачева; заплачено Власовымъ въ 1820 году 1.000 руб. асс.), у меня изъ собранія Похвиснева и у гр. Д. И. Толстого,—за оба послѣдніе заплачено по 500 руб. [1]).

Чрезвычайно рѣдки портреты, дѣланные за границей по заказу русскихъ людей, въ XVII вѣкѣ: оригинальныя доски были высланы, по всей вѣроятности, съ небольшимъ количествомъ отпечатковъ въ Москву и здѣсь затеряны,—этимъ только и можно объяснить необыкновенную рѣдкость портретовъ Виніуса, П. И. Потемкина, работы Вайта и Блотлинга [2]).

Драгулинъ не могъ, напримѣръ, отличить копіи съ Хубракенова Петра, а на послѣдней Амстердамской выставкѣ копія Вишеровскаго Виніуса привела, по словамъ Схельтемы (Мюллера), въ смущеніе всѣхъ собирателей [3]).

За царствованіе Царя Алексѣя Михайловича сохранилось два очень рѣдкихъ и цѣнныхъ портрета: Андрея Виніуса и князя Василія Васильевича Голицына. Андрей Денисовичъ Виніусъ, родомъ голландецъ рудопромышленникъ, жилъ сперва въ Москвѣ и, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, торговалъ хлѣбомъ; затѣмъ онъ съ царскаго разрѣшенія, устроилъ чугунно-плавильный заводъ (первый въ Россіи) въ 15 верстахъ отъ Тулы (Городищенскій); съ тѣхъ поръ Россія перестала покупать желѣзо изъ Швеціи. Портретъ Виніуса, работы знаменитаго Корнелія Вишера, чрезвычайно рѣдокъ,—въ настоящее время его нельзя купить дешевле 600—700 руб. [4]).

1696 г.

Виніусъ, Андрей Денисовичъ (Winius) родомъ голландецъ, рудопромышленникъ; жилъ въ Москвѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ торговалъ хлѣбомъ. Впослѣдствіи Виніусъ получилъ разрѣшеніе устроить (первый въ Рос-

---

[1]) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 578 прил.
[2]) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 569 прил.
[3]) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 572 прил.
[4]) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 440 пр

сіи) чугунно-плавильный заводъ, на 10 лѣтъ, съ заимообразною помощью отъ казны по 3.000 руб. въ годъ. Заводъ этотъ устроенъ имъ въ 15 верстахъ отъ Тулы и названъ Городищенскимъ; съ тѣхъ поръ Россія перестала покупать желѣзо изъ Швеціи. Надо предполагать, что Виніусъ умеръ около 1696 года, такъ какъ съ этого года сынъ его Андрей Андреевъ Виніусъ сдѣланъ думнымъ дьякомъ Сибирскаго Приказа и назначенъ завѣдывать желѣзнымъ дѣломъ въ Россіи [1]).

Виніусъ Андрей Денисьевичъ, сынъ Дениса Теркнеса, родомъ изъ Амстердама, прибылъ изъ Голландіи по торговымъ хлѣбнымъ дѣламъ въ Архангельскъ, и въ 1632 году подалъ вмѣстѣ съ братомъ Абрамомъ и купцомъ Вилькенсономъ царю Михаилу челобитную, чтобъ имъ дозволено было гдѣ-нибудь между Тулой и Серпуховомъ выдѣлывать разныя вещи изъ чугуна и изъ него же желѣзо по иностранному способу. До того времени желѣзо выдѣлывалось изъ глыбовой руды ручнымъ способомъ и то не во многихъ мѣстахъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ желѣзо выписывалось изъ Швеціи. Грамота вскорѣ была дана съ разрѣшеніемъ построить „мельничные заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для ковки досокъ и прутьевъ“. Въ 1636 году первое желѣзо съ „мельничныхъ заводовъ“ В. поступило въ Пушкарскій Приказъ. Имя В. связано главнымъ образомъ съ 4 устроенными имъ Городищенскими заводами, такъ называемыми по близлежащему мѣсту древняго городища. Мѣсто это находится въ 13 верст. отъ Тулы при излучинѣ рѣки Бол. Тулицы. Заводами управлялъ В. до 1650 г. Съ 1644 г. къ нему присоединились въ товарищество—Филимонъ Акема изъ Голландіи и Петръ Марселисъ изъ Гамбурга, но вскорѣ поссорились съ В.; споры сотоварищей окончились тѣмъ, что Городищенскіе заводы были взяты въ казну, а соперникамъ В. въ 1648 году предоставлено было право возвести желѣзные заводы на р. Скнигѣ, впадающей въ Оку. На В. указываютъ, какъ на перваго иностранца въ Москвѣ, имѣвшаго вліяніе на государственныя дѣла въ качествѣ человѣка близкаго Морозову, что, должно быть, отразилось и на судьбѣ В. и его заводахъ послѣ паденія Морозова. Гдѣ и когда скончался Виніусъ, неизвѣстно [2]).

Виніусъ, Акема и Марселіусъ выписывали съ большими издержками изъ разныхъ земель до шестисотъ человѣкъ литейщи-

---

[1]) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 433.
[2]) Бол. Энцикл. т. V, с. 70.

ковъ, молотоваго и ружейнаго дѣла мастеровъ, у которыхъ русскіе обучались симъ разнымъ искусствамъ [1]).

При царѣ Алексѣѣ, Городищенскіе заводы Виніуса, за истеченіемъ срока привилегіи учредителя были взяты въ казну, отданы на 20 лѣтъ голландцамъ Марселіусу и Акемѣ подъ вѣдѣніемъ Пушкарскаго Приказа [2]).

Григорій Микитниковъ и Надѣй Свѣтѣшниковъ; оба они принадлежатъ къ числу именитыхъ гостей, или придворныхъ торговцевъ. Они заявили, что Е. Вел-во и патріархъ поручили имъ передать мнѣ, что они, не имѣя возможности предугадать, каковъ будетъ слѣдующій урожай и цѣны, затрудняются заключить со мною договоръ на три года, тѣмъ болѣе, что требуемое количество весьма велико. Поэтому они согласились отпустить только одинъ разъ изъ этого количества всего 100.000 четвертей, или 5.000 ластовъ, и то по той цѣнѣ, по которой купилъ Андрей Діонисъ (Виніусъ) [3]).

Въ то же время мы освѣдомились о состояніи хлѣбнаго рынка и узнали, что Карлъ де Молинъ и его компанія желаютъ купить у царя 80.000 четвертей хлѣба и предлагаютъ за это мѣди 80.000 рейхсталеровъ, по 4 рубля за пудъ, и 80.000 рейхсталеровъ деньгами. 10 числа нѣкій Андрей Діонисъ (т. е. нидерландецъ Андрей Денисовичъ Виніусъ) купилъ 100.000 или 12.000 четвертей по 14 гривенъ, т. е. по два и три четверти рейхсталера за московскую четверть; 19 или 20 такихъ четвертей составляютъ ластъ. Всѣ удивляются этой высокой цѣнѣ и, какъ мы писали в. выс-вамъ, надо опасаться, что въ виду этого едва-ли можно будетъ покупать въ Россіи хлѣбъ дешевле и теперь на русскомъ рынкѣ будутъ держаться прежнія высокія цѣны [4]).

Андрей Виніусъ, обратившійся потомъ въ православіе и сдѣлавшійся первымъ учредителемъ у насъ почты, указывалъ на него, какъ этотъ Марселисъ „лаялъ и безчестилъ его за желаніе креститься [5])“.

Въ „Горномъ Журналѣ или Собраніи Свѣдѣній о Горномъ и Соляномъ Дѣлѣ“ 1828 г., стр. 124, помѣщены выдержки изъ сочин. Гамеля о Андр. Денисов. Виніусѣ: 1632, 1639, 1643, 1644, 1648 гг. [6]).

Основатели заводовъ, особенно если издѣлія ихъ должны были доставляться первоначально въ казну и на государя, жаловались

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., ст. 27.
[2]) Артил. Журн. 1865 г., с. 530.
[3]) Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 т. 116, с. 159.
[4]) Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 г., т. 116, с. 65.
[5]) Цвѣтаевъ. Д. Обрус. Инозем. Протест. въ Мос. Гос., с. 57.
[6]) Горн. Журн. или Свѣд. о Горн. и Сол. Дѣлѣ 1828, с. 124.

помѣстьями и могли пріобрѣтать земли, надобныя подъ ихъ производство. Къ Городищенскимъ заводамъ Виніуса, Марселиса и Акемы, на которыхъ выдѣлывались пушки и ядра, была приписана дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами [1]).

У І. Х. Гамеля находимъ мы краткое извѣстіе, что отецъ его Денисъ Теркнесъ, жилъ въ Амстердамѣ, самъ же онъ производилъ значительный торгъ хлѣбомъ (ст. 7 въ примѣч.). И какъ могъ Виніусъ проживать въ Москвѣ, когда его дѣятельность (прежде коммерческая) сосредоточивалась въ Архангельскѣ, потомъ устройство Городищенскихъ заводовъ и безпрерывное производство на нихъ работъ поглощало время, въ которое онъ проживалъ Тульскаго уѣзда въ пустоши Торхово, или въ деревнѣ Слободкѣ. Что касается оптовой торговли хлѣбомъ, вывозимымъ голландскими купцами изъ Россіи черезъ одинъ портъ Архангельскій, то въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на челобитную Виніуса, поданную царю Михаилу Ѳеодоровичу 1631 г. [2]).

Въ упомянутой статьѣ сказано, что „дороговизна и трудность доставленія внушили предпріимчивому Виніусу мысль завести въ Россіи первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный вододѣйствующіе заводы“ [3]).

Дороговизна—такъ, но что касается до трудности доставленія, то съ такимъ положеніемъ нельзя согласиться. Доставка тяжестей всегда и вездѣ была болѣе или менѣе затруднительной тамъ, гдѣ не имѣется водныхъ сообщеній: мы думаемъ, что одна изъ главныхъ причинъ, внушившая Виніусу мысль приняться за „доменное дѣло“ это худое качество нашего желѣза, которое выдѣлывалось въ ручныхъ горнахъ и потому не соотвѣтствовало своему назначенію. Если вѣрить Флетчеру, наше желѣзо имѣло существенный недостатокъ: оно было „очень ломко“ (Карамзинъ И. Г. Р. т. X, 253).

Въ разбираемой нами статьѣ Энциклопедическаго Лексикона еще выпущено изъ вида очень важное біографическое извѣстіе, а именно, что „Виніусъ, убѣжденный въ истинѣ нашего вѣроисповѣданія, принялъ православную религію“. Уже въ 1646 году говоритъ Гамель (Приб. стр. 9 въ прим.), онъ писалъ, что „хочетъ христится по-русски“. Пусть біографы Виніуса примутъ къ свѣдѣнію. Я нашелъ много бумагъ, продолжаетъ Гамель, его рукою писанныхъ на русскомъ языкѣ. „Жаль, очень жаль, что изслѣдова-

---

1) Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 271.
2) „Москвитянинъ“ 1855 г. т. III, с. 153.
3) „Тул. Губ. Вѣд.“ 1854 г. № 2—5, стат. Н. Андреева.

тель не сообщилъ своей находки читателю. Если онъ, какъ выражается, „извлекъ изъ забвенія имя Виніуса, о которомъ до него никто не упоминалъ ни слова, то замѣтки этого умнаго иностранца въ высшей степени любопытны: грѣхъ было бы ихъ не извлечь изъ забвенія“ [1]).

„Записка“ Виніуса о заслугахъ его, приложенная къ челобитной, обрисовывающая благородный его характеръ и дипломатическую дѣятельность, „записка“, на которую не удостоилъ бросить бѣглаго взгляда князь Д. А. Эристовъ, доказываетъ, что Виніусъ хотя не былъ литераторомъ, но гораздо лучше писалъ по-русски своихъ современниковъ-грамотеевъ [2]).

У Гамеля и Языкова (Энц. Лекс., т. I, с. 348) все это разсказано совсѣмъ иначе. Акема и Марцелисъ просили Царя о дозволеніи устроить на рѣкѣ Скнигѣ желѣзные заводы, и когда Виніусъ узналъ о челобитной, то возникло между ними враждебное отношеніе. Виніусъ самъ подалъ челобитную, жалуясь въ ней на Акема и Марцелиса, которыхъ Соломенные заводы сдѣлаютъ, писалъ онъ, подрывъ заводамъ Городищенскимъ. Правительство держало сторону Виніуса, покровительствовало ему, но это имѣло кратковременный результатъ, потому, что за Акема и Марцелиса вступился князь Черкасскій, могущественный вельможа того времени. Онъ склонилъ Царя на милость. Тогда покровительство его перешло на вышеупомянутыхъ двухъ иностранцевъ, соперниковъ Виніуса. Заводъ ихъ уволенъ отъ платежа въ казну пошлинъ, и Акема награжденъ двумя стами душъ крестьянъ. Кончилось тѣмъ, что у Виніуса взяли въ казну Городищенскіе заводы, и онъ лишился всего своего состоянія. Таковы были гибельныя послѣдствія вражды, таковъ былъ печальный конецъ Андрея Денисовича Виніуса, достойнаго лучшей участи. Неизвѣстно гдѣ и когда онъ скончался. Ему, какъ изволите видѣть, и тогда не отдавали надлежащей справедливости. Рѣдко отдаютъ современникамъ надлежащую справедливость [3]).

Самъ I. X. Гамель ничего не говоритъ о первой доменной печи; онъ разсказываетъ только о мѣстности, на которой устроены были четыре вододѣйствующіе завода. „Заводскія строенія Виніуса, говоритъ онъ, расположены были при четырехъ плотинахъ, изъ коихъ самая верхняя сдѣлана была нѣсколько выше прежняго городища

[1]) „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 156.
[2]) „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 161.
[3]) „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 163.

подъ экономическою деревнею Слободкою, принадлежавшею тогда Николаевскому Веневскому монастырю“ [1]).

Заводскія строенія Виніуса расположены были на наемной землѣ, при четырехъ плотинахъ, изъ коихъ самая верхняя была сдѣлана нѣсколько выше прежняго городища, подъ экономическою деревнею Слободкою, принадлежащею тогда Николаевскому Веневскому монастырю. Вторая была четырьмя стами саженями ниже, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ высокіе берега Тулицы весьма близко сходятся. Третья, коея виденъ еще и нынѣ остатокъ—въ 3-хъ стахъ саженяхъ отъ второй подъ самою горою, на которой въ древнія времена стояло городище, и ниже которой соединяется съ Тулою рѣка Глядушка. Четвертая самая нижняя плотина, сдѣланная отъ третьей разстояніемъ на восемьсотъ саженъ, у самаго села Торхова, и нынѣ еще существуетъ. Черезъ сію плотину идетъ большая дорога изъ Тулы въ Веневъ и Зарайскъ. Всѣ заводы у сихъ плотинъ назывались вообще Городищенскими. Разстояніе оныхъ отъ города Тулы было въ двѣнадцати тогдашнихъ верстахъ [2]).

Имена тѣмъ людемъ, которые слышали въ слухъ и въ видѣнья, что Петръ Марселисъ да Филимонъ меня, Андрушка Виніюса, лаели..., Томоса Свана (sic), Захарей Горценъ, Яковъ Яковлевъ Вандергулстъ, Петръ Ладаль, Андрей Ладаль, Абрамъ Рулансъ, Юстеръ Абрамовъ сынъ Блумертъ, Ондрей Фангель, Иванъ Фалкъ, Ансъ Риббеньсъ, государевъ лѣкарь Касперъ, Иванъ Ивановъ сынъ Гогенсъ, Давыдъ Микулаевъ, Елисѣй Филимоновъ. „Дѣло по челобитьямъ Андрея Виніуса“ [3]).

Нахожденіе желѣзной руды въ раіонѣ Тулы и Калуги облегчило открытіе тамъ извѣстной намъ группы вододѣйствующихъ желѣзныхъ заводовъ Виніуса, Марселиса и Акемы. Кромѣ основанныхъ Виніусомъ Городищенскихъ заводовъ, въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія возникли тамъ заводы Каширскіе (нын. Тульск. губерніи), и заводы Протовскій и Угодскій (Калужск. губерніи); на содержаніе всѣхъ ихъ были отведены большія дворцовыя волости. Послѣ того какъ Виніусъ долженъ былъ выйти изъ компаніи и послѣ опыта казны взять и вести часть этихъ заводовъ отъ себя, Марселисъ и Акема, сдѣлавшись ихъ полными хозяевами, стали владѣть ими нераздѣльно [4]).

Андрей Виніусъ, обратившійся потомъ въ православіе и сдѣ-

---

1) „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 158.

2) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., с. 8.

3) Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 399.

4) Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 712—713.

лавшійся первымъ учредителемъ у насъ почты, указывалъ на него, какъ этотъ „лаялъ и безчестилъ“ его за желаніе креститься [1]).

Біографическія справки о Виніусахъ Н. Ф. Андреева „Тульскія губ. Вѣдомости“ 1854 г., № 3, ст. 8—10, № 4, ст. 12—15, № 5, ст. 18—20.

Тоже „Москвитянинъ“ 1855 г., № 9, ст. 153—163 [2]).

Виніусъ первый строитель чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Россіи и житель Тульской губ. П. Мартынова „Тул. Губ. Вѣд.“ 1872 г., № 85 [3]).

Приложенія.

„Мой товарищъ Фелтдриль“ писалъ Бурхъ изъ Москвы 18-го февраля 1631 г. бургомистрамъ Амстердама, „взялъ этого Дениса (т. е. Виніуса) съ собой изъ Архангельска (въ Москву), и оба они постоянно совѣщались, такъ что является подозрѣніе, что Фелтдриль болѣе интересовался этою покупкою, чѣмъ подобаетъ человѣку, посланному сюда не для того, чтобы содѣйствовать повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, но для того, чтобы отечество могло совершить свои покупки по дешевой цѣнѣ. Торговля икрой уже показала, что весьма трудно достигнуть пониженія цѣнъ, разъ онѣ повысились. Я говорилъ весьма серьезно съ моимъ товарищемъ по этому поводу, но ничего не могъ добиться“ (Общинный Архивъ въ Амстердамѣ). Виніусъ, впрочемъ, не даромъ платилъ такъ дорого: когда онъ сторговалъ свою партію хлѣба, у него не было жалованной грамоты, а въ челобитной о таковой, поданной, вѣроятно, въ январѣ 1631 г., онъ говоритъ, что его „братья иноземцы торговали государева хлѣба малою ценою“, онъ же служилъ Государю „верою и правдою, и государевы хлебные запасы купилъ большою прямою ценою безъ хитрости и безъ корысти и государевой казне многую прибыль учинилъ“. (М. Гл. Арх. М. И. Д. Дѣла Голландскія, 1631 г. № 1). Виніусъ игралъ впослѣдствіи извѣстную роль въ Москвѣ, крестился со своей семьей и былъ записанъ въ Московскіе дворяне. См. Д. Цвѣтаевъ, Протест. стр. 394—403 [4]).

Московское правительство, дѣйствительно, еще осенью того же года и въ началѣ 1631 г. разрѣшило разнымъ иноземцамъ, а въ томъ числѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, и нидерландцамъ купить хлѣба изъ царской казны. Это подтверждается и челобитной нидер-

---

[1]) „Рус. Вѣстн.“ 1866 г. XI, ст. 638.
[2]) Межовъ. Біогр. Сиб. II, ст. 116.
[3]) Межовъ. Біогр. Сиб. II, ст. 116.
[4]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 г. т. CXVI, ст. 259.

ландца Андрея Денисова Виніуса о выдачѣ ему жалованной грамоты, уваженной 26-го января 1631 г. Виніусъ здѣсь говоритъ: „Въ нынешнемъ, Государь, во 139-мъ г. (т. е. послѣ 1-го сентября 1630 г.), по твоему Государеву указу велѣно намъ иноземцемъ продавать изъ твоей Государевы казны твои Государевы запасы всякие хлѣбные“ (М. Гл. Арх. М. И. Д. Дѣла Голландскія, 1631 г. № 1 [1]).

1631 г. 27 января. Проѣзжая грамота, данная Андрею Денисову Виніусу для поѣздки изъ Москвы въ Нидерланды.

Царю Государю і великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русиі бьетъ челомъ галанецъ Ондрюшка Денисовъ; сторговался, Государь, я ис твоево Государева хлѣба хлѣбныхъ запасовъ сто тысячъ четі болшою ценою, и ныне я для того ѣду за море нынешнимъ зимнимъ путемъ. Милосердый Государь Царь і великиі князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіі, пожалуй меня, вели, Государь, мнѣ отъ Москвы до Новгорода дать подводы, противъ моей братьи Карпа Демулина и ево товарищей. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Государь пожаловалъ, велелъ ему дать подводы противъ Карпа Демулина за его службу.

Лѣта 7139 генваря въ 27 день, по Государеву Цареву і Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіі указу, память боярину князю Борису Лыкову да дьякомъ Өедору Опраксину да Петру Копнину, велѣти имъ дати Галанские земли гостю Ондрѣю Денисову отъ Москвы до Твери и до Торжку и до великого Новгорода, подводы, противъ Галанскаго жъ гостя Карпа Демулина, по сколку подводъ давано въ прошлыхъ годѣхъ Карпу Демулину.

Царю Государю і Великому Князю Михаилу Өедоровичю всеа Русіі бьетъ челомъ иноземецъ Галанской земли торговой человѣкъ Ондрюшка Денисовъ. По твоему Государеву указу купилъ я ис твоей Государевой казны твоево Государева хлѣба сто тысячъ четвертей ржи, і въ томъ тебѣ Государю многую прибыль учинилъ. И нынѣ, Государь, мнѣ ѣхать за море для того чтобъ мнѣ припасти подъ тотъ купленный хлѣбъ карабли и за тотъ хлѣбъ ееимки. Милосердый Государь царь і великиі князь Михайло Өедоровичъ всеа Русиі, пожалуй, Государь меня за мое службишка, вели дать мнѣ свою Государеву проѣзжею грамоту до Галанской земли, чтобъ меня для твоей государевой милости пропущали вездѣ неизцержавъ, чтобъ твоему Государеву дѣлу въ какомъ гдѣ задержанія поруха не учинилася. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

---

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 т. CXVI, ст. 257.

На оборотѣ помѣта: И Государь, пожаловалъ, велелъ ему дать проѣзжую грамоту.

Отъ царя і Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русиі, отъ Москвы по городамъ до Твери и до Торжку и до Великого Новогорода бояромъ нашимъ і воеводамъ и дьякомъ і всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Билъ намъ челомъ Галанские земли гость Ондрѣй Денисовъ, а сказалъ: приѣзжалъ де онъ въ наше государство для хлѣбные покупки и купилъ де онъ изъ нашие казны нашего хлѣба сто тысячъ четі. И ныне де онъ хочетъ ѣхать за море въ свою землю черезъ Свѣйскую землю нынешнимъ зимнимъ путемъ для того, чтобъ ему изготовить подъ тотъ купленой хлѣбъ карабли и за тотъ хлѣбъ ѳеимки, и намъ бы ево пожаловати, велѣти ему дати нашу проѣзжую грамоту, чтобъ ево по городомъ пропускали безъ задержанья. И по нашему указу Галанской гость Ондрѣй Денисовъ съ Москвы отпущенъ, и какъ онъ въ которой городъ пріѣдетъ, и вы бъ воеводы діаки і всякие наши приказные люди, велѣли ево пропускать вездѣ безъ всякого задержанья и зацѣпки; а будетъ онъ повезетъ съ собою какие товары, и съ того товару и съ него и съ людей ево, хто съ нимъ людей ево будетъ, велѣти имати наши пошлины по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ. А какъ онъ приѣдетъ въ Великиі Новгородъ, и боярину нашему і воеводамъ князю Юрью Яншеевичу Сулешеву съ товарыщи изъ Новогорода велѣти ево отпустить за рубежъ на Свѣйскую землю, на которые мѣста пригожъ, а съ нимъ отпустить людей ево заморскихъ нѣмецъ, а русскихъ людей и московскихъ нѣмецъ и никакихъ иноземцовъ съ нимъ за рубежъ не отпускать, и ся наша проѣзжая грамота у него взять назадъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7139-го, генваря въ 27 день. (М. Гл. Арх. М. И. Д. [1]).

1631 г. 26-го января. Жалованная грамота, данная нидерландскому торговцу Андрею Денисову Виніусу.

Царю государю і Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ иноземецъ Галанской земли, торговый человѣкъ Ондрюшка Денисовъ.

Въ нынѣшнемъ, во 139-мъ году, по твоему Государеву указу, велѣно намъ иноземцемъ продавать изъ твоей Государевой казны запасы всякие хлѣбные и наша братья иноземцы торговали твоево Государева хлѣба малою ценою, а я, Государь, тебѣ Государю служилъ верою и правдою и твои Государевы хлебные запасы купилъ большою прямою ценою безъ хитрости и безъ корысти и твоей

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 т. CXVI, ст. 347.

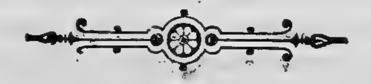
Государеве казне многую прибыль учинилъ, да и впредь радъ тебе, Государю, служить прямою своею душею. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй Государь меня, вели мне дать за мое службишка къ тебе, Государю, такую жъ свою Государеву жалованную грамоту, какъ даны нашей братье Карпу Демулину и Ондрею ѳанъ Дрыгину, Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

На обороте челобитной помета: И Государь пожаловалъ, велелъ выписавъ, доложить себя, Государя, каковы грамоты даны Карпу Демулену да Ондрею ѳанъ Дрыгину а уговоръ о хлебе у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского съ товарыщи.

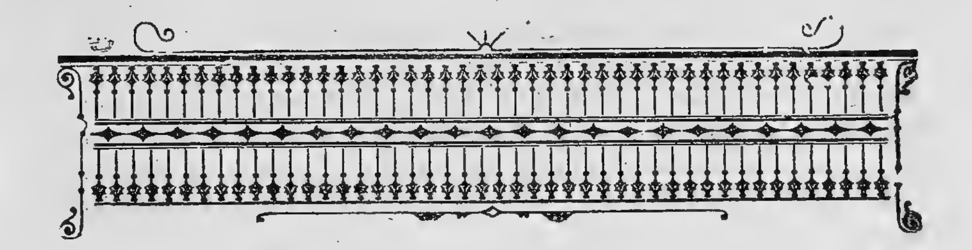
Бога въ Троице славимаго милостию, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ (титулъ); и по плотцкому рожденію отецъ и пастырь и учитель и Превысочайшій Святитель Великій Государь Святейшій Ѳиларетъ Никитичъ Божиею милостию патриархъ Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Галанские земли гостя Ондрея Денисова, велели ему приезжати въ наше Московское государство со всякими товары, для того, билъ онъ челомъ нашему Царскому Величеству и отцу нашему святейшему патріарху Ѳиларету Никитичю Московскому і всеа Русіи, что въ нынешнемъ во 139-мъ году по нашему указу велено иноземцомъ продавати наши хлебные запасы, и ево де братья те наши хлебные запасы торговали малою ценою; а онъ де служа намъ, хлебные запасы купилъ большою прямою ценою бес хитрости и бес корысти, и въ той де въ хлебной покупке учинилъ онъ намъ многую прибыль, і вперед нашему Царскому Величеству и отцу нашему, Великому Государю, святейшему патріарху служити хочетъ; и во всемъ прибыль чинити хочетъ; и нашему бъ Царскому Величеству и отцу нашему и Великому Государю святейшему патриарху его Ондрея пожаловати, въ наше въ Московское государство приезжати и торговати ему велети повольною торговлею; и наши пошлины съ нево и съ товаровъ ево и съ людей, которые люди учнутъ съ нимъ приезжати, велети имати по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ, какъ емлютъ и съ ыныхъ иноземцовъ съ торговыхъ немецъ, і велеть бъ ему дати нашу Царскаго Величества и отца нашего, Великаго Государя святейшаго патриарха, жалованную грамоту таку жъ, каковы даваны ево братье Галанскимъ гостемъ, чтобъ ему въ наше въ Московское государство приезжати и торговать было поволно. И мы, Великій Государь и Царь і Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, и отецъ нашъ, Великій Государь святейшій патриархъ Ѳиларетъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи, Галанскаго гостя

Ондрѣя Денисова пожаловали, въ наше государство х карабелной пристани къ Архангелскому городу и по Устюгъ Великої и на Вологду і въ Ярославль і въ царствующій нашъ градъ Москву со всякими товары приезжать и торговать поволили поволною торговлею. А наши пошлины съ него и съ товаровъ ево и съ людей, хто съ нимъ будетъ, велели есмя имати по нашему указу і по уставнымъ грамотамъ какъ емлютъ наши пошлины съ ыныхъ иноземцовъ; а ему Ондрѣю Денисову привозити въ наше государство всякие товары, которые къ нашей царской казнѣ пригодятца, и въ нашу казну продавати по прямой ценѣ. А какъ онъ въ нашемъ государстве істоpгуетца и похочетъ самъ ѣхати или людей своихъ послати за море въ свою землю съ товаромъ или безъ товаровъ, і ему ѣхати въ свою землю поволно безовсякого задержанья и зацѣпки съ проѣзжими грамотами, сказавъ о томъ въ посолскомъ приказе діакомъ нашимъ, и проѣзжие грамоты имати іс посолского приказу; а иныхъ никоторыхъ государствъ иноземцовъ съ собою за свои люди ему не имати. А питье заморское велѣли есмя ему продавати и на товары нашимъ людемъ меняти мѣстнымъ дѣломъ бочками, а врознь ему питья въ вѣдра і въ стопы не продавати, а для своего житья про себя и про гостей питье держати ему поволили есмя. А кому до него или до людей его въ торговле і въ ыныхъ въ какихъ дѣлехъ, прилучитца какое дѣло, і въ тѣхъ дѣлехъ по нашему указу судятъ ево на Москвѣ посолские наши діаки; а по городамъ наши воеводы и приказные люди продажъ ему не чинятъ никакихъ і во всемъ ево для иноземства оберегаютъ по нашему указу; и сеѣ нашие государские жалованые грамоты боярамъ нашимъ і воеводомъ і діакомъ і всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ во всемъ слушати и не рудити ни въ чемъ. Дана ся наша государская жалованная грамота въ государствия нашего дворѣ, въ царствующемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія миру 7139-го, мѣсяца генваря 26-го дня (М. Гл. Арх. М. И. Д.) [1].

Е. Вильчинскій.

[1]) Обор. Рус. Ист. Общ. т. 116 с. CCXLIV.

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Спиицына[1].

Глава III.

Служба въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку.

По окончаніи курса я былъ назначенъ баталіоннымъ врачемъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

При назначеніи на мѣсто съ нами сыграли маленькую комедію. Президентъ Академіи Пеликанъ, бывшій въ то время директоромъ медицинскаго департамента, объяснилъ намъ, что онъ пришлетъ списокъ вакантныхъ мѣстъ, по которому мы сами можемъ выбрать себѣ любое изъ нихъ. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ академію секретарь департамента, д-ръ Круберъ, со спискомъ, и насъ пригласили въ академическую столовую.

При этомъ Круберъ объявилъ намъ, что уроженцы Западнаго края, римско-католическаго вѣроисповѣданія, не могутъ служить въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской, а только въ Россіи и на Кавказѣ; русскимъ же предоставляется служить, гдѣ угодно. Всѣхъ свободныхъ вакансій было 420, и всего больше на западной границѣ, такъ что, волей-неволей, мы должны были взять мѣста въ войскахъ, тамъ расположенныхъ, а католики—въ Крыму и на Кавказѣ. Это было первое ограниченіе свободнаго выбора, какъ будто оправдываемое политическими соображеніями, но были и другія ограниченія, по причинамъ, повидимому, не имѣвшимъ

---

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1912 г.

никакого отношенія къ политикѣ. Напр., въ спискѣ стояло вакантное мѣсто младшаго врача въ Варшавскомъ артиллерійскомъ дѣловомъ дворѣ. Я всегда стремился на западъ, и жизнь въ Варшавѣ мнѣ очень улыбалась въ виду удобствъ для дальнѣйшаго образованія.

Я было записался на это мѣсто, но Круберъ, увидавъ это, посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и сказалъ: „Это мѣсто не для васъ; вотъ послужите лѣтъ 5—6 въ какомъ-нибудь полку, накопите сотенокъ 5 денегъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, и тогда, быть можетъ, мы дадимъ его вамъ". Признаюсь, я не вдругъ понялъ смыслъ этихъ словъ; значеніе ихъ пояснилъ мнѣ на другой день одинъ изъ старыхъ врачей. „Очень ты юнъ, коллега", сказалъ онъ мнѣ,—„нужно послужить и дать имъ взятку, тогда и получишь это мѣсто". Впослѣдствіи я узналъ, что мѣсто это получилъ племянникъ митрополита Филарета изъ Московскаго университета. Значитъ—или взятка, или протекція.

А такъ какъ всѣ остальныя мѣста были для меня безразличны, то я и выбралъ себѣ наугадъ Ладожскій пѣхотный полкъ, состоявшій въ 4-й дивизіи. Можно было, пожалуй, взять мѣсто на Кавказѣ и даже это было бы очень выгодно въ денежномъ отношеніи, такъ какъ ѣдущимъ туда, сверхъ двойныхъ прогоновъ, выдавалось около 500 руб. подъемныхъ денегъ, но востокъ и Азія меня всегда какъ-то пугали. Меня всегда тянуло на Западъ, поближе къ Европѣ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я узналъ, что полкъ уже выступилъ въ походъ въ Крымъ, и догналъ его въ Красноставѣ, хорошенькомъ городкѣ Люблинской губ., и съ этого времени начался для меня новый періодъ жизни: я дѣлался дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества, которому и служилъ потомъ, пока былъ въ силахъ. Вступивъ въ новый, незнакомый мнѣ, военный міръ, я, конечно, невольно прежде всего занялся его изученіемъ. Въ немъ было много своеобразнаго, пожалуй, дикаго, но были и хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Офицеровъ въ полку было болѣе сорока человѣкъ. Степень ихъ развитія была неодинакова. Высшую степень представляли офицеры, вышедшіе изъ кадетскихъ корпусовъ. Хотя они и носили на себѣ явный отпечатокъ корпуснаго образованія и не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и отдѣльнымъ его членамъ, считая себя представителями высшаго и господствующаго въ государствѣ сословія, интересамъ котораго должны

служить остальные, все-таки, по степени развитія, ихъ можно было сравнить съ лицами, окончившими среднее гимназическое образованіе того времени. Многіе изъ нихъ были довольно начитаны, любили русскую литературу, и даже нѣкоторые увлекались „вольнолюбивыми мечтами“ Пушкина. Въ нихъ не было полнаго безпрекословнаго уваженія къ установившимся воззрѣніямъ и мнѣніямъ начальства: часто они относились къ нимъ критически. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они стояли не выше общаго военнаго уровня. Объ этомъ я скажу потомъ.

Нѣсколько выше ихъ стояли 2 или 3 случайныхъ выходца изъ университета, по волѣ злой судьбы попавшіе въ военную службу. Двое изъ нихъ долго служили солдатами на Кавказѣ, гдѣ, конечно, растеряли много хорошаго изъ того, что привилъ имъ университетъ. Конечно, они сами сознавали это, что вело ихъ къ внутреннему разладу и недовольству, которое они нерѣдко старались заглушить при помощи возліяній Бахусу.

Ниже ихъ стояли офицеры, произведенные изъ юнкеровъ, которыхъ была большая часть. У этихъ послѣднихъ не было почти никакихъ гражданскихъ идеаловъ. Они принимали всецѣло безъ всякой критики узкія понятія военной среды; многіе изъ нихъ были хорошими служаками и безпрекословными исполнителями приказаній начальства, но, не имѣя въ себѣ никакихъ нравственныхъ интересовъ, мало что читая, они свободное отъ службы время, большею частью, картежничали, часто кутили, при чемъ иногда безчинствовали или предавались мелкому разврату. Библіотекъ тогда въ полкахъ не было, а потому и не было никакихъ нравственныхъ развлеченій. Зимой, когда полкъ располагался по деревнямъ, тоска и однообразіе этой жизни, особенно при отсутствіи женскаго общества, еще болѣе усиливали всѣ эти дурныя наклонности.

Были случаи, что молодые люди прямо спивались и дѣлались запойными пьяницами. Недостаточность матеріальныхъ средствъ лишала ихъ возможности являться въ порядочное общество, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе помѣщики, большею частью, поляки, неохотно сближались съ ними, не столько въ силу какой-либо политической или національной розни, сколько по причинѣ невѣжественности военныхъ.

Большинство офицеровъ были люди добродушные и вовсе не злые, но, подъ вліяніемъ традиціонныхъ воззрѣній своей среды, они съ какимъ-то презрѣніемъ относились къ людямъ, стоявшимъ ниже ихъ въ общественномъ положеніи: безъ зазрѣнія совѣсти били солдатъ и издѣвались надъ евреями. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ тогда еще не было упразднено, хотя традиціонная тысяча

шпицрутеновъ была замѣнена негласно сотней. Розга же и ручная расправа царствовали неограниченно: солдатъ пороли на ученіяхъ за каждую ошибку, пороли и дома при всякомъ его промахѣ. Одинъ баталіонный командиръ во время ученія постоянно напѣвалъ: „Кому зубъ, кому два, кому челюсть пополамъ". Всего хуже было положеніе денщиковъ, находившихся въ полномъ безотвѣтственномъ распоряженіи офицеровъ. Били ихъ за плохо вычищенные сапоги, или сюртукъ, за неудавшуюся котлету (денщикъ въ то же время былъ и поваръ), били и такъ, чтобы сорвать на нихъ досаду за какую-нибудь неудачу: за распеканцію баталіоннаго командира, или за неудачное волокитство за какой-нибудь „чернобривой" Оксаной, или Ганкой. Все это считалось необходимой принадлежностью тогдашней военной дисциплины. Естественно, что такое постоянное, хроническое неуваженіе къ человѣческому достоинству вело къ тому, что денщики дѣлались заклятыми пьяницами или мелкими воришками. Никому не приходило въ голову, что солдата можно выучить безъ розогъ и зуботычинъ и что, при добромъ человѣчномъ отношеніи къ тѣмъ же денщикамъ, послѣдніе были бы болѣе исправны и не дѣлались ни ворами, ни пьяницами. И, странное дѣло, сами денщики до такой степени падали нравственно и теряли сознаніе своего человѣческаго достоинства, что уже не возмущались своимъ ужаснымъ положеніемъ, какъ будто такъ и должно быть. Мнѣ разъ пришлось прожить недѣли 2 съ однимъ офицеромъ, во многихъ отношеніяхъ очень порядочнымъ и занимавшимъ мѣсто полкового казначея. Онъ билъ своего денщика по нѣсколько разъ въ день, иногда даже безъ всякой причины, отчего этотъ несчастный пришелъ въ состояніе какого-то хроническаго отупѣнья. Я нѣсколько разъ говорилъ съ офицеромъ о всей жестокости его обращенія къ денщику и постоянно получалъ въ отвѣтъ, что съ этимъ „скотомъ" нельзя поступать иначе. Улучивъ какъ-то удобную минуту, чтобы поговорить съ денщикомъ наединѣ, я предложилъ ему разсказать обо всемъ полковому командиру и просить о перечисленіи его куда-нибудь на другой родъ службы, но „многострадальный" Леонъ (такъ звали денщика) отнесся къ моему предложенію съ какимъ-то ужасомъ, считая всякую жалобу на начальство чуть-ли не преступленіемъ: „на то",—дескать, „воля барская", а его дѣло служить. Впрочемъ, изъ его словъ я понялъ, что онъ считаетъ жалобы напрасными, такъ какъ, по его мнѣнію, на новомъ мѣстѣ ему будутъ мстить за нихъ, и онъ чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня не говорить о немъ полковому командиру, а чтобы заглушить въ себѣ недовольство своимъ положеніемъ, по нѣсколько разъ въ день прикладывался къ водочкѣ,

которая всегда была въ изобиліи у казначея, отчего былъ въ какой-то постоянной полудремотѣ.

Положеніе строевыхъ солдатъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько лучше, потому что они не были въ такихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ офицерами, какъ денщики.

Кормили солдатъ очень неважно: зимой во время стоянки по деревнямъ они ѣли съ хозяевами, за что должны были отдавать послѣднимъ свой хлѣбный паекъ, который, впрочемъ, не доходилъ цѣлостью до самого солдата: около половины его оставалось въ рукахъ ротнаго командира и фельдфебеля. Лѣтомъ, во время учебныхъ сборовъ, ихъ кормили изъ общаго котла, но пища эта не всегда была удовлетворительна, такъ какъ часть приварочныхъ денегъ тоже шла въ экономію ротнаго командира.

Лѣтомъ, во время сборовъ, солдатъ обучали фронтовой выправкѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, въ искусствѣ ходить при маршировкѣ не по-человѣчески, а какъ-то, вытягивая неестественнымъ образомъ носокъ ноги, все же тѣло приводя въ такое положеніе, какъ будто сквозь него сверху до низу продѣта палка; учили какимъ-то построеніямъ, а на самое главное—на стрѣльбу обращали очень мало вниманія, да и ружья были плохія, передѣланныя изъ старыхъ,—кремневыхъ. Зимой, на широкихъ квартирахъ, не учили почти ничему. Изрѣдка кто-нибудь изъ ротныхъ командировъ выучитъ чел. 10 изъ своей роты грамотѣ, т. е. умѣнію читать и писать. Ни о какомъ умственномъ развитіи солдатъ не думали, внушая имъ одно только правило безпрекословнаго, безсознательнаго повиновенія начальству.

И съ такими-то, плохо выученными и плохо вооруженными, солдатами мы стояли въ Крымскую войну противъ Европейской коалиціи.

На образованіе и развитіе офицеровъ также не обращалось никакого вниманія, но, при всей своей малоразвитости, они считали себя выше другихъ сословій. Съ презрѣніемъ смотрѣли они на чиновничество и вообще на штатскихъ, не говоря уже о крестьянахъ. Побить мужика, мелкаго торговца и даже мелкаго чиновника считалось тогда молодечествомъ; всякая же попытка со стороны обиженныхъ дать въ подобныхъ случаяхъ отпоръ офицерамъ считалась оскорбленіемъ чести мундира, и начальство почти всегда принимало сторону офицеровъ. Всего отвратительнѣе было отношеніе офицерства къ евреямъ, которыми такъ переполненъ Западный край: всякое издѣвательство надъ несчастнымъ „жидомъ“ считалось дозволительнымъ и служило только темою для разсказовъ во время

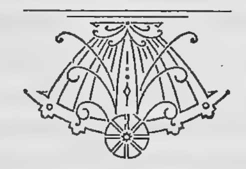
кутежей. У нихъ постоянно занимали деньги, конечно, за большіе проценты, но при разсчетѣ дѣло кончалось, большею частью, выталкиваніемъ кредитора въ шею, а иногда и прямо побоями. И все это сходило офицерамъ безнаказанно: развѣ ужъ какое-нибудь грандіозное побоище обратитъ на себя вниманіе начальства, которое сажало офицеровъ на 2 или 3 дня на гауптвахту, да въ рѣдкихъ случаяхъ заставляло ихъ дать какое-нибудь вознагражденіе за убытки, причиненные ихъ буйствомъ. Жаловаться было некому, ибо офицерство не подчинялось никакому суду, кромѣ военнаго; общественныхъ же протестовъ никакихъ не было, да и быть не могло, ибо тогда и общества никакого не было. У насъ, напримѣръ, былъ въ полку такой случай. Во время одной попойки, одному изъ ея участниковъ пришла фантазія прокатиться верхомъ на „жидахъ". Дѣло было въ маленькомъ городкѣ Юго-Западнаго края. Отыскали двухъ какихъ-то несчастныхъ евреевъ, приказали имъ встать другъ противъ друга и взяться за руки. Тогда офицеръ, изъявившій такія кавалерійскія намѣренія, сѣлъ верхомъ на руки евреямъ, остальные окружили его со всѣхъ сторонъ и открыли процессію по городскимъ улицамъ. Къ несчастью офицеровъ въ это время проѣзжалъ черезъ городъ начальникъ дивизіи, человѣкъ очень строгій. Увидавъ эту безобразную сцену, онъ сейчасъ приказалъ арестовать офицеровъ, продержать ихъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и заплатить евреямъ за безчестіе, сколько они потребуютъ. Эти послѣдніе запросили сначала 30 рублей, но, когда имъ негласно пригрозили, что за такое чрезмѣрное требованіе имъ впослѣдствіи отомстятъ, они помирились на 10 р., и дѣло этимъ и закончилось. Въ городскомъ обществѣ, состоявшемъ, большею частью, изъ поляковъ, поговорили объ этомъ втихомолку нѣсколько вечеровъ, но ни одинъ изъ вліятельныхъ обывателей города не поднялъ своего голоса въ защиту несчастныхъ униженныхъ евреевъ. Такъ велика была тогда подавленность гражданскаго общества.

Полковой командиръ Галкинъ, человѣкъ порядочный и довольно начитанный, старался, по возможности, укрощать подобные подвиги офицеровъ, но строго за нихъ не преслѣдовалъ, отчасти по своей добротѣ, а отчасти и вслѣдствіе круговой поруки между нимъ и офицерами по части „безгрѣшныхъ доходовъ", и чтобы не выносить, по пословицѣ, сору изъ избы.

Къ выходкамъ же офицеровъ съ евреями онъ относился какъ-то съ юмористической стороны. Онъ любилъ пофилософствовать и полиберальничать, чтобы показать, что и онъ не отсталъ отъ вѣка, впрочемъ изрѣдка и самъ прибѣгалъ къ рукопашной расправѣ. Въ

заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ не скупился на расходы по содержанію больныхъ: покупалъ на свой счетъ много лѣкарствъ, такъ какъ отъ казны ихъ отпускалось очень мало. Вообще же онъ умѣлъ ладить съ офицерами и съ гражданскимъ обществомъ, такъ что всѣ его любили. Командуя полкомъ около 10 лѣтъ, онъ изъ благоразумной экономіи накопилъ порядочный капиталецъ и вышелъ въ отставку генераломъ.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

Къ исторіи раскола.

(Өедосья Морозова, урожд. Соковнина. 1686 г.).

Благословение преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского, на Вологду въ домъ Премудрости Слова Божия духовныхъ дѣлъ Ильинского монастыря ігумену Иоасаөу да дьяку нашему Өедору Быкову. Въ нынѣшнемъ во 195-мъ году декабря въ 7 день прислана къ намъ, преосвященному архіепископу, Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича і великие Государыни благовѣрные царевны і великие княжны Соөіі Алексѣевны всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержцевъ грамота і—стрелецкого приказу, а в той Великихъ Государей грамоте написано: въ прошломъ-де во 189-мъ году, по указу брата ихъ Великихъ Государей, блаженные памяти Великого Государя Царя і великого князя Өеодора Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, посланъ с Москвы на Вологду блаженные памяти к бывшему преосвященному Симону архиепископу воръ роспопа Пронка Івановъ, которой прежь сего служивалъ на Москвѣ въ Бѣломъ городѣ на Знаменке у церкви Саввы Стратилата, а велено того вора послать на Вологде въ Павловъ монастырь за воровство, что онъ напередъ сего исповѣдывалъ и причащалъ невѣдомо какими отъ воровъ и расколщиковъ присланными названными дори расколщицу вдову Өедосью Морозову, да онъ же воровствомъ своимъ привезъ из Вязниковъ въ Московской уѣздъ въ село Левоново расколщицу-жь, думного дворянина Замятнину дочь Леонтьева, дѣвку Овдотью мертву і в томъ селѣ погребъ, а в чину погребенія і в молитве разрешения именовалъ ее Дарьею, а не Овдотьею для того, чтобъ ее і воровства ево не познали и после того приѣзжая певалъ по ней панахиды; и нынѣ вѣдомо имъ, Великимъ Государемъ, учинилось, что тотъ воръ Пронка ис—того монастыря бежалъ. И по той Великихъ Государей грамоте велено намъ, преосвященному архіепископу, въ Павловъ монастырь послать кого пригожь и того монастыря игумена и братью распросить, въ какомъ бережнеиі и крѣпости у нихъ въ монастырѣ тотъ воръ былъ и у кого за сторожою и сколь давно у нихъ бежалъ и какими мѣрами и куды побѣгу ево чаятъ и о побѣге ево кому они извещали и въ которыхъ мѣсяцехъ и числехъ и къ Великимъ Государемъ они о томъ зачѣмъ не писали. А что въ роспросе скажутъ, о томъ к нимъ, Великимъ Государемъ, велено намъ, преосвященному архіепископу, писать, а отписку и розыскъ и іс-того розыску вы писку съ очисткою велено подать в Стрелецкомъ приказе думному

дьяку Өедору Леонтьевичу Шакловитому с-товарищи, а сторожей, у которыхъ тотъ воръ былъ за карауломъ, велено ихъ держать въ томъ монастырѣ до ихъ, Великихъ Государей, указу за карауломъ же. И какъ къ вамъ ся наша преосвященного архіепископа грамота придетъ, і вамъ бы въ Вологодской уѣздъ въ Павловъ монастырь послать изъ Соѳейского дому кого пригожь ково-бъ с-такое дѣло стало, і велѣть о побѣге того вора въ томъ монастырѣ келаря и казначѣя и братью про все роспросить и розыскать о береженье тѣхъ сторожей, у которыхъ тотъ воръ за карауломъ былъ, учинить противъ указу Великихъ Государей и грамоты, какъ писано въ сей нашей архіерейской грамоте жь выше сего, а розыскавъ і истого розыску учинить выписку со всякою подлинною очисткою, запечатавъ въ листъ, прислать къ намъ преосвященному архіепископу къ Москве и о томъ писать, а отписку и розыскъ и выписку съ очисткою велѣть подать на Московскомъ нашемъ домовомъ дворѣ въ приказной избѣ приказному нашему Ивану Александрову. Пісанъ на Москвѣ лѣта 7195-го декабря въ день. Вамъ же, дьякъ нашъ Өедоръ Быковъ, съ казначѣемъ старцомъ Аѳонасиемъ смѣтить на погребахъ что есть на лицо меду сырцу і будетъ ли чѣмъ въ годъ противъ прежняго пронятца; буде не будетъ и сколко надодь; і вамъ бы къ намъ преосвященному архіепископу писать. Къ тебѣ жь съ сею нашею грамотою послана вдовы Стеѳаниды Акиѳиневской жены Гаряинова челобитная, и тебѣ-бъ, дьякъ нашъ Өедоръ, противъ той челобитной взять у ней Стеѳаниды за рукой отца еѣ духовною роспись, что и на комъ ей взять, чтобъ мужу еѣ умершему и ей Стеѳаниде за лишные взятки въ клятвѣ не быть, и по той росписи на вотчинныхъ крестьянехъ, буде кто учнетъ винитца, велѣть збирать, а буде которые учнутъ бить челомъ о срокахъ и на нихъ имать новые кабалы, а старые кабалы велѣть имъ выдавать

А въ Павловъ монастырь для розыску послать съ посаду Духова монастыря игумена Иосиѳа да съ нимъ изъ Соѳѣйского дому кого пригожь.

А тебѣ, дьякъ нашъ Өедоръ Быковъ, взять бы съ собою, какъ поѣдешь къ Москвѣ, домовыхъ дѣтей боярскихъ Анисима Жданова или Стеѳана Наумова да Ивана да Алексѣя Быковыхъ, а Куски не брать.

На оборотѣ адресъ: „На Вологду въ домъ Премудрости Слова Божия духовныхъ дѣлъ Ильинского монастыря игумену Иоасаѳу да дьяку нашему Өедору Быкову“. Помѣта: „195-го декабря въ 17 день“.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 октября по 1 декабря 1911 г.

Басни дѣдушки И. А. Крылова. Первый сборникъ. Книжка для чтенія за первомъ году обученія. Библіотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 24. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина 3 е. 16° (13×17). 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Великое былое. Воспоминанія объ Отечественной войнѣ, по поводу ея столѣтней годовщины. Сборникъ иллюстрированъ 113 народными картинками и рисунками лучшихъ художниковъ. Посвящается простому народу и школьникамъ. Спб. 1912. Изд. автора (Измайл. пр., 5). Тип. Спб. Тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×20). 286 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Валишевскій, К. Петръ Великій. Воспитаніе личность, дѣло по новымъ источникамъ. (Полное собраніе сочиненій. Т. III.). Полный переводъ съ французскаго А. Гретмана. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. А. Л. Будо (Мясницкая, 20). 8° (23×29). 832 стр. Съ рис.+45 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 4 ф. 20 л. 3.000 экз.

Васильевъ, М. Изъ прошлаго земли Русской. Сборникъ Стихотвореній историческаго содержанія. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Вып. I. Древняя Русь. М. 1911. Изд. Кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9), 2-е. Тип. А. П. Поплавскаго. 8° (15×23). 176 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Воздвиженская, Е. В. Соловецкій монастырь и старообрядчество. М. 1911. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8° (18×27). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Державинъ, Г. Р. Стихотворенія. Со вступительной статьей и примѣчаніями Иванова-Разумника. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 16° (12×18). 147 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ѳ. М. Отъ невѣрія къ вѣрѣ. (Русская религіозная мысль. № 29). М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (17×22) 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Библіотека „Старообрядческая мысль“. Подъ ред. И. В. Галкина. М. 1911. Изд. И. Я. Гаврилова. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8° (15×23). 62+2 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 5.500 экз.

Житіе Святого Тихона Задонскаго и преподобнаго Трифона. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18° (12×18). 31 стр. Вѣсъ 1 л. 20.000 экз.

Марсъ, К. „Герой 1812 г.“ Хроника временъ нашествія французовъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. „Передовые“. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4 карт.

Карт. 1-я Любовь. 2-я Собраніе шайки. 3-я Въ „Якорѣ“. 4-я Охота на человѣка. М. 1911. Тип. А. Забалуева (Срѣтенка, Даевъ пер., 5). 16⁰ (11×18). 28+26 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній (въ 2 ч.). Подъ ред. В. В. Каллаша. Ч. I (съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). М. 1911. Изд. кн. маг. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной), 20-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. п., с. д.). 8⁰ (15×22). Ш+237 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 18.100 экз.

Николенко-Сагарда, Л. Народная поэзія и древняя литература, въ избранныхъ темахъ и планахъ. Владикавказъ. 1911. Изд. кн. маг. П. Константинова. Тип. П. К. Григорьева (д. о-ва вз. кред.). 16⁰ (11×18). 34 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Никольскій, В. А. Народныя движенія въ Россіи. Семнадцатый вѣкъ. Стенька Разинъ и Разиновщина. Всеобщая библіотека. Спб. 1911. Изд. акц. о-ва типографскаго дѣла. Тип. Герольдъ (Изм. полкъ, 7 р., 26). 16⁰ (11×16). 78 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. IV. Части 1 и 2-я. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва Общ. Польза В. Подъяческая, 39). 8⁰ (19×27). 392+300+4 стр. Ц. 6 р. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 3.000 экз.

Отечественная война. Историческій очеркъ. Историческая комиссія при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. ред. И. М. Катаева. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., св. д.). 8⁰ (16×23). 70+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Отечественная война и русское общество 1812—1912 г. Юбилейное изданіе Т. I-й. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. Н. Мельгунова, В. И. Пичета. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 8⁰ (22×30). VIII+232 стр. съ рис.+38 отд. рис. Вѣсъ 3 ф. 29 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8⁰ (16×25). 2 нен.+190 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варварин. акц. об-ва). Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Аѳанасій Аѳанасіевичъ Фетъ (Шеншинъ). Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8⁰ (16×25). 2 нен.+100+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варварин. акц. об-ва). Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко. (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8⁰ (16×25). 2 нен.+86 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варварин. акц. об-ва). Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Политуръ, Н. Р. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1911. Тип. Спб. Тюрьмы (Арсенальн. наб., 2). 8⁰ (15×23). 136 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Преподобный и Богоносный старецъ Серафимъ, Саровскій чудотворецъ. М. 1911. Изд. Аѳонск. Русск. Пантелеймон. монаст. 2-е. Тип. И. Ефимова

(Б. Якиманка, соб. д.). 16⁰ (12×16). 72 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Пругавинъ, А. С. О Львѣ Толстомъ и о Толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. М. 1911. Изд. автора (Спб. Введенская, 17). Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8⁰ (14×20). 323 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 27 л. 3.500 экз.

Пушкинъ, А. С. Спб. 1911. Изд. Журн. „Русскій библіофилъ". Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8⁰ (20×28). Вѣсъ 1 ф. 1 л. 800 экз.

Пушкинъ А. С. Кавказскій плѣнннкъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Библіотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 32. М. 1911. Изд. и Тип. И. Д. Сытина, 2-е. 16⁰ (13×17). 32 стр. съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Рождественскій, Алексѣй, прот. Новгородскій Покровскій Звѣринъ женскій монастырь.—Краткое историческое описаніе. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8⁰ (16×24). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Романцевъ, И. О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губерніи. Алфавитный указатель селеній, при которыхъ находятся археологическіе памятники, съ краткимъ описаніемъ послѣднихъ. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8 (16×24). VII+126 стр. Вѣсъ 18 л. 800 экз.

Роменко, Е. И. С. Никитинъ. Біографія и литературная дѣятельность. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. журн. Для народн. учителя (Полянка, Успенск. п., 8). Тип. П. Рябушинскаго (Путниковск. п., с. д.). 16⁰ (13×18). 35 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Роменко, Е. Николай Александровичъ Добролюбовъ. Біографическій очеркъ и литературная дѣятельность. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. журн. Для народнаго учителя (Полянка Успенскій пер., 8). Тип. П. П. Рябушинскаго (Путниковск. пер., соб. д.). 16⁰ (14×18). 30 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Кн. XIV. М. 1911. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×28). 571 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 1.200 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Первая ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія. Картинки для бесѣдъ, вопросы, письменныя задачи, грамматическія упражненія. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 4-е. 8⁰ (18×27). 336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 10.000 экз.

А. Л. Къ исторіи кавказской войны. Походъ 1864 года. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнблата. 8⁰ (18×27). 2 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Аѳанасьевъ, Г. Е. Условія разложенія крѣпостного права. Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8⁰ (18×27). 42 стр. Вѣсъ 6 л. 150 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. I. О поэзіи. Всеобщая библіотека № 91. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16⁰ (11×17). 82 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. II. Русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Всеобщая библіотека № 92. Классное изданіе подъ

ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16° (11×16). 48 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. IV. Н. В. Гоголь. Всеобщая библіотека № 95. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16° (11×16). 85 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. V. М. Ю. Лермонтовъ. Всеобщая библіотека № 96, 97. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-ое (Изм. п., 7 рота, 26). 16° (11×16). 105 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1811—1848 г.г.) Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей" Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской, 10). Тип. Т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (14×21). 88 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей" Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской, 10). Тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (14×21). 62 стр., Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 4.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Николай Васильевичъ Гоголь. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей" Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской пер., 10). Тип. т-ва „Обществ. Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (14×21). 54 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 4.000 экз.

Г. Л. Историческое сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, называемой Троеручицей, со краткимъ очеркомъ жизни св. Іоанна Дамаскина. М. 1911 Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12×18), 31 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Гоголь, Н. В. Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Часть I. Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Универсальная библіотека № 539. М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза. В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2.). Тип. А. А. Левенсонъ (Тверская, Мамон. пер., с. д.). 16° (9×14). 176 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 7.000 экз.

Гоголь, Н. В. Миргородъ. Повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Часть II. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Универсальная библіотека. № 510. М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (9 × 14). 111 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 7.000 экз.

Колосовъ, Н. „Іисусъ Сладчайшій". (Универсальная Личность Христова и міръ. Іисусъ Христосъ въ русской жизни). Отд. от. изъ Симбирскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей, №№ 15, 16 и 17, за 1911 годъ). Симбирскъ. 1911. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 30 экз.

Назаревскій, В. Б. Чтенія изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ. 1613—1630. Вып. III. Царь и Великій Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ. Спб. 1911. Изд. Учил. Совѣта при Свят. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 72 стр. Съ 44 рис. Вѣсъ 12 л. 20.000 экз.

Невзоровъ, И. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Часть I. Спб. 1911. Изд. 18-е. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 122 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 13 л. 15.000 экз.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ, подъ

ред. М. О. Гершензона. Съ біографіей Никитина, 4 его портретами, 3 факсимиле съ рукописей, 1 снимокъ съ модели предполагаемаго къ постановкѣ памятника и 5 воронежскими видами. М. 1912. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ п., с. д.). Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 8⁰ (19×28). XXIII+448+IX стр.+4 листа рис. и портр. Ц. 80 к. Вѣсъ 2 ф. 5.000 экз.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Спб. Изд. 2-е, Н. В. Ельманова. Тип. Ю. Н. Эрлихъ (М. Дворянская, 19). 8⁰ (14×21). 138 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 3.100 экз.

Стасюлевичъ, М. М. и современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. I. Съ 5-ю портретами. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я л., 28). 8⁰ (18×27). XVI+570+1 нен. стр. Съ 5-ю портр. и 8 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 30 л. 1.000 экз.

Александровъ, Н. О Добрынѣ Никитичѣ. Богатырская пѣсня XI столѣтія. Спб. 1911. Изд. Сѣв. Лира Тип. Шмидта (4 рота, 20). 4⁰ (27×35). 3 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Арабажинъ, К. И. Этюды о русскихъ писателяхъ. Спб. 1912. Изд. К-ва „Прометей" Н. Н. Михайлова (Поварской, 10). Тип. „Энергія". (Загородн. пр., 17). 8⁰ (17×25). 216 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 2.100 экз.

Бернацкій, В. А. Императорскій Александровскій Лицей въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній. (Историческая справка ко дню столѣтняго юбилея Лицея). Спб. 1911. Изд. Жур. Педагог. Сборникъ. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 л. 28). 8⁰ (16×25). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 550 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Выпускъ 1-й и 2-й. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Ясная Поляна" (Спб. Караванная, 7). Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8⁰ (15×23). 80+81+160 стр. Съ портр. Ц. по 8 к. Вѣсъ 13 л. 1.000 экз.

Горячкинъ, А. Матеріалы историческіе. Сказаніе объ Едигеѣ (Отд. от. изъ XXVII-го т. „Извѣстій Об-ва Археологіи, Исторіи и этнографіи" за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. университета. 8⁰ (17×24). 3 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

И. П. Жизнь и дѣятельность генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова. На память Донскому казачеству. Новочеркасскъ. 1911. Тип. Областная войска Донск. 8⁰ (19×26). 29 стр. Съ портр+1 листъ рис. Вѣсъ 4 л. 6.100 экз.

Козловъ, С. П. Полков. Суворовъ, 1730—1800. (Очерки изъ его жизни). Томъ I. Спб. 1911. Изд. князя С. М. Голицына. Тип. Ю. Я. Римана (4 Рождеств., 33). 4⁰ (27×35). 170+17 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 950 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Методика исторіи. Кіевъ. 1912. Изд. автора, 2-е, пересмотр. и доп. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8⁰ (16×25). IV+144 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсъ 26 л. 2.000 экз.

Лазаревскій, Борисъ А. Собраніе Сочиненій. Томъ III. Повѣсти и разсказы. Спб. 1911. Изд. Т-во Просвѣщеніе, 2-е. Тип. „Самообразованіе" (Забалканск. пр., 75). 8⁰ (15×21). 279 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.310 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ Исторіи Русской Литературы. Сост. по новѣйшимъ учебникамъ примѣн. къ послѣдней Министерской программѣ. Часть I. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книго-ва „Порядокъ". 32⁰ (10×13). 400 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Постниковъ, П. П. Лицевое сказаніе о явленіи Казанской Божіей

Матери. Спб. 1911. Изд. Московскаго Археолог. Института Тип. Свѣтъ (Невскій, 136). 8⁰ (19×28). 2+43 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз

Пушкинъ, А. С. Барышня-крестьянка. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библіотека. № 31. М. 1911. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., соб. д.), 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крествоздв., 9). 16⁰ (11×15). 50 нен. стр.+2 листа рис. Ц. 4 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ III. Судьбы народной поэзіи. Эпоха преобразованій Петра Великаго. Установленіе новой литературы. Ломоносовъ. Спб. 1911. Изд. 4-е, безъ перемѣнъ. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я линія, д. 28). 8⁰ (17×28). X+543 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 5.000 экз.

Рождественскій, С. О Суворовѣ. Баіовъ, А. Суворовскій музей—памятникъ. Спб. 1911. Изд. Постоян. комиссіи народн. чтеній, 10-е Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8⁰ (13×19). 48 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Собраніе сочиненій. Съ 3-мя портретами и автографомъ. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Томъ первый. (1873—1877). Спб. 1911 Изд. т-ва Просвѣщеніе, 2-е. Тип. акц. общества „Самообразованіе" (Забалканскій, 75). 8⁰ (16×24). VI+406 стр. и портретъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 3.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Воспоминанія, Гимназія. Годъ въ деревнѣ. Университетъ. Собираніе бабочекъ. (Универсальная библіотека № 544—545). М. 1911. Изд. к-ва Польза. В. Антикъ и К⁰ (Козицкій пер., 2). Тип. А. А. Левенсонъ 16⁰ (9×14). 277+1 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Добрынинъ, К. И. Первые уроки по русской исторіи для низшихъ училищъ. М. 1912. Изд. В. С. Спиридонова. 2-е (Уг. Тверск., Моховая, д. Варварин. Акц. О-ва). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск. с. д.). 8⁰ (15×23). 125+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 13 л. 6.200 экз.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. Книжка вторая. Сказанія, преданія и повѣсти. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1911. Изд. 2-е, ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 11). Тип. „Русск. тов." (Мыльн. пер., соб. д)., 8⁰ (15×22). 48 стр. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. Книжка третья. Изъ жизни природы. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18). Тип. Русск. тов. (Чистые пруды, св. д.). 8⁰ (15×22). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Записки Императрицы Екатерины II. Пер. съ французскаго. Спб. 1911. Изд. Лит.-Науч. Книгоизд-ства. Тип. Лучъ (Пряжка, 30). 8⁰ (15×21). 228 стр. съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 19 л. 3.980 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 25. М. 1911. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовск., с. д.). 8⁰ (19×28). 193—272 стр.+4 портр. Вѣсъ 19 л. 13.050 экз.

Кавелина, С. Новыя данныя къ характеристикѣ И. С. Никитина по неизданнымъ матеріаламъ, и стихотворенія И. С. Никитина. Популярная библіотека. М. 1911. Изд. Й-ва Звѣзда М. Орфенова. Тип. Рекордъ (Арбатъ, Б. Афанасьевскій, 32). 8⁰ (12×17). 81 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Кадминъ, Н. Очерки по исторіи русской литературы (отъ 30-хъ го-

довъ XIX ст. до Чехова). Подъ ред. проф. А. К. Бороздина. М. 1912. Изд. Н. Н. Клочкова. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., с. д.). 8° (16×24). 338+2 нен. стр. (Складъ: Мясницкая, 24 скл. Башмаковыхъ). Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Ломоносовскій Сборникъ. Подъ ред. Н. А. Голубцова. Архангельскъ. 1912. Изд. Архангельск. Статист. Комит. Тип. Губернская. 8° (17×25). 156 стр.+10 лист. рис. Вѣсъ 20 л. 250 экз.

Ломоносовъ, Михайло. Избранныя сочиненія подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣчан. проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова (Итальянская, 34). Тип. Трудъ (Кавалергардск., 40). 8° (15×21). 45+81 стр. Съ 6 рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 17 л. 5.000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Сборникъ статей, подъ ред. В. В. Сиповскаго. 1711—1911. 1912. Тип. Трудъ (Кавалергардск., 40). 8° (17×24). 185 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 3.100 экз.

Медвѣдскій, К. П. М. В. Ломоносовъ (Отечественная библіотека, № 79). Спб. 1911. Изд. Всеросс. Націон. Клуба (Литейный пр., 10). Тип. Р. В. Коротаевой (Загородный пр., 10). 8° (14×21). 47 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 6.000 экз.

Никитинъ, И. С. Стихотворенія (1849—1861). Съ приложеніемъ неизданныхъ стихотвореній и алфавитнаго указателя. Универсальная библіотека № 553. М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевск. пер., 5). 16° (10×15). 244 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 7 л. 7.200 экз.

Покровскій, В. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 8° (17×26). 248 стр. Вѣсъ 23 л. 6.000 экз.

Покровскій, В. Сокращенная историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи Русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Часть VII. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Лисснера и Собко (Крестовоздвижен. пер., 9). 8° (16×24) VII+702+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, уг. Тверской и Охотн. ряда). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 3.000 экз.

Соколовъ, В. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній Ч. II (Для среднихъ классовъ). М. 1912. Изд. Кн. маг. Л. В. Думнова (Мясницк., д. Обидиной), 11-е. Тип. С. Яковлева (Салтыковск. п., 9). 8° (18×27). VIII+605 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 15.000 экз.

Тихомировъ, Д. И. Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. М. 1911. Изд. 10-е, автора (Б. Молчановка, соб. д.). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×23). VI+218 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 15 л. 4.800 экз.

Успенскій, Д. Страдальцы за землю русскую. Патріархъ Гермогенъ и троицкій архимандритъ Діонисій. М. 1911. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (18×27). 48 стр.+5 лист. рис. Вѣсъ 9 л. 2.500 экз.

Чаевъ, Н. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ, въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 96 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія. Въ четырехъ томахъ. Т. IV. (1844—1848). Спб. 1911. Изд. Павленкова 4-е Тип. Эрлиха и Шмидта. 8° (18×28). 900+452 столб. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 5.100 экз.

Витмеръ, Александръ. Генералъ Левицкій. (Столкновеніе его со Скобелевымъ). („Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ") (Воспоминанія) (Севастополь. 1911. Тип. Д. О. Харченко (Б. Морская, соб. д.). 16° (11×15). 147 стр. Складъ. Ялта, Контора Гостин. Ореанда (Спб., Вас. остр. 8 лин., 7). Ц. 45 к. Вѣс. 8 л. 1.000 экз.

Гаденко, А. П. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ (1843—1865 г.). Воспоминанія очевидцевъ болѣзни и кончины Цесаревича. Часовня и новый храмъ въ Ниццѣ, на мѣстѣ кончины Цесаревича. М. Тип. А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (21×28). 59 нен. стр. Съ рис.+7 лист. рис. и портр.+9 табл. Вѣсъ 24 л. 1.000 экз.

Мордовцевъ, Д. Л. Державная сваха. Историческая быль временъ Екатерины Великой 1788 г. Библіотека русскихъ писателей для самообразованія. Домашнее чтеніе—народа, войскъ, дѣтства и юношества (кн. 27-я). Спб. 1911. Изд. „Рус. Книгоизд." (Банковскій, 31—32), 2-е. Тип. С. М. Боровкова (Царское Село, Малая, 61). 8° (14×20). 48 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Обществен. Польза" и Кн-ства „Прометей". Тип. Т-ва „Обществен. Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×24). 239+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 26 л. 2.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Собраніе сочиненій. Съ 3-мя портретами и автографомъ. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Томъ второй. (1873—1877). Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", 2-е Тип. Акц. Об-ства „Самообразованіе" (Забалканскій пр., 75). 8° (16×24). XVI+413 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 5. Томъ XXI—XXV. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39), 3-е. 8° (19×28). XVI+1544 стр. (въ 2 ст.). Вѣсъ 3 ф. 6 л. 3.500 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Т. II. (1840—1842). Спб. 1911. Изд. IV-е Павленкова (Лештуковъ п., 2). Тип. Шмидта (Звенигородская, 20). 8° (19×28). 988 стр. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 5.100 экз.

Бѣлый, Андрей. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой. М. 1911. Изд. К-ла Мусагетъ (Пречистенскій бульв., 31). Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный пер., соб. д.). 16° (13×19). 46+8 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій, подъ ред. Вл. П. Крапихфельдъ. Т. III и V. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе". Тип. Самообразованіе (Забалканскій, 75). 12° (12×19). 416+440 стр. Ц. по 1 р. Вѣсъ 2 ф. .000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Дешевая библіотека № 6. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13), 4-е, испр. 16° (12×16). LVI+184 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Маркевичъ, Б. М. Полное собраніе сочиненій. Т. V. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×22). 360 стр. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Томъ IV. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе" (Забалканскій, 75). Тип. Акц. Общ. „Самообразованіе" (Забалканскій, 75). 12° (12×18). 292 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Острогорскій, М. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. 23-е. Тип. Тренке и Фюсно. (Максимиліановскій, 13). 8° (15×23). 176 стр. Съ рис.+4 карты. Ц. 80 к. Вѣсъ 1 ф. 70.000 экз.

Отечественная война и русское общество. 1812—1912 г. Юбилейное изданіе. Т. II. (Историческая коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 4° (22×30). 2 нен.+270+2 нен. стр. Съ рис.+25 лист. рис., портр., картъ и табл. Вѣсъ 3 ф. 23 л. 3.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. Спб. 1911. Изд. 4-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 лин., 28 8° (17×25). XI+537 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 5.000 экз.

Риттихъ, А. Ф. Обиженный край. Спб. 1911. Тип. Т-ва Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 49 стр. съ картой. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Посмертныя художественныя произведенія. Подъ ред. В. Черткова. Томъ I. Дьяволъ. Фальшивый купонъ. Послѣ бала. Алеша Горшковъ. Что я видѣлъ во снѣ. Отъ ней всѣ качества. Живой трупъ. М. 1911. Изд. А. Л. Толстой. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (18×27). 244 стр. съ портр., рис. и табл. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 1.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій. Т. I. Семейная хроника и воспоминанія. М. 1912. Изд. А. А. Карцева. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8° (15×23). 1 нен.+436 стр. Т. I. Ц. 9 р. (за 6 томовъ). Вѣсъ 1 ф. 4 л. 4.800 экз.

Андреевъ, С. Т. Заслуга Императора Александра II-го въ дѣлѣ освобжденія крестьянъ 19 февр. 1861 г. Юбилейная рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Совѣта Вольскаго реальнаго училища въ память 50 л. освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вольскъ. 1911. Тип. И. А. Гусева 16° (11×17). 25 стр. Вѣсъ 2 л. 650 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Съ нами Богъ. Религіозныя чувства Русскаго народа въ Отечественную войну. Спб. 1911. Тип. С.-Петербургской Тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×20). 8 стр. Ц. 7 к. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Валентинъ, іеромон. Свѣдѣнія объ образѣ Божіей Матери, именуемой „Скоропослушница", что въ Ростовскомъ Петровскомъ монастырѣ. (№ 4). Ростовъ Ярославскій 1911. Изд. обители св. Петра Царевица. Тип. А. Х. Оппель. 8° (17×25) 4 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Великій человѣкъ изъ народа М. В. Ломоносовъ. Народная библіотека „Вѣрность". Вып. II. М. 1911. Изд. журн. Вѣрность (Спиридоновка, Георгіевскій пер., 19). Тип Русская печать 16° (11×17). 14 стр. Съ рис. Ц. 2 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. Подъ редакц. В. П. Кра-

нихфельда. Т. II. ч. IV. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщенія". Тип. Самообразованія (Забалканскій 75). 12⁰ (13×19). 415+387 стр. Ц. по 1 р. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 3.000 экз.

Елпатьевскій, К. В. Смутное время на Руси и избраніе на Царство Михаила Өеодоровича Романова. (21 февраля 1613 г.). Сборникъ стихотвореній и историческихъ пѣсенъ. Спб. 1911. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л. 28). 8⁰ (17×26). 114 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Ксюнинъ, Ал. Конецъ смуты и народные герои. (Мининъ, Кн., Пожарскій и Сусанинъ). Спб. 1911. Изд. Всероссійскаго Національнаго Клуба. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (14×21). 40 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 15.000 экз.

Л-въ, А. Наполеонъ Бонапартъ. Новочеркасскъ 1911. Тип. Ф. Тупикова. 16⁰ (11×17). 15+1 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Ломоносовъ. Михайло. Избранныя сочиненія Подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣчаніями проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. А. Башмакова. Тип. Т-ва Трудъ (Кавалергардская, 40). 8⁰ (14×22). 45+81 стр. Съ 1 рис. Ц. 45 к. Вѣсъ 16 л. 10.000 экз.

Ломоносовъ, Михайло. Избранныя сочиненія. Подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣч. Проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. А. Башмакова 3-е. Тип. Трудъ (Кавалергард., 40) и М. Волковича (Садовая, 60). 8⁰ (14×22). 45+81 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 18 л. 15.000 экз.

Лѣтопись русскаго Св. Андреевскаго скита на Аөонѣ (1841—1863). Т. первый. Спб. 1911. Изд. Аөонск. Св.-Андреев. скита. Тип. П. Ө. Вощинской (Ярославская, 1—9). 8⁰ (16×23). 318+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 80 к. Вѣсъ 30 л. 5.000 экз.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Отъ Московскаго Общества по устройству публичныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ для народа. М. 1911. Тип. Штаба Московск. Воен. Окр. (Остоженка, д. воен. вѣдом.). 8⁰ (18×26). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 4.500 экз.

Николаевъ, А. А. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ вопросами для повтореній М. 1912. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина (Ваганьковск., пер., № 9). Тип. А. П. Поплавскаго (Лялинъ пер., с. д.). 8⁰ (16×24). 375 стр. Съ рис. Ц. 85 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 600 экз.

Носковъ, Н. Д. Кто такой Ломоносовъ. Юные годы великаго писателя и ученаго, его жизнь, его творчество, его заслуги. Біографическій разсказъ для юношества. Великіе русскіе люди въ біографическихъ повѣстяхъ и разсказахъ для юношества. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (Гост. дв., 18). 8⁰ (15×20). 42 стр. Съ 18 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Орнатскій, Іоаннъ, свящ. Нѣсколько воспоминаній объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Какъ подражалъ Батюшка своему небесному покровителю—преподобному Іоанну Рыльскому). Спб. 1911. Изд. 2-е Тип. М. П. Фроловой (Галерная. 6). 8⁰ (14×21). 15 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Пирлингъ, О. Дмитрій Самозванецъ. Конецъ Дома Рюриковичей. Легенда объ императорѣ. Апогей и катастрофа. Поляки въ Кремлѣ. Полный переводъ съ французскаго В. П. Потемкина („Смутное Время и Отечественная война" (къ юб. 1613 и 1812 годовъ). Подъ общей ред. И. Н. Бороздина. Т. I. М. 1911. Изд. К-ва Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. Мысль

(Петровка, 17). 8° (17×21). IV+511 стр.+9 лист. рис. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 2.000 экз.

Полное собраніе сочиненій праведника Божія о. Іоанна Кронштадскаго. Томъ II. Спб. 1911. Изд. и тип. Р. П. Лукшевицъ (5-я Рождественск., 44). 8° (17×25). 712 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 13 л. 5.000 экз.

Поповъ, Ф. Г. Исторія 48 Пѣхотнаго Одесскаго Полка. Т. I. М. 1911. Тип. Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8° (18×25). 375+72+IV стр. Съ рис.+16 лист. рис.+3 плана Вѣсъ 3 ф. 7 л. 500 экз.

Пушкинъ, А. С. Пиковая дама. Иллюстрація Александра Н. Бенуа. Вступительная статья Н. О. Лернера. Спб. 1911. Изд. и тип. Голике и Вильборгъ. 4° (24×30). XXI+67 стр. Съ 15 отд. рис. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 3.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Повѣсти Бѣлкина: 1. Выстрѣлъ. 2. Мятель. 3. Гробовщикъ. 4. Станціонный смотритель. 5. Барышня-крестьянка. Иллюстрированная Пушкинская библіотека, № 39. Спб. 1911. Изд. Ф. Павленкова. Тип. Ю. Н. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ) (М. Дворянская, 19). 16° (9×15). 112 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 3.100 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова. Тип. Трудъ (Кавалерг., 40). 8° (14×22). 45 стр. Съ 7 рис. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Травинъ, К. И. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. 1711—1911 г. Казань. 1911. Изд. И. С. Михеева. Тип. Центральная. 16° (14×18). 32 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Маркелова и Шаронова. Ц. 12 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. I. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (16×24). IX+404 стр. съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.200 экз.

Храбрымъ безсмертіе. Тверь. 1911. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). f° (43×48). 1 листъ. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Церковь Св. Великомученицы Екатерины на Васильевскомъ островѣ. Историческій очеркъ (1811—1911 г.). Спб. 1911. Изд. Приходскаго Благотв. Общества. Тип. Ю. Мансфельда. (Ул. Гоголя, 9). 8° (17×24). 66 стр. Съ рис. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Выпускъ I (1865—1875). Статья Е. А. Ляцкаго. Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1912. Изд. т-ва „Огни". Тип. Акціонерн. об-ство Типограф. Дѣла въ Спб. 8° (17×25). LXIV+188 стр. и 2 портр. 7 рис. и 1 автогр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 2.200 экз.

Черскій, Л. Разсказы о древнихъ русскихъ паломникахъ. М. 1911. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. Вильде (М. Кисловка, соб. д.). 16° (12×19). 48 стр. Складъ. Кн. маг. А. Д. Друтманъ (Моховая, д. Бекендорфъ). Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Гершензонъ, М. Образы прошлаго. (А. С. Пушкинъ, П. В. Кирѣевскій, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ). М. 1912. Изд. изд-ва Окто. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., соб. д.). 8° (16×24). 545+VII стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Біографическій очеркъ и избранныя произведенія. Русскіе критики для школъ № I. Подъ ред. Н. Н. Городецкаго, П. Ѳ. Дворникова, С. А. Дмитріева, А. П. Заборскаго, Н. В. Касаткина, А. Е. Королькова, В. К. Крестова, М. С. Се-

менова, А. С. Толстого и Н. В. Тулупова. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (16×23). XXIV+312 стр. Съ рис. и портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 27 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Полное Собраніе Сочиненій, подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ 4. Литературная критика. Часть 2-я. Спб. 1911. Изд. Русское Книжн. Товарищ. „Дѣятель" (Спб., Троицкая, 26). Тип. Бр. Лукшевицъ (5-я Рождеств. ул., 44). 8° (13×20). 439 стр. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 10.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе Сочиненій. Подъ редакц. Вл. П. Кранихфельда. Томы 1-й и 6-й. Спб. 1911. Изд. Просвѣщеніе. Тип. Самообразованіе (Забалк. пр., 75). 12° (13×19). LXXVII+342+407 стр. Ц. по 1 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе Сочиненій. Подъ ред. В. П. Кранихфельда. Т. VII. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе" (Забалканскій, 75). Тип. Самообразованіе (Забалкан., 75). 8° (13×19). 402 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 30 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ для школы. Со вступительной статьей Нестора Котляревскаго. Спб. 1912. Изд. О. Н. Поповой. Тип. Русская скоропечатня (Екатер. кан., 94). 8° (16×24). XXXIV+681 стр. Съ 2 рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 5.000 экз.

Жерве, В. В. Генералъ-Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Историч. очеркъ его жизни и дѣятельности. 1831—1891. Спб. 1911. Изд. комитета по сооруж. въ Спб. памятника. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 4° (21×26). 248 стр. Съ 114 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 16 л. 1.500 экз.

Коваленскій, М. Смутное время. Триста лѣтъ назадъ. 1611—1911. М. 1911. Изд. Моск. О-ва Грамотн. (Гранатный пер., 3). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путинковск. пер., с. д.). 16° (13×18). 61 стр. Ц. 12 к. Вѣсъ 4 л. 8.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей, составленной Н. А. Макшеевой. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (15×22). XXIII+184 стр. Съ рис. и портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 21 л. 10,000 экз.

Ломоносовъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Спб. 1911. Изд. 5-е и тип. А. С. Суворина. 16° (11×17). 188 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 10 л. 5.000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія. Стихи и проза. Подъ ред. съ вступительной статьей и примѣчаніями Н. Сидорова и Н. Гусева. Универсальная библіотека. № 562—563. М. 1911. Изд. Т-ва Польза В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. А. И. Мамонтова. 16° (10×15). 224 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 7.200 экз.

Меншуткинъ, Б. Н. Ломоносовъ каакъ естествоиспытатель. Рѣчь; произнесенная въ торжественномъ собраніи И. А. Н. 8 ноября 1911 г. Спб. 1911. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (16 × 25). 12 стр. Вѣсъ 3 л. 3.113 экз.

Новицкій, В. Краткая русская Исторія. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для начальныхъ училищъ. Спб. 1912. Изд. Н. П. Карбасникова, 17-э. Тип. Спб. Градоначальства (Измайлов. полкъ, 8-я р. 20-б). 8° (15×23) 79 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 6 л. 84.000 экз.

Покровскій, К. Историко-бытовой и этнографическій матеріалъ въ произведеніяхъ Аксакова. М. 1911. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка. Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Поликарповъ, Н. П. Къ исторіи отечественной войны 1812 года Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26-го августа 1812 года при селѣ Бородинѣ. По неизданнымъ документамъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба (Лефортовскаго Архива). Вып. II. Боевыя дѣйствія центральнаго аріергарда (ген.-лейт. Коновницына) 1-й западной арміи, отдѣльнаго отряда ген.-маіора барона Крейца и аріергарда (ген.-маіора графа Сиверса 1-го), 2-й западной арміи въ районѣ большой Смоленско-Московской дороги, между гор. Вязьмой и дер. Шевардино съ 17-го по 24-е августа 1812 г. М. 1911. Изд. Л. Лукьянова. Тип. Штаба Москов. воен. округа (Остоженка, д. воен. вѣд.). 8° (17×26). 77 стр. 1 карта. Складъ: Садовая-Кудринская, 15, ред. журн. 1812 годъ. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 1.500 экз.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Казань. 1911. Изд. 5-е, автора (2-я Солдатская, 2). Тип. Университета. 8° (17×25). 319+III стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Поэмы. Со вступительной статьей и примѣчаніями Иванова-Разумнука. Историко-литературная Библіотека подъ ред. Иванова-разумника. № 38. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., д. 28). 8° (12×17). XXXIV. 293 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 18 л. 5.000 экз.

Саблуковъ, Н. А. Записки о временахъ Императора Павла и кончинѣ этого Государя. Спб. 1911. Тип. „Свѣтъ". 8° (16×24). 76 стр. Вѣсъ 8 л. 70 экз.

Сиповскій, В. В. Литературная дѣятельность Ломоносова. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ Собраніи И. Ак. Наукъ 8 ноября 1911. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (16×25). 25 стр. Вѣсъ 5 л. 3113 экз.

Соболевскій, А. И. Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. А. Наукъ 8 ноября 1911 г. Спб. 1911. Изд. и Тип. Акад. Наукъ. 8° (16×25). 11 стр. Вѣсъ 3 л. 3.113 экз.

Э. С. Нашествіе Наполеона Отечественная война 1812 г. (Альбомъ картинъ съ текстомъ. Вып. 2). Спб. 1911. Изд. Прокудина-Горскасо и Лаурсона. Тип. Прокудина-Горскаго (Б. Подъяческая, 22). 4° (31×40). 8 стр. Съ 8 рис. Ц. за 5 вып. 12 р. Вѣсъ 1 ф. 15.000 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

8. Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1908—1911 годы (тамъ же).

9. Александръ Ермоловъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ 1777—1861. Спб. 1912 (тамъ же).

10. Вл. Черевансклй. Творчество русской силы. Части I и II. Историческая монографія (тамъ же).

11. Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Подъ редакціей В. К. Шенкъ. Составилъ В. Х. Казинъ (тамъ же).

12. Исторія 13-го Драгунскаго военнаго ордена, генералъ-фельдмаршала Миниха полка. Томъ II. Составилъ полковникъ А. Григоровичъ. Спб. 1912 г. (тамъ же).

13. И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб. 1912 г. (тамъ же).

14. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназіи (1811 — 1911). Составили Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевичъ. Архангельскъ 1912 г. (тамъ же).

15. Великій Князь Николай Михаиловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ второй. (Д—Л). Спб. 1912 г. (на обертке декабрьской книги).

16. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. 4-е исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Въ четырехъ томахъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. (тамъ же).

17. В. Семенниковъ. Литература и книгопечатаніе въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Библіографическіе матеріалы. Спб. 1911 г. Библіографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Спб. 1912 г. (Оттиски изъ журнала „Русскій Библіофилъ“) (тамъ же).

18. Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Калуга. 1912 г. (тамъ же).

19. Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Подъ редакціей и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. Спб. 1912 г. (тамъ же).

20. Григорій Тимоѳеевъ. А. А. Алябьевъ. Очеркъ жизни и творчества. Изд. П. Юргенсона. 1912 г. Ц. 1 р. (тамъ же).

21. Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова. Изд. Циммерманъ. Ц. 1 р. (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ 149, 150, 151 и 152 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1912 года.

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

І

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Ѳ

Указатель составила В. В. Тимощукъ.

